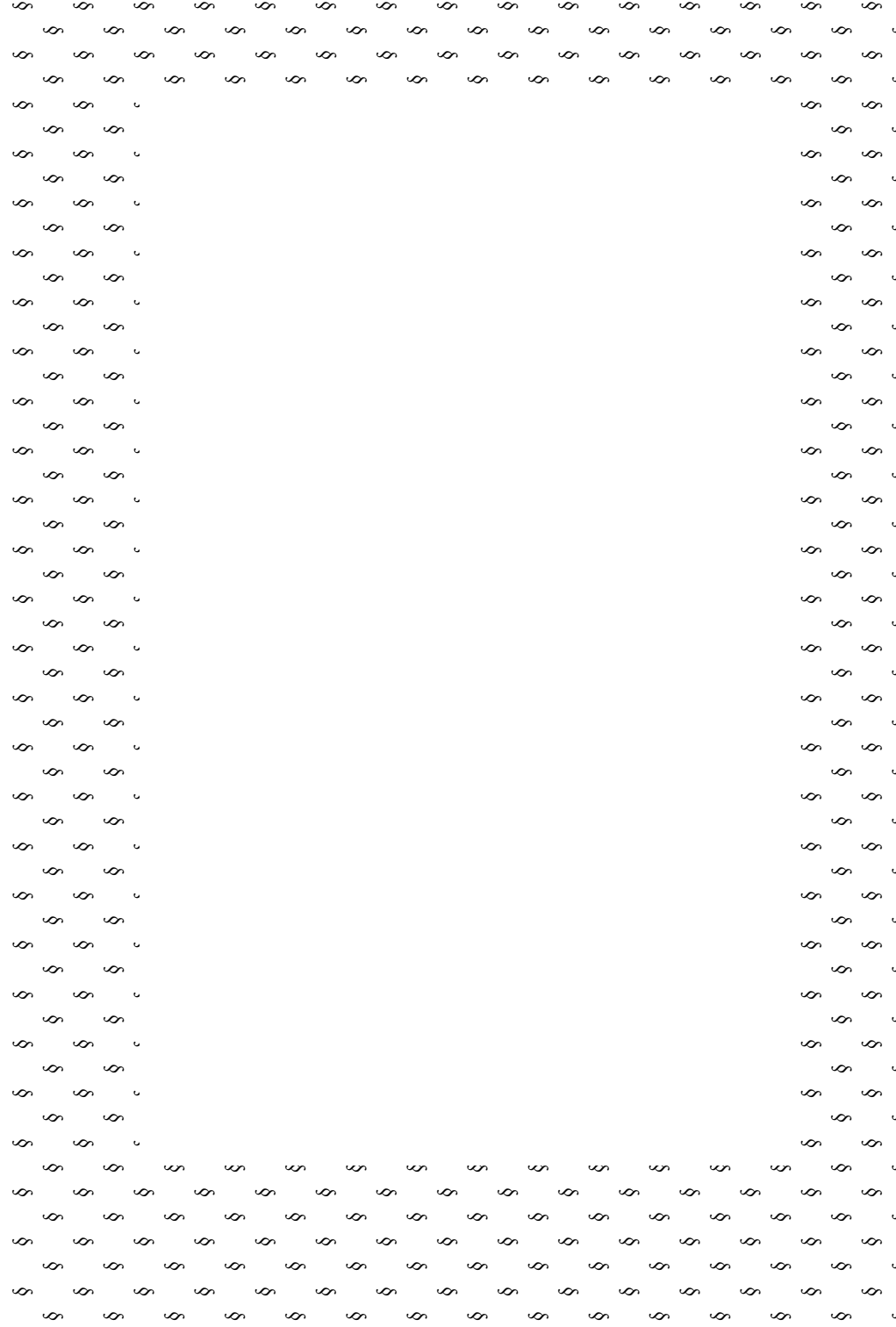

Haue Haueque

ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО
НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
«НАШЕ НАСЛЕДИЕ»

Русская усадьба

СБОРНИК
ОБЩЕСТВА
ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ
УСАДЬБЫ

ВЫПУСК
16 (32)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«КОЛО» · 2011

УДК 728.8(47+57)

ББК 85.113(2)₁

Р89

Рецензент – доктор геогр. наук Ю. А. Веденин

Русская усадьба : Сборник Общества изучения русской усадьбы :

Р89 Вып. 16 (32) / Колл. авторов. Научный ред.-сост. М. В. Нащокина. –
Санкт-Петербург : Коло, 2011. – 480 с. : ил.

ISBN 978-5-901841-87-7

Сборник Общества изучения русской усадьбы состоит из нескольких тематических разделов, которые представляют наиболее популярные в последние годы направления исследований в усадебоведении. В нем собраны разнообразные материалы, характеризующие судьбу усадебного наследия, усадебную феноменологию, садово-парковое искусство, истории отдельных усадеб и их владельцев, историко-архитектурные исследования, усадебные мемуары.

Издание адресовано историкам архитектуры, архитекторам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей.

УДК 728.8(47+57)

ББК 85.113(2)₁

© Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2011.

© Общество изучения русской усадьбы, 2011.

© Коллектив авторов, 2011.

© ООО «Издательский дом „Коло“», 2011.

«НАШЕ НАСЛЕДИЕ»:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

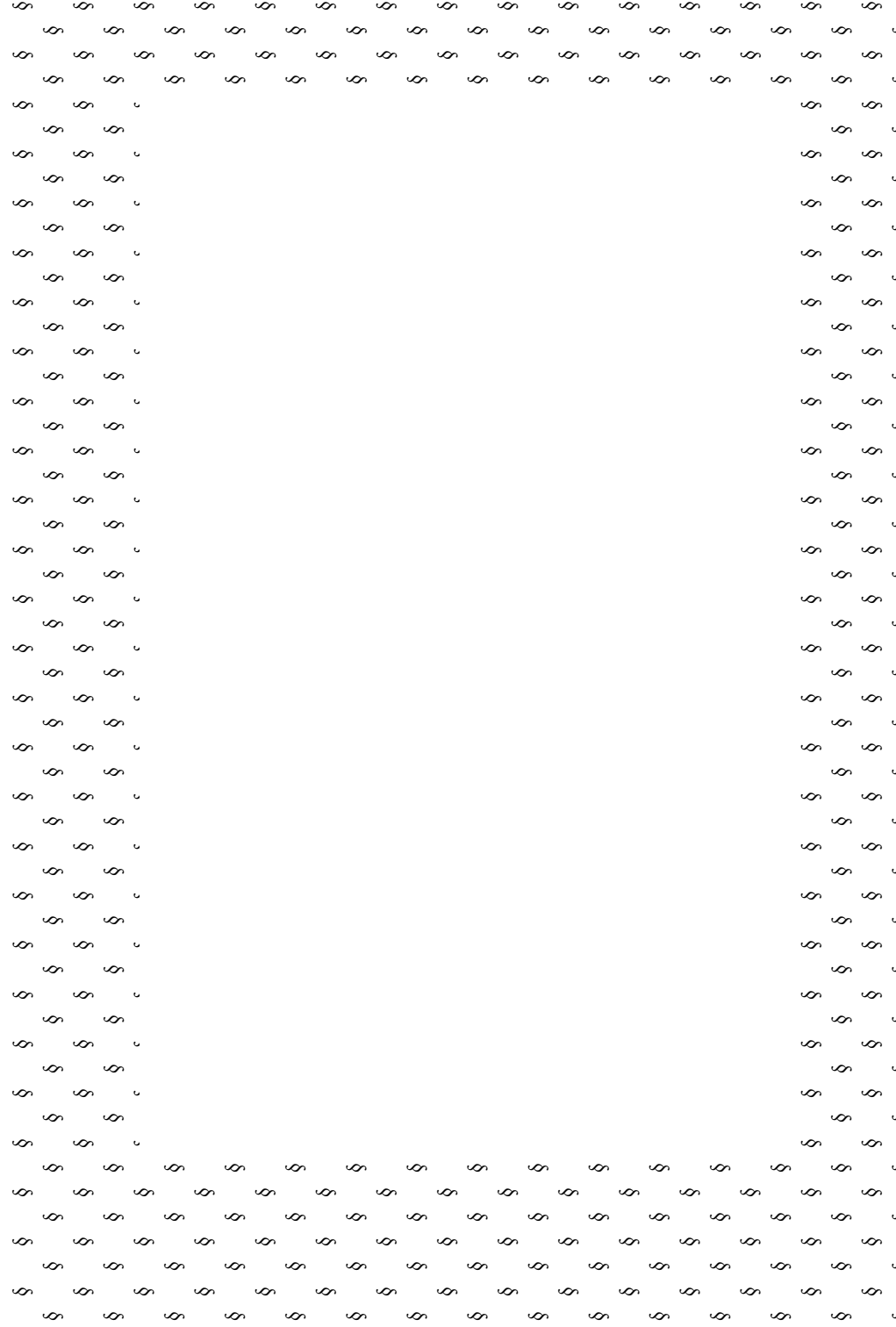
Журнал «Наше наследие», основанный в 1988 г. по инициативе Д. С. Лихачёва, был задуман как продолжение в новой эпохе замечательных русских культурных журналов XX в. — «Золотое руно», «Старые годы», «Аполлон». С первых номеров журнал стал возвращать читателям работы несправедливо забытых философов, литераторов, художников; публиковал мемуары, письма, архивные материалы по истории России и ее культуре; рассказывал о частных коллекциях произведений искусства, архитектурных памятниках, музейных запасниках, культуре российской провинции.

Журнал «Наше наследие» — одно из авторитетных изданий в области культуры и искусства в России. За просветительскую деятельность удостоен Государственной премии РФ, премии Правительства РФ, многих других премий и наград.

Особое внимание на страницах журнала всегда уделялось российской усадьбе — традициям и жизни обитателей этих разбросанных по всей России очагов культуры, создавших в нашей стране совершенно неповторимую, непохожую ни на что духовную и интеллектуальную атмосферу. Журнал не только уделял много внимания этому феномену русской культуры, но всеми возможными способами боролся и борется за восстановление целого ряда усадеб — памятников истории, культуры, архитектуры. Неслучайно первым целевым номером «Нашего наследия» стал специальный выпуск, посвященный русским усадьбам. Это отметил Д. С. Лихачёв, писавший главному редактору «Нашего наследия» В. П. Енишерлову в 1994 г.: «Мне нравится направление журнала: усадебная культура».

Понимая значение дворянских, а затем и купеческих усадеб в общей картине русского мира XIX — начала XX в., осознавая необходимость спасти то, что от них осталось и в духовном и в материальном плане, издатели и редакция журнала сочли за честь участие в выпуске очередного номера альманаха «Русская усадьба». За его составление и научную редакцию с первого номера доктору искусствоведения М. В. Нащокиной в 2005 г. была вручена премия журнала «Наше наследие» имени Александра Блока. Будем надеяться, что наше сотрудничество продолжится и в дальнейшем.

Редакция журнала «Наше наследие»

I.
УСАДЕБНЫЕ САДЫ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА
РЕСТАВРАЦИИ

Н. А. Филиппова

А. Т. БОЛОТОВ — СОЗДАТЕЛЬ РУССКОГО УСАДЕБНОГО САДА

АНДРЕЙ Тимофеевич Болотов — один из первых отечественных ландшафтных архитекторов и теоретиков садово-паркового искусства. С его именем связано зарождение русской национальной традиции в этой области. А. Т. Болотов — основоположник русской сельскохозяйственной науки (любой ее раздел берет начало в его исследованиях¹), выдающийся ученый-энциклопедист, просветитель, писатель, мемуарист, европейски образованный человек, в личности которого отразились основные черты эпохи русского Просвещения. Диапазон его творческих интересов чрезвычайно широк: это агрономия, медицина, философия, литература, искусство. А. Т. Болотов выступал также в роли литературного критика, детского писателя и драматурга. В его творчестве нашли отражение и увлечения театром, музыкой и живописью. По масштабу личности, разносторонним дарованиям и научным достижениям А. Т. Болотова можно сравнить с его современником М. В. Ломоносовым.

РОД БОЛОТОВЫХ

От кого произошел род Болотовых, неизвестно. Бумаги Болотовых погибли в 1618 г. в Серпухове, разоренном гетманом Сагайдачным². Сам Андрей Тимофеевич утверждал, что его предки вышли из Золотой Орды³. Существовали три ветви рода Болотовых, принадлежащих к старинному дворянству. От Романа Болотова пошла ветвь рода Болотовых, к которой принадлежал Андрей Тимофеевич⁴. Дед Андрея Тимофеевича Петр Ларионович служил в регулярной армии, в гарнизонном полку в Риге. Отец его, Тимофей Петрович, в рижской немецкой школе выучился арифметике и немецкому языку. Начав службу драгуном Первого драгунского полка, за боевые заслуги в Крымских походах (1735–1739) он был произведен в чин капитана гвардии, равный полковнику в армии. В 1740 г. Тимофей Петрович Болотов был назначен командиром Архангелогородского

пехотного полка, где и служил до конца жизни, до 1750 г. Мать Андрея Тимофеевича, Мавра Степановна, была дочерью майора Бакеева родом из Каширских дворян. С. Г. Бакеев и дед А. Т. Болотова Петр Ларионович познакомились в Риге. Вскоре после того Мавра Степановна стала женой Тимофея Петровича. В 1738 г. в родовом имении у них родился сын Андрей.

ОБРАЗОВАНИЕ

Детство А. Т. Болотова прошло между полковыми стоянками отца в Остзейском крае и родной деревней Дворяниново, поэтому учеба была нерегулярной. Грамоте он начал учиться у старика-малоросса по Часослову и Псалтыри. А хорошо читать Андрея Тимофеевича научил уже крепостной дядька Артамон, который был прекрасно начитан, особенно в области библейской истории. К девяти годам, благодаря полковому писарю Красикову, Андрей Тимофеевич научился писать. Юному ученику пришлось вытерпеть жесткие методы обучения немецкого унтер-офицера Миллера, у которого он учился читать и писать по-немецки, а также арифметике, что позволило ему впоследствии самостоятельно освоить геометрию и фортификацию. В Курляндии, где стоял Архангелогородский полк, дворянин Неттельгорст из уважения к полковнику Болотову взялся помочь в обучении сына. Андрей учился вместе с детьми Неттельгорста немецкому, французскому языкам и рисованию. Преподавал детям саксонец Чаах из Лейпцигского университета. В этот период Андрей Болотов впервые обнаружил склонность к наукам, искусствам и художествам. «Всему хорошему, что есть во мне, начало положилось тут»⁵.

Т. П. Болотов, воспитанный во время Петровских реформ, понимал необходимость образования и денег на сына не жалел. Весь денежный доход с имения (100 рублей) он тратил на его обучение. В Петербурге, в пансионе Ферре, Андрей продолжил изучать французский язык. Видя любовь сына к рисованию, Т. П. Болотов платил за уроки рисовальному мастеру Дангуэру.

А. Т. Болотов принадлежал к верхушке мелкопоместного дворянства⁶. Отец оставил ему в наследство 95 душ крепостных. После смерти отца он некоторое время жил в деревне, где продолжал занятия самостоятельно. Мать, заботясь о сыне, направила его в Петербург к дяде — Тарасу Ивановичу Арсеньеву. В семье генерала Маслова Андрей Тимофеевич продолжил свое образование вместе с генеральскими детьми, которых готовили к экзамену на офицерский чин. В 14 лет А. Т. Болотов остался сиротой — вслед за отцом умерла мать. К началу военной службы, благодаря природной любознательности, способностям и усердию и несмотря на все трудности, он овладел

арифметикой, немецким и французским языками, географией, рисованием. Самостоятельно изучил геометрию, фортификацию и древнюю историю. Его знания соответствовали аттестату выпускника шляхетского кадетского корпуса.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

В марте 1755 г. для А. Т. Болотова началась военная служба в полку его отца. Во время Семилетней войны (1756–1763) в составе русской армии он принимал участие в сражениях. После победы русских войск под Гросс-Егерсдорфом и захвата Восточной Пруссии, Архангелогородский полк вступил в Кёнигсберг. Четыре года А. Т. Болотов проведет в этом городе. Эти годы будут очень важны для дальнейшего образования и духовного развития будущего ученого-энциклопедиста. В те годы Кёнигсберг был одним из центров немецкого Просвещения.

Андрею Тимофеевичу — 19 лет. Благодаря знанию немецкого языка его определяют в качестве переводчика в канцелярию барона Н. А. Корфа — генерал-губернатора Кёнигсберга. Четырехлетнее пребывание в Кёнигсберге и освобождение от строевой службы сыграли огромную роль в процессе формирования личности Болотова, ее философских и нравственных основ под влиянием идей немецкой философии эпохи Просвещения. Благодаря появившемуся свободному времени и отсутствию интереса к разгульной жизни, Андрей Тимофеевич принялся за чтение немецких романов. Это чтение углубляло его знание языка, расширяло кругозор, знакомило с жизнью других городов и государств. Знакомство с трудами немецких ученых Гофмана, Готшеда, Крузиуса, а также с сочинениями Иоганна Георга Зюльцера, в частности с книгой «Разговоры о красоте естества» и другими подобными, оказало огромное влияние на умственное формирование А. Т. Болотова. «Не успел я их прочесть, как не только глаза мои властно как растворились, и я начал на всю натуру смотреть совсем иными глазами и находить там тысячу приятностей, где до того ни малейших не примечал, но возгорелось во мне пламенное и ненасытное желание читать множайшие книги такого ж сорта и узнавать отчасу далее всё устройство света»⁷, — писал Болотов. Идеи немецких философов были очень близки его мировосприятию. Принцип согласия с собой и окружающим миром, которому Андрей Тимофеевич следовал всю жизнь, выработался у него в результате изучения немецкой просветительской философии.

После Кёнигсберга, где сформировался внутренний мир будущего ученого и писателя, А. Т. Болотов четыре месяца провел в Петербурге

в должности флигель-адъютанта Н. А. Корфа, назначенного генерал-полицеймейстером столицы. Открывалась возможность блестящей карьеры. Но это время было в тягость Болотову, военная карьера его не прельщала. Наблюдая жизнь двора (время правления Петра III), по долгу службы вращаясь в высшем светском обществе, он, по его словам, почувствовал «омерзение совершенное»⁸. После объявления манифеста «О вольности дворянства», который предоставил свободу дворянскому сословию в выборе карьеры и образа жизни, А. Т. Болотов одним из первых подал прошение об отставке. Получив ее в июне 1762 г., он возвратился в родное имение Дворяниново. Не будучи военным человеком, он легко оставил военную службу. Жестокость войны его ужасала, возмущала его мирную душу и приводила к пониманию собственной непригодности к такой жизни⁹. Как человек ответственный, добросовестно выполнявший свои обязанности перед Отечеством, он решил служить ему на научном поприще, где мог принести больше пользы. Вся его дальнейшая жизнь и деятельность как ученого подтвердила это.

ЖИЗНЬ В ДВОРЯНИНОВЕ

Основателем Дворянинова, куда после отставки вернулся Болотов, был, по его собственным словам, Ерофей Горяинов¹⁰. Это подтверждается данными Писцовой книги 1629 г., сообщавшей, что Ерофей Гаврилович Горяинов получил в свой оклад отдельное поместье на берегу реки Скниги, состоящее из деревень Дворяниновой Луки и Дятловки¹¹. Здесь 7 октября 1738 г. и родился Андрей Тимофеевич Болотов. Как сам он писал позднее, «место моего рождения есть самое то, где я ныне живу»¹².

Работы по парку в Дворянинове А. Т. Болотов начал еще не имея практического опыта по созданию садов. Согласно моде его первый сад был разбит в регулярном стиле. Большой удачей стало место, выбранное им для строительства нового дома: «Было оно на самом верхнем ребре той крутой, высокой и прекрасной горы, под которою внизу излучиною и прекрасным изгибом протекала Скнига... На сей то натурально прекрасной горе и в самом почти средоточии помянутого, рекою образуемого полукружия избрал я место для моего нового дома...»¹³ Как он писал, «...из окон дома моего видима была великая обширность мест, украшенная полями, лесами, рощами и вдали многими селениями и несколькими церквями, и вид был столь прекрасный, что я и поныне еще не могу красотою оного довольно налюбоваться»¹⁴. Здесь родился в нем ландшафтный архитектор. К работам по парку в Дворянинове Болотов будет возвращаться и во время службы в Богородицке, и после своей от-

ставки у Бобринского. Спустя несколько лет парк в Дворянинове будет преобразован в пейзажный.

В первую весну в Дворянинове по регулярному плану А. Т. Болотова копают ямы и рвы. Из леса привозят деревья, покупают яблони. Было высажено несколько сотен яблонь, тысячи лип и других деревьев, проложено множество продольных и поперечных, прямых и окружных аллей и дорог. Аллеи и дорожки были обсажены липами. В конце осени, после приезда в Дворяниново, был заложен питомник — «Садовый магазин». С весны начались работы в саду, примыкающему к дому с северной стороны. На одном участке Андрей Тимофеевич разбил две длинные цветочные грядки. В середине оказалась кучка молодых березок, под которыми он поместил восьмиугольную решетчатую беседку. От нее расходились четыре дорожки, окаймленные цветочными грядками. В конце одной из дорожек Андрей Тимофеевич посадил ель и липу.

В Дворянинове Болотов начал заниматься и цветоводством — одним из первых стал пересаживать из леса в сад дикорастущие декоративные многолетники. Позже это станет традицией при устройстве ландшафтных парков. Однажды, проезжая мимо одного места, он увидел ирисы. Они ему очень понравились, он выкопал несколько штук и посадил у себя в саду.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Благодаря знакомству с трудами немецкого теоретика пейзажного паркового стиля К. Гиршфельда, у А. Т. Болотова рождается желание создавать именно ландшафтные парки. Воплощением этой идеи стало его лучшее творение — парк в Богородицке. Принимая во внимание основные положения, изложенные в трудах К. Гиршфельда, Болотов разработал собственный подход к созданию парка. Он считал, что русские парки должны соответствовать природным, культурно-историческим условиям России, сложившимся бытовым традициям: «не было б ни мало постыдно для нас то, когда б были у нас сады ни англинские, ни французские, а наши собственные и изобретенные самими нами и когда б мы называть их стали *российскими*»¹⁵. О создании парка Болотов говорил, что «всего же паче должно ему сообразоваться с натуральным положением того места...»¹⁶

В 1766 г. Андрей Тимофеевич Болотов познакомился с трудами Вольного экономического общества и в 1768 г. стал его членом. Это Общество распространяло агрономические и другие сельскохозяйственные знания для развития в стране земледелия, скотоводства, повышения производительности труда крепостных крестьян. Оно собрало вокруг себя значительные научные и культурные силы.

В «Трудах» Общества Болотов стал публиковать статьи по вопросам сельского хозяйства, лесоводства, а позднее и по ландшафтному искусству. В 1770 г. за работу «Наказ управителю» он был удостоен Большой золотой медали, а через год получил еще одну медаль за работу «О разделении полей». В 1778–1779 гг. Болотов принимал участие в издании журнала «Сельский житель». Вышли всего две книги. Статьи, которые были напечатаны в журнале, содержали уникальные сведения об открытиях в биологической науке. Например: «Об улучшении лугов», «О неспособности сладких яблонь принимать прививку». Вскоре А. Т. Болотов познакомился с видным деятелем русского Просвещения Н. И. Новиковым. Сотрудничеству этих замечательных людей мы обязаны изданием 40 томов журнала «Экономический магазин» — кладези сельскохозяйственной мудрости¹⁷. А. Т. Болотов готовил материал для журнала, Н. И. Новиков был редактором и издателем. В журнале публиковались переводы из пятитомного энциклопедического издания «Теория садового искусства» К. Гиршфельда, вышедшего в свет в 1779–1785 гг. Таким образом, Болотов был не только теоретиком и практиком садово-паркового искусства, но и активным его популяризатором. Капитальный труд К. Гиршфельда стал широко известен в России, сделавшись одним из наиболее популярных и ранних по времени руководств по созданию ландшафтных парков. Андрей Тимофеевич хотел помочь помещикам превратить уже существующие в усадьбах регулярные парки в пейзажные, для чего выпустил специальный цикл из семи статей «О поправлении старых садов»¹⁸.

Красцвету своей карьеры Болотов был знаком почти со всей научной литературой России и стран Западной Европы по естественным наукам. В то же время он занимался практическим сельским хозяйством. Воспринимая иностранный опыт критически, использовал в своих работах все самое ценное. Благодаря тому он совершил свои замечательные открытия, опередившие западноевропейскую науку¹⁹. Его работа «О разделении полей» заложила основы современного учения о системах сельского хозяйства. До сих пор используются разработанные им приемы агротехники. Все практическое садоводство базируется на открытиях А. Т. Болотовым закономерностей роста и развития плодовых и ягодных растений. В лесоводстве широко используется разработанная им методика лесоразведения и лесопользования. Болотов внес много ценных предложений в культуру выращивания картофеля, который во второй половине XVIII века был в России диковинкой²⁰. Болотову же принадлежит и приоритет в разведении томатов²¹. Также он был одним из основоположников отечественного прудового рыбного хозяйства²².

РАБОТА В КИЯСОВКЕ

Члену Вольного экономического общества князю С. В. Гагарину было поручено попечительство над некоторыми принадлежащими императрице Екатерине II волостями. Эти волости предназначались для незаконнорожденного сына императрицы и графа Г. Г. Орлова — будущего графа А. Г. Бобринского. Понадобился дельный, хозяйственный человек для «смотрения» над ними. Секретарь общества А. А. Нартов порекомендовал А. Т. Болотова. В Киясовке Андрей Тимофеевич приступил к приведению в порядок двух запущенных, заросших регулярных садов и создал третий, тоже в регулярном стиле. Здесь он посадил шпалеры, создал куртины, используя молодые плодовые деревья и кустарники, перед окнами дома разбил цветник.

Местного садовника Андрей Тимофеевич учил обрезке деревьев — убирать сучки до самого ствола. Так обрабатывались шпалеры и плодовые деревья. В Киясовке Болотов предложил оригинальный прием — подсвечивать ночью цветники. Вокруг собирали светлячков и раскладывали их в цветнике. Ночью светлячки начинали «блестеть тысячами огней синеватых, светящихся, как бриллианты», длилось это несколько дней²³.

В Киясовке А. Т. Болотов проработал немногим больше двух лет. Осенью 1776 г. он был послан в Богородицк.

РАБОТА В БОГОРОДИЦКЕ

В 1777 г. Богородицк был зачислен в разряд городов. Появился же он в 1663 г., в царствование Алексея Михайловича. Дворец и Казанская церковь были построены по проекту одного из крупнейших русских архитекторов И. Е. Старова. К моменту вступления А. Т. Болотова в должность управляющего Богородицкой волостью население ее составляло 20 000 человек. Богородицк состоял из четырех слобод: старинной, вытянувшейся в версту слободы купцов, и трех новых, расположенных вокруг главной площади, в которых жили соответственно мастеровые, канцелярские служащие и церковнослужители. Болотов начал работу в Богородицке как архитектор — разработал структуру города, сохранившуюся до наших дней. Все городские кварталы и отделенный от них прудом дворец связала воедино лучевая планировка. Центром расходящихся улиц-лучей был овальный зал дворца, из окон которого сразу просматривался весь город. Проект был одобрен самой императрицей²⁴.

По завершении строительства дворца вокруг него надо было разбить парк. Наместник, которого не устроил регулярный парк,

предложенный Старовым, рекомендовал новому управляющему создать парк в английском стиле. А. Т. Болотов был и сам увлечен этой идеей, используя при строительстве парка в Богородицке собственные теоретические разработки, которые уточнялись и совершенствовались в процессе работы. Вот, например, одна из его главных рекомендаций: «Столь важным правилом почитать должно то, чтоб выбирать всегда под сады сего рода места, колико можно неровные и не только не отбегать от лошин и бугров и самих оврагов и вершин, но оные полагать еще самым главным основанием оных и при расположении садов к ним привязываться. Практика мне довольно доказала, что самые сии овраги и вершины, а особливо порослые лесом, могут при весьма малом вспоможении, сделанном [в] натуре, составлять всего скорее нечаянную и нередко наилучшую часть такового сада...»²⁵

Разбивая парк в Богородицке, А. Т. Болотов отдавал предпочтение отечественным породам — неприхотливым, стойким к суровым климатическим условиям, используя для посадок деревья и кустарники лиственных лесов: березу, осину, клен, дуб, липу, ясень, черемуху, рябину, калину, иву, жимолость, крушину, смородину. Болотов обращал внимание на декоративность таких пород как береза, ива, ольха и формировал пейзажи в Богородицке, сажая целые рощи хвойных деревьев, которые создавали выразительный фон для парковых сооружений и композиций и летом, и зимой. При проектировании паркового пространства Болотов использовал оригинальный прием: глядя через стекло, он зарисовывал основные контуры пейзажа, потом наносил на это изображение новые элементы, которые хотел включить в пейзаж. Из нескольких вариантов он выбирал наиболее эффективное решение, которое ложилось в основу композиции. Извилистые дорожки намечались в натуре песком или выкладывались соломенными жгутами. У Болотова существовала специальная «картинная книга», состоящая из разных набросков, подсказывающих решение. Зарисовывать многие парковые пейзажи Андрею Тимофеевичу помогал сын Павел.

Придворцовую часть Богородицкого парка, расположенную на относительно плоской территории, А. Т. Болотов решил в регулярном стиле с прямыми аллеями и боскетами. На остальной части парка с береговыми откосами, оврагами был создан пейзажный сад²⁶. Здесь раскрылись многие грани его таланта. Он проявил себя как изобретатель, грамотный инженер, ландшафтный архитектор, гидротехник, дендролог, ботаник, почвовед. Отметим наиболее значимые элементы Богородицкого парка и находки Болотова.

1) Водная система. Болотов задумал создать грандиозную гидросистему с террасными прудами, водопадом. Берега Большого пруда, на

которых разбивался парк, были сухими и безводными. Единственный источник вытекал из горы почти в двух верстах от парка и был отделен от него двумя холмами и долиной. Место, где рождался ключ, лежало невысоко. Андрей Тимофеевич придумал, как поднять родник. Он велел засыпать ключ песком и поднял его на 3 м. Потом он начал выводить воду узким ручейком по косогору, но вода стала уходить в землю. Болотова спасла найденная неподалеку голубая глина. Ее можно было разбивать на тонкие пластинки, не пропускавшие воду, и выложить ими дно и стенки ручья. Водовод получил надежное ложе.

2) «Жилище Эхи». В долине, где водовод переходил с одной стороны на другую, Болотов поставил павильон из двух срубов, соединенных аркой. В одном срубе Андрей Тимофеевич хотел устроить купальню, в другом — беседку для отдыха. Павильон был выкрашен так, чтобы он имел вид старого каменного здания с узкими проемами входов, люками окон над ними. Казалось, что постройка уже слегка тронута разрушением. Она отражалась в струях водовода. У этого сооружения обнаружилось удивительное свойство. Если с одного места в 80 шагах напротив павильона произносились слова, они четко повторялись внутри павильона. Причина была в обшивке здания гладким, сухим тесом, который обладал акустическими свойствами наподобие некоторых музыкальных инструментов. Это место приводило гостей в восторг, который еще более усиливался эффектом неожиданности.

3) «Улитка». Наиболее распространенной выдумкой в регулярных парках в те времена была «улитка» — небольшой бугорок в форме улитки, на который взбирались гости. По тайному сигналу открывался шлюз. Вода окружала бугорок. Гости обнаруживали вдруг, что они отрезаны от суши водой. После восторгов и переживаний прокладывался мостик, и гости выбирались на сушу.

4) Подземный грот. В землю были врыты два сруба — четырехугольный и поставленный на него восьмиугольный. Входя в грот, гость видел человека, идущего ему навстречу. Это было его собственное отражение в зеркале напротив. Грот был устроен с окнами наверху — в виде фонаря. Укрепленное напротив входа под определенным углом зеркала позволяло сидящему внутри смотреть через пруд. Стены грота были отделаны позолоченными, посеребренными ракушками, выкрашенными в разные цвета песками, мелким бутылочным стеклом. Все сверкало и переливалось внутри грота. Снаружи это сооружение представляло собой небольшой холмик, украшенный статуей.

5) Руина. Недалеко от дворца, на берегу пруда, было найдено отложение цветного песчаника в виде огромной глыбы, настолько

плотной, что ее можно было обрабатывать с помощью пилы и топора. А. Т. Болотов решил высечь внутри глыбы просторные, светлые пещеры, чтобы по ним можно было ходить и любоваться цветными песками всех цветов и оттенков. Пески были кроваво-красные по белому фону, розовые, зеленоватые, желтые, кофейные. Снаружи сооружение напоминало развалины подземного здания массивной конструкции с арками, парапетом, окнами, дверями, лежащими в беспорядке остатками колонн и других архитектурных деталей. Эта картина дополнялась водоемом, который низвергался с горы перед входом в пещеру. Используя рельеф, крутизну горы, возвышавшейся над пещерой, Болотов придал этому месту вид каменного утеса. Воду для каскада давал один из прудов, который был устроен наверху благодаря второму водоводу. Из пруда вода спускалась в маленький шлюзик и оттуда с грохотом устремлялась по склону горы. У подножия пещеры она уходила вниз под землю²⁷.

6) Церерина роща. Первым объектом, с которого начал А. Т. Болотов строительство Богородицкого парка, была «Церерина роща». Небольшой лесок получил название в честь римской богини плодородия, так как был создан вокруг «хлебного магазина» – амбара, куда сыпали зерно. Лесок был в бедственном, запущенном состоянии от порубок, выпаса скота. Располагался он в полутора километрах от дворца, на вершине холма. Андрей Тимофеевич решил превратить его в «увеселительный лесок», так как из него открывались живописные виды окрестностей. Лесок прочистили, проложили прямые, перекрестные, косые аллеи, из которых открывались виды на дворец, въездную башню, церковь. Вначале Андрей Тимофеевич использовал здесь приемы регулярной планировки. Через несколько лет он возвратился к Церериной роще и усовершенствовал планировку, сделав ее более свободной, ландшафтной. Пересечения просек, аллей были отмечены монументами, скульптурой, в лесном массиве выделены небольшие поляны, каждая с оригинальным решением и дерновыми скамьями. Опушка обрела живописный изрезанный контур, включив полузакрытые лужайки. В овраге был создан большой каскад прудов, заканчивавшийся водопадом, вода к которому подводилась каналами из ключей. На возвышенных местах были выстроены Белый павильон и Ротонда. Масштаб этой части парка и прилегающей рощи был укрупнен по сравнению с центральной частью – аллеи рассчитаны на поездки в экипажах, дальние пешеходные прогулки, семейные пикники.

7) Опыт летней пересадки деревьев. Строительство Богородицкого парка, который занимает 100 га, заняло всего два года – 1784-й и 1785-й. Срок небольшой, учитывая размеры парка, многообразие всевозможных затей и то, что Андрей Тимофеевич был един во всех

лицах. Для посадки в парке привозили очень большое количество деревьев и кустарников. В первую весну высадили часть деревьев. Болотов, которому не терпелось сделать как можно больше, решил продолжить посадки летом²⁸. Весна была затяжная, холодная, на смену ей пришло жаркое, сухое лето. Посадочный материал брали в лесу за 3–4 версты. Каждое дерево или куст выкапывали с землей и растущей сверху травой. Деревья везли стоймя на телегах. При посадке в яму вливали по ведру или два воды. Ямки старательно закрывали землей и дерном, чтобы удерживать влагу у корней. Чтобы облегчить приживаемость, у деревьев обрубали часть корней и сучьев. Вновь посаженные деревья и кустарники поливали регулярно два раза в день до начала дождей. Почти все породы прижились, несмотря на суровую зиму. Осенью посадки продолжились, весной было высажено еще большее количество деревьев. В кратчайший срок, всего за два года, берега Большого Богородицкого пруда покрылись рощами и перелесками, которые чередовались со светлыми полянками. Таким образом, было высажено несколько тысяч деревьев. После 1786 г. велся только уход за насаждениями, поддерживались постройки, сооружения, водная система. В наше время редкие летние посадки производятся таким же образом.

«Новый садовый стиль Болотов как бы перевел на язык русских вкусов и представлений»²⁹. Парк называли «чудом здешнего края...». «В числе посетителей, названных Андреем Тимофеевичем в его воспоминаниях, были представители высшей знати: граф Строганов, князь Репнин, фельдмаршал Прозоровский, князь и княгиня Щербатовы. Побывали в Богородицке и крымский хан... и многие другие именитые гости»³⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ИЗО ГИМ сохранился альбом «Виды имения Бобринских». В нем 78 рисунков, в том числе 45 акварелей, выполненных А. Т. Болотовым и его сыном Павлом. Существовал еще один альбом с 24 наилучшими видами парка, подаренный Екатерине II во время ее посещения Тулы в 1787 г.

После смерти Екатерины II А. Г. Бобринский получил имение в полную собственность. А. Т. Болотов не захотел оставаться при графе, не стал добиваться пенсии и наград за свои труды и ушел в отставку, получив чин коллежского ассессора.

Идет 1797 год. Болотову 60 лет, он уезжает в Дворяниново, где продолжает свои литературные занятия, пишет воспоминания на основе дневниковых записей прошлых лет, статьи, в том числе и по ландшафтному искусству. «Еще в 1794 г. он стал членом Лейпцигского

Королевского Саксонского экономического общества, переведившего и печатавшего его труды»³¹. По мнению С. А. Венгера, Болотова «следует назвать самым плодотворным русским писателем... Общее количество написанного и переведенного Болотовым достигает, по нашим соображениям, 350 томов обычного формата»³².

Судьба его сочинений различна. Часть была опубликована при жизни автора – это труды философско-нравственного содержания, литературные переводы, журналы «Сельский житель» и «Экономический магазин», статьи в «Трудах ВЭО», часть – после его смерти: записки, исторические сочинения, литературная критика, публицистика. Мемуары «Жизнь и приключения А. Т. Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1816 гг.» – замечательный памятник своего времени: ни один исследователь истории XVIII в. не обходится без этого ценнейшего источника. Богатейший фактический материал, содержащийся в нем, позволяет назвать его энциклопедией русской жизни XVIII века. Л. Н. Толстой дважды обращался к мемуарам Болотова (в 1878-м и 1907 гг.), определив их как «драгоценнейшие записки».

В Университетской типографии Н. И. Новиковым были опубликованы труды А. Т. Болотова философско-нравственного содержания: «Чувствования художника», «Путеводитель к истинному человеческому счастью». В некоторых своих трудах он затрагивал тему русской литературы последней четверти XVIII века – «Современник, или Записки для потомства», «Мысли о романах».

Большая часть литературного наследия А. Т. Болотова осталась в рукописях, которые к тому же оказались рассеянными по стране. Помимо автобиографических и хозяйственных записок Болотов вел и исторические. В его записках можно найти подробный журнал военных действий Отечественной войны, в «Бородинском вестнике» описана Москва 1814 г., в «Историческом обозрении» 1793 г. уделено внимание Французской революции.

Когда А. Т. Болотову исполнился 71 год, он получил от О. П. Козодавлева предложение сотрудничать с газетой «Северная почта». Его просили писать в редакцию «о происшествиях, в наших краях бываемых». Он писал и хозяйственные, и лечебные записки. Уникальные записки о погоде – «книжка метеорологических замечаний», которую он вел ежедневно 52 года – были отосланы в Академию наук, где были приняты с благодарностью.

В 1821 г., в 83 года, Болотов стал почетным членом Московского общества сельского хозяйства, где тоже печатали его статьи³³.

Продолжал работать Андрей Тимофеевич и в своем парке в Дворянинове. Совершенствуясь в строительстве пейзажного парка в Богородицке, Андрей Тимофеевич впоследствии многое перепла-

нировал и в Дворянинове. Здесь появились изгибающиеся дорожки, полянки, площадки, было устроено несколько прудов, один из которых был довольно большим – наподобие озера. Над ним возвышался холмик с восьмиугольным павильоном. В озеро падали струи каскада, который питался водой за счет верхнего пруда на горе. Андрей Тимофеевич создал гидросистему, обеспечивавшую парк проточной водой. На прудах были созданы островки, украшенные цветами и кустарниками. Был выкопан рыбный канал, через него перекинут мостик, устроены гроты. При устройстве ручьев учитывался характер звучания водного потока, который определяли размеры камней в ручьях, их местоположение. Это мог быть мощный рокочущий звук или еле слышное журчание.

Сады приносили большие урожаи. Прибыль от собранных плодов в год достигала 3500 ассигнациями – суммы по тем временам солидной³⁴.

Умер Андрей Тимофеевич 4 октября 1833 г. Похоронен в Русятине, в двух километрах от Дворянинова.

В советский период имя А. Т. Болотова было несправедливо забыто. В нашу память он вернулся благодаря работам ученого-естествоиспытателя А. П. Бердышева. В 1949 г. вышла его монография «А. Т. Болотов – первый русский ученый агроном». В 1988 г., в год открытия музея в Дворянинове, вышла его монография «А. Т. Болотов – выдающийся деятель науки и культуры»³⁵.

* *

*

Дворец в Богородицке серьезно пострадал во время Великой Отечественной войны, от него осталась полуразрушенная коробка. Пришел в запустение парк, погибла Церерина роща. На защиту уникального ансамбля встала общественность города. Началась кампания по его восстановлению. Горисполком создал совет по реставрации комплекса. Были выделены денежные средства. Значительную сумму предоставило Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Московский архитектор, искусствовед Л. В. Тыдман составил проект реставрации дворца, а М. П. Коржев – известный московский ландшафтный архитектор – проект восстановления парка. В возрождении памятника принимали участие архитектор Е. М. Караваева, ленинградский историк, богородчанин Н. А. Малеванов и другие. Проводились изыскания в архивах. Были найдены старые планы, чертежи, рисунки.

В проектировании парка принимали участие студенты Московского лесотехнического института. Большая часть этого огромного труда была выполнена, по существу, безвозмездно, на общественных

началах. Позднее разработкой проектов восстановления дворца и парка занимались московские реставрационные мастерские. Сотни горожан работали на воскресниках. Восстановлены дворец, въездная башня-колокольня. Во дворце открыт музей с экспозицией, посвященной истории возникновения ансамбля и творчеству его создателей И. Е. Старова и А. Т. Болотова. Сегодня тысячи туристов ежегодно приезжают в Богородицк. Восстановление парка продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов. М., 1988. С. 5.
- 2 Щепкина Е. Н. Старинные помещики на службе и дома: из семейной хроники (1578–1762). СПб., 1890. С. 10.
- 3 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1870. Т. I. С. 5.
- 4 Толмачёв А. Л. Каширские Болотовы. Российский родословный фонд. Родословие. Документы. М., 1996. Вып. 1. С. 5.
- 5 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 1993. Т. I. С. 75.
- 6 Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII в. – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964. С. 400–420.
- 7 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... М., 1993. Т. I. С. 466.
- 8 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... М., 1993. Т. II. С. 160.
- 9 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... СПб., 1870. Т. I. С. 600.
- 10 Там же. С. 9.
- 11 Щепкина Е. Н. Указ. соч. С. 15.
- 12 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... М., 1993. Т. I. С. 8.
- 13 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... СПб., 1871. Т. II. С. 800–801.
- 14 Там же. С. 801.
- 15 Некоторые замечания о садах в России // Экономический магазин. 1786. Ч. XXVI. С. 60–62.
- 16 Экономический магазин. 1781. Ч. V. С. 135.
- 17 Бердышев А. П. Указ. соч. С. 20–21.
- 18 См.: Экономический магазин. 1782. Ч. XII.
- 19 Бердышев А. П. Указ. соч. С. 26.
- 20 Там же. С. 72–79.

- 21 Там же. С. 94.
- 22 Там же. С. 135.
- 23 Любченко О. Н. Есть в Богородицке парк. Тула, 1984. С. 33.
- 24 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... СПб., 1872. Т. III. С. 778.
- 25 Еще некоторые практические замечания, относящиеся до садов новейшего рода или так называемых Англинских // Экономический магазин. 1789. Ч. XXXIX. С. 25.
- 26 Вергунов А. П., Горохов В. А. Садово-парковое искусство России. М., 2007. С. 359.
- 27 Любченко О. Н. Указ. соч. С. 78–79.
- 28 Болотов А. Т. О сажении дерев посреди лета // Экономический магазин. 1786. Ч. XX. С. 358.
- 29 Любченко О. Н. Указ. соч. С. 88.
- 30 Там же. С. 87–88.
- 31 Любченко О. Н. Указ. соч. С. 93.
- 32 Цит. по: Щеблыгина И. В. А. Т. Болотов. Гармония души и мира. М., 2003. С. 11.
- 33 Там же. С. 35.
- 34 Любченко О. Н. Указ. соч. С. 94.
- 35 Щеблыгина И. В. Указ. соч. С. 35.

Н. П. Малышева

ПРАКТИКА РУССКОГО
САДОВО-ПАРКОВОГО ИСКУССТВА
ПО А. Т. БОЛОТОВУ*

*1. О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ САДАМИ НОВЕЙШЕГО РОДА,
ИЛИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ АНГЛИЙСКИХ,
И СТАРИННЫМИ РЕГУЛЯРНЫМИ*

«П РАКТИКА доказала мне, что между садами сего рода (английскими. — *Н. М.*) и старинными регулярными, есть между прочим, и та разница, что красоты сих последних не только производятся с самого начала с великими трудами и коштами (затратами. — *Н. М.*), но и после с неменьшими убытками и трудами ежегодно содержатся; ибо надобно оные то и дело стричь, чистить, подсаживать, развязывать, поправлять, усыпать и прочие тому подобные беспрерывные и ежегодные, многообразные, большие и мелкие работы производить; ибо всем довольно то известно, что с регулярным садом надобно обходиться так, как с маленьким ребенком, и всякий день его чесать и холить, и что сии сады не только на год, но и на многие месяцы запустить и в небрежении оставить не можно, буде не хотеть, чтоб после никак оно и исправить было уже не можно...

...Напротив того, сады нового рода, или прекрасные натуральные... нужно только завести и насадить, и в первые годы только постараться

* Выписки из статей, опубликованных в издании: Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей в пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемой. М., 1780–1790 г. В 40 частях. Выписки сделаны Н. П. Малышевой в Ленинграде в 1979–1980-е гг.; подготовлены к печати В. Н. Лаптевой в Москве в 2010 г.

о том, чтоб деревья принялись и пошли в рост свой, а над дорожками однажды потрудиться, и дав им хорошее основание, сделать, чтоб они не слишком скоро травой зарастали, как никаких почти для них трудов к содержанию их не требуется: нет тут никакой стрижки... никакой необходимой подсадки, никаких осыпаний и дальних чищений, но по наступлении весны нужно только однажды все дорожки подчистить, засохлые деревца выкинуть, а засохшие сучья вырезать; водостоки же пообчистить и исправить, как и пошли они почти на все лето рость, не требуя за собою никакого дальнейшего присмотра и холи, а разве только одни дорожки потребуют еще раза два того, чтобы их почистить, да траву на площадках и лужайках, чтоб ее в то время выкосить, как она уже слишком увеличится...

...К красотам сим (натуральных садов. — *Н. М.*) далеко не так скоро можем приглядеться, как к красотам регулярных садов, ибо как красоты в натуральных садах со всяким годом умножаются, и они, чем более стареются, тем становятся красивейшими, то и утешается зрение наше в каждый год новыми красотами и новыми прелестностями...

...К садам сего рода (натуральным. — *Н. М.*) нет почти способа присмотреться: но они всегда могут производить множество перемен и новых зрелищ, а сии новостию своею и в состоянии всем упражнять наше внимание и увеселять зрение»¹.

«Человек я не слишком достаточный, так куда мне водиться с регулярными садами...»

«...Я... из практики приметил, что новые (натуральные. — *Н. М.*) сады составлять и заводить гораздо легче и скорее, нежели регулярные, что весьма и натурально...»

«...Там (в регулярных садах. — *Н. М.*) может он (садовник. — *Н. М.*) все располагать по сделанному наперед проекту, плану и рисункам, здесь же ничему плана наперед сделать почти не можно, а должно выдумывать в самое то время, когда работает, и сообразуясь с тем, как что или какая штука из чего выходить станет, придумывать и прочие тому месту украшения»².

«Сад ведь не строение!.. а сад и со всеми деньгами скорее рость заставить не можно. Натура не состоит в наших повелениях. Она имеет свое порядочное течение и сей порядок никакая тварь переменить не может; а все, что мы со всем своим искусством изменить можем, состоит в том, что мы, вникая в сей порядок и узнавая сокровенные его действия, можем иногда для скорейшего достижения к концу своих желаний, обстоятельства и дела таким образом располагать, чтоб натура самым тем же наблюдением в делах своих единожды заведенного порядка и обыкновенного течения могла производить скорее то, что нам хочется...»³

«Заводя сады натуральные, не спешить никогда вдруг и одним разом оные отделявать и приводить все части и ревиры их в последнее совершенство, а иное оставлять и для предбудущего времени. Собственная опытность доказала мне, что нетерпеливость и излишняя поспешность в сем случае ни к чему не годится <...> и что всего важнее, то всякий год будет сад иметь в себе что-нибудь новое; а сколько мне опытность доказала, то всегдашние таковые обновки в садах в особенности и нужны»⁴.

II. «НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О САДАХ НОВЕЙШЕГО ВКУСА»

«...Имел я наилучший случай к практическому упражнению в работах сего рода, а паче всего в основании так называемых английских, или лучше сказать прекрасных натуральных садов и превращении самых скверного и дурного вида мест в красивые, приятные... Я при всем производстве сих работ мог держаться некоторым образом любимого моего и того правила, которое, надеюсь, и многим не противно, а именно, чтоб располагать все так, чтоб все выливалось хорошо, работ бы не чрезвычайно многих и колико можно умеренных, а кошту очень малого или по крайней мере не чрезвычайного стоило...»

«...Без умения ощущать натуральные красоты не можно ему (садовнику. – Н. М.) и прямо подражать натуре и производить такие вещи, которые бы походили на натуральные и в которых бы употребованное искусство так было скрыто, что иное не всякий бы мог приметить»⁵.

1. «О превращении простых натуральных лесочков в увеселительные»

«Приехав в сей лес, первое и так сказать главное дело то, чтоб избегать весь оной вдоль и поперек и осматривая все его прогаины и густоты, также и разное состояние...»

В короткое время (3 недели) Болотов «наделал множество вещей, и всему сему месту придал столь отменный вид, что его и узнать не было способа; ибо все части оного получили иной образ. Там, где не было ни единой ложины, а было просто наклонное место, сделались доли и приятные ложины и лужочки, испещренные всеми сортами луговых цветов и окруженные с сторон разноцветным кустарником и молодыми лесочками из разных деревьев состоящими. Там, где не было ни единого бугорка и холмика, очутились приятные бугорки с разбросанными по ним дикими кусточками... и при всем том, расположенные так, что всякий почитал бугорки тут самородными...

В рассуждении расположения фигур оставляя я всю симметрию к

стороне, и назначивал всякую там, где мне за лучшее признавалось, а притом везде такого рода, какая казалась мне по натуральному состоянию того места лучше, и какая могла быть с меньшим трудом сделана. Помянутые замеченные места и разные их к чему-нибудь удобства были в сем случае моими лучшими советниками и внушали сами мне то, что тут делать и предпринимать, чему я всегда и следовал, например: там, где была уже готовая полянка, окруженная густым лесом, а требующая только некоторого расширения, и делал я самое сие; а вырубая излишние деревья, расширял и придавал ей какую-нибудь фигуру. Там, где находил я целую кулигу пряменьких деревцов, могущих составить маленькую рощицу, и составлял я оную, вычищая из ней всю негодь, и обводя оную широкою дорожкою, или паче полянкою, а самой ей давая лучшую фигуру. Там, где заметил я несколько хорошеньких деревцов, стоящих между собою в некотором симметрическом расположении, привязывался я к ним, и тотчас придумывал какую-нибудь приличную фигуру, в которую их поместить было можно.

Фигур сих наделал и разбросал я по сим кварталам множество, и все их расположил так, чтоб они колько можно были скрыты и до тех пор неприметны, покуда дойдешь до них, дабы зрению гуляющего встречались внезапно сии неожиданные посреди леса предметы и там нечто регулярное, где он тому подобного быть не чаял. Деланы они [фигуры. – Н. М.] в большую часть наипростейшим и таким образом, как сообразно с положением места и существом и обстоятельством окружающего их леса, как например: инде кривая такая дорожка выведет вдруг гуляющего на небольшую круглую площадку, которую украшает только посреди круглой дерновой терасец, с стоящею посреди и кроною обстриженною березкою, а в стороне под частыми натуральными и густую тень составляющими деревьями спокойную дерновую сиделку; инде посреди подобной тому круглой площадки найдет он целую маленькую рощицу из нескольких прямых дубков состоящую, и под ними дерн, а вокруг циркулем расчищенную дорожку, а за нею дерновую обведенную вокруг лавочку. Густой кустарник и лесок, окружающий все сие место, делает его приятным уединением и придает ему довольную красу... инде выйдет он нечаянно на площадку, сделанную овалом, украшенную вокруг дервною лавочкою и усыпанною песком дорожкою, а посреди лужком, изрезанным фигурами и украшенным двумя березками, остриженными пирамидами; инде найдет он такую же площадку четвероугольную, украшенную вокруг лавочками и четвероугольным лужком, по углам коего стоящие деревцы почтет нарочно тут посаженными. В другом месте внезапно выйдет он на площадку треугольную, имеющую в каждом угле круглые кабинеты. Ветки густых дерев, переплетаясь между собою,

составляют прохладную с них тень. Дерновые лавочки и сиделки могут приманить туда целое общество гуляющих... Идучи далее, найдет он зеленые ворота из двух самородных молодых дубков составленные, и собою также регулярно обделанною площадку украшающие, а пошел далее... выйдет он на фигуру, всех прочих пространнейшую и такую, на которой на сделанных вокруг дерновых лавочках целая сотня людей усестись может. Разные вырезанные на земле фигуры и рабатки, украшенные множеством натуральных и самородно тут растущих цветов и серебрянным случившимся тут кустарником, также усыпанные песком дорожки и в приличных местах оставленные разные деревцы, придают месту сему отменную красу. <...>

В другом месте выйдет он на обширнейшую воду, посреди того же лесочка на случившейся ложине, произведенную на приятные поляны, окруженные, где подчищенным, где густым лесочком. <...> Простирающаяся широкая аллея и оказывающийся вдали уступами и ступенями обделанный бугорок, побудят гуляющего идти туда, и выведут его на центр шести аллей, пересекающих друг друга, и представляющих в концах своих зрению его разные и приятные виды. Если похочет он пойти опять в густоту леса усмотренными тут в разные стороны тропинками... то выведут наконец его на одну на краю леса сделанную площадку, где вдруг и неожиданно представится ему наилучнейшее положение места: прекрасный луг, простирающийся от самого того места, отлого и на знатное расстояние вниз. <...>

Сими и подобными им разными другими самопростейшего рода ничего не стоящими украшениями придал я лесочку сему совсем иной вид, и из ничего составил увеселительное место...

Во-первых, скажу, что я для производства сего дела не делал наперед никаких предварительных размерений, но предоставил самой натуре и состоянию частей леса учить меня, что мне лучше, где делать и как располагать и могу сказать, что самой сей пункт и помог мне к столь скорому произведению и окончанию сего дела...

Земля же, вынимаемая и счищаемая с площадок и дорожек, употребляема была тут же на делание лавочек и другого рода сиделок... Все сие и причиною тому было, что работа могла производима быть весьма с скорым успехом и весь лесок в самое короткое время мог превращен быть в оной образ, и когда не совсем на отделку, так по крайней мере вечерне и на первый случай. Ибо после можно было уже какие угодно придавать украшения и умножать мало-помалу красоты оною, и приводить в лучшее совершенство, как например, подсаживать в нужных и слишком голых местах деревцы и кустарники, или прибавлять такие, каких в лесочке том от природы нет... разметывать кой-где подле дорог и площадок разные дикие и огородные цветы и духовитые травы...»⁶

2. Беспорядочные места в садах – мнение о них

«Я не знаю, какого вы и другие о таковых беспорядочных и безобразных местах в садах своих мнения; а я почитаю их такими, кои нам наилучший случай подают к украшению садов наших малым и ничего иногда нестоящим вспоможением натуре множайшими переменами и к приведению их в такое состояние, что они разнообразием находящихся в них и повсюду разбросанных предметов, наиспособнее будут прочим и зрение увеселять, и сердца наши наполнять чувствованиями приятнейших утех и увеселений. И потому всегда в превращении натурального их безобразия в приятный и хороший вид охотнее упражняюсь, нежели в приведении в порядок какого-нибудь ровного места»⁷.

3. О сценах в садах нового рода

«...Наилучшую и самую существительнейшую часть садов натуральных составляют так называемые „сцены“ или самые те поляны...

...Они должны составлять наилучшие, красивейшие, приятнейшие и самые те вещи, которые должны садам сим придавать наиболее их красоту и приятность...

...Полями наиболее назвал и называю я потому, что они составляют наиболее густые (пустые. – *ред.*) открытые, ничем или очень мало деревьями засаженные, ни мало на регулярные площади не похожие места, а имеющие иногда действительный вид полей, посреди лесов находящихся, с тою только разностию, что бывают обыкновенно украшены разными украшениями, небольшими садовыми зданиями, водами, пригорками...

Слово сие [сцена] не иное что значит, как явление и можно сказать, что звание сие полянам сим и не неприлично, но весьма сообразно, потому что всякая из них будучи особым образом украшена и расположена должна представлять собою очам гуляющих особое и совсем отменное от прежних явление...»⁸

Для сцен нужно отбирать «самые лучшие и красивейшие местоположения». Но с этим выбором спешить не следует. Нужно внимательно присмотреться ко всем частям сада. Нужно «...не только мыслить о том, откуда и по которое место назначить пределы какой сцены и как обсадить ее и каким лесом, где и с которых сторон сделать ее закрытою от других сцен и с коих открытою; такая, что внутри оной сделать... но стараться наживейшим образом себе в том состоянии и воображать оную, в каком будет она впрочем чрез несколько лет...»

В этом случае важно уметь рисовать: «делание таких предварительных рисунков чрезвычайно полезно...»

Первое внимание нужно уделить водам. Если поблизости есть «речка или ручей, то не можно ли оную провесть в сад». Главные сцены должны быть вокруг воды. Важно исходить всегда «не столько с своими хошениями, сколько с натуральным положением места». Неровности, бугры также важны для сцен. Сцена от сцены должна быть отделена «нарочитой толщины... лесочком.

После того, как будут назначены все сцены, для лесочков останутся места, которые сами собой получатся: их фигура и величина изобразятся сами собою, а в них по усмотрению можно делать либо площадку, если площадь леска позволит, либо засаживать сплошь деревьями».

Для разбивки такого сада «вместо тех веревок, шнуров и сажени, какие употреблялись при разбивании прежних регулярных садов, употребить новые границы (для фигур водоемов. — *Н. М.*), соломенные веревки (для дорожек. — *Н. М.*) и нарубленный в лесу хворост с листьями», необходимо обозначать «пределы каждой сцены и края будущих лесочков, втыкая хворостины в землю по черте на аршин одна от другой. Пользуясь сим средством всего лучше можно судить как о величине сцены или поляны, так и видеть красоту назначенных изгибов, краев леса и перемешать оные по произволению»⁹.

4. Об украшении сцен

- 1) «Густые и непрозрачные лесочки, окружающие сии поляны» с прекрасными продуманными опушками, с изгибами краев.
- 2) Группы деревьев или рожицы, цветущие кустарники, разбросанные по поляне и одиночные деревья, расположенные со вкусом.
- 3) Лужайки, испещренные множеством натуральных цветов, занимающих на поляне все порожние места.
- 4) Самые садовые, полевые и лесные цветы, особенно высокорастущие.
- 5) Воды придают саду «бесчисленные красоты».
- 6) Островки, на водах помещенные (величина островков может быть разная, но они не должны быть слишком высокими; на четверть аршина от поверхности воды они могут возвышаться в том случае, если предназначены для цветов или будут оставаться пустыми, и более три четверти или целого аршина — если для деревьев).
- 7) Каменистые осыпи и крутизна берегов.
- 8) Гладкие и ровные дороги вдоль самых вод.
- 9) Мелкие садовые здания: сиделки, мостики, статуи.
- 10) Крупные садовые здания: домики, беседки¹⁰.

5. Как украшать площадки в увеселительных лесочках

- а) «Правила ему предписать несравненно труднее: в этом случае надо иметь вкус и знание — сама натура и натуральное положение и состояние каждого места его во всем надоумить может...

Иные площадки оставить без дальних украшений, а постараться только выровнять колько можно получше землю, посрезать все кочки и бугорки, помочь сколько можно тому, чтоб росли одни только лучшие луговые травы, дурных же и высоких не было, поприбрать несколько вокруг стоячий лес»¹¹.

б) Окружить площадки шпалерой из деревьев и кустарников разной высоты или вырезные с загибами, с окошками и дверьми.

в) Крытые дороги – галереи и беседки целые или половинчатые (ниши, полубеседки), стриженные формы деревьев и кустарников, елки или в середине площадки одно стриженное деревцо всю площадку украсить может. Фигурно подстригая, можно из одних деревьев сделать множество разных украшений и убрать лесок свой множеством предметов.

г) Можно украшать и цветочными растениями (аквилегия, касатик, лилии, пионы, гвоздики и др.). Ими площадка особенно украсится. Сажать их не по одиночке, а целыми кучами или грядами в одном месте, чтобы они издали во время цвета либо синелись и желтелись, либо белелись, либо краснелись...

д) «Можно украшать и самими земляными работами:

- весьма не худой вид, когда на гладеньком лужку посреди какой площадки находящемся, вырезать порядочную и по рисунку партеру или цветник: так, чтоб фигуры все были травяные или устланные дерном, а дорожки и промежутки между оных чищенные или усыпанные песком», но они быстро зарастают и не очень свойственны лесочкам;
- остальные земляные работы состоят в делании «дерновых лавочек, кресел, канапей, сходов, ступеней... Должны они повсюду разбросаны быть, а особливо по площадкам, из которых иные могут вокруг окружены быть дерновыми лавками»;
- можно «на иных площадках поделывать регулярные и фигурные лощины или так называемые сухие прудки с несколькими в них ступенями»;
- в натуральных буграх вырезать «всходы со ступенями или окружного наподобие улитки».

е) «Могут украшать лесок водяные регулярные украшения».

ж) Разные вещи к строению относящиеся – плотничья и столярная работа – деревянные лавочки и канапе, мосточки через каналы и ручьи.

Рубленые или решетчатые беседки и ниши, разукрашенные щиты, могущие обманывать зрение (с изображением человека, охотника с собакой, коровы пасущейся или дикого зверя и т. д.)¹².

Это не значит, что все виды украшений должны быть использованы в одном саду, но выборочно, как подсказывает место.

«Площадки служат сборными пунктами на открытом воздухе, поэтому они должны быть снабжены разными удобствами для отдыха, стульями, диванами, столиками, предлагать гуляющим приятную тень и прельщать их взор цветами, статуями, фонтанами. В больших парках такие площадки делаются иногда в уединенных местах, в рощах. Обыкновенно для самой большой площадки отводится место перед домом, потому что она служит как бы аванзалом на открытом воздухе»¹³.

6. О регулярных площадках в садах нового рода

Нужно помнить при их устройстве:

1) «Площадки сего рода» любой геометрической формы «можно делать и назначать только во внутренности больших куртин или лесных звен садов нового рода и наиболее для подспорья сажания леса и скорейшего захватения всего излишнего места; ибо вместо того, чтобы внутренность сию всю засаживать сплошным лесом и употребить на то несколько тысяч деревьев, можно большую часть сей внутренности занять сими разнообразными площадками. И как в сем случае придется деревья садить только между оными, то и пойдет их несравненно меньше... Сие может составлять уже великую выгоду при заведении садов, а особливо при насаждении оных совсем вновь и на пустом месте...»

Такие площадки не характерны для нового натурального сада, но могут иметь место, если они располагаются в скрытых местах, появляются перед глазами неожиданно и тем вызывают новое ощущение.

2) Площадку одну от другой закрывать лесом наивозможнейшим образом. Фигуры должны отличаться друг от друга как можно больше, так как самая сия разновидность и разнообразность должна составлять наиглавную красу в существо сего сада.

Наилучшие пропорции площадок: длина 8–10 до 12 сажен, в ширину несколько меньше.

3) Лучше всего, если площадки будут удалены друг от друга, но могут они примыкать друг другу углом и имели бы одна от другой только легкую, не толще аршина древесную разгородку. Опыт показывает, что и в этом случае через выбор сажаемых тут деревьев и кустарников и через благоразумное и осмотрительное оных обречение, можно так сгустить, что ничего сквозь нее не будет видно. Но иногда на самом таковом месте можно сделать переход из одной такой площадки в другую: в сем случае ни малой нужды нет, как часть внутренности одной площадки будет из другой видима.

«Мне опытность доказала, что сие производит иногда наиприятнейшее для глаз зрелище, так что весьма не худо и нарочно сие иногда делать»¹⁴. «Древесные разгородки» могут быть 5–6 аршин.

7. Об украшении регулярных площадок

а) Гладенькие и ровные лужочки, посреди площадок находящиеся. Ничем иным их плоскость не можно лучше украсить, как хорошеньким и всегда в хорошем состоянии содержимом лужочком.

б) «Дерновые лавочки вплоть подле опушек делаются... Лавочки сии тем нужнее, чем которая площадка меньше и чем фигурнее, то есть чем больше имеет выгибов и боков. Все таковые должно лавочками сими вокруг окружать; ибо они собственно и сделают всю фигуру площадки приятною и всей ей дадут ее настоящий образ... без сих лавочек вся площадка не имеет почти вида и лишается наилучшей своей красы. Почему за первое почти дело должно поставять, чтоб все регулярные площадки обводить вокруг и непрерывною чертою сими лавочками, делая их вплоть подле самой опушки... и притом не гораздо высокими»...

в) «Если площадка большая, то лавочки можно сделать в некоторых местах, в выгибах, в концах и закоулках... а в прочих местах к самой опушке присыпать только несколько хорошей земли (рабатки) и на оной насадить сплошь всяких лесных, полевых и садовых цветов, дабы они заменили недостаток лавочек и самый низ опушки прикрывали собою».

г) «Прочищенные и всегда в чистоте содержимые дорожки, делаемые подле упомянутых лавочек. Дорожками сими обводится вокруг находящийся посредине лужок, а иногда и перерезывается ими на двое или несколько частей...» Ширина их может быть аршин.

д) Густота опушек и разноколерность листа на деревьях и кустарниках, окружающих площадку. В опушку желательно сажать: смородину и божье дерево, а лучше всего шиповник, неплохо и яблони иметь.

е) Кронные или иначе обстриженные деревья, помещаемые в середине площадок.

ж) Обелиски, пирамиды, тумбы, пьедесталы с солнечными часами, вазами или статуями.

з) Небольшие партеры и цветники:

- из одного сплошного и разными узорами насажденного и прилежно обстригаемого божьего дерева;
- узоры, вырезаемые из луга и дерна;
- из разных узоров, усыпанных разноцветными песками, камушками и другими вещами;
- из расположенных узорами рабатов с цветами.

и) Разные нынешнего рода сиделки, сделанные по правилам архитектуры. Иногда открытые и с одними только задниками и щитками, а иногда полубеседки или ниши.

к) Разноманерные щитки с разными на них надписями. Они могут быть изображены либо на особливых и нарочно для них поставленных

и разными образами раскрашенных щитках, либо на задниках беседок. Писать их всего лучше масляными красками на листовом и какою-нибудь краскою покрытом и в щиток вделанном железе. Щитки эти лучше всего ставить у входов на площадки»¹⁵.

8. Выводы,
*в чем же состоит превращение «диких лесочков
в увеселительные» по А. Т. Болотову*

Основные правила:

1) «Располагать все так, чтоб все выливалось хорошо, работ бы не чрезвычайна многих, а кошту очень малого...»

2) Исходить всегда «из натурального места, а не из своего хотения».

3) Избегать весь оной (лес) вдоль и поперек осматривая все его прогалины и густоты, также и разное состояние леса и кустарников.

4) Вычистить из него (леса) весь валяющийся сор и остатки срубленных деревьев.

5) Немного поправить и привести в порядок оставшийся повыврубленный лес...

6) Прорубить и прочистить... разного рода дорожки и тропинки.

7) Сделать фигуры (регулярные) наипростейшим и таким образом, как сообразно с положением места и существом и обстоятельством окружающего их леса.

8) «Подсаживать в нужных и слишком голых местах деревца и кустарники... и кой-где подле дороги и площадок разметывать разные дикие и огородные цветы и духовитые травы».

9) «Отвести места для „сцен“ (явлений) или полян, которые должны составлять наилучшие, наикрасивейшие, приятнейшие вещи в саду».

10) «Не спешить никогда вдруг и одним разом оные (натуральные сады) отделять и приводить все части... их в последнее совершенство...»

11) Необходим «искусный и знающий садовник». Без умения ощущать натуральные красоты не можно ему (садовнику) и прямо подражать натуре и производить такие вещи, которые бы походили на натуральные.

III. О ДОРОГАХ В САДАХ

Дороги проводить только в удобных местах. Делать дороги надо «на большую часть кривые и наподобии змеи изгибами. Сие делается отчасти для подражания натуре, отчасти для того, чтоб идущему по них

ничего впереди до тех пор было не видно, откуда выйдет он вдруг на площадку или иное какое убранное место, и увидит нечаянно пред собою предмет, могущий увесилить его зрение...» Количество их должно быть в зависимости от величины леса, но «всегда надобно располагать так, чтоб зрению идущего вперед всегда встречался лес, и за ним вперед далее 3, 4, 5, и много много 10 сажень ничего было не видно».

Ширина дорожек не должна быть одинаковой. Чем длиннее дорога, тем она должна быть шире, а чем короче, тем уже, но всегда такой, чтобы 2–3 человека рядом по ней могли идти¹⁶.

«...Главная дорога по всему саду составляет не меньшую важность, как и все сцены, она должна быть по ширине такая, чтобы и пешком и ездить по ней можно было. Начинаться она должна от самых ворот и разными изгибами и поворотами простираться по всем сценам и наилучшим местам сада. Везде, где бы она ни шла, должно зрению идущих или едущих по ней представляться хорошие и приятные виды и притом не одинаковые, а на каждом почти шагу новые и нередко совсем неожиданные, о чем садовладельцу толикое должно иметь попечении, что он самую сию дорогу должен почитать наиглавнейшею в саду своем вещью, и о украшении оной наилучшими видами и зрелищами всего более стараться»¹⁷.

«Дороги узкие должны быть всегда голы, а широкие, порослые луговым дерном и низкою травой...»¹⁸

«Излишние дороги, например на открытом, ровном месте, наводят омерзение; недостаток же их в таких местах, где они надобны, досаждает. Впечатлениям садовых сцен делается великий подрыв, ежели дорог слишком много или уже слишком мало, или когда они не точно в тех местах находимы будут, где они нужны.

Наизнаменитнейшая цель дорог есть то, чтобы они, не принуждая гуляющих идти и воротаться назад, доводили их до всех, примечания достойных сцен. ...Чтобы они имели такие обороты... чтобы едущие или идущие по ним не только вообще наслаждались зрением на переменные и разнообразные сцены: ...дурные и неприятные предметы были бы совсем скрыты. Следовательно, расположение дорог требует великого рассматривания и соображения со всеми предметами, с них видимыми... <...>

...Дороги составляют только вспомогательное средство, а не главную вещь в садах: то и весьма неловко будет, если вместо того, чтоб быть им в разных местах скрытыми, многие из них вдруг представятся зрению и некоторый род подражания городским улицам изъяслять станут.

...Обыкновенная регулярная линия змейкою содержит в себе почти столько же единообразности, сколько и прямая линия; напротив того,

извивающаяся вольно и без всякого регулярства, но с разными еще переменами заслуживает неоспоримо преимущество. Сию назовем мы *натуральною линиею*...

Прямая линия не совсем противна натуре, и ее не надобно для того отмечать... Она имеет в себе некоторой род спокойности, и есть случаи, в которых ее не только допустить, но и с пользою еще употребить можно.

...Разумное смешение обоих родов (дорог прямых и криволинейных. — Н. М.) в обширном месте не только нужно, но и в рассуждении переменности вида приятно. <...>

Кривизнам и поворотам надобно быть везде натуральным, и так, чтобы нигде не было ни вгиба, ни выгиба делано по-пустому и без соображения с местоположением и положением предметов. Единое и особняком стоящее дерево может часто важное различие сделать, и для него не все равно, с той ли, или с другой стороны проведена будет мимо его дорога.

...Всем поворотам надобно быть плавким, без узоров и принуждения и не быть ни остро отрезанным, ни спутанным и переплетенным.

Кроме переменностей вида, производимого кривизною дороги, могут сии дороги получать отличные и от того, когда они временем идти будут по травянистым лужайкам, временем между дерев и кустарников, то вниз и несколько под гору опускаться, то на пригорок подниматься, в одних местах шире, в других уже быть; инде быть обсажены и покрыты навислым кустарником, инде открыты и отверсты быть... Обработка сих дорожек должно сообразоваться всегда с сценами, через какие они идти будут, и смотря по оным, быть инде лучше, инде просто обработанными.

Для украшения дорог служат малые кусты и цветы; однако и в сем случае надобно соображаться с местоположениями и сценами. Дорога, идущая чрез простое местоположение, не имеющая дальних красот, не требует никакого особого украшения. Травы и диких цветов довольно уже для ее ограждения... Подле дорог, ведущих к прекрасным и великолепным сценам, можно давать прекрасным кустарникам и цветам ярких колеров по сторонам показывать свои пышные верхушки...»

Неглавные дороги можно оставлять нерасчищенными до каждой травушки. Они могут иметь запущенный вид, некоторую небрежность, как то встречается в природе¹⁹.

Дорожки должны быть «окружены... столь густым сплетением древесных ветвей и листьев, чтоб сквозь густоту оных отнюдь ничего не видать было во внутренности леса, по обеим сторонам находящегося. Обстоятельство сие есть толикой важности, что я не могу довольно слов найти к убеждению всякого к принятию сего пункта в достойное уважение: ни от чего иного не может весь сад, а особливо

лесные его части, толь скоро всю свою красу и приятность потерять, как чрез то, если упущен будет сей пункт с самого начала или оставлен будет в пренебрежении... Внутренность леса хороша и приятна может только до тех пор быть, покуда лес еще не высок и покуда может рость под ним хорошая луговая трава...»

Сию густоту ничем нельзя иным произвести, как сажанием по краям дорожек ивняка, жимолости, бересклета, калины, серобаринника, смородины, а более всего божье дерево и набивая все промежутки между сих кустов разными высокорастущими и густыми лесными цветными произрастаниями, привозя их из леса: кипрейник, лесные колокольчики, буквица...²⁰

При устройстве дорожек минимальная ширина их должна быть 2 аршина, но может быть 3–4 аршина и более.

Они должны быть «как можно чаще вычищаемым и всегда чистыми; ибо сие составляет наилучшую красу и приятность садов, да и оденую почти главнейшую работу в оных. Надобно, чтоб они всегда чисты, ровны, гладки, туги, в жары не пыльны, а от дождя не скользки и не марки были... Но в такое совершенство довести их не таково легко и скоро можно на деле, как на словах...»

Надо всю верхнюю землю с корнями трав «счистить по меньшей мере вершка на полтора или на два глубиною совсем долой, и выровняв потом землю, выгладить и так оставить, а потом в первые два года отнюдь не давать зарастать травю много, но чрез каждые две недели вычищать оные чисто начисто». По краям дорожек не должны расти дурные травы²¹.

Чтобы дорожки не зарастали, «нужно всю черную и серую землю с дорог снимать совсем долой и колико можно глубже по самую глину, а потом вместо сей вынутой земли насыпать очень толсто самый сухой песок»²².

IV. О ПОСАДКАХ ДЕРЕВЬЕВ И КУСТАРНИКОВ В САДАХ НОВОГО РОДА (НАТУРАЛЬНЫХ)

«...Старые и большие деревья и готовой уже лес весьма выгодны при основании вновь сего рода садов...

...Сколько нужны и выгодны маленькие для насаждения групп и подщищенных прозрачных рощиц и кучек деревьев и для засаждения внутренности или середины густых кулиг и непрозрачных лесочков, столь напротив того надобны и молодые и маленькие деревья для делания опушек около густых кулиг и произведения непрозрачной густоты, которая толико нужна, что как и одних сих для произведения густоты до самой земли не достаточно, надлежит употреблять к тому и разной кустарник, как садовой плодовой и цветной, так и самой лесной дикой, которой, а особливо для различия листа, необходимо

нужен». Все сии сажать «на аршин и более» друг от друга и «ряда в три или в четыре».

Высокие деревья сажаются друг от друга на сажень и более. Если куртина в некоторых местах узка, а в некоторых широка, то засаживают чаще узкие и тесные места сплошь.

«...Куртины сии или густые лесные кулиги назначаются обыкновенно либо для произведения каких-нибудь сцен, либо для закрытия какого-нибудь места, либо для преграждения одной площади или поляны от другой; и для самого того неотменно должны быть коливо можно гуще; а разница только в том состоит, что они все иррегулярные и нигде прямою чертою не окружаемые»²³.

Опыт показал, что сажать в группах и лесочках нужно как можно чаще, и «коливо можно беспорядочнее, и возможнейшим образом убегая только от того, чтоб деревья не были между собою на равное расстояние и не сидели по нескольку рядом и прямою линею...» Через несколько лет убедился, «что натура, делаясь к одним деревьям более благосклонною, нежели к другим, в самом деле перерабатывала все мои насаждения на свой лад, и не редко столь прекрасно, что и совсем своим искусством не мог бы произвести тому подобного».

Лучшее время для посадки деревьев – раннее осеннее, не дожидаясь, когда лист упадет, т. е. в начале сентября²⁴.

1. О возможности садить деревья посреди лета

На основании своего опыта А. Т. Болотов убеждается, что «...деревья и кустарники посреди лета с полным и совершенным их листом садить не только можно, но хорошо и выгодно». Особенно хорошо приживались липки, кленки и черемуха. Березки приживались только маленькими не выше 2 аршин ростом. У рябин засохли старые ветви. Ясень тоже принялся, но хуже. Из осин часть пропала. Дубки хорошо прижились. Из кустарников лучше всех принялась крушина, мелкий ивняк. Из жимолости некоторые не прижились. Калина, черная смородина тоже принялась. Вяз не прижился²⁵.

Правила при летней посадке:

- выкапывать деревья надо лучше и осторожнее весеннего и осеннего;
- не держать деревья, особенно корни, долго обнаженными на воздухе, ветре, солнце, но при привозке деревьев укрывать корни рогожами, или мокрым сеном, а привозя, тотчас же и в тот же день сажать (не давать завянуть листьям...).

2. О цвете листа

Особое попечение должно быть об опушках, т. е. о краях рожиц. Наиболее производятся опушки из разных кустарников: на переднем плане сажают самые низкие кустарники, за ними высокорастущие

деревья, да и те с разностью: рябина, черемуха, декоративный клен ближе к переднему краю, а высокорастущие – березы, осины, клены и т. д. – сзади. Лучше, если снизу доверху колера будут меняться так: снизу белозеленный, над ним темнозеленный, выше его желтозеленый или иначе. Нужно иметь в виду и другое отличие – контраст в форме и строении листа и их совокупности.

Деревья и кустарники, имеющие красивое цветение, лучше сажать не поодиночке, а группами, чтобы они были более заметны, но при посадке декоративноцветущие нужно чередовать с нецветущими, чтобы ярче на их фоне выделяться.

3. Применение разных пород деревьев

Осина в молодости в группах имеет прекрасный и приятный вид. Осиновые молодые группки и рощицы, а особенно на островках, представляют глазам приятное зрелище, особенно весной.

Клен лучше высаживать с деревьями, имеющими темнозеленный лист. Клен хорошо садить с краю площадок у сиделок, т. к. лист его дает большую тень.

Вязы хорошо сажать во внутренности обширных кулиг, так как оно самое высокое, и не плохи они и для групп, по причине своего прямого роста.

Дубы – красота, пышность и красивость их всем известна. Дубы могут применяться по-разному – одиночные, группы, рощицы – под ними трава растет прекрасная. Хороши дубы на сизозеленом фоне берез или другой породы.

«Ветлы, особенно имеющие узкий и белесый лист, делают в садах сих (натуральных. – Н. М.) хорошее украшение. Красу сию производит наиболее кудрявость сего дерева и белесая его отменная от всех прочих дерев зелень». Особенно хороши молодые ветлы и те, которые были с молоду 1–2 раза отрублены. Тень от ветлы прохладна и приятна. Лучше всего их сажать по берегам, отчего берега еще и укрепляются. Удобно то, что разводить их можно втыканием кольев и палочек в сырых местах. Садить колья лучше в узкие ямки на ширину лопатки и лучше глубже (до $\frac{1}{2}$ аршина и над ямой не более $\frac{1}{2}$ аршина), чтобы не раскачивались ветрами и не вымерзали зимой. Когда пойдут по всему колу отпрыски, нужно нижние убирать, оставляя верхние, чтобы весь сок попадал верхним.

Хорошо сажать ветлы кучками или группами на мысах, вдавшихся в воду, на больших прудах. Никогда не должно давать им слишком состариться, а особенно сидящим поблизости опушек, а всегда надлежит их через несколько времени отрубать, дабы они тем были гуще и лучше²⁶.

Липы – лист весною долго разворачивается, красота листа недолго увеселяет нас – лишь первые недели наступившего лета. Лист рано

опадает и поэтому не стоит увлекаться ими много. «Впрочем замечу о липняке и то... с удобностью может употреблен быть и в числе кустарников для сгущения опушек», обрезкой молодых деревцов, от чего пойдет развиваться куст.

Береза не весьма способна к украшению новых садов.

Березы хороши на просторных местах:

- на полянах небольшие березовые рощицы из нескольких десятков деревьев делают прекрасный вид, а особенно на возвышенных местах или на пригорках;
- на островах;
- на мысах, вдавшихся в воду;
- на склонах оврагов, долин и гор;
- «во внутренности всех отдаленнейших, а особливо задних и подле краев сада находящихся лесных звеньев и куртин»;
- можно и в опушки допустить ее, где нужны «вешние сцены», но как только начнут разрастаться, то срубить их совсем с корня, чтобы корни могли тотчас произвести от себя другие и такие же молодые.

Черемуха не совсем удобна для садов нового рода, т. к. имеет досадные несовершенства:

а) нападают на нее каждый год гусеницы, которые объедают лист, опутывается паутиной,

б) «растет не весьма кудряво, и листья его [деревя] имеют не весьма приятную зелень»,

в) не растет прямо, но «разнообразно кривляется и производит красу совсем беспорядочную и дурную» и поэтому ее не следует употреблять в саду много,

а соблюдать следующие правила:

- каждый год истреблять червяков, убрать их в тот момент, когда они сидят скопищем, как в гнезде и не успели распозлзтись по дереву. Нужно набирать червей в шляпу или в посудину и потом кидать их в воду, или зарывать в землю, или ногами передавливать. Искать же червей надо по паутине. Осматривать черемуху нужно не один раз и повторять все, если нужно;
- не давать черемухе расти высоко, а отрубать с корня, от которого тотчас пойдут молодые кусты, и деревья сделаются кудрявее;
- сажать черемуху нужно только в опушках и на виду. Ее достоинство в том, что она переносит пересадку и крупными деревьями.

Ясень имеет также некоторый недостаток: его «объедают шпанские мухи»²⁷.

Ольха. «Дерево сие принадлежит к высокорастущим; вырастает не очень толсто, однако прямо и любит более расти в сырых и мокрых местах, как например, при берегах рек и ручьев, подле водяных каналов и других мокрых и болотистых мест. <...>

Хотя ольхи и не боятся временного наводнения, однако на таких местах, на которых в летнее время стоит вода, они растут нехорошо. Почему ежи востребует надобность садить их на мокрых местах, сему подобных, то надежит ископать оное рвами и садить их на выкидываемой из рвов земле... Если же садить их на сухом грунте, то они скоро из него весь сок вытянут. <...>

...Под кожей ольх заводятся иногда красные червячки, которые въедаются потом в дерево и его со временем погубляют.

...Хорошие хозяева не дают им зарастать слишком высоко, ибо как коренья их бывают обыкновенно в мягкой и рыхлой земле, то легко высокие может вываливать ветер из корня и тем портить берега речек. Коренья ольховые идут вглубь земли прямо, и потому, в случае, когда болотистое и ольхами порослое место случится превращать в луг, причиняют они весьма много работы. Ольхи разрастаются охотно в сучья; потому что от природы не растут они часто и близко друг к другу. <...>

Когда осенью семена ольховые, опадывая с деревьев, попадут в воду текущей в близости речки или ручья, то вода несет их на себе вниз и размачивая делает их способными к пусканию ростков, и тогда как скоро случится такому семечку где-нибудь пристать к берегу и лечь на землю, то оно пустив корешки, всходит и производит дерево, от чего и вырастает по берегам речек всегда множество ольхового кустарника.

Выгодность сего дерева состоит в том, что оно с успехом растет и в самых болотистых и таких местах, где никакой иной род деревьев не может. ...При заведении ольхового леса на таких местах при-мечено, что и самое болото уменьшается, как скоро деревья сии до нарочитой величины достигнут. Грунт земли становится крепче и в таком месте, где до того никакая скотина ходить не могла из опасения, чтоб в глубине болота не погрязнуть. Из самих трав начинают рост тут уже лучшие роды, нежели прежде. Причину всему тому не трудно усмотреть. Ольхи по скорому своему росту и тучности своих листьев, втягивающие в себя очень много сырости, суть власно, как каналы, которыми мокрота болота отводится прочь; они высасывают сырость в себя и испускают потом ее листьями из себя в воздух; а чем более уменьшается в болоте сырость, тем тверже становится грунт. <...>

В Голландии делаются из ольх живые ограды около капустников, садов и огородов, и обстригаются наподобие шпалер ножницами.

Далее известно, что ольхи всего лучше любят рост в воде и ограждениям отменно способны. Они не допускают протекающим сквозь луга быстрым течением вод размывать берега. Они нигде так хорошо не растут, как при берегах таких маленьких речек. Быстрое течение оных подмывает обыкновенно берега, а особливо в кривизнах и изгибах, а коренья хороших ольх могут служить им наилучшею от того

защитою... Но надлежит только такие все ольхи почаще срубить на дрова, ибо если давать им вырастать слишком высокими, то ветер может их колебать... Когда же деревья сии благовременно и прежде, нежели они большими вырастут, срубятся, то сего опасаться не можно, ибо в сем случае корни еще больше утвердятся...

Но как ольховый лист, согнивая наилучшую и чистейшую воду, чернит и делает ее нечистою и вонючею, то для сей причины дерево сие при берегах прудов и рыбных сажалок не охотно сажается...»

Ольха хорошо применяется на сваи, забиваемые в воду, но надо, чтобы стволы были сырые с соком, пока не высохли на воздухе. «На сей нетленности ольхового дерева под водою основывается и другая экономическая полезность оною, а именно: крупный ольховый хворост и связанные из него фашины кладутся во рвы, проводимые чрез сырые пашни и луга, которые сверху засыпаются землею. Ибо как ольховый хворост остается в сырой земле нетленным, то излишняя мокрота может рвами сими и пробираясь сквозь сей хворост стекать вниз, и через то обсушить пашни и луга».

Ольха «не скоро согнивает и в воде невероятное множество лет может оставаться цело... но толь худо и не прочно оно на воздухе и подвержено переменам погоды, а особливо когда оно временем в суши, а временем в воде бывает. В таких случаях оно скоро сгнивает.

...Ольховые дрова одинаковой доброты с березовыми, буде не лучше еще оных». Сухие ольховые дрова «не трещат и не производят чада и дыма, но горят плавно и оставляют после себя жар, нарочито долго длящийся».

Из шишек ольхи готовят чернила. «Коровы дают множество молока, если кормить их ольховым листом», свиньи любят его²⁸.

Крушина не имеет почти выгодностей: не растет густо, не ветвится, плохо приживается.

Калина имеет следующие недостатки: она теряет свои декоративные качества летом — ее объедают черви.

Орешник имеет следующие недостатки: лист разворачивается поздно, почти с дубом, малокудрявые кусты, обламываются сучья под снегом²⁹.

V. «НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ДЕРНОВЫХ ЛЕСЕНКАХ, СТУПЕНЬКАХ И СИДЕЛКАХ И О ДЕРНЕ...»

1. О дерновых ступеньках

«Во всех почти садах, какие бы они ни были, регулярные или натуральные, делают дерновые крыльцы и сходы куда-нибудь под гору и на униженное место...»

При устройстве дерновых ступеней принимать следующие предосторожности:

а) «Земля, из которой ступеньки будут вырезываны, была неотменно твердая и глинистая и отнюдь не состояла из рыхлого чернозема; ...если же она таковая, то лучше несколько оной скрыть, и вместо оной, насыпав самой глинистой и тяжелой земли, оную убить koliko можно плотнее ступами и колотушками, а потом уже из нее ступени вырезывать».

б) Если ступени нужно делать из насыпной земли, то каждый насыпной слой тяжелой глинистой земли как можно крепче и плотнее убивать ступами.

в) Дерн привозить с лугов, с сухих мест, где земля глинистая и трава растет низкая – в этом случае траву не так часто на ступеньках нужно будет косить.

г) «Не делать сходы сии отнюдь широкими, но одного или полутора аршина (71–100 см. – *Н. М.*) довольно-предовольно для ширины всего схода», которые можно делать не только прямыми, но и вкось или изгибами.

д) Для лучшей прочности и спокойствия делать их полудеревянными, а именно, чтобы ступени только сверху были покрыты дерном, бока же их «делать совсем крутые и обивать не дерном, а прикрывать землю куском деревянной доски, поставленной на ребро».

Доски лучше всего брать для этой цели дубовые, но могут быть и всякие. Ширина доски должна быть 3–4 вершка (13–17 см). Доски нужно разрезать на «штуки», которые были бы на $\frac{1}{2}$ аршина длиннее той ширины, как широка будет вся лестница, например, если «лесенка будет только на аршин шириною», то штуки надо нарезать в полтора аршина длиной. Это нужно для того, чтобы концы досок врыть в материк земли. «Сие произведет то, что они на ребре стоять будут твердо и непоколебимо и не могут от ходьбы быть раскачиваны... Чем длиннее будут пущены доски и чем более концов их вроеется в землю, тем лучше. <...> Прежде делания ступенек надлежит по всему тому месту, где пойдет лесенка, земли несколько снять и место для нее углубить на четверть, а потом уж начинать делать. Делать начинать надобно всегда снизу; тут, поставив первую доску на ребро и вкопав концы... в боковой материк земли, и утвердив, как можно крепче, сыпать за нее голую глину и убивать koliko можно крепче колотушкою, и сие продолжать до тех пор, покуда выровняется с верхним ребром доски». Потом выравнивается поверхность, как можно ровнее, горизонтальнее, и «тогда, отступя 7 вершков (31 см. – *Н. М.*), становится другая доска и таким же образом концами вкапывается в землю» и т. д. до самого конца лесенки.

Когда лесенка т. о. будет сделана, нарезается луговой дерн и оным все ступеньки покрываются сверху так, чтобы оным прикрывалось и верхнее ребро доски, т. о. лесенка будет готова и будет иметь двоякий вид: сверху она кажется дерновою, а снизу – деревянною. Если захочется, то можно наружные видимые бока досок выкрасить зеленой масляной краской³⁰.

2. О дерновых лавочках

«Лавочки сии тем нужнее, чем которая площадка меньше и чем фигурнее. <...> Делать их должно отнюдь не из дерна... но из мелкой и колико можно худшей земли и наглинника и по насыпанию, либо дать время земле самой облечься, либо убить ее ступами и колотушками, а потом уже вырезывать из них лавочки.

Без сей предосторожности лавочки не будут в хорошем состоянии, а особливо деланные из дерна...

...Если лавочки деланы будут из глинистой и крепко убитой земли, и одеты спереди и сверху тонкими луговым дерном, то продлиться могут втрое долее без всякой починки, да и содержать их будет несравненно удобнее, ибо на них всегда трава рость будет мелкая и хорошая...»

Если площадка большая, то лавочки можно сделать в некоторых местах, в выгибах, в концах и закоулках делать, а в прочих местах к самой опушке присыпать только несколько хорошей земли (рабатки) и на оной насадить сплошь всяких лесных, полевых и садовых цветов, дабы они заменили недостаток лавочек и самой низ опушки прикрывали собою³¹.

«Какие бы сиделки ни были (каменные, деревянные или дерновые. – Н. М.), но самим лавочкам всего лучше быть деревянным...

В самых деланных из дерна канапе советовал бы я на самое то место, где сидеть, полагать и врывать доску, дабы не на траве, а на дереве сидеть приходилось; а чтоб она не отличалась много от травы, то выкрашивать густозеленною масляною краскою, ибо лавочка, покрытая дерном, не всегда к сидению способна, но когда еще лежит на траве роса, то сидеть не можно, а в самое сие время иногда сидеть на ней и всего нужнее.

...Самые лавочки, на которых сидеть, отнюдь не были деланы слишком узки...»³²

«Оставшийся от соф или земляных кресел дерн служил к новому изобретению: я сделал из одного по разным местам подобие горшков или кадок, в кои сажают оранжерейные деревца»³³.

Натура перерабатывает все наши земляные украшения по-своему... «нужно признаться, что все таковые дерновые вещи прямо хороши, только в первое и самое то лето, в которое они сделаны...» В самый последующий другой год они далеко уже не таковы красивы, обрезисты и опрятны... а через два года даже «при лучшем их содержании и

всегдашней стрижке, делаютя они почти сами на себя непохожими, а особливо мелкие из них как, например, тесные ступени на кривизнах и сходах. Время, погоды, натура, а притом и самая ходьба по оным так их портит... что хозяин принужден уже помышлять о возобновлении и переправке их, или паче о совершенном переделывании оных... а чего стоит всегдашняя их и непрерывная стрижка и содержание в порядке!»

«Словом, ежели хотеть, чтоб все уступы и другие дерном укладенные узорчатые вещи в регулярных наших садах были всегда в хорошем состоянии, то необходимо почти надобно иметь особых людей...»

«Делать дерновые вещи можно только в наинужнейших местах»³⁴.

3. О дерне

«Мы устилаем им лавочки, ступени, косыни уступов, а иногда целые площадки и другие подобные тому либо из материка вырезаемые, либо набитые и насыпанные места. Дерн сей обыкновенно выбирается колико можно лучший, травянистый и гладкий; и как таковой наиболее находим бывает в низких и сыроватых местах...» Но этот дерн имеет недостаток – он хорош лишь в первый год. Поэтому нужно драть дерн «не на выгоне и местах чистых, а посреди лесу, и не сплошь, а по выбору, а именно: ...на лужайках и прогалинах, между кустьями выбирать места, порослые наилучшими травами и такие, на которых росли разные лесные и полевые цветки и на самых оных драть дерн, стараясь, чтоб на каждой дернине было цветов, как можно больше.

...Драть его как можно толще, дабы коренья, как можно меньше были подрезываемы... Немедля класть на приготовленные места, и не просто, а с следующею предосторожностью: ...каждое место, где ему лечь доводилось, наперед исчеркать либо ножом, либо лопатою и взъерошив поверхность земли вливать на оную из ведра или кувшина несколько воды и составив на сем месте ровно как грязь, класть скорее на него... дерн».

Благодаря всему этому дерн полностью приживался, и не пропадала ни одна травка, «...все они не смотря на пренесение продолжали столь же весело рость, как росли они на прежнем месте...

Прилежное, а особливо для бывшей в сие лето великой засухи, по-ливание способствовало много сему скорому приживанию...

...Для устилая дерном внешнее время несравненно удобнее, нежели осеннее и того паче летнее. <...>

Надобно и о том иметь попечение, чтоб под дерн не попадала слишком хорошая, а особливо навозная земля...»³⁵.

«Дернины наперед вдоль и поперек изрубаются топором, а дерн делается двумя человеками, один подсовывает острою лопатою под оной, а другой стоя впереди тащит оную, привязанною к ней веревкою с кляпом»³⁶.

VI. О НАСАЖДЕНИИ ХМЕЛЯ В САДАХ

Болотов рекомендует:

- 1) корни хмеля сажать побольше в самые старые гнезда;
- 2) сажать его чаще обыкновенного;
- 3) прилежнее «обсекать его верхи и побочные сучья, через что в тот же год поспеет шпалера»;
- 4) для хмеля делать решетки хорошо сделанные, покрашенные;
- 5) для крытых дорог делать дуги, их изрешетить брусками и перетянуть их бечевками, по которым хмель будет виться.

В каких случаях применять хмель в садах:

- в опушках, разводить кисти по деревьям в виде гирлянд;
- где лес редок и прозрачен, надо, чтобы был густ и непрозрачен, но использовать надо не простые, очищенные тычины, а суковатые;
- внутри лесочков через проходящие дорожки – дугами;
- кое-где и на полянах для получения кудрявых деревьев;
- хмелевые густые кусты;
- если леса в саду мало, то рассадить хмель, на два аршина друг от друга (1,5 м) и наперить их кудрявыми тычинками;
- обсадить регулярную площадку по периметру соломёнными веревками, посреди площадки сделать беседку из хмеля³⁷.

VII. ОБ УКРЕПЛЕНИИ БЕРЕГОВ ПРУДОВ

Укреплять берега прудов нужно, чтобы их от ветров волной не разбивало. Отмель обязательно должна быть. Лучший способ – устиление берегов хорошим травяным дерном.

Берег должен возвышаться над водой не более, чем на пол-аршина (35,5 см) и лучше ниже. Дерн нужно резать длиной не короче аршина, но не очень широкий, в таких местах, «где корни трав имели б густое сплетение и дерн бы был не ломкий, а крепкий. Устилать же им самой берег так, чтоб половина его ломалась в воде на отмели, а другая на береговую землю поверх воды; для [этого] нужно, чтоб дернины были длинные, а чтоб он тверже держался, то прибавлять его и в воде и сверх воды деревянными спицами и гвоздями почаше. Дерн сей принимается и срывается очень скоро и... превеличайшее волнение ничего ему сделать не может... а ежели где его вода и подмывает, так не великого труда стоит оный починить.

...Не худо для дальнейшего укрепления насадить по самому краю изредка ветлы или лозы»³⁸.

VIII. СПОСОБЫ УНИЧТОЖЕНИЯ ЗАРОСЛЕЙ КУСТАРНИКА

- 1) Вырубка – не помогает; кустарник еще больше разрастается.
- 2) Подпахивание не помогает – также, еще больше разрастается.
- 3) Выжигание – может быть кое-где применено.
- 4) Кошение – «...сделать такую косу, которая бы несравненно толще обыкновенной, и которою бы удобно было молодые деревца с розмаху, как траву скашивать... Скашивание повторять несколько раз в одно лето, а когда одного лета к совершенному истреблению мало, то употребить к тому хотя бы два года...» Частая косьба вызывает загнивание корней³⁹.

IX. О РЫБНЫХ ПРУДАХ И ИХ СОДЕРЖАНИИ

«С водами не так легко обходиться, как многие может быть думают, и из них не всегда удастся все то сделать, что, например, хотелось бы; но нередко можно множество трудов и работы употребить, но не получить ничего важного. Сие имел я случай не однажды узнать на самой практике. Из ручейка можно тогда что-нибудь сделать порядочное в саду, если им ушат наполняется по меньшей мере за целую минуту, если за 2 минуты, то ничего не сделать, и не стоит в этом случае издалека тянуть эту воду».

«Глубина прудов, особенно, если один лежит выше другого, может быть один аршин (71 см); рыба в них будет водиться... летом, на зиму пруды спускать, а рыбу пересаживать в зимние пруды»⁴⁰.

«Пруды бывают различные, как например форельные, карасевые, карпные и другие тому подобные.

Итак если есть у кого удобное место к основанию нового пруда, то надобно, чтоб рассматриваемо и наблюдаемо было притом следующее:

- 1) Надлежит, во-первых, все положение того места, какое бы оно ни было, на источнике ли, из родника проистекающем, лежащее или в простой ложине могущей наполняться стекаемою с полей водою *нивелировать*, то есть... вымереть и снять, и потому судить, сколь высоко можно будет воду в новом пруде без вреда другим местам взводить и накапливать, что самое и означает величину будущего пруда. Итак, если по положению места придется так, что сток воды надобно будет сделать в западную сторону, то начать надобно измерение с восточной стороны и продолжать к западу до самого того места, где назначено будет быть плотине; а из сего и можно будет усмотреть, сколь высоко доведется делать плотину. После того продолжается вымеривание и далее в ту же сторону, то есть к западу,

и при нивелировании примечается, возможно ли будет воде при спускании пруда стекать всей до чиста долой, довольное ли имеет она упадение и нет ли ниже возвышенного места, могущего воду удерживать и возвращать назад.

2) Надлежит исследовать и самую почву в том месте, где начинается быть пруду и смотреть, глинистая ли и тучная она, или болотистая и рыхлая, или каменистая и железноватая.

3) Паче же всего должно принимать в рассмотрение, откуда бы новому пруду получать в себя потребную воду и всегдашнее ли какое-нибудь течение можно будет в него привести, или делать только такое распоряжение, чтоб он в удобные времена наполнялся только многою тучною полевой водою и есть ли к тому возможность. Такие пруды, которые не имеют в себя никакого всегдашнего притока воды, и которые составляются чрез накопление единой снежной и дождевой воды, требуют для себя плотной и такой почвы, на которой бы могла вода держаться, а особливо, чтоб была на яме и по сторонам тучная глина; ибо если случится рыхлая и песчаная земля, то вода легко может вся в оную уходить и пруды высыхать совсем в летнее время.

4) Плотины составляют главную вещь, от которой в случае доброго пруда весьма многое зависит. Ширина оной должна пропорциональна быть с величиною пруда: если пруд большой, то основание оной внизу должно по крайней мере от 24 до 26 локтей в ширину простираться, дабы сверху была она так широка, чтоб трем телегам можно было на ней уместиться и свободно ехать рядом. <...>

...Оба бока плотины не должно делать никогда крутыми, но располагать так, чтоб она сверху час от часу была уже, и оба бока плотины были бы косые и косина сия составляла тупой угол». Плотины должны быть сделаны крепкой.

«По назначении и измерении места должно начинать пруд копать и из выкапываемой земли составлять плотину. Сие копанье прудов производится либо наемными работниками, либо своими...»⁴¹

«Утверждение плотин, или паче краев оных к воде, делается разными образами:

- дерном, но недостаточно;
- можно в каждый шов наискось втыкать по «лозовой сырой палочке, длиною в пол-аршина или вершков на 10, втыкая так, чтобы верхние их и тонкие концы были кверху и торчали наружу дюйма на 3 или на 4 (7,5–10 см. – Н. М.)»;
- «наипрочнейший же и надежнейший род укрепления прудовых плотин есть тот, когда оные отводы от самой почвы до самого верху одеты будут камнями, полевыми ли, известные под именем булыжника, или известковые. Для сего отыскивается в пруде самый твердый материк и на оной власно так, как под

фундамент строения дома, кладутся сперва большие камни, а потом окладывается плотина камнями так, как дерном, и колико можно тверже и по крайней мере локтя на полтора толщиной. Швы между полевых камней наполняются водяным мохом... между большими камнями промежутки наполнять и маленькими камнями...»⁴²

«О прудовых спусках»

«Спуски прудов составляют колико с одной стороны необходимую, толико с другой важную вещь. В сем довольно известно, что без спусков, или по крайней мере отводов, в которые бы излишняя, а особливо внешняя вода могла с прудов стекать, никак обойтись не можно...»

Для тех, кто впервые роет пруд, не худо бы, до запружения пруда самолично видеть текущую в половодье воду, чтобы определить ширину спуска.

При обследовании округи можно найти дополнительные слегка наклонные места, по ним по ватерпасу прокопать наклонные ровики, по которым дождевая вода будет проступать в пруд и наполнять его. Спуски лучше делать из труб, которые прокладываются в самом глубочайшем месте пруда на самую подошву плотины, так чтобы один ее входил в пруд, а другой выходил ниже плотины, засыпан был и скрыт в плотине. Труба должна затыкаться (и «оттыкаться») затычкой из дуба⁴³.

«Когда весною пруды насажены будут молодою рыбою, то надлежит тотчас пересмотреть все решетки, плотно ли они в сделанные в спусках окна входят, все ли целы и крепки, и нет ли в них больших дыр и щелей... Если... подле берегов прудовых много ворон, то сие служит уже знаком, что не вся рыба осталась живою, но некоторая часть их померла и ее волною к берегу прибило. Если таковой сонной много окажется, то надлежит скорее садить опять других, дабы пруд не остался пуст и было б в нем рыбы довольно.

«...» Когда же посаженные рыбки успокоятся и к пруду привыкнут, тогда нет нужды иметь за ними всякий день толь строгий присмотр, а надлежит только наблюдать, чтоб исток воды был равен втоку.

В случае больших проливных дождей и туч должно скорее спешить к прудам для наблюдения, чтоб новая вода не повредила плотин. Решетки должны как можно скорее очищены и оборочены быть, в особенности же надобно после дождя обходить несколько раз все верховые или втоки водяные, ибо в ненастное и дождливое время рыбы обыкновенно идут вверх навстречу притекающей вновь воде, и заходят так далеко, что по слитии воды остаются совсем почти на мели и могут людьми и птицами быть расхищаемы.

В летнее время... надобно почаще осматривать решетки и спуски... не засорились ли они травой; а и самые рвы при втоках водяных надобно прилежно вычищать, дабы содержать приток воды всегда в одинаковом степени...

Надлежит также летом, ровно как и во всякое другое время, смотреть за спусками и плотинами, не прокрадывается ли в них где вода... Вода... протекая сквозь плотину, отчасу больше земли и глины вымывает, то нередко приходят от того самые спуски в опасность. Иногда случается, что вода прокрадывается либо по сторонам тарасов, либо самым низом под лежнем и под мостом и вымывает там целые погреба, так что плотина от того вдруг и нечаянно проваливается и от того весь пруд уходит...

Если течение воды в пруды невелико, и от того и вытекает ее из прудов мало, то бывает иногда, что вода в прудах начинает вонять и полухает противный и рыбам вредный запах. В таковых случаях, если есть хотя несколько запасной воды, то надобно сколько-нибудь той провонявшей воды спустить и недостаток сей наградить свежелою водою.

Наконец, надобно в сие летнее время стараться и о искоренении бываемого в прудах тростника и камыша и других водяных трав... Наилегчайший же род истребления оного производится посредством срезывания камыша на дне или сколько в воде достать можно серпами, ибо в остатки срезанных камышин вступающая вода поспешествует гниению, следовательно, и замиранию кореньев» ⁴⁴.

Х. О ВОДОСТОКАХ (КАСКАДЦАХ)

«Прежде всего надобно стараться сделать коллко можно твердейшее основание, чтобы оной ни малая, ни большая вода в случае паводков не могла размыть и испортить, что каскад весь должен быть сооружен из камней, и почти нет нужды сказывать... и потому фундамент или основание должно быть делать также из камней; и чем грунт слабее, тем глубже должно выкапывать то место, и тверже укреплять оное каменьями и бутом.

Впрочем, чем длиннее сей фундамент будет лучше, ибо каменную стенку, с которой вода будет стекать, надобно делать когда не более, то по крайней мере аршин двух (142 см) длиною, а шириною смотря по состоянию водовода или водостока и самого каскада в аршин (71 см) тем более: почему сообразно с тем надлежит столько... или бугорка того внутрь или в гору раскопать до почвы, сколько займет вся стенка, переднее лицо сей стенки, или самое то место, через которое вода течь будет, всего лучше делать из одного цельного и стоймя поставленного большого камня... Если же больших не случится, то... можно употреблять обыкновенные тесанные белые цокольные каменья, полегая оные друг на друга лежа; а если есть плотник, то всего

лучше и натуральные подобрать из оных, смазывая оные наилучшею и такую глиной, которая б не так скоро могла водою размываема быть. ...Обыкновенная синяя горшечная глина...»

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Некоторые практические замечания о садах новейшего вкуса // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 26–30.
- 2 Там же // Экономический магазин. Ч. XX. 1784. С. 21, 22.
- 3 Там же. С. 56–57.
- 4 Окончание практических примечаний, относящихся до садов натуральных // Экономический магазин. Ч. XL. 1789. С. 396, 398–399.
- 5 Некоторые практические замечания о садах новейшего вкуса // Экономический магазин. Ч. XX. 1784. С. 17–18, 22.
- 6 Там же. С. 26–27, 44–45, 37–40, 41, 42, 43, 47.
- 7 Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей издание. М., 1778. Ч. I. Л. 25. С. 8.
- 8 Дальнейшее продолжение некоторых практических примечаний о садах нового рода вообще, и о сценах в особенности // Экономический магазин. Ч. XL. 1789. С. 209–211.
- 9 Окончание предследующих примечаний о сценах и расположении их в садах // Там же. С. 241–252.
- 10 Продолжение предследующей материи о садовых сценах // Там же. С. 225–236.
- 11 Об увеселительных лесочках // Экономический магазин. Ч. V. 1781. С. 212.
- 12 Об украшении увеселительных лесочков // Там же. С. 290, 293–300.
- 13 Шрейдер К. Планы и расположение садов натуральных. СПб., 1853. С. 13.
- 14 Продолжение разных практических примечаний, относящихся до садов нового рода // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 258–268.
- 15 Экономический магазин. Ч. XX. 1789. С. 273–281.
- 16 О рощах и лесочках, подле деревень находящихся // Экономический магазин. Ч. V. 1781. С. 135, 136, 137.
- 17 Экономический магазин. Ч. XL. 1789. С. 241–242.
- 18 Болотов А. Т. Экономический магазин. Ч. V, 1781. С. 112.
- 19 Общие примечания о дорогах и дорожках в садах (Взяты из сочинений Г. Гиршфельда) // Экономический магазин. Ч. XXVIII. 1786. С. 65–73.
- 20 Продолжение некоторых практических примечаний о садах нового рода // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 327–329.
- 21 Там же. С. 331–332.
- 22 Нечто о дорогах в садах // Экономический магазин. Ч. XXXV. 1788. С. 367–368.

- 23 Продолжение практических примечаний об Англинских или новых натуральных увеселительных садах // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 37, 42, 40–41.
- 24 Продолжение практических замечаний, относящихся до садов натуральных // Экономический магазин. Ч. XL. 1789. С. 348, 350.
- 25 Еще нечто в подтверждение о возможности садить деревья посреди лета // Экономический магазин. Ч. XXIII. 1785. С. 213–216.
- 26 Продолжение разных практических примечаний о новых садах // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 51–53, 54–62.
- 27 Продолжение разных практических примечаний, относящихся до садов нового рода // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 86–96, 224–230.
- 28 Дальнейшие замечания об ольхах и о полезности оных по сельской экономике // Экономический магазин. Ч. XXI. 1785. С. 241, 244–246, 248, 257–264, 266.
- 29 Продолжение разных практических примечаний, относящихся до садов нового рода // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 236–238, 241.
- 30 Некоторые практические замечания о дерновых лесенках и ступеньках, делаемых в садах для схода под гору и всхода наверх // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 337–345.
- 31 Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 65–70.
- 32 Окончание практических примечаний, относящихся до садов натуральных // Экономический магазин. Ч. XL. 1790. С. 398–399.
- 33 Болотов А. Т. Экономический магазин. Ч. IV, 1780. С. 85.
- 34 Болотов А. Т. Экономический магазин. Ч. XXXIII, 1788. С. 225–234.
- 35 Некоторые практические замечания о дерне // Экономический магазин. Ч. XX. 1784. С. 209–215.
- 36 Экономический магазин. Ч. II. 1780. С. 115.
- 37 Нечто о сажении хмеля в садах // Экономический магазин. Ч. XXXIX. 1789. С. 392–395.
- 38 Продолжение практических примечаний, относящихся до садов натуральных // Экономический магазин. Ч. XL. 1790. С. 363, 365–367.
- 39 Сельский житель... Ч. II. 1779. Л. 30. С. 3.
- 40 Экономический магазин. Ч. XL. 1789.
- 41 О рыбных прудах // Экономический магазин. Ч. XIX. 1784. С. 228, 231–237.
- 42 О утверждении плотин прудовых // Там же. С. 241–245.
- 43 О прудовых спусках // Экономический магазин. Ч. XIX. 1784. С. 257–264.
- 44 Наставление, как содержать во весь год насаженные рыбою пруды и какое за ними должно иметь смотрение // Экономический магазин. Ч. XXIV. 1785. С. 193–199.

Андрей Болотов

ВЕЧЕР НА ГОРЕ АВЕНИЗЕР*

*Из тома «Стихотворения натурологические,
или живописующие природу»¹*

О! Гора моя дорогая!
Много милая гора! —
Ах, коим же я обязан
Благодарностью тебе:
Ты не только доставляешь
Мне бесценные дары,
Но и в купе производишь
Тьму приятных мне часов.

Я, в какое б время года
Ни взошел на твой хребет,
Летом ли, весною, в осень,
Как готова ты всегда
Веселить мои все чувства
Многим множеством вещей,
Видимых с тебя повсюду
В отдаленье и вблизи.

Но всего изящне, боле
 Утешаешь ты меня,
 Как в приятный, вешний вечер
 Дня прекрасна при конце.
 Нагулявшись всюду, всюду
 В недрах рощей и садов
 Для утех в тот день последних
 Выйду я на твой хребет.

* Орфография приведена к современному написанию, но сохранены все архаичные особенности поэтического языка А. Т. Болотова. — *Примеч. ред.*

И подшед под ветви дуба,
Осеняющего храм,
Прислонясь к столпу спиною
Сяду, пряча на ступень,
И внимание со взором
Обращу свое я тут
Вниз тебя, гора драгая,
И во все страны вокруг.

Ах! Какое тут встречает
Пышно зрелище меня
И как сильно поражает
Чувствия и весь мой дух.
Я куда свой взор не знаю
И вниманье обращать
И которыми вещами
Любоваться наперед.

Освещенными ль верхами
Всех деревьев по горе?
Иль внизу растущих оной
Под ногами у меня?
Пышною ли и густою
Милой рощею в боку
И прекрасными стволами
Гордых и прямых берез.

Многими ли под горою
Чистых зеркалами вод,
Что в местах различных видны
Сквозь деревья и сверх их.
Иль журчащею рекою,
Под горою что течет,
И хребтом горы лесистым
Осеняется вдали

Чистыми ли озерками
Там блестящими на ней,
Иль струями вод гремящих
Через камни на бродах;
Или длинным узким лугом
Вдоль кривых берегов ея,
Осененных с боку лесом
На горе, что там растет,

Или самым тем жилищем
Добродушных поселян
Под горою против сада
Что сидит там, за рекой,
И их смиренными простыми
Хижин кучками в кругу;
И спешащими в их недры
Обитателями их;

Чистым ли обширным полем
Позади всех хижин сих,
Поднимаясь, что отлого
В гору далеко идет
И прекрасною на оном
Хлебов разных пестротой,
Представляющих собою
Дорогого вид ковра.

Синими ль лесами тамо
По конец полей и гор
Или селами, домами,
Кои видны вдалеке
Всем ли пышным горизонтом,
Видимым с сей высоты,
И прелестную картину
Представляющим тогда

Стадом ли с полей бегущих
Малых и больших скотов,
Рассыпающихся в жиле
По проулкам и дворам.
Разноцветною ль их шерстью
И различием фигур
Разными ли голосами
Визгом, воплем, криком их.

Все в деревне оживилось,
Как прибегли с поль они
Тихое везде смятенье
Началось по всем местам
Всюду беганье, кричанье,
Призывание скотов,
Всюду кликанье, исканье
И разбор их по домам.

О, какой приятной слуху
Шум я слышу здесь с горы,
И какая смесь различных
Голосов гремит внизу.
Там блеют невинны агнцы
С матерями их в толпе
И, скликаясь друг с другом,
С радостью спешат домой.

Здесь мычат, режут коровы,
Поспешают и бегут
Доставлять своим хозяйкам
Сладкое млеко свое:
Поселянки, дожидаясь
Их давно уж на буграх,
Встречу им бегут и кличут,
Их ласкают и манят

Тамо кучка свинок малых
С визгом старой вслед бегут
И отстать от ней бояся
Поспешают ко дворам.
Здесь же множество скотины
С криком, визгом через реку
Вплавь и в брод перебираясь
Умножают собой шум.

Инде там одна бедняжка
Белая овца блеет,
Кличет юную овечку,
Дочь отставшую свою.
Здесь же ищут юных ярок
Сельски девушки своих
И нашедши их относят
На руках домой своих.

А вдали там цело стадо
Разных вниз бежит коней
Пыль от них столбом крутится,
Топот слышен вдалеке.
Юные младые дети
Мирных добрых поселян
Гонют их с полей в деревню
С свистом, криком на конях.

Вслед за ними тамо едут
В поте, пыли их отцы,
Утрудившись от работы,
Поспешая на покой.
Блеск от сох, везомых ими,
Пронигает сквозь всю пыль
И сверкая, представляет
Вид приятной для очей.

Все сии предметы, виды
Мне приятны, хороши,
Все мои прельщают взоры,
Восхищают все мой дух!
Я люблюсь всеми ими,
Погружаясь в восторг,
И весельем насыщаю
Непорочным душу всю.

Вниз пойду ли я с горы сей
По дорожкам между древ,
По ступенкам и тропинкам,
Сделанным для схода вниз,
Тут на всяком шаге новы
Вижу прелести красы
И люблюсь не меньше,
Как и прежде на горе.

Вниз когда ж сойду к подошве
Сей прекраснейшей горы
И к водам чистейшим выйду,
Украшающим весь низ,
И среди тут сяду многих
Чистых под горой прудков
На вечернюю сиделку
Подле самыя воды.

Ах! Какой красот сонм новых
Вдруг представится очам,
И коль многие предметы
Чувствы утешать начнут.
Там гора вся совокупно
С храмом на бугре своим
Прежде всех очам предстанет
Пышности во всей своей.

Ах! Какой она прекрасной
Представляет вид собой
Огнь, когда вечерня солнца
Освещает всю ее.
Тысячи красот различных
Видимы тогда на ней
И предметов преизящных
Бесконечное число.

Невозможно их исчислить
И словами изреши
Чем душе, уму и сердцу
Наслаждаться можно тут
Тьмой красот она вечерних
Может чувствам нашим всем
И утеху и отраду
И веселие давать.

Для очей тут тьма деревьев,
Кустьев, холмиков, цветков
Вод, мосточков и сиделок
Разных зданием и групп.
Все они собою могут
Взоры столко утешать,
Что довольно насмотрется
Им не можно никогда.

Для ушей тут тихи шумы
Вод текущих из горы,
И с каменьев на каменья
Быстро льющих в прудки,
А в лесочках и всех рощах
Птиц различны голоса,
Раздающиеся громко
Там в вечерния часы.

О! Как все сие приятно
Слышать, сидя у воды
И любясь красотами
Всей природы в вечеру! —
Особливо ж, если с оным
Сопрягается шумок
Вод, журчащих в отдаленье
Чрез каменья на реке.

ОБОНЯНЬЕ С ОСЯЗАНЬЕМ
Также тут не без утех!
То, питается бальзамом
От дерев, цветов и трав
А сие себе находит
Рай в прохладе от воды,
Коим воздух весь наполнен
Под горою в вечеру.

Встану ж с сей когда сиделки,
Ближе подойду к воде
И в ее кристалл чистейшей
Взоры вниз мои простру,
О! Что тут я узреваю,
Вид какой и чудеса
Ах, нельзя то описать,
Что я чувствую тогда

Мне не иначе тут мнится,
Как стою я на краю
Бездны, пропасти глубокой
И отверстой предо мной,
Глубины неизмеримой,
Но приятной для меня,
Бездны пламенной, горящей,
Но подобной небесам

Я тут вижу под собою
Новый мир и свет другой
Ново небо, нову землю
И со всем, что есть на них
Тамо солнце с облаками
Здесь с деревьями гора
И на ней все те же вещи,
Кои видны наверху.

Но в каком прелестном виде
Представляются мне тут
Все предметы и деревья
И все здания в саду! —
Все они в превратном виде
И главы вниз преклонив,
Все в чистейших несравненно
И нежнейших колерах.

Все они там совокупно,
Власно как бы вниз висят
И еще гораздо лучше
И красивее для глаз. —
Зрелище сие так мило,
Так приятно, хорошо,
Что всегда его довольно
Насмотреться не могу.

Я стою тут в изумленье,
И люблюсь долго тем. —
Помышляю о Искусстве:
Непонятном для меня,
С коим мудрая натура
Свойство то воде дала;
Чтоб она нам лучше зеркал
Все казать в себе могла.

Мысль о сем мой ум объемлет
Беспрерывно до того,
Как начнет скрывать уж солнце
От лица Земли свой блеск,
И небесной свод златою,
Весь покроется зарей,
А луна уже покажет
Кроткое чело свое.

Я тогда, сошедши с места,
Бездны по краям хожу
И на всяком шаге видя
Новыя красы в воде
Всеми ими вновь прельщаюсь
И до тех пор веселюсь
Мрак доколь и холод ночи
В дом иттить не побудит.

Тут, напомнив, что уж время
И покой домашним дать,
Я спешу всходить на гору
В мирный свой, покойной дом,
Где любезныя родныя
Дожидаются меня,
Чтоб остаток дня претекша
Проводить нам вместе всем

Соловей своим приятным
В рощах криком на горе
Веселит в пути обратном,
Провожая в дом меня.
Крик сей всюду раздается
Во всеобщей тишине
И прелестен так для слуха,
Что в восторг я прихожу

И всходя наверх, сажусь
На ступенке где-нибудь
Слушать милого лесного
И прелестного певца
И нередко тут сидевши
Воспевая вместе с ним
И свою песнь благодарну
И вечернею творцу

Тако душу всю насытив
Сладким множеством утех
И весь вечер проводивши
Непорочно и без зла
Возвращаюсь я к домашним,
Ожидающим меня
И сажусь за сельской с ними
Ужин вкусной и простой!

Тут в приятных разговорах
Провожаем вечер весь
И все яствы услаждаем
Удовольствием души.
А там день оканчиваем
Провожденный в простоте
Воздаванием сердечной
Благодарности Творцу.

1798

КОММЕНТАРИЙ Н. П. МАЛЫШЕВОЙ

Весной и осенью 1987 г. за год до празднования 250-летия со дня рождения Андрея Тимофеевича Болотова, в связи с решением о создании музея-усадьбы А. Т. Болотова «Дворяниново» и предстоящими

работами по восстановлению парка, по рекомендации ГИОП г. Москвы и ГИОП г. Тулы я изучала парк в натуре.

В изучении парка неоценимую услугу оказал мне Александр Петрович Бердышев, д. с.-х. н., многие годы занимавшийся исследованием жизни и творчества Болотова и предоставивший мне свои архивные выписки из дневниковых записей последнего относительно устройства дворяниновских садов. Следуя его выпискам, я находила подтверждение им в натуре.

Андрею Леонидовичу Толмачёву я признательна за то, что он направил меня в рукописный отдел РНБ. Там я и нашла томик «Стихотворений натурологических или живописующих природу», а в нем – «Вечер на горе Авенизер». В письме А. Л. Толмачёва приводилось другое стихотворение А. Т. Болотова – «О вечерней сиделке».

Александру Константиновичу Демиховскому я благодарна за книгу избранных сочинений Болотова, из которой почерпнула много сведений о дворяниновских садах Болотова и, в частности, относящихся к горе Авенизер. Без всех этих сведений я не смогла бы прокомментировать стихотворение.

* *

*

Андрей Тимофеевич Болотов в своих восторженных стихах дал подробнейшее описание красот дворяниновской «благословенной горы» Авенизера, и она встает перед нами как живая.

Вместе с Андреем Тимофеевичем мы смотрим сверху, с хребта горы на ее склон и окрестности, на «пышное зрелище», которое представляет «великая обширность мест», и на все, что видим на горе, смотря на нее уже снизу. Мой комментарий к стихотворению добавляет то, чего нет в описании А. Т. Болотова, а именно – как создавалось великолепие этой горы, весь «сонм красот», весь «прекрасный ее вид».

«Авенизер есть слово, знаменующее на нашем языке – *камень помощи**. Я именем сим назвал гору свою по поводу открытых и находимых в ней в множестве трохитов и энкритов, окаменелостей, имеющих врачебное свойство помогать от каменной болезни, грыжи, разных животных болезней, колютья, кровавого поноса, свежих ран и многих других болезней и помогших уже многим тысячам страдающих оными болезнями». Такое объяснение этому названию дал сам А. Т. Болотов².

Гора эта была облюбована еще далеким предком А. Т. Болотова «по имени Иосиф... избравшего место сие для жилища своего и поселившегося впервые на крутом берегу оврага сего [Осиповского] и

* Авен-езер (*др.-евр.*) – местность, где расположились израильтяне накануне сражения с филистимлянами (1 Цар. 4:1). – *Примеч. ред.*

в близости от источника сего, снабжавшего его и всех потомков его наичистейшею водою»³. Источник этот в честь первого владельца был назван Болотовым Иосифль, он же «ключ», «течка».

«Гора была... довольно крутая и сажена на 20 или более вертикально возвышенная и при всем безобразии своем довольно способная к отделке...»⁴ Гора была вся искривленная, по ней гоняли скот к реке. «От того места, где была на горе сажелка [«копанец»] простиралось вниз по ней [горе] небольшое углубление с грязным ручейком, на котором в самом низу... была... небольшая топкая и непроходимая яма, в которой мачивали старики наши пеньку свою».

Впоследствии Болотов устроил на месте этой ямы четырехугольную карпную сажелку.

Живя еще в родительском доме, Болотов в 1766 г. на лучшем месте у ребра горы, рядом с «престарелым дубом» поставил рубленую восьмиугольную беседку, которую впоследствии заменил «храмом Удовольствия».

В 1769 г. Болотов построил себе новый дом: «...избрал себе под оный самое лучшее и наивыгоднейшее во всей моей усадьбе место на самом верхнем ребре крутой и высокой <...> горы, под которой внизу излучиной и прекрасным изгибом протекала река Скнига <...>. Из окон дома моего видима была великая обширность мест...» С постройкой нового дома Болотов начинает заниматься «отделкой» самой горы, выравнивая ее и устраивая уступы-террасы.

В 1774 г. течение жизни Болотова резко изменилось. Ему было предложено стать управляющим Киясовской волостью, принадлежавшей императрице, куда он и переехал со своей семьей. С 1777 г. Болотов – управляющий Богородицкой волостью, где прошли плодотворнейшие 20 лет его жизни. Своим родовым поместьем Дворяниновым Болотов мог заниматься лишь в редкие и короткие по времени наезды.

В 1784–1785 гг. Болотов с увлечением занимается устройством сада при дворце в Богородицке. Будучи к этому времени знатоком садового дела, имея от природы пылливый ум благодаря изучению иностранной литературы, большому интересу к ландшафтному искусству, к «аглицким» садам, большой любви к природе и знанию ее законов, он создает в короткий срок, за два года, в Богородицке английский парк, «чудо здешнего края», виды которого были запечатлены им и его сыном Павлом в 78 акварелях.

При устройстве этого парка Болотов талантливо использовал природные особенности местности – водные ресурсы, видимые и открытые им вновь, для создания в нижней части парка обилия вод. Это был настоящий гидропарк с водоемами живописных очертаний, с островками и мысами, с мостиками, с небольшими плотиками для

перепада воды, с каскадами. Эта часть Богородицкого парка была гордостью Андрея Тимофеевича. С 1786 года в парке велись работы только по поддержанию парка в порядке. Теперь Болотов мог уделять больше внимания своей дворянининской усадьбе.

Только что созданный в Богородицке парк стал для Болотова, без сомнения, источником вдохновения и подражания при устройстве дворянининского сада, в котором были использованы отдельные приемы его композиции. Природные условия там и тут имели много общего: возвышенная местность, близость реки, низкий участок вдоль нее, ключи, бьющие из разных мест гористой поверхности. Такие элементы композиции как прудки, водоемцы, холмики, островки, мости, садовые «сиделки», каскадики были использованы Болотовым применительно к конкретным природным условиям дворянининской усадьбы.

Работы, проведенные Болотовым в усадьбе в его приезд в августе – сентябре 1787 г., являются ярким подтверждением этому. Из архивных выписок А. П. Бердышева мы узнаем, что за две недели были выполнены работы, главные из которых – на горе Авенизер и у ее подошвы. Вот они:

- 1) Распространили нижний сад на склоне горы перед новым домом находящийся, «присоединив к нему весь низок по самую реку».
- 2) «Расширили бывшую внизу четырехугольную сажелку и превратили в пространнейшее и иррегулярное озерко».
- 3) «Сделали прудки в Осиповской вершине [овраге] вершинные и два нижних бассейна с островками».
- 4) «Сделали рыбный канал с мосточком через него».
- 5) «Провели воду из-под Течки и заставили ее каскадом литься в озерко».
- 6) «Перенесли с горы маленький восьмиугольный павильон и поставили его на холме возле озерка».
- 7) «Проложили на горе многие новые дорожки».

Итак, в 1787 г. рубленая восьмиугольная беседка покинула свое место на ребре горы, простояв там 21 год – с 1766-го по 1787 гг. Из перечисления видно, что нижняя часть сада у подошвы горы Авенизер была превращена в миниатюрный гидросад с иррегулярными очертаниями берегов.

Обремененный заботами по управлению Богородицкой волостью Андрей Тимофеевич не забывал своей родной усадьбы. В свой приезд в следующем 1788 г. первый вершинный прудок (в Осиповском овраге), доставлявший воду «из себя» во все нижние водоемы, для предупреждения «от ежегодного занавивания его в половодье разным мусором, отгородил от потока длинным боковым валом» (вал этот сохранился до сих пор). «С тех пор пруд этот никогда не заносило, он никогда не замерзал и зимой поставлял всегда свежую

рыбу». Сделали «маленький между прудков водоемец», в котором Болотов держал рыбу для ежедневного расхода.

В 1794 г. «наняли плотников... рубить на хребте горы большую нашу беседку, храм удовольствия... продолжали обрабатывать склон горы перед домом уступами и сходами».

«Храм» был поставлен на место восьмиугольной беседки. Таким образом, место на хребте горы пустовало семь лет с 1787-го по 1794 г. Из описания в стихотворении «Вечер...» узнаем, что «храм» был с колонным портиком: «...И подшед под ветви дуба, / Осеняющего храм, / Прислонясь к столпу спиною, / Сяду... на ступень...».

Вот поэтическое описание в прозе самого А. Т. Болотова: «...На самом хребте горы сей стоит храм, сельским музам посвященный и всей горе и месту сему неописанную красу придающий. Священный и от престарелости уже поседевший величественный дуб, видевший еще прадедов моих, осеняет его престарелыми дланями и густыми еще ветвями своими и придает месту сему еще более пышности тем»⁵. Сейчас эта реликвия усадьбы – общеизвестный дуб-арка.

В 1797 г. из окна «храма», ставшего любимейшим местом Андрея Тимофеевича, он наблюдал за большим ледоходом на реке Сквиге. Сквига, «река любезная», как он ее ласково называет, смотря на нее часто «с горы прекрасной» доставляла ему всегда «бесчисленное множество утех». Из описания «Вечер на горе Авенизер» видим, что Сквига была не слишком глубокая, «журчащая» река с извилистым руслом, с каменистыми бродами и довольно широкая. (Иначе Болотов не называл бы ее «любезной» и «прекрасной». Сейчас, из-за разрушенных плотин, Сквига – узкий ручей.)

В 1797–1798 гг. на ребре горы (на месте старого дома 1769 г.) Болотов построил новый дом. Проект составил тульский архитектор Василий Иванович Кудрявцев по эскизам самого хозяина усадьбы и его сына Павла. «Кончили расчищение места под хоромы... положили первый камень в основание под новый свой жилой каменный дом» (9 сентября).

Стихотворение «Вечер на горе Авенизер» написано в 1798 г. В этом году на ребре горы уже стоял красивый новый дом. Перед домом на второй террасе возвышалась «прекрасная» береза с длинными поникшими ветвями, названная Болотовым «ветрометр». «Ты всех прекрасней, всех милее / И всех приятней мне в саду / Ты всех красивей и пышнее / И всех дороже для меня», – писал Болотов в «Стихах о березе»⁶. (Это береза бородавчатая – *Betula ferrucosa*, с «бородавками» на тонких ветвях.)

К этому году сама гора – «нагорный гуляльный сад» – и нижний сад у подножия ее представляли собой «пышное зрелище». Гора была обработана шестью уступами – террасами, между которыми были сделаны ступеньки и лестницы «для схода вниз». Нижний сад

у подножия горы, вдоль реки, основу которого Болотов заложил в 1787 г., приобрел теперь «пышную красоту». В озерко смотрелась с большого холма восьмиугольная рубленая беседка, которой Болотов придал уже лучший по тому времени вид – она была обита тесом и красиво раскрашена. На берегу озерка построена была «прекрасная вечерняя сиделка» с надписью – стихами Андрея Тимофеевича, в которой он дал чувствительное описание этого участка – «ревира»:

Приятнейший ревер, украшенный водами,
Текущими из гор чистейшими струями,
Льющимися здесь в бассейны и прудки
И разные вокруг имея бугорки
Гордящиеся тут прелестными цветами
А инде зелению, деревьями, кустами
Весьма прекрасно ты, о место! в вечеру,
Как солнечны лучи начнут свою игру,
Когда зефир один верхи древес колеблет,
А ухо нежной шум гремящих вод лишь внемлет.
Когда всегда гладка, как в зеркале, вся здесь
И видна в ней гора и храм и сад сей весь.
О, коль приятно здесь ходить тогда, гуляя,
Природы красоты душевно ощущая,
Восторгом вся душа пленяется тогда
И сердце радость чувствует невинную всегда!⁷

Работы по украшению «Гуляльного» сада продолжались и в последующие годы. Так в 1799 г. в нижней части сада был сделан Длинный водоем. Позднее гору украсил грот, который был поставлен на верхнем расширенном уступе, на одной оси с восьмиугольной беседкой у озера.

Оригинальной особенностью Гуляльного нагорного сада было устройство небольших «уступчиков» для более полного использования склонов крутой горы. В задуманном месте вырытая из косогора земля составляла «уступчик», на котором можно было посадить бояжье дерево, крыжовник, куманику (выписки А. П. Бердышева из «Записок садовых» Болотова). Второй тип уступов представлял собой выемки в разных местах склонов горы для устройства в них дерновых или деревянных «сиделок» – утренних, полуденных, вечерних – для любования природой в разное время дня (эти уступы сохранились до наших дней).

Закончить комментарий к «Вечеру на горе Авенизер» хочется отрывком из воспоминаний внука Андрея Тимофеевича, Михаила Павловича Болотова, который видел гору в законченном виде: «20 че-

ловек... обязаны были ежедневно с лопатами и заступами являться на работу в сад, собираясь всякое утро к его крыльцу. Они окапывали старые яблони, обмазывали и очищали их, «...» огораживали сады и делали разные работы по украшению гуляльного нагорного сада, в котором было много клумб с цветами, несколько сажелок с проточною водою, разные мостики, сиделки, беседки, гроты и множество сходов по лестницам»⁸.

Апрель, 2008

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РНБ. ОР. Ф. 89 (Болотов А. Т.). Ед. хр. 96. С. 207–228.
- 2 Болотов А. Т. Избранное. Псков, 1993. С. 280.
- 3 Там же. С. 281.
- 4 Здесь и далее выписки А. П. Бердышева.
- 5 Там же. С. 258.
- 6 РНБ. ОР. Ф. 89. Ед. хр. 65.
- 7 РНБ. ОР. Ф. 89. Ед. хр. 65, XII. 7. Выписано А. Л. Толмачёвым.
- 8 Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов // Русская старина. 1873. Т. VIII. № 11. С. 743.

Л. В. Рассказова

МАСОНСКИЙ САД
КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА
В УСАДЬБЕ НАДЕЖДИНО

Князья Куракины оставили выдающийся след в истории России: в политике, экономике, социальных отношениях, архитектуре, искусстве. Их столичные дома и дворцы известны специалистам. Вместе с тем приходится признать, что дальние имения Куракиных изучены недостаточно, и менее всех – Надеждино князя Александра Борисовича (1752–1818) в Сердобском уезде Саратовской губернии (ныне Пензенская обл.). В Надеждине князь провел значительное время: с ноября 1782 г. по ноябрь 1796-го и с сентября 1798-го по февраль 1801 г. До длительного пребывания в сердобском имении он путешествовал по Европе, посетил множество дворцов и парков. Если по поводу авторства дворца в Надеждине идут споры, то парк является полностью творением князя А. Б. Куракина.

Скромная презентация Надеждинского парка в усадебоведении не соответствует его значению в истории искусства и культуры России. Оно определяется тем, что парк создавался одновременно с первыми пейзажными императорскими парками в окрестностях Петербурга. В 1780-х гг. начали строить Английский сад в Петергофе, пейзажный парк около Большого дворца в Царском Селе, парк в Павловске. Надеждинский, созданный в соответствии с передовой европейской модой, появился в саратовской глуши. Изучение этого парка может быть продуктивным в следующих аспектах: его стилистическая принадлежность (пейзажная с элементами регулярной, в том числе и барочной планировки, архитектура садовых павильонов и пр.); сравнение с одновременными европейскими и русскими парками; его индивидуальные особенности и своеобразие. Наконец, масонская программа парка.

А. Б. Куракин принадлежал к шведско-берлинской масонской системе, имел высокую степень посвящения. С масонством он познакомился и был посвящен во время заграничных путешествий, либо в 1770-х гг., либо в 1781–1782 гг., когда сопровождал цесаревича

Павла Петровича. Авторитетный исследователь В. С. Турчин считает, что «масонские программы особенно были ясно видны в Надеждине Куракиных, Савинском Лопухиных»¹. Таким образом, куракинский парк входит в тройку «самых масонских», наряду с подмосковной усадьбой Я. В. Брюса в Глинках². Но это положение автором не объясняется. Масонским Надеждино считает и М. В. Нащокина в монографии о русских садах. Она сделала такое заключение на основе анализа топонимики храмов, просек и дорожек³.

Цель этой статьи – указать на возможные подходы при определении художественных образов парка, конкретно – его масонской программы. При этом необходимо учитывать замечание В. С. Турчина о несхожести мироощущения людей эпохи Просвещения с нашим: «Все люди до эпохи позитивизма и материализма XIX в. были другими, их мировоззрение – качественно иным, со своими особенными понятиями и идеалами, даже с другой лексикой»⁴. К Надеждинскому парку это применимо дословно, так как важнейшей его особенностью является развитая топонимика*.

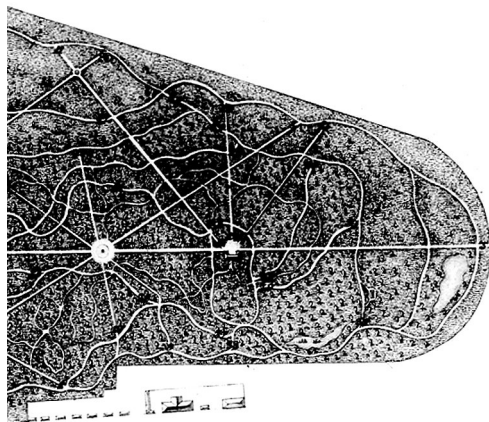
К сожалению, парк сохранился до настоящего времени только в виде зеленого массива: некоторые аллеи давно уже не просматриваются, садовые затеи и строения находились в полуразрушенном состоянии уже в середине XIX в., а к его концу перестали существовать. Однако иконография парка достаточно обширна. Сохранился гравированный в 1795 г. план⁵, на котором указаны наименования храмов, просек и дорожек. Известны гравюры и картины с видами нескольких уголков парка, преимущественно парковых сооружений. В мемуарных зарисовках как современников князя, так и гостей усадьбы середины и конца XIX и начала XX в., описываются некоторые элементы его обустройства. Кроме того, недавно републикованы «Надписи в стихах к просекам, дорогам и храмам в Англинском саду», сочиненные неким Т. Троепольским и впервые изданные в 1795 г.⁶

Весьма увлекательно и логично зачислить парк, разбитый по проекту одного из первых русских масонов, в безусловно масонские. В статье, посвященной русским масонским садам, задача которой – составить парадигму масонской парковой атрибутики, М. В. Нащокина очень верно замечает, что «парковые масонские символы [...] практически не повторяются, и каждый раз наделены какими-то

* Например, надо иметь в виду, что значения слова «любовница» в названии одной из дорожек парка – «Верных Любовниц» – в XVIII и в XX вв. разнятся. Любовницей в XVIII в. называли возлюбленную, любовниками – влюбленных. Таким образом, «верные любовницы» можно трактовать, например, как «возлюбленные, или влюбленные, преодолевшие все препятствия».

NOMS DES TEMPLES

- a. de la Foi
- b. de la Patience
- c. de la Concorde
- d. de l'amitié
- e. de la Reconnaissance
- f. la porte de Belle-vue
- g. le sanctuaire des sentiments éternels
- h. de la Vérité

PLAN DU JARDIN ANGLAIS

Situé devant le Chateau de la
terre de Naléjino appartenant
à S. A. M^{te} le Prince Alexandre
Borisovitch Kouzoukine.

NOMS DES GRANDES ALLEES

1. de Trésor et de la
2. des Actions glorieuses
3. de Sédation
4. d'Antoinette
5. de la Révérence
6. de Cathe
7. de Sophie
8. d'Helene
9. de Brantiski
10. du Bonheur attendu
11. des Soumissons agréables
12. de la Consolation
13. de l'Ombre agréable

NOMS DES PETITES ALLEES

14. du Plaisir
15. de la Solitude
16. de la Consolation inattendue
17. des Ombres vaines
18. de l'Amant ardent
19. de la Véritable intelligence
20. de la Fréquente répétition
21. du Souvenir des plaisirs passés
22. du Calme de l'âme
23. de l'Ami constant
24. des Illusions
25. de la Réverie
26. de l'Interpédité
27. de la Embarras
28. du Projet accomplissement
29. des Amants Eudées
30. du Bon accord
31. de l'Enchantement
32. de Mon frère Rhénie
33. la Nouvelle
34. de Mon frère Névis
35. de l'Amour du travail
36. de Cathe
37. de Pierre Mochlomon
38. de la modulation
39. de la Foi
40. d'Elaine Ample
41. de la grandeur d'âme
42. de la puissance de soi-même

Гравюра И. Ческого по рисунку В. Причетникова.
Из альбома гравюр парка. Конец XVIII в.

уникальными чертами»⁷. Причина этого в том, что каждый усадебный парк — отражение личного опыта владельца, а одни и те же атрибуты в каждом парке имеют свои нюансы в символике. И дело здесь даже не в пресловутой масонской герметичности, — только посвященный видит тайный смысл, — а в том, что каждый посвященный, в зависимости от масонской системы и степени посвящения, видит *свой* тайный смысл⁸. Однозначно масонских символов в Надеждинском парке практически нет. Почти любое название, любой элемент садовой архитектуры могут быть истолкованы и номинативно, и аллегорически, отсылая к некоему символическому значению. Как пишет И. И. Свирида, «попытка прочесть образы пейзажного парка глазами вольного каменщика является лишь одним из способов интерпретации его многозначного текста, однако такое прочтение позволяет шире представить его многослойную семантику»⁹.

Представляется, что наличие тех или иных элементов не является поводом для отнесения парка к масонскому, так как, по верному замечанию Ю. М. Лотмана, «символ никогда не принадлежал какому-либо одному синхронному срезу культуры <...> приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его не-символического текстового окружения»¹⁰. Пожалуй, определяющим может служить наличие программы, охватывающей все элементы в единый комплекс. Какой же она может быть, исходя из анализа «Плана Англинскому саду из нагорной дубравы позадь господского дома», гравированного в 1795 г. по приказу князя А. Б. Куракина?

Князь начал разбивать усадебный парк в 1780-х гг., когда строился первый деревянный господский дом. План 1795 г. отражает не окончательный вариант парка, что можно видеть из переписки князя. В письме от 12 мая 1794 г. к великому князю Павлу Петровичу он пишет: «Я *только что переименовал* их все (садовые павильоны; очевидно, они уже существовали. — Л. Р.) в храмы и дал имя этим храмам, всем просекам и дорожкам этого прелестного сада. На каждой просеке *можно будет* найти множество столбов с надписями, которые *сообщат* ее имя, чтобы все прохожие могли тотчас проникнуться идеями и чувствами, которые здесь вызывают ассоциации» (курсив мой. — Л. Р.)¹¹. На плане некоторые дорожки, павильоны еще не имеют названий, есть объекты неопределенного назначения*. Кроме того, в гравированном альбоме с видами парка есть изображение храма

* Например, нечто в виде холма правильной круглой формы, — видимо, насыпного, исходя из изображения на плане, — в середине просека Твёрдости. Репертуар земляных парковых сооружений этого периода весьма обширен: горка Парнас; горка с гротом или пещерой внутри. Из масонских объектов — подземный лабиринт или помещение для тайных заседаний

Верности (*le Temple de la Fidélité*), но такого нет ни на плане, ни в «Надписях в стихах». В то же время на плане и в надписях есть храм Благодарности (*le Temple de la Reconnaissance*) и Ворота Красивого Вида (*la Porte de Belle vue*), но их изображения отсутствуют. На плане есть Новая Китайская беседка (*Nouveau Bosquet Chinois*), есть и ее изображение, но надписи нет. Известны виды дома Молчанова и Летнего дома, но их нет на плане, нет к ним и надписей.

На мой взгляд, это свидетельство, во-первых, незавершенности работы над парком. Во-вторых, очевидно, программа (наименование) сочинялась применительно к тому, что уже было. Еще одним аргументом в пользу этой версии может служить существование на плане храма Лады. По-французски его название обозначено как *le Temple de la Concorde* (храм Согласия). А вот русское название того же храма под гравюрой с его изображением переведено на французский как *le Temple de Venus* (храм Венеры). План и виды парка гравировались одновременно¹². Надпись в стихах к храму Лады явно указывает на обращение к богине: «Ты дочь отца богов, ты мать всея природы! / Так вдревле чли тебя; так ныне чтут народы. / Сердце** – твой жертвенник; вселена – твой алтарь... / Тебе подвластен Царь, пастух и всяка тварь!» Безусловно, здесь речь идет о Венере (Афродите), богине Любви, дочери отца богов Юпитера (Зевса). Согласно греческой мифологии, ей подчинены боги и люди.

Интересно, что храм назван русским именем богини, а не античным, римским или греческим, что для князя Александра Борисовича было бы более привычным, а для нас ожидаемым. Во многих античных мифах Венера воспевалась как богиня плодородия, дарующая жизнь растительному и животному миру. Славянская языческая богиня Лада известна русским исследователям с XVII в., причем именно этнографам – ее культ зафиксирован в фольклоре, в записи песен и обрядов, ей посвященных. Академик Б. А. Рыбаков писал: «Историко-этнографические материалы <...> рисуют нам Ладу как богиню брака и благополучия, празднования в честь которой проводились весной (1 мая) и в первую половину лета („зеленые святки“ в диапазоне: середина мая – середина июня)»¹³. Обращает на себя внимание, что письмо князя Александра Борисовича к цесаревичу, в котором он сообщает о переименовании храмов и просеков, написано 12 мая, т. е. в самую пору прославления богини Лады. Известно, что в Надеждине

ложи. Наконец, просто погреб, оформленный как грот. Побывавший в парке в 1848 г. Д. Карташев упоминал о каком-то земляном кургане, с которого по вечерам звучала музыка.

** Думаю, здесь ошибка, правильнее «сердца».

был оркестр роговой музыки. Можно предположить, что народные песни звучали в усадьбе, и князь Александр Борисович интересовался народным творчеством*.

Архитектурный образ храма Лады лишь отдаленно можно ассоциировать с русским зодчеством. Судя по изображению на гравюре, он представлял собой легкий двухэтажный, видимо, квадратный в плане павильон с балконом по периметру во втором этаже и такой же верандой в первом. Только шатровая крыша, возможно, служит напоминанием о русском тереме. Выскажу осторожное предположение, что храм Лады, как и Новая Китайская беседка, могут относиться к предполагаемой перспективе развития парка в направлении превращения его в «экстракт вселенной всей». Вспомним и о проекте «готического домика», который прислал брат Алексей.

Вернемся к французскому переводу имени храма Лады на плане 1795 г. Очевидно, что по замыслу князя, желавшего, чтобы все знали о его чувствах и мыслях при прогулке по парку, названия первоначально придумывались по-русски. Во всяком случае, мемуаристы не пишут о двуязычных надписях. Если бы они были только по-французски, их бы не все посетители могли прочесть, так как в ту пору не все провинциальные дворяне и по-русски читать умели. А ведь князь Куракин принимал всех проезжавших мимо без церемоний. На французский названия были переведены, вероятно, лишь при гравировке плана в 1795 г. (Само переименование происходило весной 1794 г.) Возможно, переводчик надписей, не зная имени славянской богини, переосмыслил его как форму женского рода от слова «лад», т. е. согласие. Интересно, что во французском языке есть два слова, обозначающих согласие: *la concorde* (ж. р.; с оттенком: единодушие, согласованность) и *le consentement* (м. р.; с оттенком: сочувствие). Кроме этого, на выбор слова переводчиком могло повлиять переименование в 1795 г. в Париже, после многочисленных казней, в том числе и короля, площади Луи XV в площадь Согласия (*de la Concorde*).

Таким образом, своеобразием парка Надеждина является прежде всего то, что его масонская программа привнесена в уже готовый

* Известно, что в 1780–1790-х гг. интерес к нему растет в русском просвещенном обществе. Издаются работы по древней славянской мифологии М. Попова и М. Чулкова. В 1776–1795 гг. В. Трутовский публикует «Собрание русских простых песен с нотами», в 1790-м появляется широко известное «Собрание народных русских песен» И. Прача и Н. Львова. О русской народной песне писал А. Н. Радищев в своем «Путешествии» в 1790 г. На этом фоне в 1795 г. закономерно произошло открытие «Слова о полку Игореве», что может служить подтверждением общественного интереса к русской народной словесности.

парк, явлена в номинациях, а не в рельефе, топографии, репертуаре скульптуры и сооружений, как то мы видим в других, большей частью позднейших масонских парках (например, Остафьево, Архангельское и проч.). Неслучайно князь хочет «узаконить» масонские смыслы физически: многочисленными надписями на столбиках. И это было сделано.

На плане 1795 г. курдонер перед дворцом показан пустым. Но существует еще макет, находившийся в усадьбе, а ныне хранящийся в Саратовском музее краеведения¹⁴. На макете четко виден партер перед дворцом, разбитый в виде равностороннего креста с вертикальной композицией в центре. Возможно, идея креста возникла позже гравировки плана^{**}. В масонских усадьбах партер мог представлять выложенный из цветов ковер логи. Крест у масонов символизировал Веру, Любовь, Надежду, Терпение. Это, как мы увидим в дальнейшем, ключевые категории парковой программы. Надежда фигурирует в новом названии усадьбы^{***}, а Терпение — в наименовании храма в парке. Можно вспомнить, что на княжеском гербе Куракиных на чертан девиз: «За веру и верность». Обращают на себя внимание три круглые клумбы, расположенные на оси, параллельной фасаду дворца. Две из них устроены у концов креста именно для того, чтобы крест вышел равноконечным, поскольку курдонер овальный, и ось восток — запад длиннее, чем север — юг. Вместе с тем аллюзии креста в партере перед дворцом можно отнести к вполне привычным и традиционным средствам планировки в русских усадебных парках, а не к намеку на тайный смысл.

Что же можно видеть из плана? Прежде всего, резкое отличие его левой (западной) и правой (восточной) частей. Западная часть составляет менее трети общей площади парка. Раздел проходит по самому широкому Цесаревичеву просеку^{4*}, начинающемуся от выхода из курдонера. Планировка частей различна. Западная часть представляет собой запутанную сеть извилистых дорожек, собирающихся и разбегающихся от небольших полянок с храмами. Здесь нет ни одного просека, т. е. прямой аллеи. Из девяти поименованных на

^{**} Известно, что Павел I в 1797 г. учредил в России Великое Приорство Мальтийского ордена. После того, как Наполеон в 1798 г. захватил Мальту, Павел I был избран великим магистром ордена. Князь А. Б. Куракин в это время был в Петербурге, рядом с императором, а с 1798 г. — опять в Надеждине.

^{***} Первоначально село называлось Борисоглебское.

^{4*} На плане 13 пронумерованных просеков: 1 — Цесаревичев, 2 — Славных дел, 3 — Нелидовой, 4 — Антуанетин, 5 — Твердости, 6 — Катишин, 7 — Софьин, 8 — Алюнин, 9 — Браницкой, 10 — Ожидаемого Благоденствия, 11 — Приятного Наслаждения, 12 — Отрады, 13 — Милой Тени.

плане храмов* в этой части находится пять: Славы, Терпения, Лады, Дружбы, Благодарности. Характерно, что нумерация храмов и дорожек на плане начинается именно с этой части парка. Двучастная планировка масонского парка соответствует учению о Хаосе (дикий природе, непросвещенной душе) и Гармонии (утвержденной Творцом, о просвещенной светом истины душе) и, соответственно, о становящейся (из хаоса) и ставшей (обретшей гармонию) душе. Названия храмов в западной части можно трактовать как добродетели, помогающие человеку достигнуть истины, и сложный, непрямой путь достижения этих свойств.

Шестой храм — Истины — наиболее удален от дворца**; он расположен в восточной части на северной границе парка, и к нему от Ворот Красивого Вида идет прямой просек (Софьин), один из пяти лучей, отходящих от Ворот в восточную часть парка. Ближе всех к дворцу в парке храм Славы, он находится по левую (западную) сторону от центрального Цесаревичева просека. Интересно, что в отличие от других храмов, связанных между собой — пусть и весьма замысловато — дорожками, в храм Славы можно попасть только одним путем — с Цесаревичева просека. Очевидно, что это не случайность.

В западной части находился еще один интересный объект, не указанный на плане, но сохранившийся в мемуарах. Один из посетителей, побывавший в Надеждине ребенком в конце 1860-х — 1870-е гг., вспоминал «какие-то лабиринты узких дорожек, из которых, казалось, не было выхода и которые приводили опять и опять к этой лесной лужайке, где лежал огромный камень из темного гранита с золотом высеченными буквами:

M E M E N T O M O R I .

А дальше в тени ветвей мы неожиданно натыкались на снежно-белую беседку с колоннами, построенную в виде греческого алтаря с манившей нас надписью: „Храм Благодарности“»¹⁵. Необработанный, «дикий» камень, символизирующий непросвещенную светом истины душу, является почти неоспоримым масонским парковым символом, равно как и лабиринт, символизирующий сложный путь непросветленной души к истине. Размышления о смерти — неперемнная часть

* 9 храмов, обозначенных на плане латинскими литерами, имеют следующие названия: Славы, Терпения, Лады, Дружбы, Благодарности, Ворота Красивого Вида, Вместилище Чувствий Вечных, Истины, Новая Китайская беседка.

** Во время Отечественной войны 1812 года при подходе Наполеона к Москве в храм Истины в Надеждине по приказу князя был перевезен семейный архив Куракиных из дома на Басманной. После войны документы вернули в Москву.

масонской эзотерики, ибо только в загробном мире для бессмертной души возможно достижение полного совершенства¹⁶.

Описание западной части закончу перечислением названий дорожек***, здесь расположенных. Вряд ли существует какой-либо специальный смысл в переплетениях и соединениях их названий. Полагаю, важна идея, выраженная совокупностью их наименований: Удовольствия, Уединения, Неожиданного Утешения, Преодолеваемых Трудностей, Истинного Разумения, Частого Повторения, Вспоминовения Прошедших Утех, Постоянного Друга, Отважности, Прихоти, Скорого Достижения, Верных Любовниц, Восторга, Брата Степана. Только последнее наименование (если это не ошибка гравера) выпадает из полного репертуара переживаемых душой чувств на пути к становлению.

Основой планировки парадной восточной части является идущий от дворца Цесаревичев просек с расположенным в его центре храмом Ворота Красивого Вида, обращенным к правой части парка, сходящим от Ворот пятилучьем просеков (не считая Цесаревичева), с двумя этуальями на самом длинном, прорезывающем парк с запада на восток просеке Твердости, и двумя этуальями в южной и северной частях парка. Просек Твердости идет почти параллельно «улице» каменных зданий (за пределами парка) и продольной оси дворца.

В восточной части находятся два храма: Ворота Красивого Вида и Вместилище Чувствий Вечных. Князь И. М. Долгорукий называл Ворота триумфальным¹⁷, А. Голомбиевский, посетивший усадьбу в 1910 г., уже ничего не увидел, кроме Ворот Красивого Вида, «очень напоминающих постройки в Царицыно»¹⁸. Здесь симптоматично сравнение с баженовскими строениями, возможно, имеющими масонскую символику. Смысл названия храма вполне разъясняется описанием другого мемуариста. По прямой аллее (Цесаревичев просек) от дворца они дошли до круглой площадки, где находился прежде летний деревянный домик*. «От него тянутся лучами широкие аллеи, будто тоннели,

*** Имена дорожек (их всего 29, нумерация просеков и дорожек общая): 14 — Удовольствия, 15 — Уединения, 16 — Неожиданного Утешения, 17—Преодолеваемых Трудностей, 18—Жаркого Любовника, 19—Истинного Разумения, 20—Частого Повторения, 21—Вспоминовения Прошедших Утех, 22—Спокойствия Душевного, 23—Постоянного Друга, 24—Веселой Мысли, 25—Задумчивости, 26—Отважности, 27—Прихоти, 28—Скорого Достижения, 29—Верных Любовниц, 30—Доброго Согласия, 31—Восторга, 32—Брата Степана, 33—Новая, 34—Брата Алексея, 35—Трудолюбия, 36—Гатчинская, 37—Петра Молчанова, 38—Размышления, 39—Радости, 40—Степана Ямпольского, 41—Великодушия, 42—Услаждения Самого Себя.

проложенные в массе зелени, открывая вдаль разнообразные картины; впечатление, какое они производят на зрителя, – истинно очаровательно! Однообразие аллеи делает незаметным ее далекое протяжение, между тем там ярко освещенный предмет заканчивает чрезвычайно приятно эту темную перспективу и составляет живописный с нею контраст. Это очарование невыразимо, когда смотришь в аллею Марии-Антуанетты, названную так по видневшемуся в ее конце памятнику. «...» На конце других аллей представляются: в одной – фасад дома, в другой – сельский вид, будто в диораме, в третьей – голубая даль, поля и проходящее стадо при золотистом свете вечернего солнца»¹⁹. Упоминание вечернего солнца заставляет вспомнить парк в Павловске. Известно, что там Д. Кваренги был задуман «вечерний сад»: выбиралось место, откуда хорошо виден закат солнца²⁰. Вечер и закатное солнце ассоциировались с мотивами призрачности всего земного, настраивали на отстранение от преходящего²¹. Вместе с тем это просто любование красивым местом, «естественной» натурой, а князь Александр Борисович был «истинным любителем природы», о чем свидетельствуют его письма из Надеждина.

Название второго храма парадной части – Вместилище Чувствий Вечных – говорит об установившейся гармонии души, где господствуют вечные, то есть высшие, не изменяющиеся чувства. Правда, князь И. М. Долгорукий описывает его по-другому. «В этой зале, поставленной в саду, было четыре кабинета; на дверях каждого был вензель любезной какой-либо особы князю. Мысль его всегда обращалась к той, чье имя видел он там, где избрал сидеть. Из этой залы мы смотрели на представление в поле людьми его драмы „Эмилия Галотти“»²². Князь Иван Михайлович Долгорукий не был масоном²³, поэтому тайный смысл имени храма ему не мог быть открыт. Из надписи к храму явствует, что «чувствия вечные» – это «не внешние чувства, душевные и сердечные», переживаемые героем в обществе, а «все, что вокруг меня», т. е. «естественная» природа (английского пейзажного, а не регулярного французского парка), явленная в надеждинском саду. Таким образом, «чувствия вечные» – это обобщающая аллегория природы, а не изменчивого человеческого общества. Парк – прибежище покоя и блаженства души: его «воздвигнули блаженство и покой «...» / Здесь дружба и любовь век обрели златой». (Надпись к караульне у входа в парк.)

В восточной части заметно преобладание названий просеков в честь конкретных людей – семь из тринадцати: Цесаревичев, Антуанетин, Нелидовой, Катишин, Софьин, Алюнин, Браницкой²⁴. Остальные

* Это все-таки Ворота Красивого Вида, судя по дальнейшему описанию. Поскольку мемуарист ни плана, ни самих построек не видел, он мог перепутать названия и расположение садовых павильонов.

наименованы: Славных Дел, Твердости, Ожидаемого Благоденствия, Приятного Наслаждения, Отрады и Милой Тени. «Эти названия вызывают у меня приятные и интересные воспоминания, — писал князь Александр Борисович. — Они обозначают природу чувств и имена людей, которые занимают мое сердце. Они будут часто вызывать у меня грусть, но она всегда будет сопровождаться душевным спокойствием, и за ней последует радость ничем не омраченного счастья, свободного от хлопот, тревог, угрызений совести и сожалений, которым так часто предаешься в большом свете»²⁵. Память — одна из главных тем, воплощенных как в номинациях сада, так и в «Надписях в стихах». Из сорока шести миниатюр в десяти присутствуют слова «память» или «памятник» — прежде всего в тех случаях, когда названия посвящены конкретным лицам**.

Очевиден другой принцип называния просеков и дорожек в этой торжественной части парка, свидетельствующей о победе Души над Хаосом и о найденной гармонии. Теперь душа хозяина парка явлена в зримых образах памятников, павильонов, аллей и дорожек, видов, уголков — во всем многообразии ассоциативных и мемориальных связей. Одновременно, по верному замечанию О. С. Евангуловой, «имена призваны внушить посетителю, что он становится гостем некоего государства с его пределами и сопредельными местностями»²⁶. Князь Александр Борисович является государем этого маленького княжества и двора, а присвоение имен близких людей аллеям парка может восприниматься пожалованием милости, как при настоящем дворе. Кстати, сами отмеченные вниманием хозяина так к этому и относились. Например, брат Степан обижался, что его дорожка короче дорожек управляющих княжескими имениями Молчанова и Ямпольского. Намек на масонство в таком случае можно увидеть лишь в пренебрежении социальной иерархией тех людей, именами которых названы просеки и дорожки.

Есть еще и третий смысл в парковой топонимике: зашифрованное послание другу. В письме цесаревичу Павлу Петровичу князь Куракин писал: «Я сделал для Вас, мой дорогой покровитель, уменьшенный план моего сада, и отправляю его Вам, как только будет готов список названий, коими я его наполнил. Эти имена не будут представлять для Вас загадку, как для других: они позволяют Вам проникнуть в самые сокровенные тайники сердца Вашего покорного слуги и откроют для Вас его чувства, чаяния, радости. Вы узрите его обнаженную душу и увидите, что он всегда таков, каким Вы его знали...»²⁷ Недомолвки князя проясняются «Надписями в стихах».

** Только в надписи к Цесаревичеву просеку нет слова «память», но это чувство выражено опосредованно: герой «чтит» друга в своей душе, т. е. постоянно думает о нем.

Так, первые строчки посвящения Цесаревичу просеку показывают благородную неизменность чувств и преданность Павлу: «Кого в душе моей по Боге первым чту, / Для коего презрел блистательну мечту». В посвящении храму Благодарности мотив богоподобия Павла повторен: «...А кто благотворит, тот Божеству подобен, / Таков ты <...>, коему навек я посвящен и сам»²⁸.

О планировке просеков можно заметить, что от точки входа в сад прямо до Ворот идет самый широкий Цесаревичев просек, а почти под прямым углом к нему, правее – Славных Дел, пересекающий – с Антуанетиным. На месте пересечения, видимо, был поставлен памятник французской королеве. Получается малый треугольник: Цесаревич, Славные Дела, Мария-Антуанетта. Далее просек Славных Дел доходит до пересечения с просеком Твердости и получается большой треугольник: Цесаревич, Славные Дела, Твердость. Кстати, эти три просека – самые длинные в парке.

Особенности рельефа, играющие большую роль в масонской символике (холмы, горки, пещеры, гроты, острова и проч.), практически не участвуют в масонской программе Надеждинского парка. Имеющиеся на плане пруды никак не обозначены ни в надписях, ни в названиях. Только в двух миниатюрах содержится упоминание о конфигурации объектов. О просеке Твердости сказано: «Прямизна сей стези, толико протяженной, / Являет цель души, ко благу устремленной». Те же, без обиняков высказанные, масонские идеи и в посвящении дорожке Удовольствия: «Хоть сей искривлен путь, но прямо он ведет / К тем удовольствиям, не знает коих свет».

На гравированных изображениях видно, что некоторые храмы стоят на небольших возвышениях (несколько ступенек), скорее высоких фундаментах, так как парк разбит на ровном возвышенном плато. Исключение составляет храм Славы. Он венчает искусственный холмик, по склонам которого змеится дорожка-серпантин, ее хорошо видно и на плане. Надпись о Славе, венчающей бессмертьем «великих душ дела», закрепляет эту прозрачную аллгорию восхождения.

Топонимика и планировка данным анализом, безусловно, не исчерпывается, однако общий принцип устройства парка и его программа, на мой взгляд, достаточно ясны. Я полагаю, что искать их надо не в масонской герметической символике, а в масонской этике. Отличительной особенностью Надеждинского парка является полное отсутствие мистики и сложной аллгории. Как указывает И. И. Свирида, масонство XVIII в., «начавшись прежде всего в качестве морально-этического движения, на протяжении столетия обрастало мистическими напластованиями <...> его структура и ритуал все более усложнялись»²⁹. А. Б. Куракин принадлежал к самым первым по времени появления русским масонам, разрабатывавшим

нравственно-этические идеи. Их задачей было самопознание. «Они больше масонствовали, чем были масонами, – написал о русских масонах первого поколения В. О. Ключевский. – Они (...) вступили в состав „малого избранного народа“ вольных каменщиков только для того, чтобы самих себя переработать в пригодные камни для мысленного храма Соломонова»³⁰.

Необходимо учитывать и такие качества личности князя Александра Борисовича, отмечаемые всеми современниками, как самопрезентация (или, как писали некоторые мемуаристы, тщеславие), постоянное напоминание о своем положении при дворе и прочее*. Оказавшись в ссылке, князь осмысливает и стремится «обжить» эту ситуацию как возможность явить в натуре масонские добродетели в суровых испытаниях, посланных ему Творцом. «Абстрактные» названия аллеи при таком прочтении становятся говорящими. Это очевидно при обращении к «Надписям в стихах». Самый популярный мотив в них – плодотворность уединения. Слова «уединение», «пустыня», «убежище», «покой», «тишина», «безмолвие» присутствуют в тринадцати миниатюрах. Это напрямую соотносится с одной из заповедей вольных каменщиков: «Ищи сам истину в тишине и уединении»³¹. Даже «приятное наслаждение» возможно только после уединения, «которому здесь жизнь посвящена моя» (посвящение просеку Приятного наслаждения).

Итак, парк в Надеждине – это место поиска истины душой, жаждущей совершенства. Истинный «друг человечества», обретший твердость и гармонию, не озлобляется, не замыкается в себе, не скорбит, не отчаивается, не предаётся унынию. Он благодарен всем за малейшее сочувствие к его судьбе. Он открыт радостям жизни: это говорит о его чистой душе. «Места, блаженные едемской простотой, / Места, далекие от светских туч и стрел! / Я в вас душевное спокойствие обрел» (надпись к дорожке Спокойствия Душевного). Здесь душа обретает утраченную первородную беспорочность, словно попадая в Эдем (рай).

В топонимике парка нет чувств греховных, угнетающих, даже скорбных или грустных, что дало повод некоторым исследователям говорить о гедонистической программе парка³², т. е. не выходящей за рамки сентиментализма. Действительно, такое впечатление может сложиться, если посмотреть только названия просек, храмов и до-

* Известны слова князя А. Б. Куракина о Надеждине: «Если и не удастся мне сим домом пользоваться и в нем жить, пусть же останется он здешнему месту прочным украшением и памятником обо мне» (цит. по: Голомбиевский А. Указ. соч. С. 25). Я полагаю, что здесь более глубокое чувство, чем просто тщеславие.

рожек. В стихотворных надписях гедонизм сменяется масонскими идеями самосовершенствования, приближения к Эдему. (Анализ стилиевой принадлежности и литературной программы «Надписей в стихах» требует отдельной статьи.) Хозяин парка убеждает посетителей в том, что на лоне природы человек забывает об изменчивости и коварстве света, чувства его чисты и естественны, он уподобляется праотцу Адаму в эдемском саду. Но достижение такого состояния дается трудом души.

Многочисленными исследователями признано, что масонство является философской основой сентиментализма (П. Н. Сакулин, Г. А. Гуковский, Г. П. Макогоненко, П. А. Орлов, Н. Д. Кочеткова, И. И. Свирида, О. Н. Купцова, В. И. Сахаров и др.). Напомним, что Англия была родиной и масонства, и сентиментализма, и пейзажных парков. Затем пути их расходятся, масонство сентиментализмом не поглощается и не исчерпывается, как и пейзажный парк не поглощается и не исчерпывается идеями вольных каменщиков. Сентименталисты предпочитают любоваться «естественной» природой и своими чувствами, масоны – постигать тайный смысл мироустройства и пути самосовершенствования. И те, и другие делают это в пейзажном парке³³.

На мой взгляд, самобытным в парковой топонимике Надеждина является постоянный уход его владельца от абстрактного философствования о мироустройстве к изображению «чувствий» *своей* души. И в этом – прелесть и очарование этого парка. Здесь, например, мы видим памятник не масонскому учителю и не благодетелю, а несчастной французской королеве Марии-Антуанетте, с которой князь А. Б. Куракин был хорошо знаком. «На медной доске пьедестала вызолоченными словами идет надпись о ней, заканчивающаяся словами: „Мимойдущий, вспомни о ней, возрыдай о несчастьях ее, вознеси о ней горячую молитву твою пред Всевышним“»³⁴. Это прямое противопоставление масонским памятникам учителям (Ср.: парк в Савинском с памятниками Репнину, Руссо, Фенелону, Юнгу, Лейбницу, Конфуцию, Квиринау Кульману, Эккартсгаузену и т. д.)³⁵. Аллеи здесь называются не в честь героев отечества или всемирной истории, являющих образцы доблести для подражания, а именами людей, имеющих заслуги только перед самим владельцем парка. Это не величие «чувствий», а индивидуальность переживаний.

Программа парка может быть выражена понятиями «верность, терпение, любовь и надежда», являющимися основой душевной гармонии, к которой душа приходит, познав дружбу, славу, благодарность, верность и прочие чувства, варьирующиеся в партере, в названии храмов, просеков и дорожек западной и восточной частей парка, в посвященных им надписях. Это соотносится и с девизом герба Куракиных («За веру и верность»), и с психологическими осо-

бенностями личности и биографией князя Александра Борисовича. Он был постоянен в привязанностях и благороден, что отмечено и благодарной за память о муже императрицей Марией Федоровной³⁶ и многочисленными дипломатами (поведение князя на пожаре в Вене в 1810 г.). Язвительный Ф. Ф. Вигель писал: «Он хотел казаться не модником, а великим господином. <...> Зато какую искусную представительностью, каким благородством, каким постоянством и нежностью в дружбе заменял он все недостатки свои!»³⁷

Особенностью Надеждинского парка является полное отсутствие исторических и географических аллюзий и отсылок: нет ни античных богов, ни египетских сфинксов, ни руин, ни средневековых подземелий и проч. Нет стихий – огня и воды. Князь И. М. Долгорукий создал афористическое описание Савинского парка: «на десятине» снят «экстракт вселенной всей». Надеждинский парк ему противоположен: здесь не макро-, а микрокосм – душа человека, стихия тонкой душевной материи. В Надеждинском парке личность заявляет своё право на своеобразие, неповторимость, причем с наивной убежденностью, что она, конкретная душа, интересна всем самыми своими мельчайшими движениями и привязанностями. Масонский смысл этой программы заключается в том, что в парке представлен образ души идеальной, самосовершенствующейся в уединении. В дальнейшем парк мог измениться. Но после 1801 г. князь Александр Борисович в имение не приезжал. Так парк и остался «портретом» благородной души владельца в определенный момент его бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Турчин В. С. Взгляд русского масона на природу естественную и искусственную // Русская усадьба. Вып. 8. М., 2002. С. 45.
- 2 В Глинках парк регулярный, принадлежность к масонству определяется по присутствию статуй греко-римского пантеона, павильону, где заседала ложа, и планировке аллей в виде масонских символов. См.: Нащокина М. В. Русский масонский сад // Русская усадьба. Вып. 12. М., 2006. С. 514–515.
- 3 Нащокина М. В. Русские сады. XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. С. 227–230.
- 4 Турчин В. С. Указ. соч. С. 48.
- 5 РГАДА. Ф. 1375. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.
- 6 См.: Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа: утерянный и обретенный рай. М., 2008. С. 458–467. В дальнейшем тексты «Надписей в стихах» приводятся по этому изданию. Об авторе «Надписей» ничего неизвестно. Я полагаю, что, во всяком случае, программа их составлялась самим князем А. Б. Куракиным.

- 7 Нащокина М. В. Русский масонский сад // Русская усадьба. Вып. 12. М., 2006. С. 518.
- 8 Об «идейной пестроте» русского масонства говорят многие исследователи и сами масоны. См., например: Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М., 2000. С. 53.
- 9 Свирида И. И. Сады века философов в Польше. М., 1994. С. 139.
- 10 Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. Тарту, 1987. С. 11–12; Цит. по: Свирида И. И. Указ. соч. С. 139.
- 11 Восемнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива «...» кн. Ф. А. Куракиным / Под ред. В. Н. Смольянинова. Т. 2. М., 1905. С. 123–124.
- 12 Скорнякова Н. Н. Усадьба Надеждино. Работы художников Я. Филимонова и В. Причетникова в собрании ГИМ // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 513–523.
- 13 См. подробнее: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. Ч. III. Гл. 7. Рождение богов и богинь.
- 14 Опубл.: Ежова И. К. Зубриловка, Надеждино: дворцово-парковые ансамбли в Поволжье. Саратов, 1979.
- 15 Ладыженский В. Н. «В последние годы крепостного права и первые годы воли». Неоконченные воспоминания // Земство. 1995. № 1. Пенза, 1995. С. 52–53.
- 16 Ср.: «Не забывая своего собственного совершенства и радей об удовлетворении нуждам бессмертной души твоей. «...» Познание самого себя есть основание каменщицких правил. Душа твоя есть дикий камень, который очистить должно». Из «Устава вольных каменщиков, утверждено на всеобщем Совете Конvente, бывшем в Вильгельмсбаде в 5787 [1782] году». Цит. по: Масоны и масонство. Вып. 1. М., 1994. С. 105.
- 17 Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Пг., 1916. С. 242.
- 18 Голомбиевский А. Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имение князей Куракиных // Старые годы. 1911. № 1. С. 22.
- 19 Карташев Д. Село Надеждино (В Сердобском уезде) // Иллюстрация. 1848. Т. VII. № 162. С. 84–88.
- 20 Никифорова Л. В. «Глядясь в зеркало вод...» // Русская усадьба. Вып. 11. М., 2005. С. 132.
- 21 Ср.: герой очерка Н. М. Карамзина «Прогулка» (1789) отправляется вечером на прогулку, цель которой – встреча восходящего солнца, «величественного образа величественного творца всего». При этом необходимо взойти на холм, символизирующий «приближение смертного к своему бессмертному началу» (Орлов П. А. Русский сентиментализм.

- М., 1977. С. 119). Известно также, что масоны называли себя «детьми вдовы», т. е. таинственной Натуры, вдовствующей ночью без ушедшего солнца Матери-природы (Сахаров В. И. Указ. соч. С. 31).
- 22 Долгорукий И. М. Указ. соч. С. 322.
- 23 См.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. Впрочем, автор этого справочника не претендует на исчерпывающую полноту списков.
- 24 Реальный комментарий см.: Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Указ. соч. С. 458–461.
- 25 Восемнадцатый век. Т. 2. С. 124.
- 26 Евангулова О. С. Страны и народы мира в художественной Вселенной усадьбы // Русская усадьба. Вып. 5. М., 1999. С. 22.
- 27 Восемнадцатый век. Т. 2. С. 124. Перевод О. Н. Купцовой, цит. по: Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008. С. 455.
- 28 Ф. Ф. Вигель свидетельствует, что «изображения великого князя Павла Петровича находились у него во всех комнатах» дворца (Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. I. М., 1892. С. 195).
- 29 Свирида И. И. Сады Века философов в Польше. М., 1994. С. 127.
- 30 Ключевский В. О. Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // Он же. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 384–385. Сам В. О. Ключевский был масоном. См.: Серков А. И. Указ. соч. С. 397.
- 31 Карманная книжка для В* К*. М., 1783. Издана Н. И. Новиковым. Цит. по: Новиков В. И. Масонские усадьбы Подмосковья // Русская усадьба. Вып. 5. М., 1999. С. 231.
- 32 О. С. Евангулова пишет о названиях: «Ассортимент их типичен для своего времени и покоится на гедонистической основе» (Евангулова О. С. Изображение и слово в художественной культуре русской усадьбы // Русская усадьба. Вып. 2. М., 1996. С. 43).
- 33 Интересное наблюдение в этой связи приводит П. А. Орлов. А. М. Кутузов и Н. М. Карамзин бывали в берлинском Тиргартене. Одна и та же аллея первого из них навела на мрачные размышления о смерти и загробной жизни, второго – на воспоминания о друге (том же Кутузове), который тоже здесь бывал. См. подробно: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 129.
- 34 Карташев Д. Указ. соч. С. 88.
- 35 См.: Новиков В. И. Указ. соч. С. 231–239.
- 36 Императрица поставила в Павловске памятник князю А. Б. Куракину с надписью «Другу друга моего». Ср. у А. Голомбиевского: «чисто-сердечная, бескорыстная и беспредельная преданность наследнику престола». (Указ. соч. С. 7).
- 37 Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 194–195.

О.А.Дробнич

ПАРК ПОДМОСКОВНОЙ УСАДЬБЫ ТИШКОВО

Усадьба Тишково¹ на р. Вязь (ныне берег Пестовского водохранилища) привлекала внимание исследователей с начала XX века. В 1926 г. она была обследована членами Общества изучения русской усадьбы, и краткая информация о ней помещена в сборнике ОИРУ². В 1948 г. парк был подробно обследован архитектором Е. П. Шукиной, обмеры вошли в ее кандидатскую диссертацию «Подмосковные усадебные сады и парки второй половины XVIII в.». В 1972 г. специалистами мастерской № 3 НИИПИ Генерального плана г. Москвы³ на памятник садово-паркового искусства усадьбу Тишково составлен паспорт № М-19. Однако усадьба не была поставлена на государственную охрану как памятник истории и культуры. В 2009 г. был выпущен новый паспорт на парк, который получил статус объекта культурного наследия регионального значения⁴, однако усадьба до сих пор мало известна даже профессионалам.

В 2009–2010 гг. сотрудники ООО «Парковая реставрация»⁵ провели новые историко-культурные исследования, включавшие детальное натурное изучение парка, архивные и библиографические изыскания. В результате работ были обнаружены ранее неизвестные сведения, в том числе архивные, удалось уточнить историю создания усадьбы, более полно исследовать парк.

СЕРЕДИНА XVII В.

Тишково известно по письменным источникам с конца XVI в. В 1574 г. одноименное сельцо входило в обширное землевладение дворян Тишковых. Сельцом называли населенный пункт с господской усадьбой (село обязательно имело церковь), а деревня состояла только из крестьянских дворов. Пустошью называлось опустевшее место расположения бывших населенных мест (села, сельца, деревни). В начале XVII в., во время польско-литовской интервенции, Тишково было разорено и превратилось в пустошь.

К середине XVII в. село было восстановлено боярами Собакиными. Создание здесь в XVIII в. усадебного ансамбля с регулярным и пейзажным парками как раз и относится к периоду владения Тишковым потомками этого древнего боярского рода. Многие представители старинного рода Собакиных оставили заметный след в отечественной истории.

К периоду генерального межевания 1768 г. владельцем села и окружающих его земель был тайный советник и сенатор, член Государственной коллегии иностранных дел, поэт и писатель Михаил Григорьевич Собакин (1720–1773). По воспоминаниям современников, М. Г. Собакин, закончивший Сухопутный шляхетский корпус, был одним из образованнейших людей своего времени, много повидавшим, хорошо знакомым с европейской культурой, в том числе и садово-парковой. Скорее всего, он и стал основателем усадьбы и регулярного парка в Тишкове в 1740-е годы, когда был сформирован искусственный рельеф парка с широкими граничными валами и канавами, впечатляющий размахом земляных работ.

Тогда же сложилось деление территории усадьбы на две почти равные части, зафиксированное на плане 1768 г.⁶: северную, занятую регулярным парком с боскетами, и южную, в центре которой располагался господский деревянный дом с двумя симметричными деревянными флигельками у западной границы усадьбы. От южного фасада дома расходились две аллеи, очевидно, исполнявшие

«Геометрический специальный» план 1768 г.

роль видовых лучей. Одна направлялась в соответствии с главной композиционно-планировочной осью усадьбы прямо к реке, а вторая была проложена в юго-восточном направлении – под острым углом к реке. Вдоль восточной границы усадьбы изображено протяженное деревянное строение – возможно, более ранний господский дом, приспособленный к 1770-м гг. для служебных нужд.

В конце XIX в. часть владения с селцом Тишковым и деревней Марына Гора⁷ на противоположной стороне Вязи перешло к премьер-майору П. А. Собакину – племяннику прежнего владельца. Необычная история этого наследования отражена в знаменитых «Рассказах бабушки» Елизаветы Петровны Яньковой (1768–1861). Петр Александрович был единственным наследником бездетного Михаила Григорьевича. Дядя рассердился на племянника, решил лишить его наследства и предложил передать наследство своему другу, генералу Петру Дмитриевичу Еропкину – знаменитому усмирителю московского чумного бунта 1771 г. Еропкин не согласился, и друзья поссорились. Поразмыслив, Еропкин решил, что надо спасти наследство для племянника, иначе найдется немало желающих стать владельцами состояния обиженного друга. Они помирились, и все имение Собакина по купчей перешло к Еропкину. Когда Михаил Григорьевич умер, Еропкин известил его племянника, чтобы тот ехал хоронить дядю. Обделенный племянник отказался, тогда Еропкин объяснил ему, что согласился принять имение друга только для того, чтобы спасти его для племянника, которому и передал его.

КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

Петр Александрович Собакин, получив неожиданное наследство, первым делом построил в Тишкове каменную Спасскую церковь. С тех пор селцо снова становится селом – «Спасским Тишково тож». Общая площадь имения Собакина составила немного более 1000 дес., из них территория усадьбы – более 16 дес. (см. Приложения). Кроме Тишкова, где было 48 крестьянских дворов с 382 крепостными душами, в имение входила деревня Марына Гора на противоположном берегу Вязи, где проживало 93 крепостных крестьянина в 15 дворах (по данным 5-й ревизии). Около половины имения было занято сосновым лесом (485 дес.), не менее значительная часть – пашней (460 дес.) и сенокосами (83 дес.).

Строительство церкви на главной дороге кардинально изменило планировку усадьбы. Крестьянские дворы, традиционно располагавшиеся вдоль дороги, были переселены западнее. Всю центральную часть села занимала усадьба, имевшая геометрическую планировку.

Главной композиционно-планировочной осью усадьбы стала бывшая деревенская улица-дорога, замыкавшаяся на севере церковью, а на юге – трехарочными воротами у пруда, устроенного на р. Вязи.

Господский каменный дом был построен на высоком берегу пруда. Главная продольная аллея регулярного парка и две диагональные аллеи выходили к его северному фасаду. Восточнее господского дома располагалось множество каменных усадебных построек, не уступающих по размерам дому, а иногда и превосходящих его. Протяженное здание, стоявшее на кромке склона к пруду по оси восток – запад, очевидно, было оранжереей. Ее северный фасад выходил на двор, а южный, застекленный, был обращен к открытому пространству склона. От восточного угла здания к берегу шла аллея, очевидно,

служившая для доставки воды к оранжерее. Трасса аллеи совпадает с дорогой середины XVIII в., которая шла от усадьбы через речку на противоположный левый южный берег, где проходила по гребню между двумя ручьями, впадающими в речку. Местоположение дороги на противоположном берегу хорошо читается до сих пор. В непосредственной близости от оранжереи, во дворе, располагались еще две каменные, видимо, также служебные постройки. Два симметричных, возможно, жилых флигеля стояли к северо-востоку от главного дома, вплотную примыкая к регулярному парку. К ним подходила вторая, более короткая продольная аллея. За дорогой, западнее парка, между двумя параллельными аллеями было построено здание, имевшее в плане сложную восьмиугольную форму. Но

Поперечная аллея, ориентированная на местоположение церкви. Бывший церковный участок занят частной застройкой советского времени

западная часть усадьбы окончательно еще не сформировалась. За прудом располагались здания суконной фабрики.

В 1820-е годы А. П. Собакин продал имение Тишково Федору Петровичу Гаазу (1780–1853) – известному московскому врачу, филантропу, статскому советнику. Фридрих Йозеф Гааз родился в 1780 г. в г. Бад-Мюнстеррайфель в семье аптекаря, учился в университетах Кёльна и Йены, в 1805 г. закончил Гёттингенский университет со степенью доктора медицины. Кроме того, он специализировался как врач-офтальмолог на курсах при Венском университете. В 1806 г. Ф. П. Гааз приехал в Россию, сопровождая князя Николая Васильевича Репнина, и стал в Москве самым популярным и состоятельным врачом. Он был назначен главным врачом московских тюрем и многое делал для облегчения участи заключенных – в частности, по его инициативе было отменено ношение осужденными ножных кандалов на этапах. Доктор Гааз активно занимался общественной и благотворительной деятельностью, прославился как исследователь кавказских минеральных вод и врач-подвижник, основатель больниц и приютов для неимущих, отдававший все свое состояние для оказания помощи обездоленным. Заниматься платной врачебной практикой почти не оставалось времени, но бедным он никогда не отказывал в получении медицинской помощи, что отразила известная московская поговорка: «У Гааза нет отказа». А выражение самого доктора – «Спешите делать добро» – написано на его надгробии на Введенском кладбище.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.

В 1830-е гг. имение Тишково с суконной фабрикой стали убыточными, хозяин был признан несостоятельным должником, и все владение продано с публичного торга дворянам Топоровым. Сохранилось подробное описание усадьбы и всех усадебных построек на этот период; к сожалению, план к данному описанию не выявлен. Военно-топографический план 1838 г., несмотря на некоторые расхождения с описанием, позволяет определить местоположение усадебных строений*. В описании упоминается восьмиугольный каменный двухэтажный дом (флигель) с жилыми комнатами, имеющий в окружности 28 сажен. Этот дом стоял западнее главной улицы усадьбы, между двумя параллельными аллеями. Композиционно-планировочным

* На военно-топографическом плане 1838 г. отражены не все упоминающиеся в описании постройки. Иногда не совпадает материал построек, так на пример, на плане почти все постройки показаны каменными, а в описании – многие из них бревенчатые.

Военно-топографический план 1838 г. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3641. Л. 2.13

центром усадьбы он не был, так как находился в стороне от других усадебных построек и от регулярного сада.

Новый, в то время еще недостроенный, каменный двухэтажный господский дом длиной 14 саж. и 6 саж. (29,8×12,78 м) стоял на кромке склона и хорошо был виден при подъезде к усадьбе с юга. С севера вплотную к нему примыкал парк, границы которого четко определены граничными валами и канавами, сохранившимися до настоящего времени. В описании 1830-х гг. упоминаются два сада: «...регулярный липовый и аглицкий с прешпектами и дорожками, оные сады окружены рвами и каменною без решеток оградю, каковая ограда от церкви с двух сторон длиною 122, шириною 120 сажен и при оной ограде имеется пять портиков каменных разных фасадов, пять калиток без дверей и вокруг всего сада и села имеется 15 кирпичных ворот разных фасадов без затворов»⁸.

В саду в то время еще сохранялся ветхий деревянный двухэтажный дом (4×4 саж.) – очевидно, один из флигелей, сохранившихся с XVIII в. Также в саду стояли четыре беседки: «...на 8 саженях каждая, из них две со сводами и кумполом каменные и две в одних стенах неотделанные, все оные разных фасадов»; упоминался и «...грот кирпичный на 8 саженях неотделанный»⁹. Отмечалось, что «вокруг господского строения устроены каменные 4 башни разнообразных видов, каждая в окружности на 4 саженях, и 13 каменных мостов, сделанные через рвы небольшие разных видов, и один мост чрез реку Вязь, который был каменный, но середина провалилась и потом мост сделан деревянный на сваях, а бока остались по-прежнему каменные»¹⁰.

Канавы и вал вдоль восточной границы парка

Трехпролетные арочные ворота в готическом стиле, украшавшие южную часть усадьбы, имели важное композиционно-планировочное значение. От них расходились три дороги: на север – к церкви, на юг – к плотине и пруду, на юго-запад – к мосту через р. Вязь. Возле ворот стояла каменная ванная (терма) на 10 саженьях с каменным сводом. Все многочисленные постройки входили в обширную парадную панораму усадьбы, обозримую с юга при подъезде из Москвы.

К периоду владения имением Топоровыми относится схематический план, датированный предположительно серединой XIX в. На нем хорошо видна планировочная структура, сложившаяся к этому времени. Вся усадьба окружена оградой с тремя основными въездами. Главный въезд, оформленный двумя башенками, был с сельской улицы. Аллея от него вела к плотно застроенной юго-восточной части усадьбы, где были сосредоточены все хозяйственные постройки. С аллеи, повернув налево, въезжали и на парадный двор, сформировавшийся западнее восьмиугольного дома, ставшего господским. Недостроенный главный дом, очевидно, был разобран, так как на плане он уже отсутствует. Второй въезд, тоже оформленный башенками, был с севера и выводил на главную продольную аллею регулярного сада, ведущую к месту расположения разобранного главного дома. Третий въездные ворота располагались у моста и выводили на дорогу к трехпролетным воротам, и далее дорога направлялась к церкви. Но церковь была за оградой – ни ворот, ни проезда к ней не было –

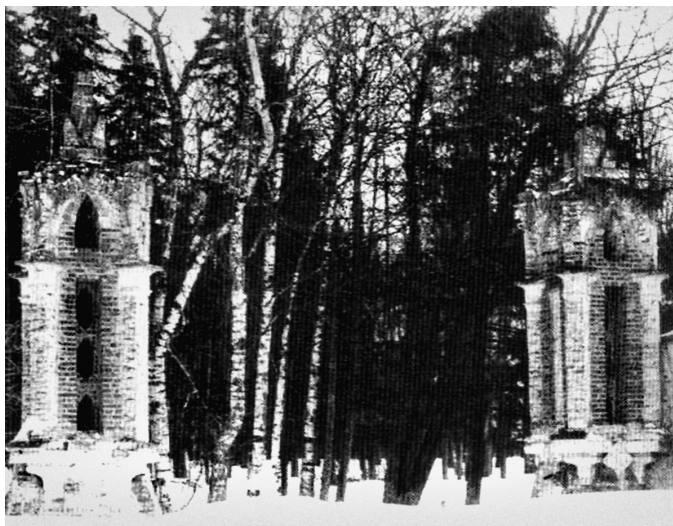

Главная продольная аллея. В просвете был выезд из парка

поэтому дорога стала тупиком. По сути, она стала парковой аллеей, поскольку парк был расширен на запад и стал подходить вплотную к господскому восьмиугольному дому. Две поперечные аллеи регулярного сада были продолжены на запад и параллельно выходили к площадке у восьмиугольного дома. Южнее его, между проезжими дорогами, был разбит пейзажный парк, к северу от дома – фруктовый сад, и к западу – огород. Таким образом, господский дом в тот период располагался в глубине садов, композиционно не был связан с прудом и не входил в парадную южную панораму усадьбы. А хозяйственная часть усадьбы, сформировавшаяся в юго-восточной части усадьбы на высоком берегу пруда, играла более значительную роль в объемно-пространственной и композиционно-планировочной структуре усадьбы.

Основу планировочной структуры усадьбы ко второй половине XIX в. составляли проезжие дороги и аллеи, разделявшие усадьбу на функциональные зоны. Жилой господский дом с флигелем, окруженный садами, располагался в северо-западной части усадьбы. Хозяйственная зона с огородами занимала юго-восточную часть, регулярный сад – северо-восточную, пейзажный парк – юго-западную часть. За прудом находилась фабрика, и эта часть усадьбы сдавалась в аренду.

В конце XIX в. имение перешло к статскому советнику Петру Николаевичу Торопову. В этот период все имение, включавшее не только Тишково и деревню Марьина Гора, но и Михалево, Канаево

*Въездные
ворота*

и Кстинино, составляло 1349 дес. По фамилии прежних владельцев владение именовалось Топорково.

В начале XX в. имение перешло к потомственным почетным гражданам, фабрикантам Николаю и Александру Андреевичам Челноковым, которые в 1903 г. заложили его в Московском земельном банке. Сохранились документы с описью усадьбы для получения займа (см. Приложения), но плана к описи выявить не удалось. В этот период были проведены значительные работы по ремонту и реконструкции. В 1902 г. были построены обширный скотный двор с асфальтовыми полами, печью и другими усовершенствованиями, конюшня и другие строения.

После смерти Александра Андреевича владельцем остается его брат Николай Андреевич, но уже в 1910 г. имение переходит от конкурсного управляющего по делам умершего несостоятельного должника, потомственного почетного гражданина Н. А. Челнокова, к личному почетному гражданину Федору Андреевичу Васильеву за 150 000 руб. После его смерти в 1916 г. имением владела его вдова Анна Александровна Васильева.

В 1926 г. усадьбу обследовали члены ОИРУ и впервые опубликовали ее историко-архитектурное описание: «Остатки большой псевдоготической усадьбы 1792 г. У границ усадьбы два восьмигранных столба с небольшими тумбами наверху и овальными отверстиями в средней

Павильон в парке. Сборник ОИРУ. Выпуск 4 (20). Фотографии, выполненные членами ОИРУ, из архива В. М. Рудченко. 1920-е гг.

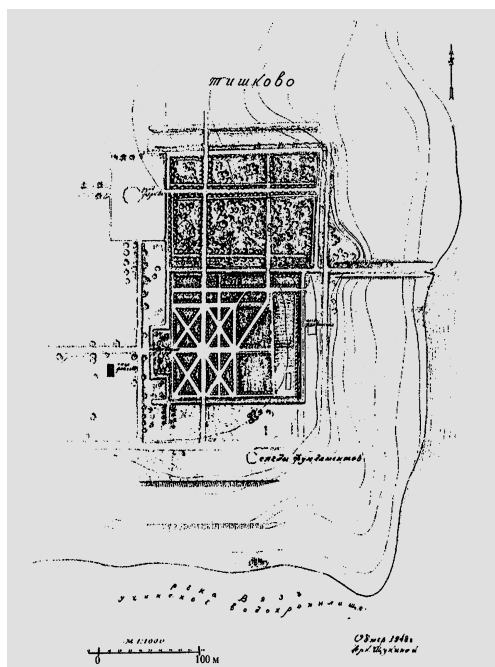

части. Сквозные пилоны въездных ворот, прямоугольные в плане, с двумя парами четырехгранных колонок по сторонам. Небольшой восьмиугольный флигель, внутри разрушен. Служебные постройки. В большом французском парке вблизи дома два четырехгранных, на круглом основании, пилона, с сильно выступающими пилястрами на углах. Фасадная стена их прорезана стрельчатыми отверстиями. Особый интерес представляет парковое сооружение „Трехарочные“ ворота, треугольные в плане, с круглыми башнями по углам, соединенные в верхней части галереей. В одной из башен следы лестницы доверху. На воротах дата — „1792 год“. Следы пруда.

Псевдоготическая церковь 1794 г., кирпичная, с белыми оштукатуренными деталями, крестообразная в плане, завершается декоративной башней с конусообразным покрытием. Углы обработаны пилястрами с пинаклями. Порталы и окна со стрельчатыми обрамлениями. По сторонам порталов по паре колонн, соединенных стрельчатыми арками. Над порталом волюты с розасами по бокам. Переход от трапезной к колокольне смягчен полукруглыми выступами в форме башенок. Высокая четырехгранная колокольня с розасами и стрельчатыми входами увенчана шатровым покрытием с пинаклями по углам. Внутреннее убранство классическое, современное церкви»¹¹.

В 1937 г. было устроено Пестовское водохранилище, контуры которого в районе усадьбы почти совпали с контурами прежней запруды.

В 1948 г. парк был обмерен Е. П. Шукиной. К этому времени почти все усадебные постройки были утрачены, кроме каменного флигеля,

Е. П. Шукина. Схема сада в Тишково. 1948 г.

сохранившегося до сегодняшнего дня. От церкви и хозяйственной части сохранились только следы фундаментов. Дорога к церкви тогда еще оставалась тупиковой, а на территории усадьбы не было сельской застройки. Планировка парка читалась хорошо, на плане присутствуют отдельные элементы, утраченные в настоящее время.

В 1960-е гг. к мосту, построенному приблизительно на месте прежней плотины, была проложена дорога через усадьбу, а западная ее часть застроена жилыми сельскими домами. В 1970-е гг. на месте хозяйственной части усадьбы было устроено подсобное хозяйство са-натория Тишково.

В советское время были утрачены все усадебные постройки. Частично сохранились два каменных мостика (начала XIX в.) на основной дороге усадьбы, ставшей сельской улицей. Некогда тупиковая дорога, ведущая от трехарочных ворот к церкви, стала вновь транзитной сельской улицей (ул. Парковая). Территория усадьбы сократилась до размеров XVIII в. Она занята регулярным садом, сложившимся в середине XVIII в. и дополненным в конце XVIII – первой половине XIX в.

В настоящее время регулярный парк усадьбы Тишково – одно из выдающихся и хорошо сохранившихся произведений садово-паркового искусства XVIII в. в Подмосковье.

К настоящему времени хорошо сохранился регулярный парк с композиционно-планировочной структурой XVIII в., созданный на искусно организованном рельефе, с древесными насаждениями, обновленными в XIX в. Парк является редким образцом русского усадебного садово-паркового искусства, гармонично сочетающим элементы нескольких периодов развития (от 1740-х гг. до начала XIX в.).

Регулярный сад расположен на холме высокого северного берега Пестовского водохранилища, на искусственно выровненном участке, отделенном валами и канавами. Он четко делится на две части – северную и южную – водоотводной канавой, выполнявшей, видимо, роль межи в XVIII в. Северная часть с XVIII в. занята садом, разделенным прямыми аллеями на боскеты. Уровень поверхности земли в боскетах ниже, чем в аллеях, что хорошо заметно до нынешнего дня. В южной части размещались все усадебные постройки: главный дом с флигелями, хозяйственные службы. В конце XVIII в. новый главный дом строится южнее старой границы усадьбы, обозначенной канавой, сохранившейся до сегодняшних дней. В освобожденной от построек южной части усадьбы разбивается регулярный сад, ориентированный на новый господский дом. Причем в этой части сада выделяются две зоны – восточная и западная, различные по планировке и функциональному использованию. Западная зона представляет собой прямоугольник, разбитый на четыре прямоугольных боскета, каждый из них делится на четыре части диагональными аллеями. Центральная продольная аллея выходила к новому главному дому. Эта планировка хорошо сохранилась до настоящего времени. Восточная зона имела более простую планировку, две аллеи разбивали ее на четыре прямоугольных боскета. В двух южных симметрично располагались два флигеля. Один из боскетов пересекала диагональная аллея, продолжавшая аллею от главного дома до второй продольной

Восточная продольная аллея в северной части парка

аллеи, организующей планировку восточной зоны. Позднее, во второй половине XIX в., эти боскеты были освобождены от построек и заняты фруктовым садом, а в настоящее время представляют собой открытое луговое пространство.

С запада к регулярному саду примыкает территория, ставшая парковой лишь ко второй половине XIX в. в связи с расширением усадьбы и новым расположением господского дома. Поперечная водоотводная канава, делящая парк на южную и северную части, продолжается за его пределами до берега водохранилища. У юго-восточной границы парка расположено углубление со сложным рельефом, заросшее деревьями – следы карьера советского времени.

По результатам инвентаризации древесно-кустарниковой растительности был выполнен породно-возрастной анализ. Было учтено 1668 деревьев и кустарников, для возрастного анализа выделены следующие градации: до 90 лет (группа I), от 90 до 160 лет (группа II), от 160 до 200 лет (группа III) и более 200 лет (группа IV), результаты которого отражены в таблице на следующей странице.

Преобладающим видом, образующим структуру парка, является липа мелколистная. Из 1668 экземпляров деревьев и кустарников 1364 представлены липой, что составляет 82% от общего числа. Значительная часть деревьев (505 экз.) имеют возраст 150–180 лет. Они представлены в основном аллейнными и рядовыми посадками без следов стрижки, что свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. была проведена реконструкция парковых насаждений с сохранением планировочной структуры XVIII в. Участие других видов деревьев в парке незначительно. Единично встречается дуб (2 экз.), вяз (11 экз.), ель (28 экз.), береза (28 экз.), осина (2 экз.). Состояние насаждений удовлетворительное, хотя имеются единичные сухие, усыхающие и выпавшие экземпляры старых деревьев. Из кустарников встречаются желтая акация, жимолость. В травянистом покрове преобладают злаки и растения, характерные для широколиственных насаждений – медунца, сныть, пролесник, зеленчук, яснотка, копытень европейский, герань лесная, воронец колосистый, лютик кашубский; единично встречаются характерные декоративные парковые растения – лилия-саранка («царские кудри»), водосбор.

* *

*

Итак, в результате исследований выделено три основных периода формирования композиционно-планировочной и объемно-пространственной структуры усадьбы: первый период – середина XVIII в., второй период – конец XVIII – первая половина XIX в., третий период – вторая половина XIX – начало XX в.

Вид	Количество деревьев по группам возраста				
	I	II	III	IV	Все группы
Береза повислая	21	0	0	0	21
Бузина красная	10	0	0	0	10
Вяз гладкий	9	1	0	1	11
Дуб черешчатый	1	1	0	0	2
Ель обыкновенная	15	13	1	0	29
Желтая акация	36	0	0	0	36
Жимолость обыкновенная	10	0	0	0	10
Ива козья	3	0	0	0	3
Клен гиннала	1	0	0	0	1
Клен остролистный	4	0	0	0	4
Крыжовник	4	0	0	0	4
Лещина	1	0	0	0	1
Липа мелколистная	641	455	223	47	1366
Осина	4	0	0	0	4
Рябина	8	0	0	0	8
Слива	1	0	0	0	1
Смородина	3	0	0	0	3
Сосна обыкновенная	0	1	0	0	1
Черемуха	156	0	0	0	156
<i>Общий итог</i>	<i>928</i>	<i>471</i>	<i>224</i>	<i>48</i>	<i>1671</i>

Породно-возрастной анализ насаждений

Первый период. Сложилось деление территории на две почти равные части, сохранившиеся до настоящего времени. Северная часть представляла собой регулярный сад с шестью почти квадратными боскетами, а также треугольными и трапециевидными боскетами. Все аллеи северной части парка проходят по возвышениям, а сами боскеты — в понижениях.

Южная часть была занята двором, в центре которого располагался господский деревянный дом с двумя симметричными деревянными флигельками у западной границы усадьбы. От господского дома к реке были направлены две аллеи. Восточнее двора был еще один небольшой плодовый сад, за которым стояло обширное строение,

Парковая аллея летом.

Фотография М. В. Нащокиной. 2009 г.

обращенное протяженным фасадом на восток.

От данного периода сохранился искусственный рельеф усадьбы, характеризующийся выровненной поверхностью центральной части и сложной системой валов и канав по периметру. Основа планировки парка также была заложена в этот период.

Второй период. Строительство церкви на главной дороге кардинально изменило планировку усадьбы. Крестьянские дворы, традиционно располагавшиеся вдоль дороги, были переселены западнее. Всю центральную часть села занимала усадьба, имевшая геометрическую планировку. Главной композиционно-планировочной осью стала бывшая деревенская улица-дорога, замыкавшаяся на

севере церковью, а на юге — трехарочными воротами у пруда, устроенного на р. Вязи.

Господский каменный дом был построен на высоком берегу пруда. Главная продольная аллея регулярного парка и две диагональные аллеи выходили к его северному фасаду. Восточнее господского дома располагалось множество каменных усадебных построек, не уступающих по размерам дому, а иногда и превосходящих его. Протяженное здание, стоящее на кромке склона к пруду и имеющее продольную ось восток — запад, очевидно, было оранжереей. Ее северный фасад выходил на двор, а южный застекленный фасад обращен к открытому пространству склона. От восточного угла здания к воде шла аллея, очевидно, служившая для доставки воды к оранжерее. Трасса аллеи совпадает с трассой дороги XVIII в., которая шла от усадьбы через речку на противоположный левый южный берег, где проходила по гребню между двумя ручьями, впадающими в речку. В непосредственной близости от оранжереи, во дворе, располагались еще две каменные служебные постройки. Два симметричных,

очевидно, жилых флигеля стояли к северо-востоку от главного дома, вплотную примыкая к регулярному парку. К ним подходила вторая, более короткая, продольная аллея.

За дорогой, западнее парка, между двумя параллельными аллеями, было построено здание, имеющее в плане восьмиугольную форму.

За прудом располагалось здание фабрики и другие усадебные постройки.

Третий период. В этот период был разобран главный усадебный дом, построенный на высоком берегу пруда. Разобраны флигели северо-восточнее главного дома, их место заняли фруктовые сады. В юго-восточной части расширилась хозяйственная зона, плотно застроенная многочисленными постройками. Восьмиугольный дом приобрел функции главного усадебного дома, организующего объемно-пространственную и планировочную структуру северо-западной части усадьбы. Регулярный сад был продолжен на запад к восьмиугольному дому и соединялся с ним двумя параллельными аллеями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Экономическое примечание

Московского уезда Московской губернии:

№ 422 – по генеральному плану (во 2 части плана)¹²

лл. 295 об.,

296.

		по 5-й ревизии душ	
	дворов	мужеска	женска
Село Спасское Тишково тож, при межевании было Сельцо Тишково	42	187	195
и деревня Марына Гора	15	52	41
	57	239	236

Пример майора Петра Александрова сына Сабакина

под усадьбою	16 дес.	75 саж.
пашни	460 дес.	2018 саж.
сенных покосов	83 дес.	1940 саж.
лесу	485 дес.	1672 саж.
неудобных мест	53 дес.	732 саж.
всего	1099 дес.	1637 саж.

Село по обе стороны речки Вязи. Церковь каменная, об одном этаже, во имя Спаса Нерукотворенного образа. Дом господской

деревянной, и при нем сад регулярной. Деревня Марьиная Гора; на левой стороне той же речки Вязы, а дачею простирается означенной речки Вязы и оврага Романовского по обе стороны; а речки Какотки на левой стороне. Те речки в летнее жаркое время бывают: Кокотка шириною в 1 ар.; глубиною в 1 вер.; в ней рыба тех же родов; Вяза шириною в 1½ саж.; глубиною в 2 вер.; в ней рыба: пескари и плотва. Вода к употреблению здорова. Земля иловатая; хлеб средственной; покосы хорошие; лес строевой: сосновой, дровяной: березовой и осиновой; в нем звери: волки, лисицы, зайцы. Птицы: тетерева, куропатки, а при речках: утки и кулики. Крестьяне на пашне; зажитка средственного. Женщины упражняются в домашних рукоделиях.

*Дело Московского земельного банка
о выдаче ссуды гг. Челноковым
с 1 июля 1903 г. на 66 лет и 2 м[есяца] ¹³*

Ссуда выдана 11 июля 1903 г. 63 серии

л. 1 ...владельца имения Топорково Московской губернии Московской и Дмитровского уезда, при селе Тишкове и пустоши Пестриковой и Гаринской-Андронцевой.

...В означенном имении земли: удобной 1306 дес. и неудобной 43 дес., а всего 1349 дес.

...Это имение оценивается в 539 600 руб.

л. 1 об. Подпись: Александр Андреевич Челноков

Маршрут из Москвы в имение по Ярославской железной дороге, до станции Пушкино, откуда на лошадях 7 верст на следующие селения: Тишково

лл. 2,
2 об., 3

Опись имения,
представляемого в залог Московскому земельному банку
и принадлежащего потомств. почетным гражданам
Александру и Николаю Андреевичам Челноковым.

I. Место нахождения имения

Губерния и уезд	Московская губерния, Московский и Дмитровский уезды
Название имения	Топоровка
Название сел	Тишково
Название деревень	Черноземово, Михалево, Кстинина
Название пустошей	Горинское-Андронцево

VII. Описание леса

Лучшего леса	260 дес.
лиственного	190 дес.
хвойн.	70 дес.
возраст	70 лет
цена 1 дес. на сруб	300 руб.
Среднего по достоинству леса.	400 дес.
лиственного	300 дес.,
хвойн.	11 дес.
возраст	15-20 лет.
цена 1 дес. на сруб	80 руб.
Стоимость всего леса на сруб	164 480 руб.
К ежегодной вырубке Лесоохранительным	
Комитетом разрешено.	24 дес.
Валовой доход от леса	7200 руб.
Расход по лесоохранению	200 руб.
Чистый доход от леса	7000 руб.

л. 5, 5 об.

Список строений

в имении Московской губернии Московского уезда при селе Тишкове, принадлежащем Александру и Николаю Андреевичам Челноковым.

Составлен 3 июня 1903 года

	Крыша	В саженьях		Степень прочности
		длина	ширина	
Каменные (фундамент каменный)				
Господский двухэтажный дом	жел.	8	6	Вновь отремон- тирован
Дом управляющ.	жел.	6	4	прочн.
Контора и людские	дер.	7	2½	прочн.
Каретный сарай	дер.	5	2½	прочн.
Амбар	дер.	5	2½	прочн.
Двухэтажные людские	дер.	7	3	прочн.
Молочная с ледником	жел.	3	2½	новая
Амбар	жел.	7	4	прочн.
Скотный двор	жел.	25	7	новый
Скотный сарай	жел.	20	3	прочн.

Деревянные (фундамент каменный)					
1.	Сторожка	дер.	4	2½	новая
2.	Баня	дер.	3	2	прочн.
3.	Птичник	толью	3	2	прочн.
4.	Конюшня	жел.	7	3½	новая
5.	Навесы скотн. двора	дер.			ветхие
6.	Навесы скотн. двора	дер.			ветхие
7.	Навесы скотн. двора	дер.			ветхие
8.	Сенные сараи (без фундам.)	солом.			ветхие
9.	Сенные сараи (без фундам.)	солом.			ветхие
10.	Кузница	дер.			прочн.

9 июня 1903 г.

Оценочная опись

л. 8

имения потомств. почетн. граждан

Александра и Николая Андреевичей Челноковых.

Имение «Топоровка», состоящее из с. Тишкова с пуст. Пестриковой Московского уезда и пуст. Андронцевой-Гаринской Дмитровского уезда, находится в 10 вер. к северо-западу от ст. Пушкино Ярославской ж. д., из коих 7 вер. (до дер. Чапсковой) уже шоссируют-ся, в 30 вер. от г. Москвы, в местности густо населенной и имеющей дачный характер. Усадьбы села Тишкова находятся среди самого имения, а деревни Марьина-Гора, Михалёва, Канаево и Кстинина – не далее полуверсты от его границ.

По плану лесного хозяйства, утвержд. 25 мая 1894 г. в имении значится 1349 дес. земли:

усадебной 32,6 дес.
 пахотной 70,0 дес.
 луговой 400 дес.
 выгону 30,0 дес.
 лесной 768,2 дес.
итого удобной 1300,8 дес.,
 неудобной 48,2 дес.,
а всего 1349 дес.

...берега р. Вязь у с. Тишкова высоки и местами обрывисты.

...Усадьба, живописно расположенная на высоком берегу р. Вязи, образующей здесь обширный пруд, занимающий 18 дес., состоит из многочисленных строений, преимущественно каменных, частью

л. 8 об.

совершенно новых (обширный скотный двор с асфальтовыми полами, печью и пр., конюшня и др.), частью заново переложенных и капитально отремонтированных в 1902 году.

л. 9 К усадьбе примыкают: вековой парк с липовыми аллеями, фруктовый и ягодный сады и обширные огороды, имеющие промышленный характер.

л. 46 ...После смерти брата моего А. А. Челнокова...
20 сент. 1904 г.

л. 88 ...Старшим нотариусом Моск. окружного суда 22 декабря 1910 года утверждена купчая, в силу которой недвижимые имущества, состоящие Моск. губ. Моск. у. под назв. «Тишково» в селе Тишкове, Спасское тож и дер. Михалёвой и Марьиной Горе..., со всеми водами, лесами и всякого рода угодьями с господским домом и всеми другими строениями и жив. и мертв. инвентарем ... перешло от конкурсного управл. по дел. умершего несостоятельн. должн. пот. поч. гр. Николая Андреевича Челнокова с [ыновья]ми к лич. поч. гр. Федору Андреевичу Васильеву за 150 000 руб.

л. 104 16 марта 1916 г. — день смерти Ф. А. Васильева
...Вдова потомств. поч. гр-на Анна Ал-др. Васильева

л. 46—
48 об.

План № 7347

Московского страхового от огня общества

План, описание и оценка строений Федора Андреевича Васильева, состоящих в Московской губ. и уезде в 13 вер. от стан. Пушкино Северной жел. дор. Снят ноября 14 дня 1911 года ¹⁴

План на особом листе

№ 1. Строение каменное, крытое железом, двухэтажное, снаружи и внутри оштукатурено; стены оклеены обоями; полы сосновые штучные; окна и двери сосновые крашенные масляной краской; печи изразчатые голландские частью с каминами; лестница сосновая крашенная масляной краской; приборы никелированные; устроен ватерклозет.

Примыкают:

а. Терраса деревянная, крытая железом, одноэтажная, с досчатым полом и потолком; снаружи и внутри окрашена масляной краской.

б. Тамбур деревянный, крытый железом, одноэтажный, снаружи и внутри окрашен масляной краской.

с. Проход деревянный, крытый железом, одноэтажный снаружи и внутри окрашен масляной краской.

Занято: владельцем.

№ 2. Строение каменное, крытое железом, одноэтажное, оштукатурено; внутри стены и потолки, крашенные клеевой и частью масляной красками; полы сосновые строганные; окна и двери со-

сновые, крашенные масляной краской; печи изразчатые: голландская, русская и плита; приборы железные.

Примыкают:

d. Сени тесовые, крытые железом, одноэтажные, крашенные масляной краской.

№ 3. Конюшня деревянная, крытая железом, одноэтажная, на каменном фундаменте; внутри полы досчатые и бетонные; потолки досчатые; двери сосновые с железными приборами.

№ 4. Сарай каретный каменный, крытый железом, одноэтажный; внутри пол и потолок досчатые; раствор сосновый с железными приборами.

№ 5. Кладовая каменная, крытая железом, одноэтажная; внутри пол досчатый без потолка; окна и дверь сосновые, крашенные масляной краской с железными приборами.

№ 6. Строение каменное, крытое железом, одноэтажное; внутри оштукатурено; стены оклеены обоями и частью крашенные масляной краской; полы дубовые паркетные и сосновые строганные; окна и двери сосновые, крашенные масляной краской; печи изразчатые: голландская, русская плита и уштермарковская; приборы железные.

Примыкают:

e. Тамбур тесовый, крытый железом, одноэтажный, крашенный масляной краской.

f. Сени тесовые, крытые железом, одноэтажные, крашенные масляной краской.

Занято: управляющим и конторой.

№ 7. Строение каменное, крытое железом, двухэтажное; внутри частью оштукатурено и стены частью оклеены обоями; полы сосновые строганные, кирпичные и частью сосновые крашенные масляной краской; окна и двери сосновые, крашенные масляной краской и частью последние тесовые; печи кирпичные русские и уштермарковская; приборы железные; лестницы сосновые.

Примыкают:

g. Тамбур тесовый, крытый железом, одноэтажный.

Занято: служащими владельца и конторой.

№ 8. Свинарник смешанный, крытый дражкой, одноэтажный, три стены каменные, а четвертая деревянная; внутри пол и потолок досчатые; дверь сосновая с железными приборами.

№ 9. Сарай с погребями каменные, крытые железом одноэтажные, с досчатыми полами и потолками; двери сосновые с железными приборами.

Примыкают:

h, i. Зонты деревянные, крытые тесом на деревянных столбах.

№ 10. Птичник смешанный, крытый дражкой, одноэтажный, три

стены каменные, а четвертая деревянная; простой, дверь сосновая с железными приборами.

№ 11. Сарай каменный, крытый тесом, одноэтажный, частью стены каменные, а частью деревянные из половин в каменных столбах; внутри без пола и потолка; раствор сосновый с железными приборами.

Занят телегами.

№ 12. Рига деревянная, крытая дранкой, одноэтажная в каменных столбах и на каменном фундаменте; внутри без пола и потолка; раствор сосновый с железными приборами.

Примыкают:

ј. Сарай деревянный, крытый дранкой, одноэтажный, простой.

№ 13. Сушилка каменная, крытая дранкой, одноэтажная; внутри без пола и потолка; печь кирпичная.

Примыкают:

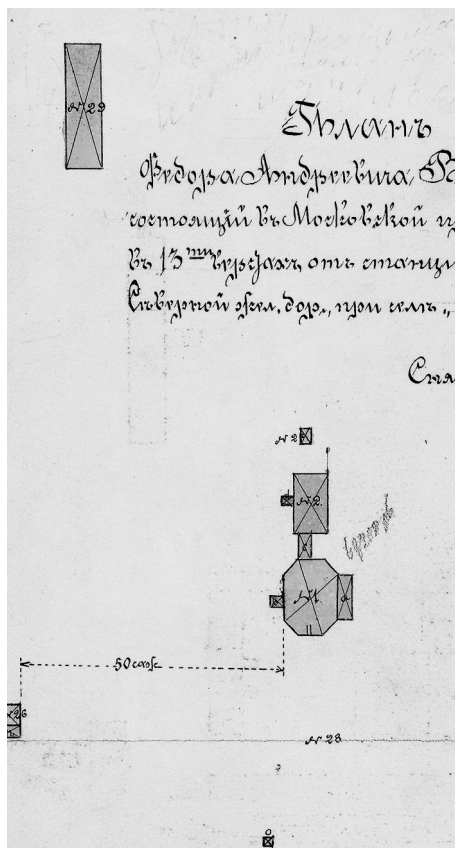
к. Сход деревянный, крытый тесом.

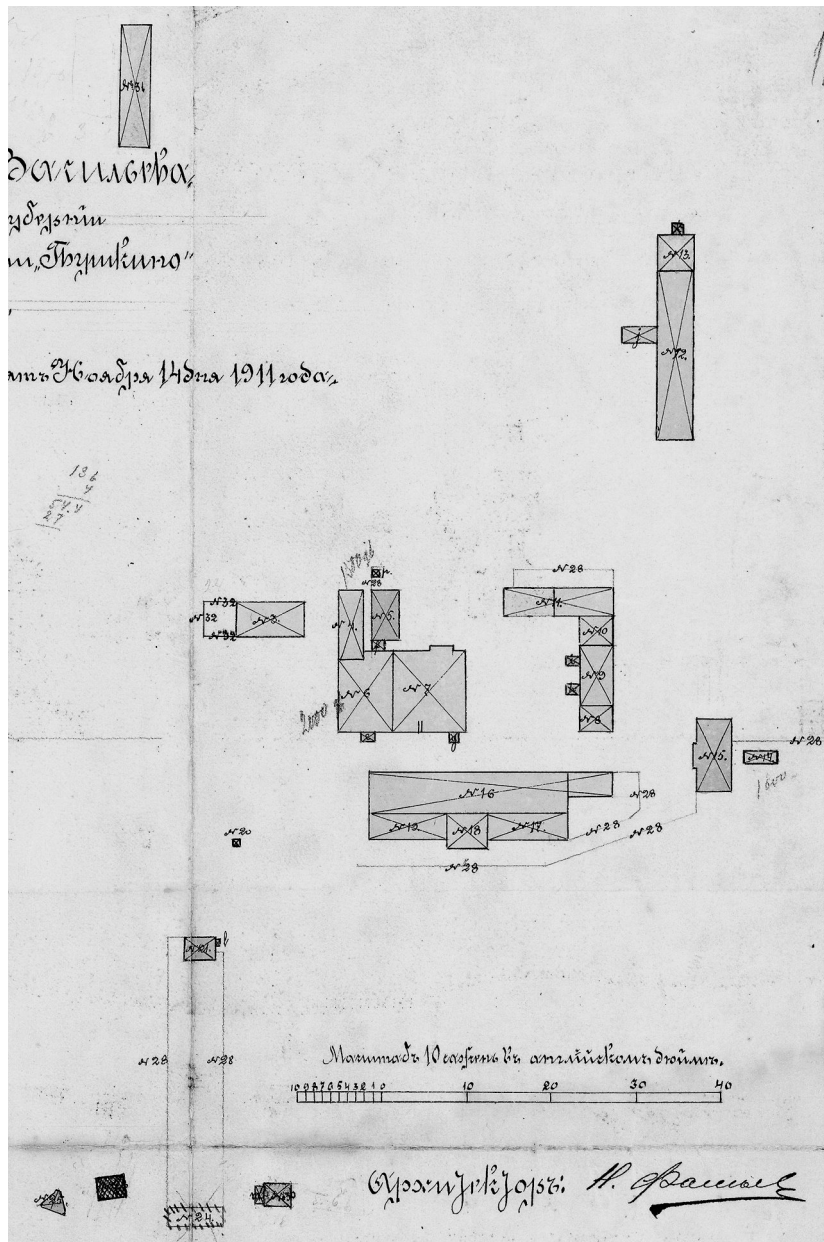
№ 14. Кладовая деревянная, крытая тесом, одноэтажная; внутри пол досчатый, без потолка; раствор сосновый с железными приборами.

№ 15. Амбар каменный, крытый железом, одноэтажный; внутри полы, потолки и закрома досчатые; растворы сосновые, крашенные с железными приборами.

№ 16. Коровник каменный, крытый железом, одноэтажный; внутри потолки и частью полы досчатые, а частью полы бетонные; устроены денники и кирпичный котел; растворы сосновые с железными приборами.

№ 17. Сарай каменный, крытый железом, одноэтажный без пола и потолка.

№ 18. Сенной сарай каменный, крытый железом одноэтажный; внутри без пола и потолка, раствор сосновый с железными приборами.

№ 19. Конюшня каменная, крытая железом, одноэтажная; внутри пол бетонный, а потолок досчатый; раствор сосновый с железными приборами.

№ 20. Колодезь тесовый обшивной, крытый тесом.

№ 21. Птичник деревянный, крытый тесом, одноэтажный; внутри потолок досчатый, пол земляной; окна и дверь сосновые; печь уштермарковская; приборы железные.

Примыкают:

1. Зонт деревянный, крытый железом.

№ 22. Баня деревянная, крытая железом, одноэтажная; внутри пол и потолок сосновые строганные; окна и двери сосновые; котел кирпичный; приборы железные.

Примыкают:

т. Сени тесовые, крытые железом, одноэтажные.

№ 23. Кузница деревянная, крытая тесом, одноэтажная, без пола и потолка, старая.

№ 24. Сетка железная.

№ 25. Проезд каменный под сводом, крытый железом.

№ 26. Сторожка деревянная, крытая железом, одноэтажная, на каменных столбах; внутри стены, полы и потолки сосновые строганные; окна и дверь сосновые, крашенные масляной краской; печь русская кирпичная; приборы железные.

Примыкают:

п. Терраса деревянная, крытая железом, одноэтажная с досчатым полом и потолком.

№ 27. Погреб деревянный, крытый тесом.

№ 28. Палисад деревянный решетчатый, частью крашенный масляной краской;

о-р. Ретирады тесовые, крытые тесом, одноэтажные.

Дополнительное описание:

1913 года декабря 18 дня при освидетельствовании оказалось, что сломана кузница № 23, а выстроено вновь:

№ 29. Сарай сенной деревянный, крытый железом, одноэтажный на каменных столбах, внутри без пола и потолка, растворы сосновые с железными приборами.

Дополнительное описание:

1914 года августа 6 дня, при освидетельствовании оказалось, что сетка № 24 уничтожена.

№ 30. Баня деревянная, крытая железом, одноэтажная, на каменном фундаменте; внутри стены, полы, потолки, окна и двери сосновые строганные; каменьки с котлами кирпичные; приборы железные.

Примыкают:

т. Сени тесовые, крытые железом, одноэтажные.

№ 31. Сарай сенной деревянный, крытый железом, одноэтажный на каменных столбах, из половинчатого леса; внутри без пола и потолка; растворы деревянные с железными приборами.

№ 32. Сетка железная.

План

л. 113

Федора Андреевича Васильева
состоящий в Моск. губ. в 13 верстах от станции «Пушкино» Северн. жел. дор.

Снят ноября 14 дня 1911 года.

М[асштаб:] 10 саж. в англ. дюйме

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Парк усадьбы Тишково, расположенной в одноименном селе Ельдигинского сельского поселения Пушкинского муниципального района Московской области, является выявленным объектом культурного наследия произведением садово-паркового искусства, 1760–1790 гг., XIX в.
- 2 Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд. М., 1928.
- 3 И. К. Бахтиной, И. А. Таль, Е. Н. Чернявской и Н. И. Волковой.
- 4 Усадьба Тишково. Парк. 1760–1790-е гг., XIX вв. (произведение садово-паркового искусства).
- 5 О. А. Дробнич (рук.), А. В. Миронова, В. И. Нифонтов, Н. В. Нифонтова, О. В. Ганичева.
- 6 «Геометрической специальной план Московского уезду Монатина, Быкова и Коровина станех селцу Тишкову и погосту с принадлежащими ко оному деревнями и всеми землями, которое во владении господина тайного советника сенатора и кавалера Михаила Григорьевича Сабакина межеванья, учиненного в 768 году майя 20 дня». РГАДА. Ф. 1354. Оп. 250. Ч. 1. Т-26 «с».
- 7 «1768-го года майя дня Тишково сельцо и погост с деревнями Мариной Горой, тайного советника Михайлы Григорьевича Сабакина м. д. 192 уд. 1046 дес. 905 саж. неуд. 53 дес. 732 саж. всего 1099 дес. 1637 саж.» РГАДА. Ф. 1354. Оп. 250. Ч. 1. Генеральный алфавит Воскресенского уезда Московской губернии. Т-26 «с» № 552 (по ген. плану).
- 8 ЦИАМ. Ф. 49. Оп. 3. Д. 774.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 «Тишково (Спасское), на р. Вязи, 11 км от ст. Пушкино, Сев. ж. д. Владельцы: Собакины (1792–1812), Тороповы (1852–1870) // Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд. М., 1928.
- 12 РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862. Ч. 8.
- 13 ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 2. Д. 2422.
- 14 ЦИАМ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 297.

М. В. Нащокина

ГЕОРГ КУФАЛЬДТ
*«Гений места» русских парков
 Серебряного века*

Имя Георга Куфальдта (1853–1938) до сих пор незаслуженно забыто и известно лишь немногим историкам садово-паркового искусства и специалистам по парковой реставрации¹. А между тем он, несомненно, был самым крупным ландшафтным архитектором России Серебряного века, блестящим и тонким мастером паркового пейзажа, создателем подлинных шедевров садового искусства рубежа XIX–XX вв., а также выдающимся дендрологом и теоретиком садоводства. Его редкому самобытному таланту и поистине виртуозному мастерству были обязаны сохранением и дальнейшим развитием парки Царского Села и Ораниенбаума, а своим появлением — великолепные ансамбли усадебных парков в Муромцеве, Шаровке, в Орро и другие. Данная статья является первым опытом создания на русском языке его полной творческой биографии и аналитическим обзором его наиболее заметных произведений.

* *
 *

Георг Фридрих Фердинанд Куфальдт родился 6 июня 1853 г. на полуострове Ютландия, в небольшом и очень живописном городке Плёне, равноудаленном от Киля и Любека, в северной прибалтийской провинции Шлезвиг-Гольштейн, в ту пору еще находившейся в составе Дании и лишь с 1867 г. ставшей прусской провинцией. Напомним, что эти земли с XVIII в. были традиционно связаны с Россией — как известно, в 1762 г. герцог Гольштейн-Готторпский стал российским императором Петром III. Редкой особенностью этого голштинского городка, сохранившего, как водится, часть средневековой застройки и замок, было уникальное расположение — на причудливо изрезанных берегах, косах и отмелях между четырех озер — Большим и Малым Плёнскими, Траммерзее и Шё. Застройка Плёна, отраженная озерной гладью и окруженная безмятежными прибрежными пейзажами, сама по себе представляла чудный парк, созданный природой и человеком. Таким образом, особую красоту прибалтий-

ской природы, ее гармонические возможности, привлекательную неброскую живописность и неласковый климат, которые впоследствии станут главным предметом его творчества, будущий мастер садово-паркового искусства смог прочувствовать с раннего детства.

Его отцом был Ганс Генрих Куфальдт – учитель гимназии, а матерью – Доротея Вольвитте². По окончании гимназии в 1871 г.³ последовали годы профессионального обучения сначала в садах герцогских замков в Ойтине (1870–1872), затем в Помологическом институте в Рейтлинге, в Зоологическом саду в Кёльне и в королевском учебном заведении по садоводству в охотничьем парке в Потсдаме. После успешно вы-

Георг Куфальдт

держанного экзамена молодой Куфальдт 1 марта 1878 г. стал главным садовником округа Остпригниц, но оставался им недолго. Уже в 1880 г. двадцатисемилетний Георг Куфальдт получил завидное по тем временам назначение городским садовником Риги, что послужило началом самого яркого и плодотворного «русского» периода его жизни.

По его собственным словам, в то время «считалось необходимым для всякого преуспевающего садовника после основательного изучения профессии в Германии искать ее продолжения в России», поскольку «в течение почти 200 лет Россия была Эльдorado для немецких садовников, где они чувствовали себя особенно комфортно благодаря широте души и гостеприимству русских»⁴. Приглашение немецкого садовника, действительно, не было для России чем-то необычным, напротив, с XVIII в. установилась своего рода традиция для наиболее значительных садов и парков выписывать садовников именно из Германии. Впоследствии, на склоне лет, уже покинув так много значившую для него Россию и вернувшись на родину, Куфальдт напишет статью, посвященную немецким садовникам царской России⁵; – гимн своим, в большинстве своем оставшимся безвестными, соотечественникам, фактически заложившим основы русской бытовой садовой культуры. Кроме того, приглашение в Ригу имело и местные основания. Хотя с петровского времени Рига находилась в составе Российской империи (в 1710 г. графу Б. П. Шереметеву

торжественно поднесли золотые ключи от города), а с 1730-х гг. стала центром Рижской губернии, многие ее земли по-прежнему принадлежали немецкому дворянству, интересы которого представляла городская ратуша. Скорее всего, она и санкционировала приглашение в город молодого немецкого садовника.

Между Любеком, находившимся всего в 35 км от Плёна, и Ригой в ту пору существовало постоянное пароходное сообщение, поэтому, вступив в новую должность, Куфальдт сохранил постоянную связь с родным городом и домом. Рига стала для него второй родиной не только в творческом, но и в личном плане. 17 ноября 1884 г. он женился на Марте Крёпш, пятеро их детей — Дора, Ингеборг, Эрика, Герман и Ганс — родились тоже здесь. В последующие 34 года он руководил Дирекцией городских садов и парков Риги, выполняя по мере роста его всероссийской известности всё более серьезные государственные и частные заказы, поступавшие из разных уголков империи.

Итак, с 1880-го по 1914 г. Куфальдт — директор рижских садов и парков. Можно без преувеличения сказать, что за почти тридцатипятилетний период его работы Рига буквально преобразилась: по его проектам была последовательно благоустроена вся городская территория, посажены заново или обновлены все парки и насаждения. Уже в 1880 г. началась реконструкция Царского сада (Петровский парк, Виестура), в 1881-м — Верманского сада* (в 1896 г. там устроен парк, позже появились Аркадия [1900–1911]), Стрелковый парк (1883), парки Дзегужкалнс и Гризинькалнс (оба начали благоустраивать с 1901 г.), Эспланада (первые насаждения были высажены в 1902 г.), парк Миера (1905–1908). Многие улицы Риги его усилиями изменили свой облик, превратившись в романтические липовые аллеи. Существенные изменения по его замыслу претерпели и берега Городского канала — в 1898 г. на них были устроены каменные насыпи, ручейки с каскадами, водопадом и альпинарием, в 1900-м было посажено несколько деревьев очень редких пород (в том числе канадское «рогатое» дерево). Куфальдт стал также автором застройки Лесного кладбища (1899) и первой очереди известного рижского Межа-парка (1901) — города-сада, одного из первых в России, называемого в ту пору «Царский лес». Подчеркнем — ни одна из перечисленных работ не была проходной, незначительной, напротив, почти все они получили большой общественный резонанс, в том числе в российской печати.

Разбивка садов на месте упраздненных военных укреплений Риги началась с 1861 г. и тянулась до начала XX в. По проекту Куфальдта была заново благоустроена и рижская Эспланада. Хотя продолжал он начатое до него, именно его работы придали ей самобытный

* Территория сада была подарена городу Анной Г. Э. Верман в 1817 г.

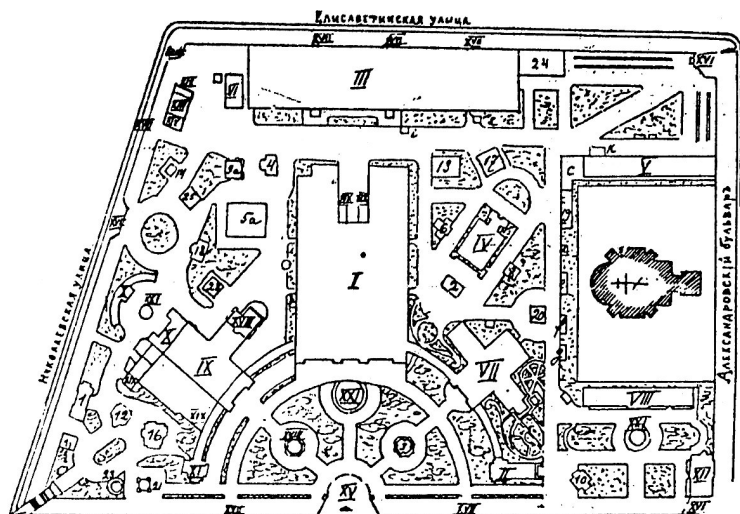

Партер у главного входа на Рижскую юбилейную выставку 1901 г.

облик. В центре Эспланады был разбит парк, по бокам действовали два фонтана. Наряду с обычными «ландшафтными» посадками, в 1900-х гг. на отдельных участках скрытых укреплений были созданы «неоромантические» посадки, образно дополнявшие романоготические формы окружающих зданий. Это главным образом выразилось в сочетании пирамидальных деревьев и низких кустарников, позволявших создать красивые «замковые» виды на постройки в стиле неоготики, например, Коммерческое училище⁶. Популярными в общественных садах конца XIX – начала XX в. водные затеи иллюстрирует небольшой (высота 1 м) водопад «Рижская Иматра»*, устроенный Куфальдтом в 1900–1902 гг. на речке, протекавшей через сад Аркадия в Риге⁷.

Нельзя не упомянуть и нарядное озеленение Куфальдтом Рижской промышленно-ремесленной выставки 1901 г., в которой участвовали три прибалтийские губернии. Выставка разместилась на Эспланаде в 40 павильонах, выполненных в стиле модерн, и была открыта в середине августа 1901 г. Побывавшая на выставке делегация Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов тогда

* Само название водопада напоминало о популярном в России курортном местечке Иматра в Великом княжестве Финляндском, находившемся на берегу реки с красивым впадавшим в озеро водопадом.

Рига. Александровский бульвар. Справа – Эспланада. Открытка начала XX в.

львов, высеченные А. Фольцем, между которыми находился памятник основательнице сада Анне Гертруде Верман. В 1899 г. мастер разбил в Верманском саду первый в Риге розарий – едва ли не самый популярный элемент сада конца XIX столетия, устройством которого он в совершенстве владел. В 1895–1896 и в 1901 гг. газовое освещение здесь заменили на электрическое, а породный состав сада был дополнен акклиматизированными южными породами деревьев, такими как магнолия, буксус, азалия и другими, а также разнообразными хвойными растениями⁹, внесшими в среду сада дополнительное силуэтное и цветковое разнообразие.

К зрелому творчеству Куфальдта относится проект Межа-парка, создание которого началось в годовщину 700-летия Риги*. В 1901 г. Совет города Риги принял решение о строительстве «города-сада», состоявшего из небольшого коттеджного поселка, занимавшего примерно $\frac{1}{5}$ территории Кайзервальде («Царского леса»), и обширной парковой зоны для отдыха и занятий спортом горожан. Именно Георг Куфальдт был автором его планировки и осуществлял надзор за прокладкой лесных дорожек и первыми постройками¹⁰. Как и во всех его произведениях, главным средством создания запо-

* До середины XIX в. в этих местах жили крестьяне, поставлявшие в Ригу сельскохозяйственную продукцию. Эта территория была также местом летнего отдыха горожан. В конце XIX в. главный инженер Риги А. Агте выдвинул идею о постройке дач в районе озера Кишезерс, здесь в начале XX в. и началось активное строительство. Кроме Г. Куфальдта в этом принимали участие архитекторы Г. Янсен, Г. Тизенхаузен и Е. Купфер.

Рига. Вид с городского театра. Открытие начала XX в.

минающегося образа было максимальное раскрытие природного потенциала местности. Так, при планировании первой же улицы Межа-парка – Гамбургерштрассе, он оставил нетронутыми песчаные откосы, тянувшиеся в разных направлениях, и наметил площадки для строительства коттеджей на разных уровнях, что фактически предопределило своеобразие сохраненного лесного ландшафта. В результате застройка стала напоминать альпийский городок, путешествие по которому открывало всё новые неожиданные видовые прозоры и перспективы.

Желая отметить двухсотлетний юбилей вхождения города в состав Российской империи, Рижская дума в 1909 г. согласилась с предложением Г. Куфальдта создать Петровский парк на противоположном от старого центра берегу Даугавы, на бывшей эспланаде Коброншанца, и выделила на это 400 000 руб. Участок находился внутри уже сформировавшейся застройки и имел сложную неправильную форму, при этом на отведенной территории сохранялось несколько капитальных зданий. В своем проекте Куфальдт не только решил вопросы пешеходных и транспортных связей через территорию парка, поскольку одна из его центральных планировочных осей вела на мост, соединявший оба берега реки, но и на ограниченной, пересеченной дорогами территории сумел создать полноценные и разнообразные парковые пейзажи. Основные земляные работы велись два года (до 1912 г.), а в целом парк обустраивали до 1915 г.

К творчеству Г. Куфальдта относятся и многие другие городские скверы Риги, причем созданная им разветвленная и многообразная система озеленения города в целом сохранилась до сих пор, хотя

и утратила многие детали и нюансы первоначальных замыслов. Появились скверы — у Вокзала, Окружного суда, новой церкви Св. Гертруды, Анатомикума, на улице Блаумана (д. 28), насаждения на площадях — Пилс, Екаба, Альберта, Гердера, а также Зоопарк. От его внимания не ускользала ни одна из сторон обустройства жизни природы в городе — так, в 1900 г. он написал статью о развитии и будущем рижских общественных садов и сооружений¹¹, в 1909-м представил в Городскую думу записку о городском хозяйстве и его значении для Риги¹², в 1911-м — записку, посвященную охране природы и заботе о птицах¹³. Нельзя не упомянуть также, что в Риге в то время активно работало Общество садоводства, а кроме того, было несколько солидных садоводческих фирм, поставлявших посадочный материал и семена не только для городских посадок, но и буквально во все уголки Российской империи. Целенаправленное озеленение городских пространств усилиями Куфальдта сделало Ригу, активно строившуюся в конце XIX — начале XX в., современным и благоустроенным городом.

Стоит отметить, что Георг Куфальдт одним из первых выдвинул идею городского парка активного отдыха с аттракционами, спорт-площадками и т. д., а также декларировал, что благоустройству рабочих окраин надо уделять не меньше внимания, чем центру города, причем особенно важно обращать внимание на условия жизни и отдыха несостоятельного населения. О рижской Выставке жилищ для рабочих и народного питания 1907 г., где городские садоводческие фирмы¹⁴ представили несколько небольших садиков, Куфальдт счел нужным написать специальную статью, которая в силу своей актуальности была даже переведена на русский язык. Статья называлась «О садах-беседках» и была посвящена опыту создания малых индивидуальных садиков, которые стали устраивать в рабочих районах крупных городов Германии. Как уточнил Куфальдт, по имени их инициатора их еще называли «Шретеровы сады». Вот как он их описывал: «Сад тянется за садом, в каждом из них красуется по маленькой, обвитой зеленью беседке, над которой весело развешается флаг; здесь семья рабочего ищет защиты от непогоды и собирается к обеду и ужину на вольном воздухе. По садам проведены узенькие дорожки, а на маленьких общих площадках для игр и гимнастики шумливой толпой резвятся дети»¹⁵.

Нечто подобное в качестве примера для внедрения в жизнь было предложено и на рижской выставке 1907 г. — садики площадью около 35 квадратных саженей, засаженные множеством цветов, радовали глаз своим многоцветьем. По словам Куфальдта, они представляли собой пестрое зрелище: «Беседки и ограды были построены из простых деревянных решеток и обсажены бобами, душистым

горошком, тыквою, диким виноградом, вьюнком и хмелем. Около беседок нашлось место и для различных цветущих растений, луковичных и летних цветов: с незабудкою чередовалась медуница, с петунией — левкой, с астрой — флокс; среди них теснились душистая резеда, табак, лакфиоль и анютины глазки, а над всеми ими гордо высились осыпанная цветами шток-роза и подсолнух»¹⁶. Любовно перечисленные мастером однолетники относятся к числу самых популярных садовых растений рубежа XIX–XX вв. и были не раз использованы им самим в крупных парках и городских садах, правда, гораздо более избирательно и изысканно. Однако внимание Куфальдта к таким, в сущности, типовым и зачастую дилетантским садикам красноречиво говорит об обостренном чувстве социальной справедливости, о желании с помощью своей профессии, своего искусства не только создать прекрасные частные парки, но и улучшить жизнь простых людей.

Кроме рижских, немалое место в творчестве Куфальдта занимали и другие прибалтийские парки. В Либаве (Лиенае) он спроектировал сквер на площади Нового рынка, торговлю с которого переместили в другое место. Как сообщала пресса того времени, в 1911–1913 гг. «выдающийся специалист по паркам и дендролог» создал здесь розовый сад, высадив 500 розовых кустов. Куфальдт умело реконструировал императорский парк Кадриорг (Екатериненталь) под Ревелем (Таллин), создал курортные парки в Юрмале, Паланге, Пярну. Помимо общественных парков мастер создал в Прибалтике и немало частных усадебных садов — в Жагаре, Кехтне, Лоху, Олуствере, Визусте, Полли.

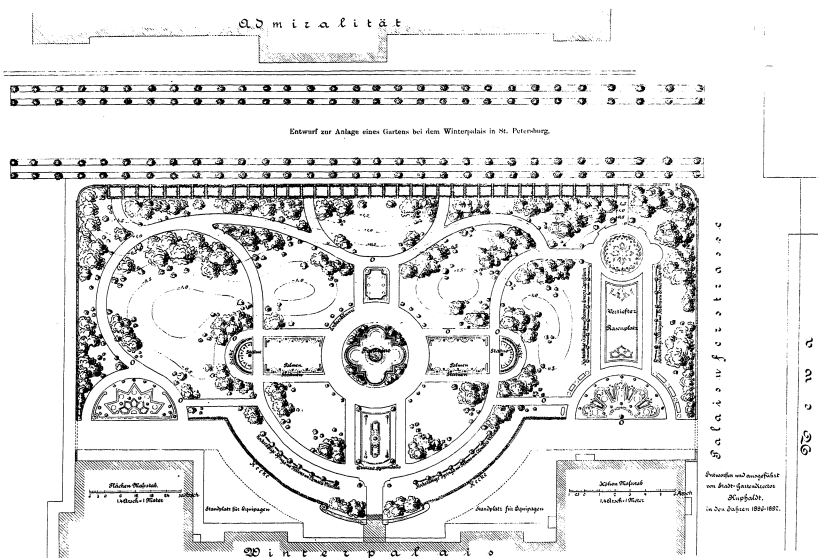
Главный дом мызы Олуствере* в Эстонии, так называемый дом Старой Дамы, был выстроен в 1903 г. одновременно с созданием там парка, спроектированного Куфальдтом. В свое время этот усадебный дом поражал высоким качеством строительства и наличием электричества, водопровода и телефона, но особой гордостью поместья были его густые парковые аллеи и гармония сочетаний групп деревьев разных пород вокруг дома. Собственный богатый опыт создания парков в Прибалтике был обобщен Г. Куфальдтом в статье с красноречивым названием «Садовое искусство в России, преимущественно в балтийских провинциях»¹⁷.

Успехи талантливого рижского ландшафтного архитектора и садовника не остались незамеченными в Центральной России. Параллельно с обязанностями главного садовника Риги, Георг Куфальдт

* С 1742 г. поместье Олуствере принадлежало Ферзенам, а титул графа, полученный Гансом Генрихом фон Ферзеном от Екатерины II, открыл представителям этого рода двери петербургского двора.

с 1880-го по 1914 г. принял участие в планировке многих наиболее крупных и значимых парков, которые создавались в России по заказам императорского двора в Санкт-Петербурге и других городах империи или по другим государственным и частным заказам. Так, в 1895 г. именно ему был заказан проект озеленения Всероссийской художественно-промышленной выставки, состоявшейся в 1896 г. в Нижнем Новгороде. Он руководил отделом садоводства выставки, и, как впоследствии на Рижской выставке 1901 года, превратил зеленые насаждения, газоны и клумбы в мощное средство интеграции композиции в единое ансамблевое целое.

К наиболее заметным столичным творениям Г. Куфальдта относятся новый участок Александровского сада на Исаакиевской площади (1890) и сад-цветник у западного фасада Зимнего дворца. Александровский сад был разбит в 1873–1874 гг. по проекту директора Ботанического сада и вице-президента Санкт-Петербургского общества садоводства Э. Л. Регеля. По проекту последнего Адмиралтейство было окружено двумя рядами аллейных посадок. Сам же сад, занимавший тогда всю Сенатскую площадь, включая памятник Петру I, и широкую полосу между южным фасадом Адмиралтейства и застройкой, был устроен в характерном для эпохи эклектики пейзажном стиле с насыпной горкой (на Сенатской площади) и множеством криволинейных дорожек, включавших некоторые элементы композиционной симметрии – круглый бассейн с фонтаном перед центром фасада Адмиралтейства, две овальные клумбы по осям Невского и Вознесенского проспектов и некоторые подкрепляющие симметрию планировочные повторы. Примером для Регеля послужил сад на Елисейских полях и другие городские сады Парижа¹⁸. В 1887 г. в саду был установлен памятник В. А. Жуковскому. Через 17 лет, в связи с тем, что часть Сенатской площади вокруг памятника Петру освобождали от насаждений, Александровский сад был частично перепланирован Куфальдтом. Проект был выбран в результате конкурса. Согласно ему, в узкой части сада планировка изменялась относительно мало, основные перемены касались создания новой горки взамен скрытой старой и садовых построек (которые в результате так и не были осуществлены)¹⁹. И все же, сравнивая проекты Регеля и Куфальдта, нельзя не заметить, что вместо довольно рыхлой дорожной сети, достаточно равнозначной на всей площади сада, появилась более упругая и напряженная по рисунку планировка, обобщившая некоторые прежние мелкие членения и создавшая более замкнутое интерьерное садовое пространство. Это были не только приметы, зафиксировавшие изменения садовой эстетики, но и черты индивидуальной манеры Куфальдта, блестяще владевшего искусством создания красивого, пространственно осмысленного плана.

Г. Куфальдт. Проект устройства сада у Зимнего дворца в Петербурге. 1896–1897 гг.

Проект сада-цветника, разбитого Куфальдтом у западного фасада Зимнего дворца, был выбран в результате конкурса 1896 г. Нарядный, очень точно соответствовавший по масштабу монументальному дворцу и окружающим его просторам площади и реки, стилистически он немного напоминал барочные сады, хотя имел лишь частично регулярную планировку, и, будучи наделен всеми чертами садово-паркового искусства рубежа XIX–XX вв., был вполне современным. Садик отвечал главному требованию – создавал уютное камерное озелененное пространство в центре огромного города. Он вмещал большое число цветущих растений, имел непрменный фонтан и перголу, увитую лианами, по границе с проездом, ведущим к Дворцовому мосту. Именно этот проект обратил на Г. Куфальдта Высочайшее внимание, обеспечившее ему вскоре крупные заказы на ландшафтные работы в Царском Селе и Ораниенбауме. Если в этих резиденциях императора и членов его семьи работы носили реконструктивный и дополняющий характер, под Сочи в Дагомысе он разбил совершенно новый Царский парк. По его проектам разбивались и дополнялись крымские парки, императорские и частные, которые еще предстоит подробно исследовать.

К числу наиболее выдающихся творений Куфальдта относят сады и парки в крупных имениях российских аристократов и предпринимателей – в имении Орро (Тойла) знаменитого столичного купца-миллионера Г.Г. Елисеева в Эстонии (1899–1901), в курском Ивановском (Марьине) князей Барятинских (1900–1903), во владимирском Муромцеве В.С. Храповицкого и в харьковской Шаровке «сахарного короля» Леопольда Кёнига.

Поразительно, как разнообразны и непохожи друг на друга названные усадебные парки, хотя их роднит общность подхода к проектированию – свободное владение всеми средствами выразительности паркового пейзажа и создание уникальной, единственной в своем роде композиции на основе существующего ландшафта. В каждом из них скрупулезно учтены и использованы все потенциальные возможности существующего рельефа и природных составляющих – рек, ручьев, балок, лесных массивов и т. д., территория каждого сочетает регулярные цветники и партеры вокруг или перед домом с парковым массивом в ландшафтном стиле, и в каждом создана совершенно оригинальная композиция со своим акцентом, своей неповторимой изюминкой.

Великолепный усадебный сад был разбит по проекту Г. Куфальдта в 1899–1901 гг. в имении Г.Г. Елисеева Орро на берегу Финского залива (в Эстонии). Согласно эстетике своего времени, сад сочетал ландшафтный стиль, которому подчинялась большая часть усадебной территории, с регулярным – геометрически правильные и симметричные цветники и партеры окружали центральное ядро усадьбы с главным домом, выстроенным в стиле итальянского ренессанса. План парка был не только превосходно задуман, но и прекрасно прорисован, обнаруживая недюжинные архитектурные способности автора.

Небольшая, но довольно бурная речка Орро (Пюхайыги), петляющая по живописной долине и впадающая в залив, стала основой задуманной парковой композиции. Она делила территорию имения на две части – западную и восточную, соединявшиеся четырьмя мостами, через которые проходили основные парковые дорожки. Как писал сам Куфальдт, «Орро проложила свое русло глубоко в скальной породе, вусте это – довольно небольшая, шириною около 10 м, горная река, которая, пенясь и бурля, несетя меж гранитных валунов. Как раз напротив дворца ложе реки расширяется наподобие небольшой долины; ограничивающие ее скалы со стороны дворца и образуют крутой, высотой 30 м, уступ. На западе и востоке район дворца окаймляют темные хвойные леса, на юге открывается вид на прилегающую местность, на севере раскинулось море»²⁰. Ближе к морскому берегу речка огибала небольшой островок, а напротив

Орро. Вид на садовый фасад виллы

дома на ней была устроена довольно обширная запруда, создание которой позволило рядом насыпать небольшой холмик, горку-ракушку, на которую спиралью взбиралась парковая тропинка. По обеим сторонам речки рельеф величественно повышался – на бровке восточного берега по проекту постоянного архитектора Елисеевых Г.В. Барановского был выстроен главный дом, окруженный обширными видовыми террасами и обращенный главным фасадом на запад, к парковому зеленому массиву на противоположном берегу реки. Перед западным и южным фасадами дома был устроен круглый фонтан – излюбленный элемент сада Серебряного века, и разбиты регулярные орнаментальные цветники с розами и другими выставленными на лето южными растениями, своим нездешним видом как бы преодолевавшими свинцовую прохладу Балтийского моря и напоминавшими о морях южных.

И зодчий, и садовник постарались максимально использовать природные возможности местности. Однако если Г.В. Барановский создал здание, вполне отвечавшее современной архитектурной

* Дом был оснащен паровым отоплением, технические службы располагались в его обширных подвалах, заглубленных в рельеф. Там же были устроены молочная, ледник, а с западной стороны – грот, соединенный внутренней лестницей с вестибюлем и парадным залом первого этажа. К северо-востоку от дома рядом с подъездной аллеей на прямоугольной земляной террасе была выстроена домовая церковь.

эстетике и всем требованиям комфорта*, но, в общем-то пригодное к постройке в любом другом месте России, то Куфальдт придал новой ансамблю подлинную образную уникальность, точно выражающую *genius loci* – «гений места». Живописно изогнутые дорожки и тропинки удобно соединяли все постройки усадьбы и проходили через все наиболее эффектные точки обзора окружающего ландшафта. Видовые дорожки были проложены по бровкам всех возвышенностей, оказавшихся на территории усадьбы, ненавязчиво вторили изгибам речного и морского берега или мягко поднимались по склонам холмов. Пейзажные картины, раскрывавшиеся с каждой парковой дорожки, были чрезвычайно разнообразны не только из-за природного холмистого рельефа с выразительными скалами, но и благодаря искусству Г. Куфальдта, заставлявшего их то забираться в лесную чащу, то спускаться к речке, то карабкаться на высокий открытый мыс, то заглядывать на лесную поляну. Именно парк, описанный в русской печати еще в начале XX в., думается, стал главным средством создания в Орро незаурядного и запоминающегося архитектурного ансамбля.

Благодаря счастливой находке²¹ лишь недавно стало известно, что к работам Куфальдта относится и парк знаменитого курского имения князей Барятинских Марьино (Ивановское), обновленный им в 1900–1903 гг. Ко времени последней реконструкции этот парк имел уже солидную историю – он был заложен еще при князе Иване Ивановиче Барятинском, построившем здесь в 1816–1820 гг. и нарядный дом, перестроенный в 1865–1875 гг. архитектором Шольцем²². Создателем парка в 1816–1824 гг. был английский садовник Галетт²³. Собственно, эти точные сведения, также как и имена последующих садовников, сообщает в своей статье сам Куфальдт, искренне восхищавшийся созданием своих предшественников: «В начале и середине прошлого столетия в России было много великолепных парков, окружавших замки и загородные дома крупных помещиков. Низкая стоимость земли и дешевая рабочая сила <...> давали возможность тогдашним помещикам при закладке и уходе за садами позволять себе роскошь, которая теперь возможна только в исключительных случаях. К паркам, которые сохранили блеск этой роскоши до настоящего времени, относится парк замка Марьино у деревни Ивановское Курской губернии, владение князя Александра Барятинского. <...> Площадь парка достигает 300 гектаров: из них 23 – приходится на большое озеро, 12 – фруктовый сад, 11 – садовые посадки, 7 – овощи и огороды. В парке было выкопано озеро трехметровой глубины, для чего было вынуто 690 000 м³ грунта, распределенного по поверхности парка. На озере находятся два острова, на одном из которых, названном островом Шамиля, был возведен храм с колоннами, а на другом – небольшая лютеранская церковь. (Бабушка теперешнего

Чтобы вода в озере не зависела от капризов природы, основатель парка распорядился выкопать еще одно озеро выше первого, вода которого в засушливые года поступала в первое озеро. Полуторакилометровая четырехрядная аллея связывает замок и парк с прилегающей деревней Ивановское, а трехкилометровая аллея – парк со 140 гектарами территории для оленей. Территория садовых посадок снабжена оранжереями, большим числом утепленных и летних домиков, а также включает в себя полностью застекленный розовый сад площадью около 150 м². «...» Последователем англичанина Галетта, который заложил парк, был садовый инспектор Эбервайн из Нордгаузена, его в свою очередь сменил англичанин Финли, а последнего – курляндец Грунт²⁴. В течение трех лет парк замка Марьино обустраивался по изготовленным мною планам»²⁵.

Собственно, благодаря этой статье Куфальдта перед нами раскрывается новая страница в истории усадьбы Марьино в пору владения ею князем Виктором Ивановичем Барятинским. Обычно упоминают лишь об одном событии, связанном с ним – установкой монумента «Орел» в 1903 г. в память победы в Кавказской войне, которую совершил его брат – фельдмаршал князь А. И. Барятинский, пленивший Шамиля. Теперь стало ясно, что именно благодаря ему парк приобрел тот облик, который до сих пор поражает своей гармонией и красотой, а монумент «Орел» явился одним из последних штрихов в его новом облике.

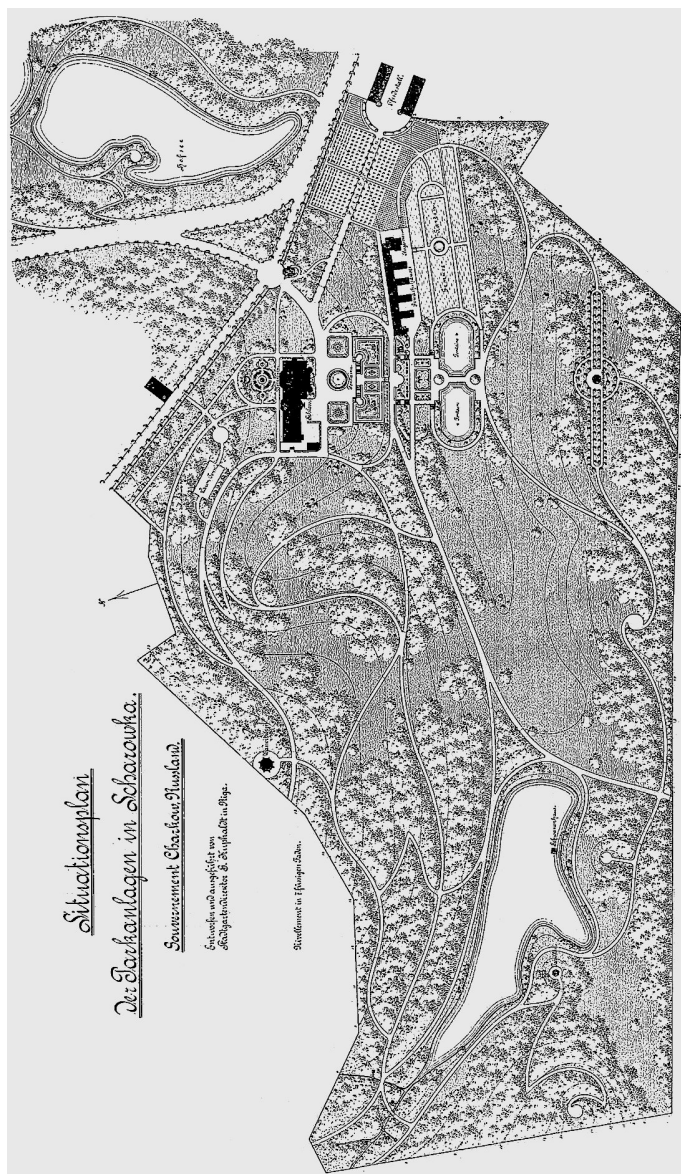
Текст статьи Куфальдта о марьинском парке особенно интересен потому, что в ней мастер впервые приоткрыл свою творческую кухню – поделился взглядами на вопросы реконструкции старого парка, которыми ему не раз приходилось заниматься: «Недостатком садового искусства является невозможность создать постоянный ландшафтный образ, который сохранился бы до настоящего времени. Парки требовали постоянного ухода и инвестиций, чтобы оставаться в первоначально созданном виде и поэтому они быстро видоизменялись. Этот же процесс приводил и к появлению новых идей в их создании. То же самое произошло и с парком замка Марьино. От крестообразных и круглых форм посадок в течение прошедшего столетия мало что сохранилось. Владельцы парка решили привести обе части парка в гармоническую связь и восстановить извиливы дорожек»²⁶.

Куфальдт писал: «При моем первом посещении парка я обнаружил его таким заросшим, что от него было видно только небольшой кусочек озера. Хвойные и лиственные деревья росли вперемешку и несмотря на былую роскошь, парк производил впечатление полной заброшенности и запустения»²⁷. Мастер сразу обратил внимание на то, что парк состоит из двух мало связанных друг с другом разновременных частей, которые необходимо было объединить и

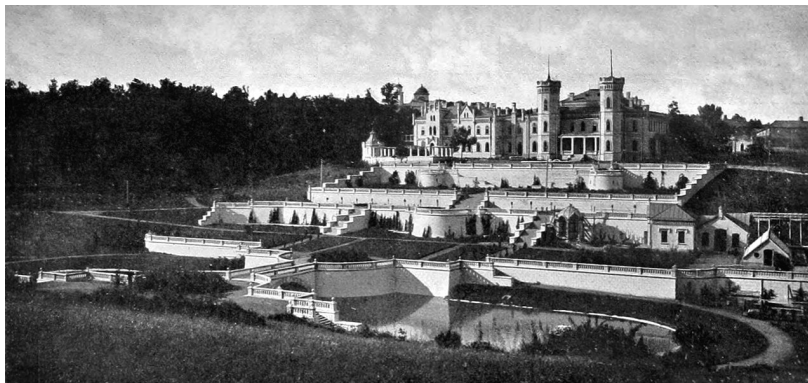
гармонизировать. Методы его работы оказались схожи с теми, что за столетие до него с успехом применил в Павловском парке итальянский декоратор Пьетро Гонзага. Воссоздавая облик парка, спланированного англичанином, он вырубал старые деревья и кустарники, восстанавливал аллеи, упорядочивал посадки, внося в них определенную логику и гармонию. По его словам, ему «стоило больших усилий вернуть парку воздух и свет и дать возможность владельцам замка любоваться видами». Любопытно, что в числе причин, разрушивших первоначальный замысел, Куфальдт назвал и беспорядочные посадки прежних и нынешних владельцев: «„Это дерево посадил дедушка, а это — мама, а под сенью этих растений играли дети“, — какой садовник решится нарушить эти семейные реликвии?»²⁸

И все же Георгу Куфальдту удалось образно обновить парк князей Барятинских, вернув ему прежнее величие, которое восхищает до сих пор. Причем это не было реставрацией английского парка начала XIX в. в полном смысле этого слова, это была творческая работа современного ландшафтного архитектора, внимательно относящегося не только к работе коллег, но и к тем новым качествам для реализации идей сегодняшнего дня, которые предоставлял разросшийся парк. Планировка марьинского парка была фактически выполнена Куфальдтом заново, хотя чуткий к ландшафтной красоте мастер постарался не потерять ни одного из уже заложенных в его композицию достоинств.

Именно мастерству Георга Куфальдта обязана своей исключительной парковой композицией и Шаровка, хотя здесь мастер работал с уже относительно сложившимся зеленым массивом. Богатый сахарозаводчик Леопольд Егорович Кёниг (1821–1903) приобрел усадьбу вместе с Ольховской винокурней еще в 1881 г., но настоящий строительный бум начался здесь в 1894-м, причем основной акцент в обустройстве имения был сделан именно на садово-парковой составляющей — масштаб задуманного был так велик, что усадьба Кёнигов полностью поглотила село, превратив его в «Леопольдовскую экономию». Кёниг предоставил на устройство парка более миллиона рублей, еще почти половину той же суммы выделил его сосед Харитоненко²⁹. Когда Шаровку унаследовали сыновья Кёнига, парком в основном занимался один из них — Фридрих (Фёдор) Леопольдович, скончавшийся в декабре 1908 г. В 1912 г., когда работы по благоустройству усадьбы закончились, Куфальдт писал о высоком уровне его «художественной образованности» и глубоко сожалел, что смерть прервала его планы по «украшению садовым искусством своей усадьбы». (Помимо Шаровки мастер разбил парк в мекленбургском имении Блюхергоф, принадлежавшем сыну Леопольда Кёнига Александру.)

Г. Куфальдт. План устройства парка в Шаровке

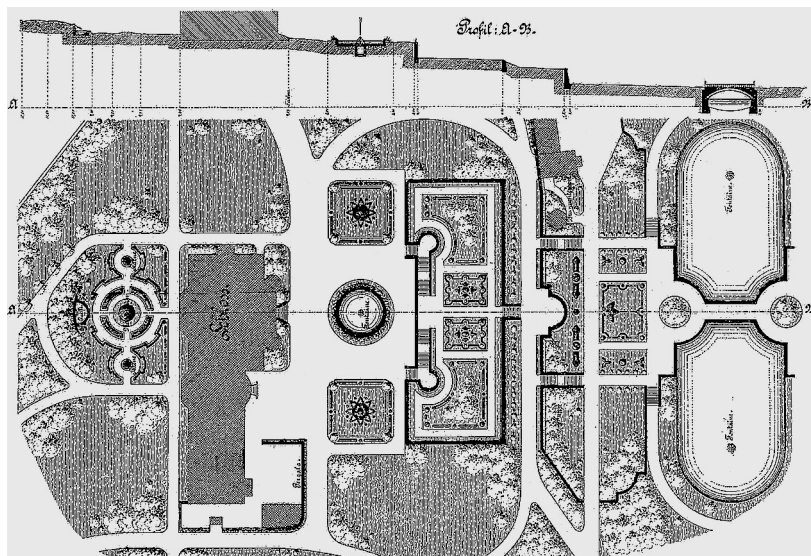

Шаровка. Общий вид. Фотография начала XX в.

Главный дом в Шаровке, перестроенный в 1890-х гг., располагался на вершине холма, южный склон которого спускался к живописному Большому пруду (перепад высот составлял более 30 м). В начале XX в. по проекту Куфальдта южный склон был террасирован – перед домом устроили четыре просторные каменные парковые террасы с фонтанами, цветниками и регулярными стриженными посадками. Системой разнообразных лестниц от главного дома можно было попасть на самую обширную нижнюю террасу, обсаженную плодовыми деревьями – персиками, грушами, абрикосами, виноградом – и представлявшую собой каменную набережную с северной стороны Большого пруда. С нее можно было полюбоваться на живших в Большом пруду лебедей и две высокие струи фонтанов, бьющие с зеркала воды. Близ дома был создан розарий, а у пруда обустроен грот с источником. Благодаря Куфальдту в парке были высажены около 150 видов редких для этой местности декоративных растений.

Строго по оси дворца находился арочный мост через пруд, по которому можно было перейти на противоположный берег, также закованный в камень. Этот берег пруда был почти так же высок, как и усадебный, что позволяло любоваться домом и парковыми террасами со специально устроенного липового «променада». С террасы-набережной можно было попасть и в роскошный ландшафтный парк (теоретиком таких парков не раз выступал Куфальдт) со старыми дубами, расположенный к западу и созданный на основе существовавшего леса. Чтобы сделать облик этой части шаровского парка особенно гармоничным, живым, здесь был устроен оленник.

К востоку от террас находилось образцовое оранжерейное хозяйство (создано на базе оранжерей прежних хозяев усадьбы³⁰), оснащенное системой полива и обогрева по последнему слову техники.

*Г. Куфальдт. План устройства террасы
перед господским домом в Шаровке*

Вид на аллею в Шаровке

Вид замка и пруда у нижней террасы в Шаровке

Оранжереи в Шаровке

Усадебный дом в Муромцеве

сейнов, переливавшихся друг в друга и представлявших своеобразную зеркальную парадную аллею, ведущую от центра композиции существенно расширенного в тот период усадебного дома к большому живописному озеру. Этот элемент в принципе, вероятно, восходил к разнообразным водным каскадам парков итальянского ренессанса и барокко, однако его вариация здесь была совершенно оригинальна. За озером осевую композицию каскада завершала парковая лоджия в готических формах, как бы продолжавшая архитектурно-стилистическую тему дома. В парке было немало и других визуальных и архитектурных связей, а также невероятное количество разнообразных редких растений, во множестве поставлявшихся из самых солидных питомников России – Я. К. Кесельринга, А. Регеля, графа А. С. Уварова, Бауэра и других, которые в совокупности делали его подлинным произведением садово-паркового искусства*.

Если попытаться охарактеризовать основные приемы работы Георга Куфальдта, то они в целом будут совпадать с общепринятыми в

* К этому стоит добавить, что в 1890-х гг. в Муромцеве работал и выдающийся лесовод К. Ф. Тюрмер, существенно улучшивший качества прилегающих к усадьбе лесов, заложивший новые лесные массивы и обучивший местных крестьян сбережению и рачительному использованию лесных богатств – при нем в доходный промысел превратились не только плетение корзин и мебели из ивовых прутьев, но и собирательство грибов и ягод.

Вид на аллею в Муромцево

то время принципами, публиковавшимися в популярных пособиях по устройству декоративных садов³¹, однако притягательность его садово-парковых произведений не ограничивалась профессионализмом, хотя и очень высокого класса. Созданные им парки отмечены ярким и неповторимым дарованием, оригинальной фантазией, а также редчайшей способностью создавать красивые архитектурно-планировочные композиции не только на чертеже, но и, что особенно важно, в пространстве, учитывая все возможности, предоставляемые рельефом, водными объектами и цветовыми сочетаниями древесных и кустарниковых пород. Тонкое профессиональное чутье и художественная интуиция, которой он, несомненно, был наделен в самой высокой степени, позволяли ему работать совершенно свободно, без оглядки на любые исторические или современные авторитеты. Скорее всего, садовая работа была для него так органична и естественна, что даже в своих статьях, например о парках в Орро или Марьине, он не мог исчерпывающе охватить всю совокупность факторов, которые приходилось ему учитывать для создания общего образа, а также того или иного рисунка дорожек, устройства видовых точек или размещения древесных куртин.

В 1900–1910-х гг. профессиональный авторитет Георга Куфальдта распространился далеко за пределы Российской империи. Известны его работы в Германии (Мекленбург, Восточная Пруссия, Висбаден,

Гейдельберг) и во Франции (Ницца). К выявлению и анализу этих произведений еще предстоит обратиться в будущем.

Еще одной значительной стороной деятельности Куфальдта была научная и публицистическая. Большинство его публикаций – статьи и заметки – выходили на немецком языке, в том числе и в России, лишь изредка переведенные на русский. Поражает широта его интересов – здесь и уже упомянутые статьи о прибалтийских парках, о садах в рабочих кварталах и т. д. Он нередко писал статьи для журнала *Gartenflora*. Именно в этом журнале вышла уже упомянутая заметная статья «Садовое искусство в России, особенно в балтийских провинциях»³².

Помимо владения искусством создания прекрасных парковых ландшафтов, Куфальдт был глубоким знатоком фруктового садоводства, которому также посвятил немало научных трудов. Культивирование плодовых деревьев он подробно описал в докладе на международном помологическом конгрессе, прошедшем в Петербурге³³, а затем в одноименной книге «О рациональном садоводстве в северо-западных провинциях Российской империи», посвященной графине Елене фон дер Пален³⁴. В ней были сведения обо всех типах почв, удобрениях, способах подготовки к зиме, черенковании и прививках. Среди описанных им сортов яблонь, груш, слив немало старых русских сортов – титовка, ранет, налив и т. д. Одним из самых значительных вкладов Куфальдта в теорию садово-паркового искусства стала книга «Практическая дендрология в парке и саду» (*Die Praxis der angewandten Dendrologie in Park und Garten*)³⁵, вышедшая уже после его отъезда из России в 1927 г. и фактически суммировавшая его знания и огромный российский опыт.

Первая мировая война резко оборвала активную творческую жизнь Куфальдта в Российской империи. С началом войны на волне германофобии, внезапно охватившей Россию, Георг Куфальдт был обвинен в шпионаже и предательстве – поводом для этого послужило членство в Немецком союзе флота и обычный астрономический телескоп, который у него нашли. После шестимесячного заключения гений садовых композиций был выслан в Германию, где у него уже никогда не было такого широкого поля деятельности, таких безграничных возможностей и масштаба парковых работ, как в России, к которой, несмотря ни на что, он сохранял душевную благодарность. Впоследствии он писал: «Мы, немецкие садовники, все, кто в довоенное время жил и трудился в России, с благодарностью и грустью вспоминаем прекрасные, богатые трудами времена в этой огромной замечательной стране, ставшей для нас второй родиной и предоставившей нам столь богатые возможности для благодарной деятельности во всех ее областях»³⁶. Однако из-за своей безупречной профессиональной репутации он получил место инспектора

по садоводству в берлинском районе Штеглиц, где в течение всей войны занимал место доцента в Институте садоводства, а также нередко выступал консультантом по различным профессиональным вопросам. Прежде чем он в 70 лет ушел на пенсию, под его руководством были заложены розарии в городском парке в Штеглице и на Брайтенбахплатц.

Создатель блестящих парков в русских усадьбах и выдающийся ученый-дендролог Георг Фридрих Куфальдт умер в Берлине 14 апреля 1938 года...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В Германии, а в последние годы в Латвии, Литве и Эстонии, где мастер создал несколько парков, его творчеством в целом или частично занимались (Например: Kufalts Georgs Fridrihs (1853–1938), daildarzn. // Latvijas PSR ME. Riga, 1968, 1970. S. 2. M. 553, 729; S. 3. M. 205). Впервые биография опубликована: Georg Kuphaldt. Zu seinem 75. Geburtstag // Die Gartenwelt. 1928. № 22. S. 308. Обобщающие работы: Kanstein, Hemma. Die Parkanlagen Georg Kuphaldts. Historistischer Freiflachengestaltung. Berlin, 1998; Kanver, Anne. Maastikuaedmik. Georg Kuphaldt. 1853–1938. Tallinn, 2003.
- 2 Здесь и далее биографические сведения почерпнуты из автобиографии Куфальдта: Kuphaldt Georg. Aus meinem Leben // Mitteilungen des Bundes Burschentag, 2. Sonderheft. Berlin, 1931.
- 3 Zerwer H. Der dendrologische Park Blücherhof. Vorarbeiten für ein Parkpflegewerk mit Hilfe eines rechnergestützten Informationssystems. Berlin, 1998. S. 21.
- 4 Kuphaldt G. Deutsche Gärtner in Russland // Die Gartenwelt. 1925. № 10. 06.03. S. 160–162, 174–175.
- 5 Kuphaldt G. Deutsche Gärtner im zaristischen Russland // Gartenflora. 1936. S. 170–172, 195–198 (см. перевод статьи в настоящем сборнике, с. 142–151).
- 6 Капаклис А. Я. Рижские городские сады и парки. Краткий исторический очерк развития зеленых насаждений г. Риги. Рига, 1952. С. 40–42.
- 7 Капаклис А. Я. Указ. соч. С. 78.
- 8 В. Э. Поездка членов Императорского СПб. Общества архитекторов в Ригу. (Окончание) // Неделя строителя. 1901. № 29. С. 199–200.
- 9 Капаклис А. Я. Указ. соч. С. 28–29.
- 10 См.: Krastiņš J. Mežaparks. Riga, 1997. L. 22–42.
- 11 Die Entwicklung und Zukunft der Rigaschen öffentlichen Gärten und Anlagen. Vortrag gehalten vom Stadtgarten-Director, Herrn G. Kuphaldt in der Sitzung des Rigaer Gartenbau – Bereing am 24. November 1900 (отдельный оттиск). Riga. S. 1–16.

- 12 [Kuphald G.] Städtische Gartenanlagen und ihre Bedeutung für die Stadt Riga. Vortrag, gehalten am 25. Januar 1909 in der Gesellschaft für kommunale Sozialpolitik in Riga. (отдельный оттиск) // II. Jahrgang. Riga: Druck von M. F. Bader, 1909.
- 13 [Kuphald G.] Naturschutz und Vogelpflege. Vortrag, gehalten am 25. März 1911 in der Gesellschaft für kommunale Sozialpolitik in Riga. (отдельный оттиск) // IV. Jahrgang. Riga: Druck von M. F. Bader, 1911.
- 14 Участвовали садоводства Вагнера, Беру (фирма К. Ф. Шох), Тебеля, Персильбаха и Рижского Общества садоводства. (Куфальт Г. О садах-беседках // Купффер Э. Дом для рабочих на рижской «Выставке жилищ для рабочих и народного питания». 1907. Рига: Тип. В. Ф. Геккера, 1907. С. 69.)
- 15 Там же. С. 68.
- 16 Там же. С. 68–69.
- 17 Kuphald G. Die Gartenkunst in Russland, besonders in den baltischen Provinzen // Gartenflora. 1916. № 5. 15.03. S. 70–79.
- 18 Веснина Н. Н. Сады Невского проспекта. СПб., 2008. С. 40.
- 19 Там же. С. 54.
- 20 См. текст статьи Георга Куфальдта о парке в Орпо на с. 152–156 в настоящем сборнике.
- 21 В 2009 году в немецких периодических изданиях была обнаружена ранее неизвестная статья Г. Куфальдта, посвященная его работам в курской усадьбе Барятинских Марьино.
- 22 Архитектор К. Ф. Шольц перестроил дворец по проекту архитектора И. А. Монигетти. (См. Фёдоров С. И. Марьино. Воронеж, 1988. С. 97–99.)
- 23 В краеведческой и историко-архитектурной литературе имя этого мастера пишут иначе – Иван Гулет, и называют его английским мелиоратором, упоминая лишь в связи с устройством Большого пруда в Марьине с островами (См.: Холодова Е. В. Марьино // Русские провинциальные усадьбы. Воронеж, 2001. С. 178), а также с «осушением болота до 2900 десятин» (Лотарёва Д. Д. Марьино. Усадьба русского аристократа // Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. С. 163). Свидетельство Г. Куфальдта позволяет назвать его основным создателем пейзажного парка в первой трети XIX в.
- 24 Перечисленные Г. Куфальдом имена ранее были неизвестны. В то же время в письмах И. Барятинского до 1818 г. упоминается марьинский садовник Джон Броун, которого нет у Куфальдта. (См. Фёдоров С. И. Марьино. Воронеж, 1988. С. 103.)
- 25 Kuphaldt G. Der Park von Schloss Marino bei Iwanowskoje, Gouvernement Kursk (Russland) // Die Gartenkunst. 1905. Heft 2. S. 19–22.
- 26 Ibid. S. 21.

- 27 Ibid. S. 20.
- 28 Ibid. S. 21.
- 29 Kuphaldt G. Die Gartenkunst in Russland, besonders in den baltischen Provinzen // Die Gartenflora. Zeitschrift für Garten- und Blumenkunde. 1916. Ht. 5. S. 76.
- 30 Шаровка // Столица и усадьба. Пг., 1915. № 26. С. 5.
- 31 Примером может служить книга Л. Т. Лучинского «Устройство декоративных садов на открытом воздухе. Практическое садоводство с оригинальными рисунками и чертежами» (1891; Репринт: М., 2009), в которой подробно описан весь проект создания парка и обращено особое внимание на необходимость учета всех ландшафтных особенностей местности и возможных видов на окрестности (С. 18–19).
- 32 Kuphaldt G. Die Gartenkunst in Russland, besonders in den baltischen Provinzen // Gartenflora, 1916. № 5. (15.03). S. 70–79.
- 33 Kuphaldt G. Der rationelle Obstbau in den nordwestlichen Provinzen des russischen Reiches. Internationaler Pomologencongress zu St. Petersburg, 1894.
- 34 Kuphaldt G. Der rationelle Obstbau in den nordwestlichen Provinzen des russischen Reiches. Riga: Verlag von K. Kymmell, 1896.
- 35 Kuphaldt G. Die Praxis der angewandten Dendrologie in Park und Garten. B., 1927.
- 36 Kuphaldt G. Deutsche Gärtner in Russland... S. 175.

Георг Куфальдт

НЕМЕЦКИЕ САДОВНИКИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ¹

В ПЕРВЫЕ садово-парковое искусство в России, которое прежде лишь влачило жалкое существование в городах, связанных с Ганзой, получает развитие при великом реформаторе Петре Великом (1689–1725). При Петре I и Екатерине II в Петербурге, Москве и в провинции возникают многочисленные императорские дворцы, окруженные роскошными садами. Примеру царствующего дома следовали сильные края сего, дворянство и богатое купечество, которые, пользуясь тесными политическими и хозяйственными связями между Германией и Россией, на самых заманчивых условиях нередко приглашали садовников-немцев для устройства своих садов и наблюдения за ними. К середине прошлого (XIX. — *Перев.*) столетия не было ни одного крупного садового хозяйства в прибалтийских губерниях, ни единого значительного сада во внутренних областях империи, во главе которого не стоял бы немец. Еще в годы моей учебы в школе садоводства при дворце великого герцога в Ойтине (1870–1872) устоявшимся правилом было по основательному изучении профессии отправляться на поиски надежного заработка в Россию. Так со временем в Россию перебрались сотни и сотни немецких садовников, среди которых большая часть тех, кто привез с собой твердые знания и любовь к своему делу, благодаря усердию и прилежному изучению русского языка проложили себе дорогу к высоким постам в различных областях садоводства — сделали управляющими имениями, главными лесничими, разного ранга чиновниками, каковые должности могли занимать лишь самые добросовестные люди.

Без малого двести лет Россия была подлинным Эльдорадо для садовников-немцев, где они ощущали себя тем более вольготно, что русский человек по широте своей натуры так умел выразить гостеприимство, что очаровывал любого чужестранца. В непомерно огромной империи находилось место для каждого, благодаря чему удавалось избегать зависти со стороны недоброжелательных соседей; прибывшим же специалистам встать на ноги было здесь очень легко. Почти все крупные коммерческие садоводства и питомники

были в руках эмигрантов-немцев или их потомков. Первые должности в этой области в государственных, городских или частных заведениях также занимали немцы, и если они добивались высоких почестей, возводили на заработанные честным трудом средства уютные жилища, держали экипажи с орловскими рысаками, совершали продолжительные путешествия за границей и даже внутри страны ездили по железной дороге в вагонах первого класса, то никто не видел в этом ничего особенного. Всякому предоставлялось жить по собственному усмотрению. Знаменателен для значения сословия садовников-немцев в России тот факт, что прејскуранты всех крупных коммерческих садовых хозяйств публиковались на немецком языке; обычай этот был важным средством сохранять немецкий характер профессии садовника. Лишь с распространением в конце прошлого столетия антигерманских настроений картина переменилась. Коммерческие садоводства перешли на двуязычные прејскуранты, и господствующее положение садовников-немцев было значительно потеснено латышами, эстонцами и чехами, которые охотно довольствовались более скромным жалованием. Сами прибалтийские помещики немного сделали для того, чтобы воспрепятствовать этой перемене в положении садовников.

К чести царствующего дома, великих князей и княгинь следует заметить: его представители хранили верность своим садовникам немецкого происхождения до самого начала войны и, будучи страстными любителями садов и цветников, делили со своими придворными садовниками все радости и переживания в их непрестанной борьбе с самыми неблагоприятными климатическими условиями. Война оборвала и эту старую традицию: довоенные времена с прежним государственным устройством и особым положением садовников-немцев в России ушли, и, по-видимому, в прежних формах их уже никогда не вернуть. И если я привожу здесь имена ведущих немецких садовников в России в те мирные годы, я делаю это ради того, чтобы отвоевать их у забвения, чтобы соорудить скромный монумент их профессиональному мастерству, их уважению к языку и местным обычаям, заслугам их, пионеров немецкой культуры.

Многие годы существовал устоявшийся в доме Романовых обычай искать невест для будущих правителей и великих князей в германских княжеских домах, и потому почти само собой повелось, что получавшие огромную власть немецкие принцессы привозили с собой с юных лет знакомых им усердных специалистов-садовников. Так, Екатерина II призвала садовников-немцев Буша, Пипера и Маннерса, чтобы привить в Царском Селе ландшафтный стиль, а родившегося в Берлине винодела и энергичного ученого Симона Палласа — чтобы организовать в Крыму разведение винограда. Одухотворенная

великая княгиня Елена назначила главным садовником в Ораниенбауме Мейстера, родившегося в 1809 г. в Потсдаме. Рувель, родившийся в 1805 г. в Бурге, был придворным садовником в Санкт-Петербурге, а Грёбеншютц (*1812) стал директором садов княгини Стурдзы в Одессе. Основанный Петром Великим в Риге Царский сад в 1722 г. был поручен заботам мастера Михаэля Шиндлера из Моравии. В моем собрании хранилось красочное, написанное со всеми возможными каллиграфическими украшениями на пергамене наставительное письмо последнего, которое ныне находится в собственности союза Burschentag в Штеглице. В имении графа Уварова Поречье Московской губернии многие годы трудился немец Тительбах, ревностный дендролог, которому мы обязаны интересной разновидностью ели обыкновенной с длинными хлыстовидными, слабо разветвленными ветвями, образующей переходную форму к плакучей ели; под названием *Picea excelsa* Lk. var. *Uwarowii* она описана Кауфманом и изображена на с. 177 журнала *Gartenflora* за 1873 год.

Наивысших почестей добился в те времена в России родившийся в 1815 г. в Готе действительный статский советник д-р Э. фон Регель, который на посту директора Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада развернул необыкновенно творческую деятельность, хотя за тридцать лет, в течение которых находился на этой должности, так и не смог основательно выучить русский язык. При д-ре Э. фон Регеле и его верном старшем садовнике Фудере, оказывавшем ему неоценимую помощь, общее число содержащихся в Санкт-Петербургском Ботаническом саду растений достигло 23 700 видов, между тем как в берлинском в то время оно составляло лишь 19 000. В особенности заслуживало внимания среди его коллекций собрание кустарников, изобилующее видами из Сибири. Никогда не знающий передышки, трудившийся с раннего утра до самой ночи, д-р фон Регель умудрялся находить также время для издания наиболее значительного в то время садоводческого журнала на немецком языке – *Die Gartenflora*, ныне – органа Германского общества садоводов в Берлине, выходящего под заглавием *Zeitschrift für Garten- und Blumenkunde*. Много лет состоял д-р Регель вице-президентом Императорского Российского общества садоводства и в этом качестве организовывал в Петербурге крупные, известные на весь мир международные выставки. Честь его памяти!

Сын его, д-р Альберт Регель, по окончании Военно-медицинской академии был назначен окружным врачом в Туркестан, покоренный Россией в 1870–1880-е гг. В этом качестве в 1876–1885 гг. он объездил весь Туркестан до Торфана (?) и Афганистана, собрал огромные гербарии и привез с собой множество растений, по большей части в клубнях, луковичах и корнях – вроде, к примеру, эремуса (*Eremus*); все

они были доставлены в Санкт-Петербургский Ботанический сад. Впоследствии д-р Альберт Регель вышел в отставку и скончался в Одессе.

Зять старого д-ра Э. фон Регеля Кессельринг основал в Петербурге большой древесный питомник, так называемый Помологический сад, который специализировался на разведении морозоустойчивых видов хвойных, лиственных и кустарников. Война положила конец и этому прекрасно работавшему заведению. Практическую помощь этому предприятию оказывали братья Арнольд и Роберт Регели. Арнольд Регель занимался, кроме того, разведением садов в России и был автором труда по садовому искусству. Д-р Роберт Регель учился садоводству в 1889–1891 гг. в Вильдпарке. В возрасте 24 лет он сдал экзамен на звание магистра ботаники, после чего ему было поручено подготовить к печати труды своего отца. Позже он был руководителем бюро практической ботаники, которое выросло его заботами в огромный институт с теми же задачами, что стояли перед Институтом Императора Вильгельма в Мюнхеберге. И Арнольд, и Роберт скончались приблизительно в 1920–1921 г. Причины и точные даты их смерти остаются неизвестными. После ухода старшего Регеля руководство Санкт-Петербургским Ботаническим садом принял Фишер-Вальдгейм.

Внук старшего Регеля, Вильгельм Кессельринг, родился 21 июня 1876 г. в Петербурге. С 1900-го по 1910 г. он был при отце вторым, а с 1910-го по 1918 г. — первым управляющим фирмы «Регель и Кессельринг». Главной его заботой на этом предприятии был пересмотр и расширение гигантского ассортимента деревьев и кустарников, в чем неизменную поддержку ему оказывал его брат Карл Кессельринг. После войны мы видим Вильгельма Кессельринга хранителем и преумножителем сокровищ альпийского растительного мира в Ботаническом саду в Мюнхене, после чего он сменил Пурпуса на посту инспектора Ботанического сада Технического института в Дармштадте.

Управления императорскими садами и парками, расположенными в Санкт-Петербурге и его пригородах, до самых последних лет оставались в руках немцев. В Царском Селе властвовали придворные садовники Ремпен и Зорты — отец и сын. Старший Зорт родился в Киршдорфе-Босау, раскинувшемся на Плёнском озере в Голштинии, и был известен как выдающийся специалист в разведении фруктовых садов. Накрытые стеклом шпалерники из виноградных лоз, персиковых и абрикосовых деревьев, миниатюрные сливовые деревья и вишни должны были обеспечивать обширную потребность во фруктах императорского двора. Интендантом императорских садов и парков был барон фон Кнорринг, родом из Эстляндии. В Павловске царили придворные садовники художественно одаренного, талантливого поэта великого князя Константина Константиновича, которому также принадлежит перевод на русский язык «Гамлета», — Франц

Карлович и Рудольф Францович Катцеры. Старший Катцер был страстным любителем саговниковидных, собрание которых по богатству видов уступало у него лишь коллекции, собранной и доставленной на континент В. Лаухе (Айсгруб). По смерти отца сын отдался тем же садовым пристрастиям, и его пальмы, орхидеи и хризантемы в Санкт-Петербурге были образцовыми. Рудольфу Катцеру принадлежит также устройство сквера перед Казанским собором в Санкт-Петербурге. В настоящее время Рудольф Катцер еще наблюдает за общественными городскими садами и парками в Ленинграде. В Петергофе заботы о садах делили между собою придворные садовники Грундман и Гауглер, между тем как в Стрельне руководил садовыми работами Трауберг, на Елагином острове – придворный садовник Эккерт, который трудился по своей профессии вместе с Федором Шоэрлейном также во внутренних областях России (обоих пригласил в Россию Куфальдт). Знаменитый, некогда принадлежавший князю Потемкину, впоследствии перешедший в собственность Императорского двора Таврический сад, в котором были великолепные оранжереи, обслуживавшие потребности владельца в материале для украшения его резиденции, состоял в управлении происходивших из франкфуртской династии садовников Зисмейеров, старшего и младшего. Старший Зисмейер, личность в Петербурге весьма известная, был художником-декоратором, как он мог рекомендоваться лишь благодаря тем высоким требованиям, что выдвигались перед ним во времена больших придворных празднеств. В Гатчине, летней резиденции императрицы-матери, придворным садовником был прибывший из Лифляндии Грюневальд, в последние же годы репутацию превосходного растениевода в резиденции на Неве снискал придворный садовник Фогель, управляющий частными садами графа Дурново. Наблюдением за городскими общественными парковыми сооружениями в Санкт-Петербурге занимался главный городской садовник Визе.

Среди коммерческих предприятий Санкт-Петербурга первое место по части цветоводства, сооружения теплиц и розничной торговли цветами принадлежало международной фирме Германа Эйлерса, основанной его сыном и в последнее время преуспевавшей во главе с ним самим и обоими его сыновьями. Многолетним старшим садовником фирмы был происходивший из Лифляндии усердный мастер Саар. Герман Эйлерс был не только прекрасным садоводом, но обладал всеми качествами дальновидного специалиста, необходимыми для того, чтобы сохранять за собой ведущее положение в своей области. Для Г. Эйлерса времена года в разведении цветов утратили, казалось, всякое значение. В пространственных холодильных камерах у него хранились луковицы, побеги майских цветов, теплич-

ной сирени и ягодных кустов, с тем чтобы в любое потребное время на удивление публики превратиться в растения, цветение которых прежде бывало связано с определенным временем года. Помимо блестящих организационных способностей в своей области Герман Эйлерс располагал талантом художника и сумел на жизненном пути увить свой дорожный посох пестрыми цветами. Кто не вспоминает его гостеприимный дом на Каменноостровском проспекте в 80-е и 90-е годы, в котором охотно распахивались двери перед любым специалистом и шумные приемы, которые Г. Эйлерс с исключительной любезностью устраивал в честь прибывающих в Петербург со всех концов земли по случаю международных выставок коллег! Изречение на стене в столовой было характерно для его образа мыслей: «Тихие недели – шумные праздники, днем – работа, вечером – гости». Невежество и вандализм положили в дни революции конец этому процветающему предприятию. В цветоводстве и розничной торговле цветами немало добились также коммерческие садоводства Герстнера и прибалтийца Зейтингзона.

Почти не уступали садоводству Эйлерса большие оранжереи Вильгельма Фрейндлиха в Царском Селе, отец его был придворным садовником в Царском и происходил из Лифляндии. Фрейндлих-отец основал теплицу с розами в Санкт-Петербурге, сын же, воспользовавшись опытом отца в правильном подборе подходящих для разведения сортов, в удивительно короткий срок организовал собственное предприятие, старшим садовником которого назначил прибывшего из Германии Водки, и вскоре обеспечивал уже своим товаром многочисленные цветочные магазины в Петербурге. Благодаря обширной деятельности во многих благотворительных обществах В. Фрейндлих дослужился до чина действительного статского советника. Значительный авторитет в ботанической науке приобрел назначенный главным садовником в Лесной институт под Санкт-Петербургом профессор садоводства и ботаники Вольф, который прославился научным описанием всех, включая гибриды, произрастающих в особенно труднодоступных областях Финляндии морозоустойчивых видов ивы. Старший садовник Кюн из Левашово стал известен благодаря усердному сотрудничеству с журналом *Gartenwelt*. Самое большое садоводство в Райволе принадлежало Диснеру, а в Выборге главным городским садовником был немец Форстен.

Подобно как в Санкт-Петербурге, в Москве садовое дело также сохраняло немецкий характер, и ведущие специалисты в садах и садоводствах до самых последних времен накануне войны были и здесь немцами. В императорском саду в Нескучном творил главный садовник Штрандт. Голштинец Ганзен наблюдал за городскими общественными садами и парками; управляющим и владельцем

крупнейшего в городе коммерческого садоводства был мекленбуржец Мюллер, который немало занимался также устройством ландшафтных парков; Габеркост из Лензана в Голштинии, господ Бауэр, Мейер, Фогт и владелец древесного питомника Ферингер родом из Вюртемберга имели собственные усадьбы в Москве или поблизости от нее. Там же в 90-е годы жил неизменно обходительный инспектор собственных императорских садов и парков, тезка нашего некогда великого директора садов в Кёльне, Фриц Энке*, которому садовое искусство обязано устройством многочисленных выдающихся садово-парковых сооружений на юге России.

В Киеве доброй славой пользовалось коммерческое садоводство Карла А. Мейера; теперь, после разрушения его преуспевающего предприятия, он состоит патроном общественных городских садов в Баку. В Вильне на местном рынке царили садоводства Вёлера и Кёппена. В Варшаве не было равных предприятиям Ульриха и Хозера. Самый крупный древесный питомник в Одессе принадлежал Теодору Роше, а в Ростове-на-Дону – Рамму. В Екатеринодаре большое садоводство основали братья Шютты из Бадена, с которыми я в 1873 г. учился вместе в Помологическом институте в Рейтлингене. Кроме садоводства Шнееберга, в Казани не было ни одного другого, заслуживающего внимания, в Нижнем Новгороде славилось своими культурами садоводство Бурмистрова со старшим садовником Кюном. Садовники-немцы распространились вплоть до самого Владикавказа на Северном Кавказе, где городским садовником почти полвека состоял немец-южанин Флор. Инспекторами Тифлисского ботанического сада многие годы были Шаррер и после него – Кёниг; крупнейшее же коммерческое садоводство в городе принадлежало немцу Майеру. В Сухум-Кале садами великого князя Александра Михайловича управлял придворный садовник Бреннер, между тем как сады в царском имении в Боржоме, знаменитом целебными минеральными водами, находились в ведении Бетке. Директором опытной станции лесоводства, плодоводства и виноградарства в Магеллане (российская часть Средней Азии) с 1871-го по 1881 г. был директор садов и впоследствии придворный садовник в Вернигероде Карл Коопман из Лауэнбурга-на-Эльбе.

Соответственно большому значению, которое приобрело в прибалтийских губерниях садоводство и плодоводство, благодаря тесным связям с родиной, с давних пор садовник-немец находил здесь широкое поле деятельности; особенной притягательной силой облада среди молодых специалистов-садоводов, вознамерившихся

* Наш сотрудник Фриц Энке из Франкфурта-на-Майне – сын директора садов в Кёльне.

попытать счастье вдали от родных краев, Рига – столичный, богатый торговый город. С севера Германии через Любек и Бремен столетиями устремлялся сюда непрерывный поток молодых садовников, имена которых оживают в нынешних представителях старых купеческих династий. Одним из самых целеустремленных мастеров был живший здесь в начале прошлого века и прославившийся своими трудами по садовому делу садовник Циграт, которому Рига обязана устройством первых общественных парковых насаждений.

Наиболее значительной во всей России коллекцией семян славились в Риге на протяжении уже четырех поколений садоводство и древесный питомник садовой фирмы К. Г. Вагнера, товары которой путешествуют через всю Сибирь вплоть до самых берегов Тихого океана. Управление коммерческими делами фирмы уже почти полвека находится в руках Эд. Гоффа, бывшего одновременно многолетним председателем Рижского общества садоводства; техническое руководство этим предприятием осуществляли, сменяя один другого, главные садовники Мюллер, Ользен и Кюнеман. Известный древесный питомник К. В. Шоха в Риге (главный садовник Шварценауэр) основан представителем династии садоводов из Ангальта, носящим ту же фамилию, с которым бывший директор городских садов в Магдебурге состоял в близком родстве. Прибывший из Австрии старший Гёггингер был владельцем садоводства, прекратившего существование на третьем поколении. Садоводства Тиме и Бера держались два поколения. Предприятия Шлихта, Дурста, Крёгера, Рейма, Шубарта не пережили и одного.

Обширные сооружения общественных парков принесли Риге славу города садов; одним из их создателей и преумножителей был директор садов Г. Куфальдт, широко известный в России благодаря своей богатой деятельности в областях садового искусства, дендрологии и помологии. Сотрудниками его были главный садовник города Г. Шнееберг, Эрнст фон Пёппингаузен и Г. Томфорде. Последний в 90-е годы стал инспектором принадлежащего Рижскому обществу садоводства Помологического сада. В 1878 г. Томфорде был соучредителем объединения «Аркона» в школе садоводства в Вильдпарке. Крупнейшее коммерческое садоводство в Либаве принадлежало моему однокласснику Г. Ассемиссену, родившемуся в Келлингхузене. Владелец древесного питомника в Туккуме был рижанин Фриц Вагнер. Ботаническим садом в Дорпате долгое время руководил немец Бартельзен; приблизительно 30 лет назад он получил соответствующее назначение в Ботаническом саду в Санкт-Петербурге. Самое большое коммерческое садоводство в Дорпате носило имя своего владельца Дангуля, родившегося в Лифляндии.

В некоторых больших прибалтийских имениях по-прежнему трудились садовники-немцы, как, например, старший садовник Карл Виль и Герман Блетте.

Старший садовник Вольф руководил парковыми сооружениями в Ной-Шваненбурге, Менниг был его коллегой в имении Ратсгоф под Дорпатом, а Э. фон Рихтер — в замке Загниц. Директор садов барон фон Энгельгардт до своего назначения в Дюссельдорф был соучредителем основанного в Рёмерсгофе Ландратом фон Сиверсом древесного питомника и создателя садов в прибалтийских провинциях. Обширную деятельность в области садового искусства, преимущественно в Лифляндии, в 70-е годы развернул садовый инженер Лоде. Последователем его в этой области был трудившийся ныне при управлении городских садов в Ганновере К. Раут.

Среди многочисленных садовников, приглашенных в середине XIX в. в Эстляндскую губернию, в Ревеле стяжал добрую славу своему имени познаниями в области садоводства и ботаники Август Дитрих. За труд «Мхи и лишайники на северо-западе России» он был удостоен звания потомственного почетного гражданина. Другой переселившийся из Штутгарта в Эстонию около того же времени садовник Гуго Валькер, переехав из сельской местности в город, почти на 25 лет занял пост ревельского главного городского садовника. Ревельское общество садоводства под руководством инспектора садов Ф. Винклера, который вместе с автором этих строк в 1895–1896 гг. потрудился над устройством садовых сооружений на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде — развернуло широкую деятельность по разбивке садов всяких родов. Винклер был основателем ежемесячного профессионального журнала и администратором больших частных садоводческих выставок в Ревеле, значительно превосходивших по своему масштабу другие провинциальные мероприятия подобного рода. 25 лет назад Винклер вернулся в свой родной Гейдельберг, чтобы на отдыхе мирно наслаждаться плодами своих усердных трудов.

Перечесать всех садовников-немцев, трудившихся некогда в России, невозможно. Некоторые из них вернулись в Германию, другие переменили профессию ради более благополучного существования; некоторые женились на природных русских девушках, их дети по государственному законодательству обязаны были принять православную веру и теряли свою немецкость; большая же часть осталась верными своей профессии, благодаря чему в России, как и в Германии, возникли династии садовников, в которых почитается за собой разумеющееся, что сын наследует ремесло отца.

Война и последовавшая за ней революция принесли печальные перемены, нарушив все традиции устоявшейся профессии тем, что уничтожили основополагающие условия для существования крупных

садоводческих предприятий в сельской местности. Крупные промышленные предприятия отчуждены, торговля в России монополизирована советским государством. Больших имений, принадлежащих богатым людям, которые прежде были опорой садового искусства, более не существует, и прежняя Российская империя безвозвратно осталась для садовников-немцев в прошлом. Но и здесь, кажется, не стоит терять надежды на возвращение лучших времен. Плодоводство и овощеводство останутся важными факторами народного хозяйства: русский человек сизмалства слишком гостеприимен, чтобы когда-нибудь, даже при изменившихся отношениях, этого не случилось.

Мы, немецкие садовники, все, кто в довоенное время жил и трудился в России, с благодарностью и грустью вспоминаем прекрасные, богатые трудами времена в этой огромной замечательной стране, ставшей для нас второй родиной и предоставившей нам столь богатые возможности для благодарной деятельности во всех ее областях.

Перевод А. В. Вознесенского

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Kuphaldt G. Deutsche Gärtner im zaristischen Russland // Gartenflora. Bd. 35. 1936. S. 170–172, 195–198. Текст оригинальной публикации любезно представлен г. Вольфгангом Зальцем.

Георг Куфальдт

ПАРК В ОРРО ¹

Орро (ныне Тойла.—*Перев.*) расположено в 16 км от Йеве (Йыхви.—*Перев.*), станции на Балтийской железной дороге из Санкт-Петербурга в Ревель, на берегу Финского залива. Владелец имения, крупный петербургский торговец Г. Елисеев, очарованный красотой местности, по проекту архитектора Г. В. Барановского выстроил тут в 1897–1898 гг. новый господский дом в стиле итальянского ренессанса.

В 1899 г. я подготовил планы устройства парка и в последующие два года осуществил их в натуре.

Дворец возведен на круто обрывающемся к морю и речке Орро утесе. Орро проложила свое русло глубоко в скальной породе, в устье это—довольно небольшая, шириною около 10 м, горная река, которая, пенясь и бурля, несется меж гранитных валунов. Как раз напротив дворца ложе реки расширяется наподобие небольшой долины; ограничивающие ее скалы со стороны дворца и образуют крутой, высотой 30 м, уступ. На западе и востоке район дворца окаймляют темные хвойные леса, на юге открывается вид на прилегающую местность, на севере раскинулось море.

Перепад высоты между уровнем моря и нижней террасой составляет 50 м. Земля по всему побережью, насколько хватает глаз, у моря круто обрывается. Местность представляет собою плоскогорье, уступ которого в Эстляндии называют глинтм; от воды его отделяет совсем узкое пространство, местами же скалы подходят к морю вплотную. В ясную погоду из Орро на северо-западе можно разглядеть расположенный в 60 км остров Гогланд, на востоке вдали угадываются огни маяков в Нарвской бухте. Береговая линия изрезана мелкими бухтами, по большей части поросла лесом, который покрывает даже небольшие, вдающиеся в море скалы.

Гладко отшлифованной галькой на берегу то играет легкая зыбь, то рокошет бескрайнее кипящее море. Климат в Орро суров: в конце мая распускаются деревья, а к середине августа теплые деньки остаются уже позади. Лето короткое, но яркое благодаря неведомым в южных широтах белым ночам. Растительность менее разнообразна,

чем в Германии, но все же позволяет планировать вполне богатые перемены ландшафта.

Среди произрастающих в лесах континентальной части деревьев не достает, пожалуй, лишь бука и европейской пихты. Хорошо растут в Эстляндии березы, дубы, клены, ясени и вязы различных подвидов; хвойные же по высоте и нарядности часто превосходят своих собратьев в Германии. Ель обыкновенная (*Abies excelsa*), ель Энгельмана (*Abies Engelmannii*), пихта бальзамическая (*Picea balsamea*) и белая (*Picea alba*), сосны обыкновенная (*Pinus silvestris*), белая восточная (*P. strobus*) и европейский кедр (*P. cembra*) наряду со всеми видами лиственницы (*Larix*) чувствуют себя в Эстляндии превосходно. Пихта сибирская (*Abies sibirica*), похожая на пихту Нордмана (*A. Nordmaniana*), достигает здесь невиданной в Германии красоты.

Дворец имеет плоскую крышу, окружающие ее лоджии богато расписаны фресками по помпейскому красному фону. Стены и террасы, увенчанные балюстрадами, выполнены из отесанного серого гранита. Украшающие террасы и цветники статуи и вазы представляют собой бронзовые и терракотовые копии античных оригиналов. Особый резервуар, спрятанный в дворцовой башне, снабжает водой фонтаны и бассейны. По своему богатству партеры напоминают о римских садах эпохи Ренессанса; буйное роскошество цветов в

Нижняя терраса. Грот. Источник. Фотография 2010 г.

Верхняя терраса. Фотография 2010 г.

живописном окружении производит чарующее впечатление. Цветущие и лиственные растения, потребные для высадки в цветниках, на террасах и лоджиях, разводят здесь же, в оранжерее, расположенной между дворцом и манежем.

Представление о перепаде высот местности позволяет получить профиль на плане. Прямоугольные площадки по сторонам лестницы расположены на искусственном основании; украшением скальных утесов в летнее время служат агавы, юкки, дазилироны, бонапартии и т. п.; переполняющие розарий растения в сентябре пересаживают в коробки и горшки и переносят в теплое место.

Шпалеры, кустарники и деревья на террасах пострижены на итальянский манер. По особому пожеланию госпожи Елисеевой разбит так называемый «Бабушкин садик». Он представляет собой настоящее море из летних цветов, кустарников, горшечных растений и т. п. Тимьян, лаванда, живокость, фиалки, шалфей, наперстянка — все эти старые добрые знакомые из садов наших бабушек и дедушек нашли здесь уютное местечко для вольготного произрастания. Ранней весной тут зацветает подснежник, за ним следуют тюльпаны с нарциссами — майские цветы, летом цветут мак, пионы, расточает благоухание столстная роза, осенью же последними появляются астры, резеда и скромные анютины глазки. В простой бабушкиной красоте этого садика, бесспорно, есть своя особая поэзия.

Дорога, ведущая в парк, оформление речной долины, леса, новые насаждения отвечают местным условиям и климату Орро. Через парк пролегают дорожки для транспорта и верховой езды, предусмотрены площадки для упражнения в различных видах спорта, на пунктах, наиболее выигрышных для осмотра, сооружены места для отдыха и павильоны. Мосты выстроены из массивных гранитных блоков, на самой же реке посредством небольшой запруды устроены каскады.

Для устойчивости построек у подошвы утеса, на котором расположены дворец и террасы, было признано необходимым возведение большой укрепительной стенки.

Поблизости от дворца владельцем выстроена новая русская церковь, окруженная по всем сторонам парком, позолоченные купола которой издалека видны с прилегающей местности и с моря. Хороший русский обычай: сооружая новый господский дом, позаботиться и о храме Божиим.

Приведенные снимки дают приблизительное, но далеко не исчерпывающее представление о самом доме, глинтге, террасах и речной долине.

Передать же своеобычное впечатление от возведенной в стиле итальянского ренессанса виллы, роскошно оформленных террас и парковых сооружений посреди суровой северной природы, в непосредственной близости от моря — то зеркально-спокойного, то бушующего с шумом и грохотом — эти рисунки и фотографии попросту не могут.

Следует воздать должное тонкому пониманию красоты владельцев Орро, господ Елисеевых, устроивших на скалистых берегах Эстляндии усадьбу, в которой садово-парковое искусство получило столь благодатную почву.

Перевод А. В. Вознесенского

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Kuphaldt G. Die Parkanlagen in Orro (Russland) // Die Gartenkunst. 1904. № 1. S. 1–4.

Ю.А. Веденин, Е.А. Воробьёва, С.А. Пчёлкин

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕСТАВРАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРКОВ

ВВЕДЕНИЕ

ПЕРЕД тем, как приступить к изложению заявленной темы, мы хотели бы задать себе и читателям следующий вопрос: можно ли сегодня посмотреть на парк, созданный в XVIII или начале XIX в. глазами человека, жившего в эти же годы, и чем отличается образ парка, который сформировался у людей того времени, от образа этого же парка, сложившегося у современного человека?

На этот вопрос уже попытался ответить Д. С. Лихачев. «Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как документу. Первое отношение стремится воспроизвести прошлое, возродить его зрительный образ. Второе стремится сохранить прошлое хотя бы в его частичных остатках. Для первого... важно воссоздать внешний, зрительный образ парка или сада таким, каким его видели в тот или иной момент его жизни. Для второго важно ощутить свидетельство времени, важна документальность. Первое говорит: таким он выглядел; второе свидетельствует: это тот самый, он был, может не таким, но это подлинно тот, это те липы, те садовые строения, те самые скульптуры... Первое будет требовать: только одна эпоха — эпоха создания парка, или его расцвета, или чем-либо знаменательная. Второе скажет: пусть живут все эпохи, так или иначе знаменательные, ценна вся жизнь парка целиком, ценны воспоминания о различных эпохах и о различных поэтах, воспевших эти места, — и от реставрации потребуют не восстановления, а сохранения...»¹

Дмитрий Сергеевич Лихачев являлся явным сторонником именно этого, последнего, подхода к реставрации исторических парков. И он очень четко определял свою позицию. «Да, вы поняли меня правильно: я на стороне второго отношения к памятникам прошлого. И не только потому, что второе отношение шире, терпимее и осторожнее, менее самоуверенно и оставляет больше природе,

заставляя уважительно отступать внимательного человека, но и потому еще, что оно требует от человека *большого воображения, большей творческой активности*. Восприятие памятника искусства только тогда полноценно, когда оно мысленно воссоздает, творит вместе с творцом, исполнено историческими ассоциациями»².

Вместе с тем нам хотелось бы показать, что на самом деле между этими двумя путями при работе с историческими парками нет столь жестко выраженных противоречий. На наш взгляд, существует возможность сохранить парк как аутентичный памятник культуры и в то же время представить современному зрителю его образ, сформировавшийся у человека конца XVIII – начала XIX в. Именно эту тему мы хотели бы обсудить с коллегами.

Существующие сегодня дворцово-парковые и усадебные ансамбли имеют разную степень сохранности. Почти не осталось ансамблей, которые сохранились как аутентичные и целостные комплексы. К ним можно отнести, с определенной долей условности, некоторые из императорских парков пригородов Санкт-Петербурга, великолепные парки Москвы и Подмосковья – Кусково, Архангельское, Суханово и т. п. Во многих случаях еще можно увидеть пластику исторического рельефа, следы когда-то существовавших водоемов. В ряде усадебных и дворцовых парков сохранились пруды. Лишь в немногих ансамблях можно проследить пространственную структуру парка – систему аллей, полян и лужаек, их соотношение с закрытыми пространствами садово-паркового ландшафта. И уже совсем редко просматриваются подлинные элементы парковой растительности – отдельные деревья, т. н. солитеры, группы, куртины, массивы, малые архитектурные формы – мостики, арки, беседки и т. д. От большинства же усадебных ансамблей остались только места их прежнего расположения.

Исторические образы парков XVIII – первой половины XIX в., отраженные в иконографии, литературных текстах и архивных материалах, чрезвычайно редки. В этом отношении повезло известным дворцовым предместьям Санкт-Петербурга (Петергоф, Царское Село, Павловск, Ораниенбаум), Москвы и ее пригородов (Кусково, Кузьминки), некоторым провинциальным паркам (Городня Калужской области, Надеждино Саратовской области, Марьино Курской области). Их образ отражен в живописных картинах, гравюрах и акварелях, сохранившихся проектных документах, мемуарах и записках путешественников.

Памятники садово-паркового искусства являются одним из наиболее сложных объектов культурного наследия с точки зрения их сохранения. Это обусловлено тем, что исторические сады и парки включают чрезвычайно изменчивый материал – растительность. Кроме того, важную роль в садово-парковых композициях играют

малые водоемы, которые не могут «жить» без постоянного внимания человека, а также садовая скульптура и малые архитектурные формы, в прошлом нередко создававшиеся из гипса и других недолговечных материалов. Основной объект охраны в исторических садах и парках – пейзажи – включает не только ближние, но и дальние перспективы, чаще всего, не доступные воздействию реставраторов. К сожалению, до наших дней почти не дошло подлинных памятников садово-паркового искусства, поскольку большая часть из них была заброшена, не поддерживалась и оставалась без внимания специалистов. Большинство из них претерпело множество деструктивных изменений и поэтому не могут рассматриваться как хорошо сохранившиеся памятники. Кроме того, в арсенале у исследователя и реставратора имеется, как правило, чрезвычайно мало иконографического материала, позволяющего представить объект в период его расцвета и тем более в процессе его создания. А ведь именно этот изобразительный ряд позволяет с наибольшей достоверностью судить о замысле автора, создавшего это произведение садово-паркового искусства.

Поэтому совершенно особую ценность приобретают те объекты, по которым имеется обширный изобразительный и документальный материал, относящийся к истории их создания. Таким уникальным объектом является дворцово-парковый ансамбль в г. Богородицке Тульской области. Его авторами были такие замечательные художники, как архитектор И. Е. Старов и паркостроитель А. Т. Болотов. Благодаря их творчеству был создан великолепный дворцово-парковый ансамбль. Следует отметить и то, что Богородицкий дворцово-парковый ансамбль представляет собой один из относительно хорошо сохранившихся объектов наследия. Более поздние фрагменты парка устроены, как правило, на новых, примыкающих к исторической части парка участках. Сохранились основные объемы дворцовых сооружений (хотя и воссозданные из руин) и виды на них со стороны парка и города. Хорошо прослеживается рельеф и остатки прудов. Более того, главный пруд и примыкающий к нему нижний пруд в основном сохранили свои контуры. Дворец продолжает занимать свое ведущее положение в городском пространстве. Однако основная ценность этого объекта наследия заключается не только в сохранности, величии и красоте этого ансамбля. Объектом нематериального наследия является сам творческий процесс формирования пейзажей. Во время создания парка Болотов тщательно зарисовывал все уголки вновь устраиваемого парка. При этом многие рисунки создавались одновременно с организацией соответствующего уголка парка. Большинство из этих рисунков сохранилось, и все они могут быть «привязаны» к конкретным местам современной

территории парка. Эти обстоятельства могут стать чрезвычайно важным аргументом при реставрации дворцово-паркового ансамбля и его представления публике.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БОГОРОДИЦКОГО ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ

Богородицкий ансамбль сформировался в течение очень короткого временного периода (60–80-е гг. XVIII в.). Екатерина Великая купила участок земли на берегу реки Уперты, на месте старой Богородицкой крепости XVII в., и поручила одному из наиболее видных в то время архитекторов И. Е. Старову разработать проект дворца с примыкающим к нему парком. Дворец строится на левом берегу Уперты, на правом располагался город Богородицк. Для того чтобы граница между городом и дворцом была зрительно и функционально значимой, река при помощи плотины превращается в величественное искусственное озеро, которое становится центром архитектурно-планировочной композиции единого городского и дворцово-паркового ансамбля. Одновременно принимается новый план для города, пятилучевая система которого была сориентирована на дворец. С 1783 г. в Богородицке начал работать выдающийся русский ученый-агроном А. Т. Болотов. Он приступил к благоустройству территории вокруг дворца, замышляя ее вначале в виде небольшого регулярного сада. Затем он приходит к выводу, что именно Богородицк может стать тем местом, где он сможет реализовать свою идею о русском саде. При этом он сохраняет значительную часть регулярной планировки и сосредоточивает свои усилия на создании принципиально новой парковой композиции, организующей сложные элементы рельефа, берега большого пруда, отдаленные от центральной части ансамбля территории. Он формирует систему каскадных прудов, используя для этого большой овраг, примыкающий к центральной части парка. На возвышенных местах в центральной части парка он устанавливает парковые сооружения – Белый павильон и Ротонду, которые с одной стороны хорошо просматриваются со стороны города, а с другой – являются видовыми точками, с которых раскрываются пейзажные картины на город и окрестные ландшафты. Он устраивает ряд весьма интересных по своему замыслу декоративных сооружений. Это расположенные на берегу большого пруда руины подземного замка, вырезанные из т. н. мраморного песчаника. Из этого достаточно легкого материала были созданы арки, колонны, скульптуры. В овраге сооружается павильон «Жилище Эхи». Большое внимание уделяется устройству малых прудов, водотоков, водопадов. Создается система разнопла-

новых пейзажей, в которой скромные, нередко интимные пейзажи соседствуют с далекими перспективами, включающими в парковую композицию виды на город и долину реки Уперты. Все это позволило А. Т. Болотову создать весьма своеобразный для своего времени ансамбль. В нем немало творческих и технологических находок, немало нестандартных решений, на многие годы опередивших свое время.

Однако истинное значение Богородицкого дворцово-паркового ансамбля заключается в том, что именно от этого объекта следует отсчитывать историю появления усадебных пейзажных садов в русской провинции. Конечно, к этому времени уже были построены замечательные дворцово-парковые ансамбли в пригородах Санкт-Петербурга. И многие вельможи или простые помещики, приезжавшие в столицу или жившие в этом городе, могли видеть эти образцы новомодных парков. И естественно, что многие из них хотели повторить эти образцовые приемы паркостроения в своих сельских усадьбах. Однако большая часть сельских жителей черпала свои знания из отечественных газет и журналов. Особое значение в распространении прогрессивных методов обустройства сельской местности имело широко популярное среди русских помещиков приложение к газете «Московские новости», издававшееся Н. И. Новиковым. Именно Новиков предложил Болотову готовить это приложение под названием «Экономический магазин». И в течение 10 лет, начиная с 1780 г., Болотов опубликовал там около 4 тысяч статей. Получилась своеобразная энциклопедия, состоящая из 40 томов. В этом приложении он поместил множество статей, в которых рассказывал об опыте устройства садов в Европе, о собственном опыте создания сада в Богородицке. Естественно, что многие читатели пытались повторить все это в своих сельских усадьбах.

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ БОГОРОДИЦКОГО ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ

Изучение Богородицкого ансамбля было разбито на ряд этапов, каждый из которых был ориентирован на решение определенной задачи, без которой невозможно было добиться поставленной цели – сохранить и воссоздать данный ансамбль как целостный и подлинный объект наследия. Все эти этапы в совокупности позволяют сформировать интегральную модель воссоздания как самого парка, так и его образа.

Первый этап

Анализ акварелей и рисунков Андрея и Павла Болотовых, созданных ими в процессе натурального формирования парковых пейзажей;

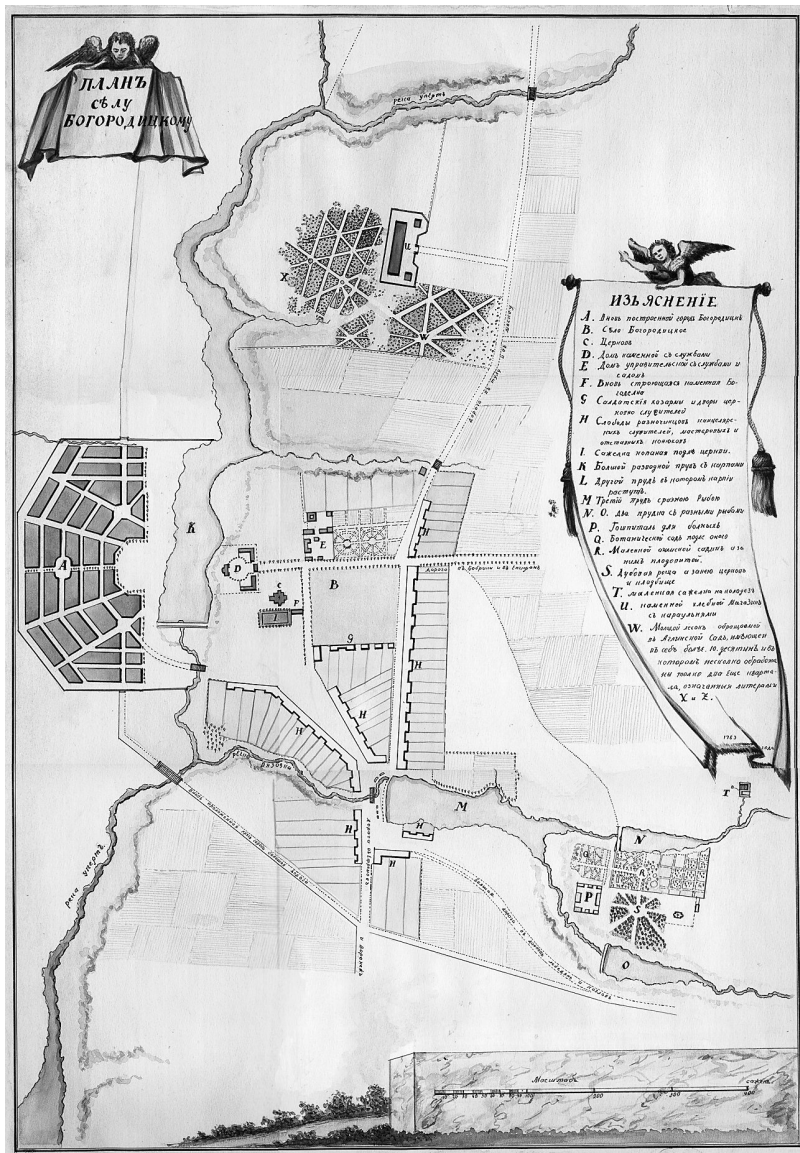
большая часть из них хранится сегодня в Государственном историческом музее. Изображения имеют разную степень проработки. Часть из них – законченные произведения, подготовленные для альбома, который предполагалось подарить императрице Екатерине II. Они тщательно прорисованы и раскрашены. Другие – контурные черно-белые изображения парка, полностью подготовленные для внесения в них цветовой составляющей. Третьи – наброски, лишь намечающие тему изображений. В интегральной модели желательно было, с одной стороны, сохранить подлинные рисунки Болотовых, а с другой – постараться сблизить их по манере исполнения и тем самым дать целостное представление об изображенном дворцово-парковом ансамбле.

Второй этап

Анализ литературных текстов, текстов-описаний отдельных участков и пейзажей парка. Все эти тексты взяты из воспоминаний А.Т. Болотова, других его литературных произведений, и конечно, прежде всего из самого альбома, в котором приводятся подписи к рисункам. Кстати, большинство текстов, взятых из других источников, также в той или иной степени связаны с конкретными рисунками.

Третий этап

Сравнительный анализ различных планировочных схем и исторических планов дворцово-паркового ансамбля. Следует особо отметить проект реконструкции планировки парка, разработанный Л.К. Виноградовой на основе исторических материалов, и прежде всего планов парка и рисунков парковых пейзажей, созданных А.Т. Болотовым вместе с сыном (ил. 1). В результате проведенных полевых исследований выяснилось, что большая часть рисунков может быть «привязана» к современному парковому пространству; это нашло отражение на проектном плане парка. Вместе с рисунками к определенным местам были «привязаны» литературные тексты и музыкальные «реплики». Важнейшей частью этой работы стал отбор мест, послуживших натурой для рисунков Болотовых. Для этого нами были проведены соответствующие полевые исследования. Сложность этой работы заключалась в том, что большая часть паркового пространства претерпела серьезные изменения; следует учитывать и тот факт, что авторы рисунков не ставили перед собой задачу строго следовать природе. Более того, и сама планировка парка и отдельных его участков, и характер реально сформировавшихся пейзажей менялись в процессе формирования парка. Тем не менее нам удалось осуществить привязку рисунков к реальным парковым пейзажам и тем самым определить их место в планировочной структуре дворцово-

Ил. 1. А.Т. Болотов. «План селу Богородицкому»

Ил. 2. Два изображения из альбома Болотова, составляющие в сочтении друг с другом панораму главного дома и Большого пруда.

паркового ансамбля. Результаты этой работы – список отобранных для работы исторических изображений и современных фотографий и GPS-привязка видовых точек (съёмочных позиций).

Четвертый этап

Последовательное рассмотрение разнообразных комбинаций болотовских рисунков, в основу построения которых был положен принцип пространственной близости. В результате появилась возможность осуществить виртуальный маршрут, задуманный архитектором, а также представить парковую композицию в виде серии панорамных пейзажей, сформированных на основе «срачивания» рисунков, отображающих близлежащие виды парка (ил. 2).

Пятый этап

Создание набора фотографий, фиксирующих современные пейзажи с тех же самых точек, откуда Болотовы делали рисунки. Главная задача, которая решалась на этом этапе, заключалась в поиске мест, откуда были срисованы пейзажи альбома. Термин «срисованы» можно понимать как буквально, так и условно. Это обусловлено тем, что в тот момент, когда они создавались, таких пейзажей еще не существовало. При создании этих пейзажей были использованы лишь отдельные фрагменты или элементы природы, послужившие отправной точкой для паркостроителя. Поэтому что явилось основой, натура или рисунок, можно определить с известной степенью условности. Поиск этих точек в настоящее время был осуществлен на основе натурного обследования путем сопоставления рисунков с наиболее устойчивыми фрагментами или элементами паркового ландшафта: главным домом и усадебной церковью, большим прудом,

городской церковью, монументом в Церериной роще, наиболее выразительными элементами рельефа (склона, примыкающего к большому пруду, оврага и сохранившихся следов от плотин, оставшихся от системы каскадных прудов, мест залегания «мраморных песков»), и т. д. (ил. 3.1, 3.2). Поиск такого рода точек затруднялся тем, что за прошедшие столетия произошли существенные изменения, которые затронули не только растительность и систему малых гидрологических устройств, в основном исчезнувших, но отразились в характере рельефа, в береговой линии большого пруда, характере окрестностей, когда-то раскрывавшихся из глубины паркового пространства на город, поля и леса.

Шестой этап

Сопоставление рисунков и фотографий, сделанных с одной и той же видовой точки территории дворцово-паркового ансамбля. Для этого необходимо определенным образом преобразовать рисунок и сопоставить его с фотографией. Была разработана определенная методика трансформации контурного рисунка в целях обеспечения максимального его совпадения с основными структурными характеристиками фотографии (линия горизонта, глубина раскрывающейся

Ил. 7. Совмещение современной фотографии с рисунком из альбома Болотова («Вид Большого пруда и набережной дороги при выходе из белых песков в Богородицком саде»)

Ил. 3.1. Вид на усадьбу Бобринских со стороны Богородицка через Большой пруд. Современная фотография

перспективы, совпадение зрительных полей, местоположение основных ориентиров силуэта дома, вертикали церкви, линии водного зеркала пруда и т. д.). Разработанная методика позволяет пользователю «снимать» слой, отраженный на современной фотографии, и открывать под ним рисунок Болотовых. В основу данного этапа был положен опыт самого А. Т. Болотова, который, приступая к формированию пейзажа в Богородицком парке, зарисовывал элементы существующего ландшафта на стекле, через которое он смотрел на природу. Далее он дополнял рисунок новыми элементами (архитектурными сооружениями, водоемами, насыпными формами рельефа, новыми древесно-кустарниковыми группами) и удалял из него лишние детали (при помощи выборки лишних деревьев и кустарников, срезания грунта и через создания экранов из рядовых посадок деревьев, закрывающих лишние перспективы). Эта процедура повторялась несколько раз. Подобного рода методика должна быть, по нашему мнению, положена в основу мониторинга и последующей реставрации Богородицкого парка. Для этого все рисунки из болотовского альбома должны быть сопоставлены с натурными фотографиями (ил. 4, 5).

Реализация этой работы затруднена из-за серьезных изменений, которые произошли на территории парка. Во-первых, был заметно поднят уровень воды в большом пруде, в результате чего была за-

Ил. 3.2. Совмещение современной фотографии с рисунком из альбома Болотова

топлена нижняя дорога, определяющая существенную часть парковой композиции. Во-вторых, исчезли все внутренние водоемы основной части парка. В-третьих, с трудом прослеживается рельеф болотовского парка, что обусловлено серьезными антропогенными изменениями, произошедшими за последние столетия. Кроме того, и сами рисунки отнюдь не в полной мере были связаны с реальным ландшафтом, поскольку в них отражался прежде всего замысел автора, а не точное повторение (или проект) природы.

ПРИНЦИПЫ РЕСТАВРАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА

Итак, исторический парк может быть рассмотрен с одной стороны как реально существующий материальный объект, состоящий из разнообразных вещественных элементов, а с другой – как некий образ, объединяющий в себе исторические литературные тексты, авторские записки, рисунки, старые фотографии.

В отличие от традиционного подхода к восстановлению исторического парка, в основе которого лежит реконструкция, когда на основе сохранившейся документации или имеющихся аналогов воссоздаются утраченные элементы парка и его важнейшие характеристики, в основе предлагаемой нами программы мониторинга,

сохранения, реставрации и представления исторического парка лежат два дополняющих друг друга сценария:

1) парк – место, где сохраняются дошедшие до наших дней аутентичные элементы и фрагменты исторического парка и не предусматривается полная историческая реконструкция утраченных парковых объектов;

2) парк – место проведения разнообразных праздников, концертов, балльных вечеров, маскарадов, фейерверков, других мероприятий, в основе организации которых лежит представление о живом, активно используемом историческом ансамбле конца XVIII – начала XIX в., адаптированном к его современным функциям и состоянию.

Методы реставрации и мониторинга исторического парка

Первый сценарий ориентирован на выявление и сохранение основных характеристик парка, его подлинных элементов, позволяющих относить его к объекту наследия. Это предполагает раскрытие и представление исторически достоверных форм и пластики рельефа, раскрытие видов на архитектурные компоненты дворцово-паркового ансамбля, на окрестности парка и водные устройства. Самое главное в реализации данного сценария – представить парк как некий текст, читая который можно понять авторский замысел, его последующую эволюцию. Чаще же всего в процессе восстановления парка пытаются воспроизвести в натуре утраченные его элементы, т. е. реставрация парка подменяется его реконструкцией. В качестве таких примеров могут быть приведены многие парки, входящие в состав музеев-заповедников или музеев-усадб. Однако поскольку авторы этих реконструкций сталкиваются с явной недостаточностью достоверных документов, дефицитом времени, отведенным на такого рода работы, что нередко компенсируется большими объемами финансирования, то историческая реконструкция подменяется созданием неких «фантазийных» новоделов, не опирающихся на достоверные исторические документы или весьма вольно их интерпретируемые. Наиболее яркой иллюстрацией такого подхода является парк при Константиновском дворце в Стрельне (Санкт-Петербург), который потерял свою аутентичность и превратился в своеобразный макет, созданный не столько на основе реального объекта, сколько по образу сохранившихся изображений или планировочных документов. Мы считаем, что в Богородицком парке при проведении реставрационных работ основное внимание должно быть обращено на расчистку и прореживание поросли деревьев и кустарников, скрывающих наиболее выразительные, исторически достоверные виды,

на выявление фрагментов аутентичного рельефа, на использование методов ландшафтной археологии для определения местоположения бывших павильонов и беседок, других малых форм, сети дорожек и тропинок. Очень важно для представления аутентичного ландшафта ввести в него информационное (текстовое или иконографическое) сопровождение. Это могут быть надписи или знаки, рассказывающие об истории парка, об исчезнувших строениях и устройствах, подробные путеводители как традиционные, напечатанные на бумаге, так и современные, созданные на основе электронных носителей.

При реализации данного сценария особо важную роль играет мониторинг состояния парка. Более того, речь идет о разработке принципиально нового метода мониторинга историко-культурных садово-парковых ансамблей как объектов культурного наследия.

В основе этого подхода лежит системное наблюдение, сочетающее в себе слежение за отдельными подлинными фрагментами парка в сопоставлении с болотовскими рисунками; именно эти фрагменты рассматриваются как главные, доминантные узлы, определяющие образ исторического парка, и активно используются для их представления современной публике. Остальная часть парка рассматривается как фоновая по отношению к этим доминантам ландшафта, обеспечивающая доступность подлинных фрагментов парка и возможность их наилучшего восприятия.

Основными предметами мониторинга являются воплощенные в натуре и изображенные на рисунках подлинные детали болотовских пейзажей. Именно они рассматриваются как предмет охраны. Во время мониторинга осуществляется слежение и за остальными элементами выявленных ранее пейзажей с точки зрения оценки динамики их изменений в сторону соответствия или несоответствия изображениям Болотовых.

Кроме того, предметом мониторинга являются основные компоненты садово-паркового ландшафта, определяющие устойчивость всего охраняемого историко-культурного комплекса. К ним относятся рельеф, в том числе овраги, берега водоемов, виды на окрестности. Выделяются также наиболее старые деревья, представляющие историческую растительность, относящуюся к XIX в., то есть к тому времени, когда парк находился в ведении специалистов и формировался по определенной программе.

Формирование и представление образа парка

Реализация второго сценария ориентирована на формирование образа парка XVIII в. Необходимым условием представления исторического парка является организация праздников, гуляний, маскарадов,

концертов, театральных зрелищ, других видов публичных действий, традиционных для парковой культуры XVIII в. Таким образом, парк берет на себя функции театра в самом широком смысле слова. В театре XVIII в. могут быть представлены самые разнообразные жанры. Доминирующими могут стать:

- 1) драматические представления;
- 2) музыка;
- 3) балет;
- 4) устройство фейерверков, иллюминаций и т. д.

Все они могут стать основанием для организации самых различных публичных представлений. В качестве одного из таких примеров может быть рассмотрен праздник «День рождения Болотовского парка». Это представление может быть построено по традиционному сценарию, характерному для конца XVIII в. Как и в любом спектакле, здесь есть пролог (приезд, осмотр дома и парка), завязка (обед, кульминация спектакля – декламация, драматическая игра, музыкальные концерты, сочетающиеся с осмотром парка), развязка (вечерние увеселения, фейерверки, иллюминации) и эпилог (ужин и разъезд).

В Богородицком празднике уже на первом этапе может быть проведен фестиваль парковых картин, воссоздающих композицию из сохранившихся и утраченных элементов болотовского парка.

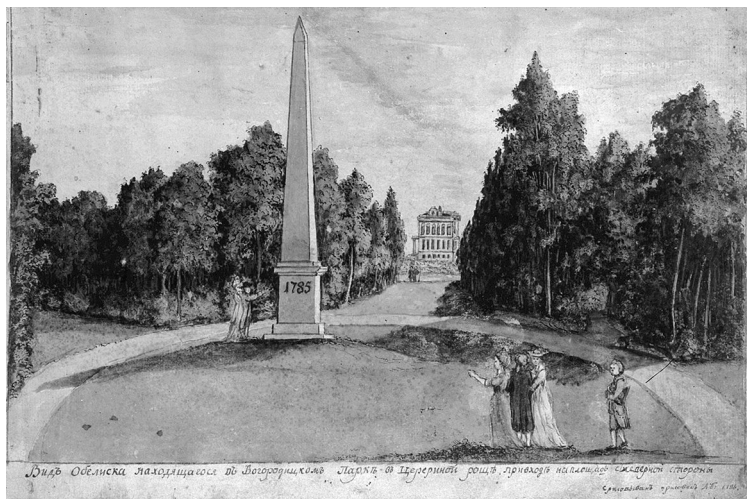
На втором этапе может быть организована уникальная прогулка «Визит наместника» – своеобразная композиция, включающая экскурсию по парку, сопровождаемую музыкальными, балетно-драматическими и театральными представлениями. В основе этой композиции – историческая прогулка, придуманная Болотовым для «наместника» М.Н. Кречетникова, приезжавшего в Богородицк в конце XVIII в.; во время прогулки взорам жителей и гостей города открываются виды на дворец, парк и город.

На третьем этапе – «Ночные огни» – пространство парка оживает: свечи, живой огонь, иллюминации и фейерверк. Это представление может быть устроено для зрителей, располагающихся на городской набережной или прогуливающихся по парку.

Во времена Болотова в Богородицке проходили разнообразные гуляния, праздники, ярмарки. Естественно, что территория парка активно использовалась для всех этих событий. По свидетельству самого А.Т. Болотова, который весьма подробно описал некоторые из таких праздников, парк использовался чрезвычайно разнообразно. Таким примером может быть праздник в Церериной роще (ил. 4).

«...Кончился наш мясоед и наступили заговины*. И как в этот день случилась наиприятнейшая весенняя погода и наилучшее, способ-

* Заговенье на Петров пост.

Ил. 4. А.Т. Болотов. «Вид Обелиска, находящегося в Богодицком Парке в Церериной роще при входе на площадь с северной стороны»

нейшее для гулянья время в году, то смолвились все мы... погулять всем обществом и повеселиться в нашей прекрасной Церериной роще... Итак, был у нас там наиприятнейший деревенский праздник: музыка духовая разсекала приятные тоны свои по всей роще. Мы все, разбившись на разные партии, кучками по всей оной гуляли, а молодежь бегала и резвилась. Потом, собравшись все на одно лучшее, приятнейшее и спокойнейшее место, с которого виден был весь город и все наше селение и все окружающие оное прекрасные положения мест, под прекрасными группами молодых березок** уселись на дерновых лавках кружком, разговаривали, шутили, смеялись, пили чай, лимонад, варили сами себе уху, яичницу, заговлялись и были очень веселы. Всех нас, мужчин и женщин, и старых, и малых, было до 27-ми человек, и все давным-давно не имели такого приятного вечера и не увеселялись так много».

Другой пример — это последний день Казанской ярмарки 1778 г., когда «перед вечером пошли все в сад и гуляли в оном с удовольствием»³.

** А.Т. Болотов посвятил березе стихотворение:

Се! Вижу я тебя, драгая!
Прекрасная береза здесь:
И паки вновь тобой люблюсь,
Красавица из всех берез.

В 1779 г., по возвращении с ярмарки, «боярыни все ушли в церковь ко всеношной, а мужчины все в сад. Я нашел их спускающих рыбный мой канал и утешающихся ловлей карпиев, которыми насажен он был до избытка. Все они до восхищения почти веселились, смотря на то, как обмелевшие карпии возились тут, как поросята, что и действительно представляло приятное зрелище. Сие увеселение побудило их к другому. Учинена была посылка за певчими и музыкантами... Все они тотчас к нам явились и началось марширование, пение и играние. Гостям нашим как музыка, так и пение с нею отменно полюбились. Все они с особливим вниманием слушали оное, а особливо последнюю вечернюю песнь и превозносили похвалами. В особенности полюбился и сад наш... Сад был в наилучшем своем виде: в нем господствовала тогда торжественная тишина, погода была наиприятнейшая, пение и музыка прямо трогательные и восхитительные! Гости все сидели на вечерней нашей сиделке, против ротонды, за нижним озерком и в лучшем месте для слушания. Многие из них были люди с чувствами и могущие судить и ценить все по достоинству. И потому все чувствовали отменное удовольствие, а я всех более, слыша от всех их нелестные похвалы и всему одобрение, и вечер сей для самого меня был так достопамятен и приятен, что я и поныне вспоминаю его с чувствованием некоторого удовольствия»⁴.

В настоящее время наиболее важными событиями для жителей и гостей города могут стать праздники, посвященные культуре конца XVIII – начала XIX в. Они могут быть приурочены к датам, связанным с жизнью А. Т. Болотова и И. Е. Старова, историей строительства дворца, деятельностью по созданию парка, а также с днями города. Возможно также и возрождение Казанской ярмарки, которая традиционно проводилась в июле. Все это может сопровождаться иллюминациями и фейерверками, выставками цветов, фестивалями, посвященными истории русского и зарубежного садово-паркового искусства.

Следует также иметь в виду, что наиболее известные усадебные и дворцовые парки XVIII в. всегда были наполнены музыкой. Во многих усадьбах были свои оркестры, и играли они не только в специальных театральных и музыкальных павильонах, но и на воде, в парке, на открытом воздухе. И Богородицк не был исключением. Об этом свидетельствуют воспоминания А. Т. Болотова, относящиеся к 1788–1789 гг.

«...Почти ежедневно занимались мы... как собственною своею, так и казенною музыкою, которая час от часу приходила в лучшее совершенство и доставляла... нам множество удовольствий и приятных минут в жизни. Она не только часто игрывала у нас в доме, а особливо при случае приезжающих к нам очень часто гостей, но не один раз таскали мы ее в большой казенный сад* и заставляли-

* Так Болотов называет созданный им парк.

ли играть духовую, либо пред эхоническим нашим зданием, либо в превеликой нашей ротунде и утешались слушанием оной вдали и с вечерней нашей сиделки»⁵.

«Сад для приезда наместника (М. Н. Кречетникова. – *Авт.*) прибран был у меня колико можно лучше: музыка вся гремела в каменном храме**; а духовая в ротунде и гулять было очень весело»⁶.

«...Мы... ходили по всему саду и гуляли. Сей был в наилучшем своем тогда виде...» Более всего гости пленились «пением вечерней моей песни, с музыкою, нашими певчими. Я... спроворил, что в то время, пока мы гуляли по низочку***, все они вдруг проявились в нашей прекрасной ротунде и, проиграв несколько штук, начали наконец петь и играть вечернюю благодарственную песнь к Богу⁷. И как мелодия избрана была к тому самая приятная и чувствительная, то все слушали ее с особенным вниманием и превозносили бесконечными похвалами».

Как мы видим из текстов Болотова, для концертов использовались ротонда, павильон Эхи, другие места и площадки, расположенные в парке. Очевидно, что музыкальные программы могут стать одним из наиболее интересных событий Богородицка. Кстати, в России до сих пор нет фестиваля, посвященного русской усадебной музыке конца XVIII – начала XIX в.

Для реализации всех этих замыслов, направленных на воссоздание парка, необходимо обратить особое внимание на представление болотовских рисунков, а также на формирование площадок, где могут быть разыграны сцены, представляющие образ исторического парка. Все это должно сопровождаться максимально бережным отношением к сохранившейся натуре.

В качестве предпроектных документов следует рассматривать компьютерные модели пейзажей парка, сочетающие современные фотографии и адаптированные рисунки из болотовского альбома.

Для отбора мест, которые предполагается обустроить для сценических площадок, необходимо установить реперные или опорные объекты, обеспечивающие достоверность выбора видовой позиционной точки и раскрывающихся с нее перспектив на сохранившиеся фрагменты и элементы паркового пейзажа, изображенные на рисунке. Среди них – виды на дворцовый комплекс и входящие в него здания, перспективы на город и отдельные городские объекты, на зеркало большого пруда или на его береговую линию, на сохранившиеся следы от исторических прудов, на овраги, часть из которых ранее была занята прудами и т. д. Необходимо также определить места расположения павильонов, других парковых сооружений, игравших во времена Болотова важную роль в организации паркового

** Имеется в виду струнная музыка.

*** Часть парка возле нижнего пруда.

пространства. При этом мы не считаем, что их необходимо воссоздавать; это обусловлено многими факторами, в том числе и тем, что по ним нет точных обмеров и что имеющиеся сведения об их объемах, конструкции, декору отрывочны и неполны. Вместе с тем возможно создание легко собираемых (и разбираемых) макетов, которые могут стать частью декораций, на фоне которых будут происходить представления или концерты. На этом же этапе необходимо определить место и конфигурацию площадок, на которых будут располагаться зрители, местоположение дорог, возможность установки помостов, как постоянных, так и легко демонтируемых.

Следующий этап – выбор и установка декораций, дополняющих естественные пейзажи парка и вместе с тем позволяющих соотнести эти пейзажи с рисунками Болотовых. Необходимо определить не только места установки таких декораций, но и разработать предложения инженерного и художественного решения, выбрать материал, рассмотреть способы хранения. Основные требования:

- 1) сведение к минимуму возможности негативного влияния на исторические свойства и элементы парка;
- 2) минимизация физических, временных и экономических затрат при монтаже и демонтаже декораций;
- 3) максимальная приближенность к замыслу Болотовых, отображенному на их рисунках;
- 4) соответствие требованиям, связанным со спецификой организации музыкальных и театральных представлений, не противоречащих функциям исторического парка.

Кстати, использование во время праздника в качестве декораций разнообразных обманок, в том числе и деревьев, было одной из наиболее характерных черт XVIII в. В качестве примера можно привести праздник в Кусково. «...Гостей ожидало новое чудо: вступив на торную аллею, они вдруг обнаружили, что вся она засажена деревьями. Недолгое замешательство – и аллея свободна – вдруг раздвинувшиеся деревья оказались иллюминированной декорацией»⁸.

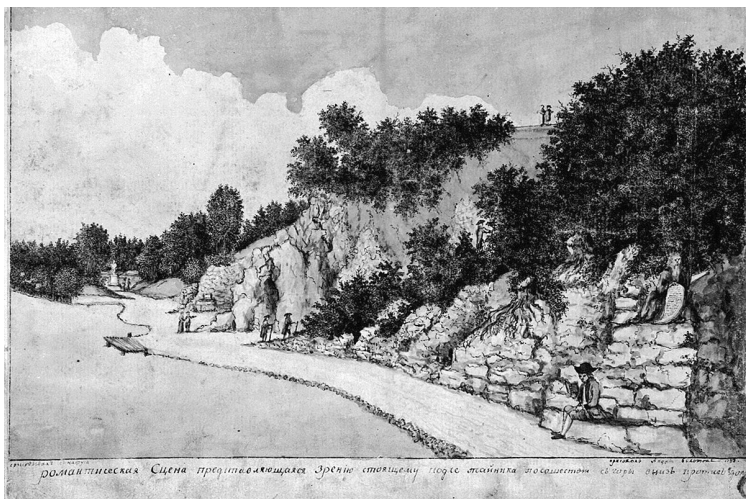
При проектировании сценических площадок необходимо учитывать масштаб представлений. Одни должны быть рассчитаны на большее количество зрителей, другие – на камерные сценки. Очевидно, что масштабные массовые зрелища скорее всего могут быть устроены на акватории большого пруда, связывающего город с дворцово-парковым комплексом, который уже в конце XVIII в. представлял собой весьма внушительное зрелище. «...Подле колокольни находились огромные наподобие замка окружающие флигели... составлявшие некоторый род замка, а... на берегу пруда, немалой величины дом каменный, дворцом называемый... Чрез сие весь Богородицк ровно как оживотворился и вместо прежнего ничего не значащего села имел вид города»⁹.

По рисункам и по текстам Болотова видно, какую важную роль в организации дворцово-паркового пространства играли визуальные связи. При этом, отдавая должное главному дому и расположенным рядом с домом флигелям (в настоящее время не существующим) и въездной башне, не меньшее внимание он уделял и другим сооружениям, прежде всего церкви. «Построенная посреди площади и от дома несколько отдаленная немалой величины церковь. Обстоятельство, что церковь построена на просторе и не имеет вблизи у себя колокольни и ограды и потому со всех сторон видима, придает ей в особенности хороший и величавый вид...» Рядом с церковью находился «камен[ный] корпус для заведенного волостного училища»¹⁰. До наших дней сохранились главный дом и въездная башня-колокольня, церковь, здание училища. Однако со стороны плотины и города в настоящее время виден только дом. Остальные сооружения закрыты деревьями со стороны пруда и поэтому не просматриваются. Для восстановления этого фрагмента парка в соответствии с рисунком Болотова достаточно раскрыть все эти сооружения, убрав лишние деревья (см. ил. 2). Очевидно, что это место может быть использовано для устройства фейерверков и иллюминаций, выступления больших оркестров и хоровых ансамблей, располагающихся около дворца или на дороге, которая может быть проложена вдоль бровки крутого берега большого пруда. При устройстве понтонного помоста, имитирующего затопленную эспланаду, бывшую когда-то основной прогулочной трассы по болотовскому парку, участники музыкальных представлений могут располагаться и на этой площадке. Место размещения зрителей – это городская набережная, плотина, прогулочные плоты, построенные в форме увеселительных паромов и судов.

Большая серия рисунков посвящена изображению видов, раскрывающихся во время прогулки вдоль большого пруда (ил. 5). Болотов очень ценил эту часть парка и отмечал его особое значение, поскольку именно большой пруд служил связующим звеном между парком и городом, придавая им своеобразие и величие.

«Пруд величиною и положением своим между селом и городом придает и тому и другому особливую красу. По длине простирающийся более версты, искривленным своим расположением походит на широкую реку, текущую мимо дома. Разнообразно возвышенные скаистые и отлогие берега... Велел делать набережные; обделать, сообразно с новым видом, бугры и горы... Преогромная и широкая плотина была оплотом великому и длиною версты на две простирающемуся водоему... пред самым домом и соединяла оба берега речки Уперта... Нераз забавлялись катаньем в прекрасной лодке по прудам»¹¹.

Как известно, раньше вокруг пруда проходила довольно широкая дорога. «С удовольствием пошел по набережной дорожке подле

Ил. 5. А. Т. Болотов. «Романтическая сцена, представляющаяся зрению стоящему подле тайника по сошествию с горы вниз против дома»

самой воды нашего большого пруда... Спокойный ход внизу под горою подле воды, который с одной стороны имеет воду, а с другой крутую, почти в утес, каменную гору, покрытую разным кустарником и свислыми деревьями. Место сие в особенности удобно для гуляния в утреннее вешнее и летнее время, потому что гора производит тогда тут тень, а от воды бывает прохладно»¹².

Именно с этой дороги были сделаны многие рисунки Болотовых. В настоящее время она и примыкающие к ней уголки парка оказались под водой. Конечно, возможно снизить уровень воды в большом пруду и восстановить его историческое положение. Однако это может привести к множеству негативных последствий. Поэтому мы предполагаем, что можно пойти другим путем и попытаться сделать понтонный помост, который будет повторять контуры этой дороги. Вдоль нее могут располагаться разнообразные устройства, большая часть из которых может так же, как и павильоны, иметь временный, в основном декоративный, а не функциональный характер. Мы хотели бы особо остановиться на участке, где по замыслу Болотова были устроены руины и развалины древних сооружений из мраморных песков.

«...Нечаянно открыл... при очищении и обрабатывании одного крутого и высокого берега... пониже дворца удивительные... пески... Натура... испестрила его столь разноцветными и разнообразными жилами, полосками, крапинками и пятнами... как кровь или как кармин, красные по белому грунту; в другом они были розовые, инде

пурпуровые, инде зеленоватые, в других местах разных желтых и кофейных колеров... В месте, где открыл алые слои, можно было обделать и обтесать крутизну горы так, чтоб она представляла род пышной и величественной развалины некоего подземельного здания со входами в нее по крыльцам, со ступенями и остатками изломавшихся колонн, части карниза и с несколькими дверьми и окнами, вырезаны[ми] отчасти в горе, отчасти раскинуты[ми] нарочно и лежащи[ми] в разных местах. Развалина представляла... великолепнейший вид издали... Разрытая часть горы, состоящая из разноцветного и наподобие мраморов разнообразно полосками, струями, жилами, крапинками и завитками прекрасно испещренного твердого песку, из которого вырублена тут рюина, или некоторое подобие развалившегося здания с остатками стен, крылец, полов, дверей и валяющимися капителями, отломками карнизов, коробов, баз и других частей архитектурных зданий»¹³ (ил. 6).

Кстати, места залегания этих песков хорошо прослеживаются и в настоящее время. К сожалению, сегодня восстановить эти руины не представляется возможным. Да и едва ли это нужно. Но вместе с тем именно на этом месте может быть устроена театрально-концертная площадка, сочетающая плоскостные декорационные элементы, покрывающие обрыв над прудом, и объемные, имитирующие остатки колонн, других деталей разрушенного здания, которые могут быть

Ил. 6. А.Т. Болотов. «Вид Развалины и пещер, изсеченных из мраморного песку в Богородицком саде»

сделаны из легких материалов, и положены на понтонный помост. Получится картинка, которую мы можем наблюдать в Бородинской панораме или во многих музейных экспозициях. Эта часть парка может стать одной из самых привлекательных театрально-концертных площадок. При этом зрители могут располагаться как на помосте и на лодках, так и на противоположной стороне пруда. Кстати, такой подход очень близок Болотову с его любовью к устройству обманных зданий, каменных руин, сделанных из земли, рисунков замков, выложенных на крутых склонах и т. д.

Значительная часть парка связана с камерными пейзажами, которые воспринимаются лучше всего во время пребывания внутри парка. Среди этих пейзажей – места, расположенные рядом с дворцом; другие пейзажи открываются во время прогулок по парку. Это прежде всего виды на небольшие прудики или ручейки, укромные уголки, где когда-то были устроены так называемые сиделки, таинственные овраги, частично использовавшиеся для устройства на них водоемов, расположенных на периферии придворцовой части парка. К таким пейзажам относится и почти не изменившийся вид на дворец, открывающийся со стороны дороги, ведущей к пруду. А. Т. Болотов в своих жизнеописаниях рассказывает о том, что около дворца было устроено «дерновое крыльцо о 20 ступенях. Другие уступы ниже их, расположенные так, как дозволяло место и неровность оного»¹⁴. В настоящее время этот участок парка подвергся определенной реконструкции и на нем были восстановлен террасированный склон. Степень достоверности проведенной реконструкции остается дискуссионной. Но это не мешает использованию этого места как сценической площадки, на которой могут быть разыграны театральные действия или проведены камерные концерты.

Записки Болотова подтверждают правомерность этого предложения. «...Вечеру же увеселял нас Шахматов на крыльце своим пением и пляскою; все полеглись и уселись по ступенькам большого дернового крыльца пред дворцом для слушания и смотрения сего зрелища; вечер был приятный и прелестный. Левшин забавлял девиц своими шутками, а г. Михайлов* только что галился** и засматривался на красавиц. Наконец, ужинали все во дворце и были все веселы...»¹⁵

Следующая серия рисунков подчеркивает связь дворца с примыкающим к нему парковым массивом. Ближайшая к дворцу видовая точка располагается рядом с верхним прудом и направлена на дворцовый ансамбль. Проведенные в 70–80-е гг. прошлого века реставрационные работы на территории парка позволили раскрыть виды

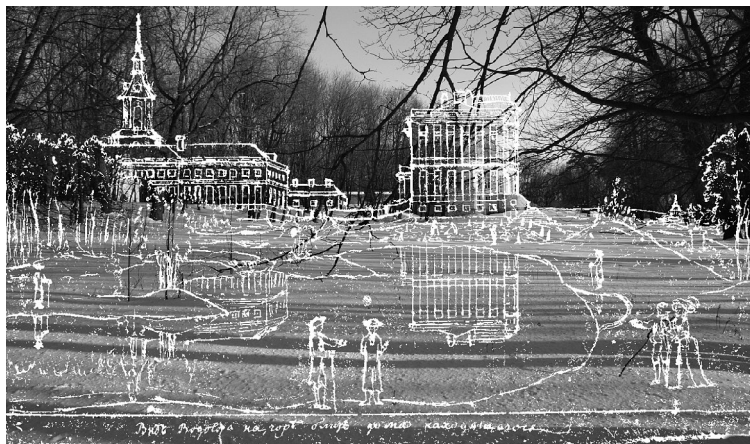
* Шахматов, Лёвшин, Михайлов – гости А.Т. Болотова. Федор Алексеевич Лёвшин – брат В. А. Левшина, известного русского ученого, агронома, писателя.

** Галиться – пялить глаза, смотреть, дивиться или любоваться.

на дворец. Несмотря на то, что на рисунке Болотова изображены сохранившиеся до настоящего времени здания – дворец и въездная башня, а также церковь (вернее, ее купол), для его воссоздания необходимо построить макеты или сделать некие имитации исчезнувших в настоящее время элементов (ил. 8.1, 8.2). Имеются в виду ротонда и верхний пруд. С другой стороны, едва ли можно говорить

Ил. 8.1. Вид на главный дом и расположенные рядом с ним строения со стороны парка. Современная фотография

Ил. 8.2. Совмещение фотографии с рисунком из альбома Болотова («Вид водоема, на горе находящегося»)

о восстановлении полной картины, изображенной на рисунке, на-пример, весьма изощренного и разнообразного микрорельефа парка. «Гуляющий... увидит не только вблизи высокие и наподобие гор бугры и мысы из разноцветных камней, оброслые сверху деревьями и кустарниками и приятную из них составляющуюся дичь, но вдали самый дом, беседку (ротонду. – Ю. В.), башню и некоторые другие хорошие виды, а что всего для глаз приятнее, то не только бугры с находящеюся наверху их зеленью и украшениями, но и весь дом, беседка и шпиз башни изображаются в воде сего прудка, власно, как в зеркале»¹⁶. По мере углубления внутрь парка и удаления от дворца, в пейзаж включаются новые виды и парковые устройства. Важную роль начинает играть беседка, стоящая на берегу среднего пруда. «...Увидел он нашу прекрасную ротунду, или круглую, сквозную, из многих колонн составленную и круглым куполом верх имеющую и прекрасно отделанную и раскрашенную беседку»¹⁷.

Для воссоздания ротонды и беседки возможно использовать деревянный или металлический каркас; он может быть покрыт тканью или другим пластичным материалом, на который может быть нанесен рисунок, изображающий фасады павильонов. Главное требование к этой конструкции – это возможность быстрого монтажа и (после праздника) демонтажа. Очевидно, что не имеет смысла воссоздавать верхний пруд. Это затруднительно делать и в техническом отношении, и дорого, да и едва ли будет правдиво в отношении к истории. Вместе с тем возможно создание на месте этого пруда бледно-голубого партера; этот партер может быть создан из цветов или какого-либо искусственного материала – голубого гравия, битого стекла и т. д.

Важной частью парка и одной из главных концертных площадок, возможно, будет участок, примыкающий к нижнему пруду. «Нижний пруд, обделанный под натуру, с несколькими посреди оного островками, из которых на иных разбросаны кусточки и группы дерев. На некоторых из островков для придания пруду и им красоты можно поставить на постаментах что угодно... Нижний... водоем, имеющий вид довольно порядочной величины прудка, с сделанным посреди его небольшим островком, с стоящим, как на пьедестале, мраморным бюстом»¹⁸.

К нижнему пруду примыкала мягкая, пологая лужайка, с вершины которой открывался замечательный вид на нижний пруд, главный пруд и город. Сейчас она заросла деревьями, но и они не полностью закрывают задуманную еще Болотовым перспективу. «Отлогая гора, покрытая луговым гладким дерном, испещренным всеми луговыми цветами и простирающаяся от самой помянутой беседки до нижнего прудка. Насаженный по находящимся по обеим сторонам холмикам

и бугоркам лес, гладкое сей части горы и отлогое возвышение придает месту сему особливую красу... Самая лучшая и прекраснейшая во всем саду смеющаяся сцена. Между двумя покосами горы, растущими густыми лесочками, прекрас[ая] лужайк[а]»¹⁹.

Благодаря поднятию уровня воды в большом пруду, нижний пруд заполнен водой. Рельеф парка образует амфитеатр, который может быть использован при построении декораций.

Необходимо только убрать лишние деревья и тем самым раскрыть перспективу на пруд и город. Задник сцены – это изображение деревьев, располагавшихся на перемычке, отделяющей нижний пруд от большого, в соответствии с рисунком Болотова. По сторонам могут быть установлены обманки, изображающие фигуры кавалеров и дам, также изображенных на рисунке Болотова. Возможно также устройство боковых кулис. Этот же пруд может быть использован для изображения других рисунков. Площадка для зрителей может быть расположена на верхней части склона, вдоль дороги (ил. 9).

И, наконец, последняя серия рисунков, которая также может быть представлена в данной работе, – это изображение прудов, устроенных Болотовым на месте современного оврага, отделяющего придворцовую часть от другой, занятой в настоящее время садом

Ил. 9. А.Т. Болотов. «Сцена, представляющая зрению с берегового острова на нижнее озерко, в нижнем саде Богородицкого сада находящемся»

и переходящей затем к роще Цереры. Ведущую роль при формировании ландшафтной композиции в этой части парка он отводил павильону, названному им впоследствии «жилищем Эхи». «Мест[о], откуда наилучшим образом можно было слышать ответствующее эхо. Здание самое худшее в саду место превращает в приятнейший реверсив, закрывает достальную и безобразнейшую часть вершины... Воздвиглось огромное здание, представляющее род триумфальных ворот, с двумя по сторонам комнатами, [где] поместил ванну и купальню для прохладенья в жары. Снаружи распестри[л] и раскраси[л] так, чтоб походило на старое каменное. Открылась за [ним] удивительная способность к произведению эхи»²⁰.

Болотов использовал этот эффект для того чтобы удивить гостей. Очевидно, что «жилище Эхи», также как и другие парковые павильоны, может быть смонтировано как временное сооружение и использоваться для тех или иных представлений парка в концерте.

Все эти предложения позволяют по-новому представить исторический парк, сделать его живым, наполнить его содержанием и тем самым воплотить замысел Болотова о превращении этого парка в театральную площадку, гуляющие по которой были бы одновременно и зрителями, и актерами. Если мы вспомним парки конца XVIII в. и их использование, то следует признать, что большая часть паркового пространства всегда рассматривалась их владельцами и гостями как место для театральных и музыкальных сцен. Кстати, вспомним и то, что управление театрами и парками в конце XVIII в. было в одних руках. Так, например, при Павле I управляющим императорских театров и парков был Николай Борисович Юсупов, создатель уникального дворцово-паркового ансамбля и владелец замечательного театра, построенного театральным художником и паркостроителем Гонзаго, создавшим в это же время ансамбль Белой Березы в Павловске.

Нам кажется, что именно такой подход к реставрации и представлению Богородицкого дворцово-паркового ансамбля позволит не только превратить его в один из наиболее значимых объектов наследия, но и сделать его важным культурным центром, влияющим на формирование культурного пространства страны и региона.

В Институте культурного и природного наследия разработана специальная методика, позволяющая средствами современных электронных технологий описать территорию памятника садово-паркового искусства и представить ее через систему зрительных образов, охватывающих все пространство парка. Появляется возможность сопоставить исторические и современные изображения, отработать на этой основе принципы и методы мониторинга, реставрации и реконструкции произведения садово-паркового искусства.

Этот опыт может быть в последующем распространен и на другие памятники садово-паркового искусства. Помимо практической важности данная работа может быть использована при обучении специалистов современным методам сохранения садово-парковых ансамблей, основывающимся на применении компьютерных технологий.

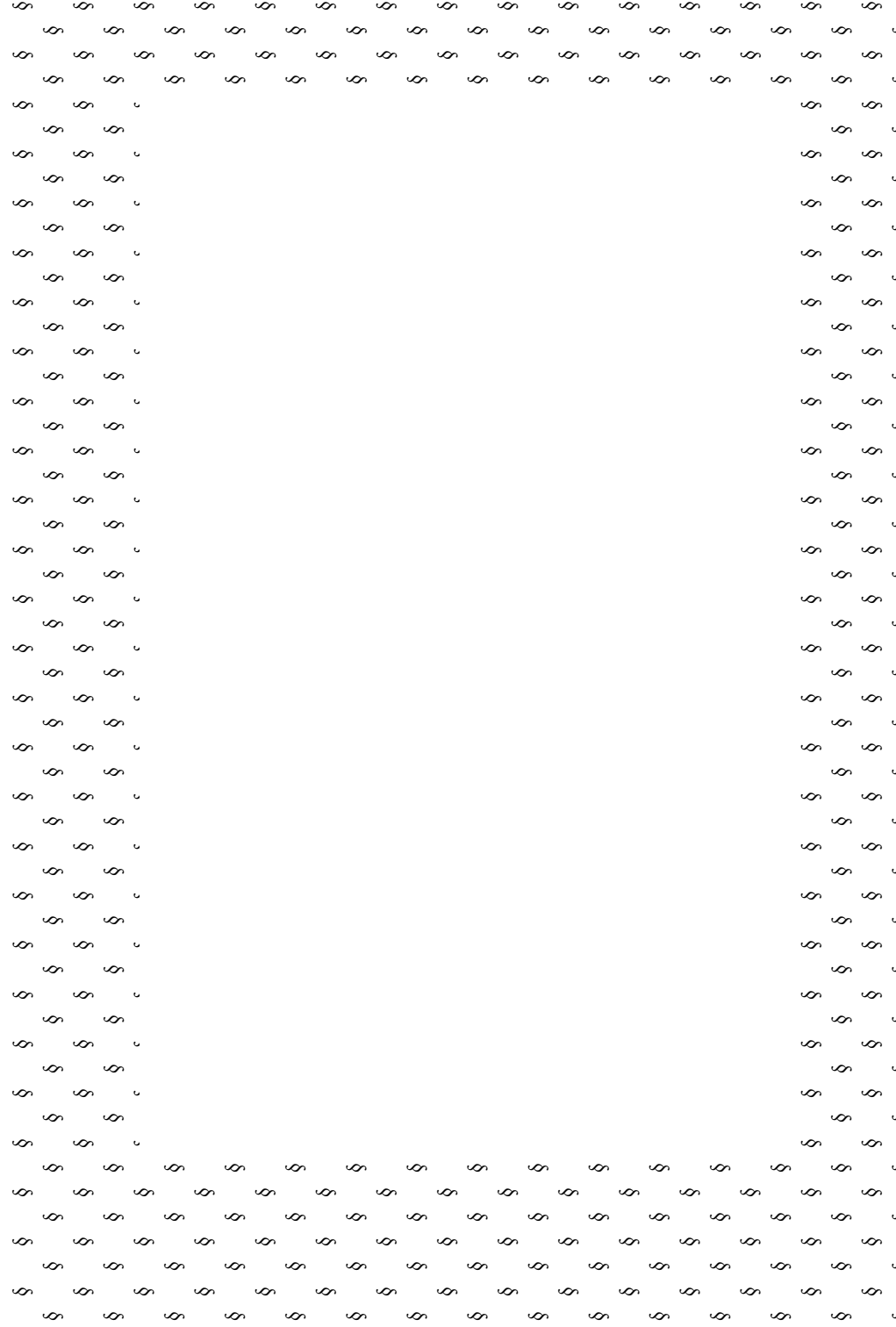
ВЫВОДЫ

1) Предлагаемая программа может быть применена при мониторинге и реставрации дворцово-паркового ансамбля; при этом появляется реальная возможность найти такое решение, которое бы учитывало замысел автора и современное состояние объекта.

2) Предлагаемая методика позволяет использовать современные компьютерные технологии и вводит новую базу для поиска оптимальных решений при разработке программы мониторинга и реставрации дворцово-паркового ансамбля.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лихачев Д. С. Заметки о русском // Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. Российский Фонд Культуры, 2006. С. 178.
- 2 Там же. С. 179.
- 3 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1870–1873. Т. IV. Стб. 334.
- 4 Там же. Стб. 548.
- 5 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. IV. Стб. 310.
- 6 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. IV. Стб. 546.
- 7 Болотов А. Т. Указ. соч. Все свои стихотворения он «сочинял на голос какой-нибудь песни». (Т. IV. Стб. 1219.)
- 8 Сиповская Н. В. Праздник в русской культуре XVIII века // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб., 2000. С. 33.
- 9 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. III. Стб. 609, 622.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Т. III. Стб. 1138; Т. III. Стб. 624; Т. IV. Стб. 181.
- 12 Там же. Т. IV. Стб. 37.
- 13 Там же. Т. III. Стб. 1034; Т. IV. Стб. 732; Т. III. Стб. 1143; Т. IV. Стб. 733.
- 14 Там же. Т. III. Стб. 1152.
- 15 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. IV. Стб. 334–335.
- 16 Там же. Т. IV. Стб. 334.
- 17 Там же. Т. IV. Стб. 39.
- 18 Там же. Т. IV. Стб. 39; Т. III. Стб. 1192.
- 19 Там же. Т. IV. Стб. 38, 39.
- 20 Там же. Т. IV. Стб. 29, 30, 31, 46.

II.
К ИСТОРИИ
УСАДЕБНОЙ
КУЛЬТУРЫ
РОССИИ

А. С. Подъяпольский

УХОДЯЩАЯ НАТУРА. ДОМ В КРИВЯКИНЕ

*Историко-архитектурные заметки
и комментарии*

Усадьбный дом в Кривякине — памятник, хорошо известный специалистам и любителям русской усадебной архитектуры. Впервые он стал объектом специализированных экскурсий, организованных Обществом изучения русской усадьбы в 1926 г.¹, а первая научно-популярная статья-заметка о нем появилась в печати в 1928 г., по результатам обследования памятника в 1924–1925 гг. сотрудниками комиссии Мосгубмузея по охране и реставрации памятников искусства и старины, архитектором Н. А. Всеволожским и начинающим историком архитектуры, позднее знаменитым профессором МГУ М. А. Ильиным, опубликовавшим архитектурные обмеры (поэтажные планы) усадебного дома в Кривякине². Тогда же памятник был включен в списки памятников искусства и старины, подлежащих государственной охране, в Центральных государственных реставрационных мастерских на него была составлена учетная документация³.

В послевоенные годы усадьба Кривякино включалась во все путеводители по Подмоскovie как памятное литературное место, связанное с жизнью и творчеством писателя И. И. Лажечникова, автора популярного историко-патриотического романа «Ледяной дом»⁴. По своей мемориальной значимости усадьба Кривякино была отнесена к памятникам истории⁵. Известности кривякинского дома как выдающегося памятника русской архитектуры много поспособствовала публикация в Каталоге памятников архитектуры Московской области (первые издан в 1975 г., автор текста арх. Г. К. Игнатьев; второе, дополненное издание — 1998 г., автор текста Е. Н. Подъяпольская)⁶.

В середине 1980-х гг. всесоюзным объединением «Союзреставрация» были начаты исследования памятника и разработка проекта его реставрации (архитекторы А. С. Шиманова, М. М. Ермолаев), продолженные затем проектно-реставрационной организацией «Симаргл» (архитекторы С. В. Шаров, М. М. Ермолаев, под научным руководством историка архитектуры А. А. Галашевича). Однако, не-

смотря на многочисленные архивные материалы, этот неординарный и неоднократно перестраивавшийся памятник не поддавался историко-архитектурному «прочтению» ни по документальным, ни по натурным данным. В результате выпущенный в 2002 г. проект реставрации кривякинского дома оказался слабым (особенно по части предпроектных исследований, весьма неполных, содержащих существенные ошибки и неверные выводы) и непригодным для реализации. Длительное изучение памятника (17 лет) не пошло на пользу, реставраторы, что называется, в памятнике не разобрались.

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ И УСАДЕБНОГО ДОМА

В литературе с легкой руки первого публикатора этого памятника, М. А. Ильина, без оговорок приведшего изустную легенду о ее владельце – Лажечникове, утвердилась так называемая «лажечниковская легенда», гласящая, что создателями кривякинской усадьбы и строителями каменного барского дома были Лажечниковы, зажиточные коломенские купцы. Основания для этой легенды находили в интерпретациях литературных произведений известного писателя XIX в. И. И. Лажечникова, действительно бывавшего в усадьбе и отразившего ее образ и эпизоды ее реальной истории в своих романах. Однако документальных подтверждений «лажечниковская легенда» не имеет*.

По имеющимся данным, история усадьбы и ее главного дома предстает в следующем виде. Ко времени обновления в России земельного кадастра (так называемого Генерального межевания) имение Кривякино состояло из двух неравных частей (половин) – одной под названием «пол-сельца Кривякина, что ныне Красное», состоявшей в единоличном владении обер-штер-кригс-комиссара А. Г. Замя-

* В Кривякине в XVIII – первой четверти XIX в. было две усадьбы. Отец писателя, коломенский купец первой гильдии Иван Ложечников, с 1799 г. владел деревянным барским домом на земле своего приятеля помещика Н. А. Беклемишева, а когда имение было продано последним губернатору Н. В. Обрезкову – на обрезковской земле, с разрешения землевладельца. Пока купец Ложечников был богат, их отношения были очень теплыми – сына Ложечникова, будущего писателя, губернатор взял к себе на службу в канцелярию, чиновником по особым поручениям при губернаторе. Во время нашествия французов Ложечников, оставленный Обрезковым по «соседству» в Кривякине «на хозяйстве», при слухах о приближении французов из Кривякина драпанул, в обрезковском доме случился пожар и каменный дом полностью выгорел. После ухода французов из Москвы разъяренный губернатор выгнал вон Ложечникова со своей земли в Кривякине, а его сына – со службы

Общий вид дома с юго-западной стороны. Фотография 1990-х гг.

тина, с помещицкой усадьбой с деревянным «господским домом» и регулярным садом, а другой — под названием «пол-сельца Кривякина», состоявшей в совладении того же Замятина с соседними землевладельцами, с усадьбой (деревянным «господским домом»), но без сада⁷. На межевом плане 1768 г., дошедшем до нас в поздней копии, в Кривякине-Красном показано пятно господской усадьбы со строениями, причем планировочная ось усадьбы была ориентирована на юг, параллельно течению Москвы-реки⁸.

Из текста купчих, по которым замятинское имение было продано в 1797 г., следует, что А. Г. Замятин умер за несколько лет до 1790 г., когда имение по разделу между наследниками отошло к его вдове, А. А. Замятиной, урожденной Паниной, которая и продала имение с находящимся в нем «разным господским заведением каменным

(он подался в московское ополчение и как-то спас карьеру). Вот в этом-то доме в Кривякине и жила в 1799–1812 гг. в летнее время семья Ивана Ложечникова, а с ними их сын, будущий писатель И.И. Лажечников (тогда еще Лóжечников, изменивший прозрачную купеческую фамилию по выслуге дворянского звания). Дом Ложечникова находился в ряду деревенской застройки, метрах в 400 к югу от каменного дома в Кривякине, который в то время назывался «сельцом Красным». Ложечниковы в каменном губернаторском доме вряд ли бывали дальше передней, но слышали рассказы обрезаковской дворни о роскошной жизни и губернаторских приемах в нем. Из баснословий чужой дворни и почерпал писатель Лажечников пищу для своих якобы автобиографических романов, а губернатору Обрезкову он потом (после его смерти) сполна отомстил, выведя его в своих сочинениях под видом «генерала Огрызкова».

хорошим дворовым строением» князю Б. М. Черкасскому⁹. В этом документе впервые упоминается под витиеватым выражением «го-сподское заведение каменное хоромное дворовое строение» каменный усадебный дом, выстроенный его владельцем, генерал-майором А. Г. Замятиным, не ранее 1769-го (в 1768 г. при генеральном межевании его еще не было в помине) и до 1788 г. (под этим годом в книгах исповедных росписей ближайшей церкви в Новлянском помещицей в Кривякине значится уже его вдова). Особенности составления текста купчей недвусмысленно указывают на то, что реальная стоимость имения была занижена, укрыта от налогообложения при регистрации сделки – а именно стоимость усадьбы с каменным домом, которая ушла в теневой, спекулятивный оборот. В этом обороте усадьба пошла по рукам, уже через два года (по официальным сведениям, находящимся в «Экономическом описании г. Коломны и уезда», составленном в канцелярии московского губернатора П. Я. Аршеневского в 1799–1800 гг.¹⁰) она значилась состоящей за Н. А. Беклемишевым (владельцем соседних имений Федино и Петровское), а спустя несколько лет попала в руки генерала Н. В. Обрезкова, назначенного в июне 1810 г. начальником Московской губернии (московским гражданским губернатором). Н. В. Обрезков значится владельцем Кривякина в справочнике московского народного ополчения 1812 г., однако, по сведениям клировой ведомости соседней с ним церкви с. Новлянского, оно числилось «в вотчине *генерала* Обрезкова», что указывает на то, что имение Обрезковым было приобретено до 1810 г., когда он сменил военную службу на гражданскую и из генерала превратился в тайного советника¹¹.

За Н. В. Обрезковым Кривякино состояло до его смерти в 1817 г., когда досталось по наследству его четырем племянникам, переживавшим неблагоприятную конъюнктуру на рынке подмосковной недвижимости (до конца 1823 г. все деньги крутились на более выгодном рынке в строительном буме восстановления послепожарной Москвы) и сразу по ее окончании, уже в самом начале 1824 г., по купчей от 13 февраля, продавшим имение богатой вдове Н. И. Курманалеевой¹². Обстоятельства совершения этой сделки и последовавшие за ней перемены в кривякинской усадьбе заставляют предположить, что она была обоюдовыгодной в коммерческом смысле и что специальным предметом интереса в ней была именно усадьба, и прежде всего сам кривякинский усадебный дом – но не как предмет использования с особыми потребительскими качествами, но скорее ровно наоборот, как привлекательный «инвестиционный объект» – как объект реконструкции, выгодного вложения денег в строительство (реконструкцию) в условиях резкого сокращения строительного рынка и падения цен на строительство. (Покупщицу, Курманалееву,

желавшую перебраться на постоянное жительство в «деревню», по всей видимости, «консультировал» кто-то сведущий в положении дел на строительном рынке и лично заинтересованный в этом «проект», скорее всего, это был кто-то из московских архитекторских помощников, специализировавшихся в надзоре за ведением работ и тесно связанных со строительными подрядчиками, – так сказать, риэлтор-девелопер в одном лице.) Выгода продающей стороны, как кажется, состояла в том, что главная ценность этого имения – двухэтажный каменный усадебный дом «изрядной архитектуры» (по выражению XVIII века) – к тому времени имел существенные изъяны, проще говоря, был погорелым, сильно пострадавшим от пожара, т.е. почти неликвидным имуществом (с экономической точки зрения). И заинтересовать он мог только тех, кто набил руку (и карманы) на восстановлении погорелых мест в послепожарной Москве. Предположение о пожаре (и последующем разрушении) кривякинского дома становится более чем правдоподобным при натурном изучении памятника, внутренние стены которого, освобожденные от штукатурки, несут на себе многочисленные повсеместные следы перекладок, перелицовок и вычинок, произведенных одновременно при полной реконструкции здания в середине 1820-х гг. (об этом ниже).

Новая владелица Кривякина Н. И. Курманалеева в 1829 г. пожелала устроить при кривякинском доме домовую церковь – во вновь выстроенном каменном флигеле, соединявшемся с домом галереей. Из делопроизводства Московской духовной консистории и Святейшего Синода по ее прошению¹³ следует, что Курманалеева к этому времени постоянно проживала в Кривякине (и летом, и зимой), что до лета 1827 г. она проживала постоянно в Москве (в своей городской усадьбе на Садовой, в приходе церкви Св. Панкратия у Сухаревой башни), в каковом году она «выбыла» из книги исповедных росписей своего московского прихода, – т.е. что летом 1827 г. она переселилась на постоянное жительство в Кривякино и ей было тогда уже 57 лет. Прошение Курманалеевой было поддержано митрополитом московским Филаретом, и ей было разрешено устроить во флигеле домовую церковь (освященную во имя иконы Грузинской Божией Матери в 1830 г.)¹⁴. Курманалеева прожила в усадьбе до конца 1840-х гг.; в 1846 г. она предприняла размежевание южной части Кривякина с целью очистки его от посторонних совладельцев, что обычно делалось перед залогом имения в государственном кредитном учреждении. Прямых наследников у нее не было, и по ее смерти имение каким-то образом перешло в руки отставного подполковника Н. И. Лажечникова, старшего брата известного писателя. В официальном справочнике, изданном в 1852 г. (со сведениями за 1851-й), Н. И. Лажечников

указан владельцем Кривякина, причем добавлено, что он в имении «проживает постоянно»¹⁵.

С этим периодом связано мемориальное значение кривякинской усадьбы, послужившее основанием для отнесения ее к памятникам истории. Писатель И. И. Лажечников, служивший в начале 1850-х гг. тверским вице-губернатором, что называется, проворовался, был снят с должности, а тверское имение его (усадьба Коноплино), нажитое за время службы, было отписано в казну в покрытие казенных растрат; уволенный со службы и лишенный имения, он нашел пристанище в усадьбе своего брата, где проживал в летние месяцы на протяжении пяти лет, с 1854-го по 1858 г. (о чем известно из опубликованной переписки). Последнее из писем, отправленных им из Кривякина, помечено 28 ноября 1858 г., столь позднее (начало зимы) пребывание его в Кривякине вызвано было, как кажется, смертью брата (с этим письмом И. И. Лажечников отослал М. Н. Лонгинову, известному собирателю автографов русских писателей, «на сохранение» свои самые драгоценные реликвии, хранившиеся у брата в Кривякине, — письма к нему А. С. Пушкина). Больше в Кривякине И. И. Лажечников не бывал.

Имением какое-то время владела вдова Н. И. Лажечникова, а затем оно перешло по частям (видимо, за долги, по закладным листам) богородским купцам С. М. Шибаеву и М. И. Клееву и егорьевскому фабриканту В. А. Хлудову (сыну известного богача и коллекционера А. И. Хлудова). В конце лета 1873 г. кривякинская усадьба с прилегавшей к ней частью имения была выкуплена у богородских купцов графиней О. И. Орловой-Давыдовой, женой графа С. В. Орлова-Давыдова, владельца (с 1871 г.) смежного имения Спасское. По ее кончине владельцем Кривякина в 1883–1884 гг. значился сам граф Орлов-Давыдов, продавший в 1888 г. княгине А. П. Ливен Кривякино (по купчей от 27 июня 1888 г.), а затем и соседнее Спасское — по частям, ей же и ее мужу, князю А. А. Ливену (в 1889 г.)¹⁶. В 1890 г. в официальном справочнике, составленном управляющим канцелярией московского губернатора, усадьба Кривякино показана за княгиней А. П. Ливен¹⁷. Она же еще раньше, по купчей от 3 июня 1888 г., приобрела у В. А. Хлудова и другую половину Кривякина, на которой находилась значительная часть усадебного парка. Таким образом, Ливены не только купили огромное графское имение с центром в Спасском, где Орлов-Давыдов выстроил в 1872 г. по проекту архитектора Р. А. Гедике целый дворец, но еще и расширили его.

Своих денег на столь большую покупку у молодой четы Ливен, разумеется, не было — князь Александр Андреевич Ливен в 1890 г. значился армейским подпоручиком запаса, но деньги были, и немалые, у его отца, светлейшего князя Андрея Александровича Ливена,

в прошлом московского губернатора (1869–1872), а затем товарища министра и министра государственных имуществ, а также сенатора, статс-секретаря при Государе и члена Государственного совета, отставленного со всех постов и должностей в результате грандиозного скандала с расхищением казенных земель, случившегося в 1881 г. (в котором пал даже глава Совета министров граф П. А. Валуев, его поделщик и покровитель). Отставному сановнику было предписано жить в своем имении (родовом, под Харьковом, Змееве, другие ему пришлось вернуть казне), но его тянуло к Москве, где со времен его губернаторства у него были обширные знакомства и связи¹⁸. Приобретение крупного и обустроенного имения графа Орлова-Давыдова, составной частью которого было Кривякино, было совершено Ливеном-старшим на имя невестки, и лишь малая его часть была записана на сына, чтобы дать ему возможность служить по выборам в уездном дворянстве и земстве (чем он и занялся, выстроив и устроив в 1890–1891 гг. земскую лечебницу в селении Кривякино, а затем став уездным предводителем дворянства, что открыло ему путь в управляющие Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками).

Усадьба в Кривякине при Ливенах была обновлена, а усадебный дом после приведения в порядок (в начале 1890-х гг.) был обращен в летний «гостевой дом», предназначенный, по всей видимости, для сдачи в наем, так как неподалеку находилась станция железной дороги, подъезд от которой к усадьбе насадили стриженными липами (сами хозяева жили в обширном доме-дворце в Спасском). А. А. Ливен-сын, муж номинальной владелицы Кривякина, умер в 1901 г., незадолго до того имение было выгодно заложено (в 1900 г., по специальной оценке)¹⁹. В 1909 г. усадебные строения были застрахованы. В это время при усадебном доме помимо флигеля и вновь открытой в другом флигеле домовая церковь находились также деревянные служебные постройки, конюшня и каретный сарай²⁰. В 1910 г. старый князь Ливен вновь был призван на государственную службу, сделан членом Государственного совета и переехал в Петербург (где и умер в 1913 г.), а его внук и полный тезка, А. А. Ливен, женился и вскоре поселился с женой в Кривякине, по произведенному около этого времени внутрисемейному разделу большого имения Спасское-Кривякино, где для его сестры еще в 1909 г. была выстроена отдельная усадьба Дубки с деревянным домом в неоклассическом стиле. По постоянному проживанию в Кривякине Ливен-внук стал к 1914 г. предводителем дворянства Коломенского уезда.

Ко времени издания Декрета о земле от 25 октября (7 ноября) 1917 г. хозяев в усадьбе не было (князь Ливен находился на германском фронте в составе земского ополчения) и более они в Кривякине не

Кривякино. В беседке у крыльца – последний владелец усадьбы, предводитель дворянства Коломенского уезда светлейший князь Андрей Александрович Ливен. Апрель 1917 года.

появлялись, эмигрировав в 1920 г.* Усадьба разорению не подверглась, но художественные ценности (портретная галерея и коллекция фарфора) как оставленные владельцами и временно бесхозные, были вывезены из нее в 1918 г. Коллегией по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса и попали частью в Строгановское училище (фарфор), частью в государственный музейный фонд.

В послереволюционное время усадебный дом занимал Спасский сельскохозяйственный техникум; в конце 1930-х гг. в доме разместилось общежитие для строителей города Воскресенска (стал городом в июле 1938 г.) и его градообразующего предприятия – Воскресенского химкомбината, в годы войны здесь размещался детдом, после войны – детский сад на балансе Воскресенского химкомбината.

* О последнем пребывании в Кривякине ее последнего владельца напоминает старая фотография, сделанная в апреле 1917 г., во время кратковременного отпуска князя А.А. Ливена с фронта по случаю рождения дочери. Выражаю самую искреннюю душевную признательность сотрудникам Воскресенского муниципального культурного центра «Усадьба Кривякино» за всемерное участие в моей исследовательской работе и предоставление копии этого трогательного памятника прошлого.

В 1992 г. Воскресенский горсовет принял решение об организации в кривякинском доме музея-усадьбы, была намечена реставрация памятника с приспособлением его под размещение экспозиций и музейной инфраструктуры, но планы остались большей частью на бумаге.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА

Как было указано выше, каменный дом в Кривякине был возведен между 1769-м и 1788 г. Время строительства можно определить точнее, и разгадка кроется в особенностях типологии и планировочной организации усадьбы. Из сравнения планировочной организации усадьбы, отображенной на межевом плане (1768 г.) и на последующих картографических материалах XIX в. (например, на различных военно-топографических картах Московской губернии), определено следует, что кривякинская усадьба при строительстве каменного дома была полностью перепланирована, и основой ее новой планировки стала постройка главного дома фасадом к речной излучине, с видом на реку и подъездом по спрямленной дороге, проложенной по бровке коренного берега, по-над речной долиной. Этот прием, примененный, например, в известной подмосковной усадьбе Михайловское М. Н. Кречетникова (в нынешнем Подольском районе при р. Пахре), восходит к так называемым «дачам на Петергофской дороге», возводившимся в век Екатерины ее придворными и сановниками. Отличительными характерными атрибутами загородных домов на Петергофской дороге были устройство нижнего этажа наподобие французского *rez-de-chaussée*, наличие балкона с решетчатым ограждением на фасаде, выходящем на дорогу, и бельведера, а позади дома — небольшого прямоугольного сада, отделенного от окружения открытыми пространствами. Участки под строительство таких домов раздавались из придворного ведомства людям с особым статусом — принятым при дворе сановникам, статусным придворным и людям свиты Ее Величества, а сами загородные дома были по основному назначению «домами приемов» доверенных людей императорского двора. Когда владельцы таких домов теряли по тем или иным причинам свой статус при дворе (получали иные административные назначения вдали от Петербурга или были удалены от двора и, так сказать, отправлены в резерв), они лишались этих парадных резиденций (их выкупало дворцовое ведомство), но многие возводили себе дома по тем же проектам уже в своих собственных имениях, повторяя все статусные особенности и приметы топографии (таковы, например, уже упомянутое Михайловское Кречетникова, Красный Рог графа А. К. Разумовского или Петрово-Дальнее князя Голицына).

Таковым по всем признакам было и Кривякино. Его владелец А. Г. Замятин, при генеральном межевании 1768 г. бывший скромным

обер-кригс-комиссаром (военный интендант в чине майора), уже в сентябре того же года был «всемилоостивейше пожалован» императрицей в «генерал-майоры свиты Ее Величества» (перед тем он женился на племяннице всесильного в ту пору графа Н. И. Панина, вице-канцлера и воспитателя наследника престола цесаревича Павла). По статусу свитского генерала ему положен был загородный дом на Петергофской дороге, который и был наверняка им вскоре же выстроен в 1769-м или 1770 г. (но никак не позже), а после опалы Н. И. Панина (в 1781 г.) или его кончины (в начале 1783 г.) карьера А. Г. Замятина при дворе должна была оборваться. Поскольку он не получил никакого нового назначения (так и числился до смерти генерал-майором на службе, но в резерве, на покое в деревне), очевидно, что он был удален от двора с обычным в таких случаях предписанием пребывать в своем имении вплоть до особого распоряжения.

Очевидно, он выстроил в своем Кривякине такой же дом, с которым расстался, по имевшемуся у него проекту, перепланировав усадьбу так, что подъездная дорога к ней имитировала шоссированную Петергофскую дорогу, а вид на Москву-реку напоминал вид на Финский залив под Стрельной. Только таким образом можно понять присутствие в кривякинском доме таких приемов, как rez-de-chaussée (подземный технический этаж, тогда как обычно загородные дома имели цокольный полуэтаж) и особенно балконы на выходящем к подъездной дороге парадном фасаде (этот прием заимствован из французской придворной жизни, как и многое другое в устройстве загородных домов на Петергофской дороге, – при проезде короля, а в России – императрицы, хозяева этих домов и их гости должны были приветствовать своих Государей, стоя на балконе, при этом ограждение балконов в виде ажурных решеток, а не сплошных парапетов, было продиктовано вопросами безопасности августейших особ). В кривякинском доме сохранился еще один показательный рудимент исходного назначения здания – это ниши-экседры на центральном, выдвинутом вперед балконе для сидения дежуривших, следивших за приближением проезжающей Государыни (по скакавшим впереди ее возка или кареты герольдам-вестовым и дежурному генерал-адъютанту). Все эти признаки, указывающие на повторное воспроизведение здания-прототипа, как и обстоятельства жизни застройщика указывают, что кривякинский дом был построен в начале 1780-х годов: 1781–1782 или 1783–1784 гг.*

* Такая датировка, кстати, полностью подтверждается строительно-техническими особенностями сохранившейся первоначальной центральной части памятника: форматом кирпича, использованного при возведении здания, и отсутствием на нем клеймения, а также техникой кирпичной кладки с подрезанным швом.

Справа:
конструк-
ция балкона
на главном
фасаде

Внизу: ниша-
экседра в бо-
ковой части
центрального
балкона

Вместе с тем необычность первоначальной архитектуры кривякинского дома указанными особенностями не исчерпывается. По своей планировке он следует приемам компоновки помещений, характерным для римских вилл, особо разработанным в трактатах и постройках Палладио и его последователей. Так, парадная входная зона в бельэтаж, судя по остаткам срубленных деталей на восточном, обращенном в сад, фасаде, начиналась от открытой наружной парадной лестницей, ведущей в неглубокую лоджию (или глубокий портик), далее следовал вестибюль с центральным проходом в зал и боковыми проходами в примыкающие по бокам помещения, по сторонам центрального прохода располагались лестницы в нижний, технический, этаж и в антресоли, над вестибюлем находились хоры для музыкантов. Центральный зал, он назывался еще в XVIII в. «итальянским салоном», был двусветным,

перекрытым плафоном с реальным или нарисованным куполом по середине, в него выходили проемы боковых помещений. Боковые помещения, или крылья, по сторонам парадного зала для приемов были «в один свет», над ними располагались антресоли с жилыми покаями. Нижний этаж имел технический характер, здесь хранились столовые принадлежности и припасы. Архитектурный тип венецианской виллы в кривякинском доме был снаружи и внутри наряжен в декоративные одежды стиля барокко — очень редкое сочетание, аналогов которому трудно подыскать*. В завершении здания присутствовала обязательная для построек в стиле барокко балюстрада на крыше с вазами на постаментах (о них напоминают металлические штыри над западным портиком и свидетельство М.А. Ильина, заставшего укрепленные на них вазы, подобные, видимо, вазам на крыше Зимнего дворца в Петербурге). Писатель И.И. Лажечников, видевший кривякинский дом до его перестройки в 1820-х гг., упоминал о венчающем здание бельведере, что очень правдоподобно и соответствует архитектурной логике как палладианских вилл, так и (тем более) загородных домов на Петергофской дороге.

Автором проекта кривякинського дома был какой-то незаурядный, обладавший широкими познаниями, сведущий и смелый архитектор, знакомый с итальянской загородной и французской дворцовой архитектурой, имевший навык в применении декоративных форм стиля барокко, но в большей степени именно зодчий, нежели декоратор. Учитывая то обстоятельство, что проект должен был быть составлен в 1768-м или 1769 г., из всех обретавшихся в то время при петербургском Дворе архитекторов этим условиям точно отвечал лишь один — это Юрий Матвеевич Фельтен, который, как сказано о нем в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «получил архитектурное образование в Италии и Париже, служил в Конторе

* Уже после занятий строительной историей кривякинського дома мне пришлось по случаю заняться подмосковной тютчевской усадьбой Троицкое — Тёплый Стан. Выяснилось, что эта усадьба также была повторением прототипа на Петергофской дороге, причем господский дом в ней в стиле барокко по композиции и архитектурному решению был очень похож на дом в Кривякине. Дом в Троицком в редакции 1810-х гг. после продажи имения в 1830 г. был в точности повторен — отстроен в тютчевском Овстуге в начале 1830-х гг. по фиксационному (обмерному) чертежу; он хорошо известен по рисункам Драницына, Петерсона и Клевера, в семье Ф.И. Тютчева его так и называли — «наша подмосковная». Нынешний же дом в Овстуге — убогий новодел. Виды старого дома в Овстуге см. в альбоме «Имение Тютчевых в Овстуге» (Брянск, 2003. Обложка и с. 5, 11, 17.)

строения дворцов и садов Ее Величества и состоял при гр. Растрелли помощником по сооружению Зимнего дворца»**.

До своей коренной перестройки в 1820-х гг. кривякинский дом имел некоторые не очень значительные переделки при единственном за этот период владельце, активно пользовавшемся домом, — губернаторе Н. В. Обрезкове. Именно при нем около 1810 г. первоначальные лучковой формы перемычки проемов были изменены на прямые (следы этого можно видеть в закладке дверного проема в юго-восточном помещении бельэтажа), а в нижнем этаже оконные и дверные проемы были расширены и оформлены белокаменным рустом (позднее срубленным) в так называемом «елисаветинском стиле» (это английский вариант архитектуры эпохи Возрождения). Эти переделки были совершенно во вкусе хозяина, известного англомана.

Реконструкция кривякинского дома при Курманалеевой может быть четко датирована. Имение было приобретено ею зимой 1824 г., а въехала она в кривякинский дом на жительство к лету 1827 г., когда не только все строительные, но и значительная часть отделочных работ должны были быть завершены. Из этого следует, что реконструкция дома была начата в 1824 г. (разборка ветхостей и консервация сохраняемого), продолжена в 1825-м (основные строительные работы) и 1826-м (отделочные работы внутри и снаружи, устройство печей, лестниц и т. д.). В 1827–1828 гг. были возведены флигели и устроены галереи, соединившие флигели с главным домом. Все строительные изменения этих лет «маркированы» применением кирпича характерного для этого времени формата и столь же характерного раствора.

Натурное изучение памятника показывает, что в это время были разобраны до фундамента и сложены заново стены боковых крыльев, разобраны портик-лоджия на восточном (садовом) фасаде с ведущей в него лестницей (или лестницами; для уточнения этих деталей нужны археологические вскрытия***), нижний этаж получил совершенно новую планировку, антресоли над боковыми крыльями не восстанавливались, вместо них для жилых покоев был устроен мезонин в уровень прежних хор, при этом двусветный зал был превращен в односветную гостиную, а в боковых стенах мезонина пробили

** Ю. М. Фельтен после Б. Растрелли в 1760-х гг. состоял в должности главного архитектора императорского двора, и застройка вдоль Петергофской дороги находилась в его ведении. В 1770-м или 1771 г. его сменил в этой должности И. Е. Старов, привезший из Парижа новую архитектурную моду.

*** Ближайший аналог — дом в тютчевском Троицком, повторенный в Овстуге, имел лестницы-пандусы, как то изображено на карандашном рисунке-наброске Петерсона.

дополнительные окна, поскольку большой вынос портика и карниза затемнял помещение, вход и лестницу в бельэтаж устроили со двора, в юго-восточном крыле, придав ей не парадный, а чисто утилитарный характер (ее устройство отражено на обмерных чертежах 1920-х гг.)^{*} Снаружи здание отделали «по-городскому», украсив только главный, «уличный», фасад междуэтажным карнизом (с характерным заворотом на боковые фасады) и трехчастными окнами в боковых крыльях, фланкирующими сохранный старый портик, другие фасады были оставлены вовсе без архитектурной обработки, как это делалось в городских усадьбах средней руки в послепожарной Москве. В целом здание получило в своих обновленных частях невыразительный облик заурядной городской усадьбы, «дома с мезонином».

Важно отметить, что в результате реконструкции 1820-х гг. кривякинский дом был оставлен без композиционного завершения. Оно было чисто техническим (четырёхскатная кровля невысокого подъема на вновь образованном мезонине), и облик дома оказался архитектурно не завершен, как будто бы дом был недостроен и законсервирован на время (может быть, так оно и было, поскольку на кровле мезонина не было сделано слуховых окон). Отсутствие венчающих форм сообщили зданию образ «объекта незавершенного строительства», архитектурную ущербность, особенно заметную со стороны паркового фасада, с дальних точек обзора. Скорее всего, хозяйка не рассчитывала, что масштаб переделок будет столь значительным, и была вынуждена экономить на «архитектуре» и наружной отделке дома. Характерными чертами переделок 1820-х гг. были утилитарность, обустройство дома для постоянного, круглогодичного проживания старухи-помещицы. Собственно говоря, она, может быть, и думала зажить в своей подмосковной красивой и respectable, чем в московском доме, но подрядчики и советчики-консультанты ее явно обобрали, и дело кончилось тем, что она перенесла в Кривякино нехитрую московскую обстановку скромной и замкнутой жизни пережившего свой век человека. И дом принял характер своей хозяйки, в котором только уцелевшая центральная часть прежнего роскошного фасада напоминала о былом великолепии.

Переделки, постигшие дом при следующем владельце, Н. И. Лажечникове (а они, конечно же, были), малозаметны, поскольку ха-

^{*} По месту в стандартной планировочной и функциональной структуре жилого дома входная зона с лестницей в Кривякине отвечала *черному ходу*, т. е. ходу с черного крыльца на женскую половину дома в небогатых городских «домах с мезонином». Отсутствие в Кривякине при Курманалеевой парадного крыльца (и собственно «парадной»), ведущих на мужскую половину, очень красноречиво: это *вдовий дом*.

Оформление оконного проема нижнего этажа на главном фасаде

рактир использования дома был близок предыдущему периоду, но одна деталь несомненна – это устройство балкона на месте лоджии, с маркизой над ним, как это вошло в моду в 1850-х гг.** Сохранились отчетливые следы устройства этого балкона на деревянных балках (гнезда в восточной стене), опертых на деревянные столбы (их следы были открыты археологом Л. Е. Хворостовой при вскрытии фундамента стены первоначальной лоджии). Такой балкон – примета приезжающих в летний сезон гостей, завтраков на веранде, напоенной утренним солнцем, и фэйф-о-клоков в прохладной тени. Может быть, именно на этом балконе, гостя у брата, сочинял старый писатель Лажечников свои романы о прошлом «Красного сельца», о «генерале Огрызкове» и барских затеях в его доме с бельведером, принятые потом легковверными читателями за автобиографические откровения из жизни самого писателя и реальную историю кривякинской усадьбы.

После 1858 г., как было сказано выше, жизнь в кривякинской усадьбе замерла на 30 лет, а сама усадьба обратилась в «недвижимый капитал»,

** Балконы, накрытые маркизами, были атрибутом наполеоновской «ранней Империи». Во времена Второй Империи и Луи Бонапарта это была еще и политическая мода.

Отделка потолка в гостиной

пока не попала в руки князей Ливен. При последних владельцах, Ливенах, кривякинскому дому постарались опять придать светскость и гостевую парадность: интерьеры были заново отделаны, устроена новая парадная лестница в бельэтаж, парадные комнаты обрели узнаваемое по виду назначение – столовая, гостиная, будуар и кабинет; были отделены помещения для прислуги. Наружная отделка была выполнена «в стиле» (обрамления окон на западном фасаде стилизованы под формы барокко, другие фасады также были несколько оживлены – междуэтажным карнизом и тянутыми наличниками проемов, углы рустованы, – всё, разумеется, дешево, в штукатурке, поскольку делали не для себя, а для неважных гостей или съемщиков). Балкон на восточном (садовом) фасаде ликвидировали, при этом пробили окна под ним, в нижнем этаже, для освоения темной ранее кладовой. Изменения этого строительного периода маркированы применением характерного кирпича индустриальной выделки. Последним, как кажется, изменением при Ливенах, произведенным уже в 1910-е гг., было устройство решетчатой металлической беседки под вьющиеся растения, ради которой пожертвовали центральным балконом в бельэтаже.

В советское время кривякинский дом в целом неплохо сохранялся и поддерживался, чему способствовали его статус охраняемого госу-

Камин в кабинете

дарством памятника и объекта экскурсий, а также «лажечниковская легенда», озвученная в печати еще в 1920-е гг., и характер использования памятника – размещение в доме образовательных учреждений. Некоторые переделки все же имели место, например, в конце 1930-х или в 1940-х гг. были растесаны окна в мезонине. Вместе с тем сохранности памятника весьма поспособствовало то, что для приспособления здания под детский сад около 1950 г. в нем был произведен ремонт с элементами реставрации (восстановлены растесанные оконные проемы в мезонине, возобновлен штукатурный декор, вычистлены карнизы, здание выкрашено охрой в духе классицизма, цветом выделены капители колонн). В последующие десятилетия здание благополучно поддерживалось в исправном состоянии стандартным текущим ремонтом, производимым пользователем.

В 1990-е и 2000-е гг. на памятнике несколько раз начиналось производство реставрационных работ – перелицовка кладки в нижнем ярусе, устройство нового цоколя, замена междуэтажного деревянного перекрытия на железобетонное и т. д. Работы производились без документации, так сказать, инициативно, без надлежащего исследования памятника и без утвержденной проектной документации на реставрацию и приспособление для последующего использования. Выведение здания из эксплуатации, неосмотрительно и поспешно

затеянная городскими властями реставрация памятника нанесли значительный ущерб его сохранности и быстро и неуклонно повели к дальнейшим разрушениям и аварийному состоянию здания. С 2007 г. судьбой и сохранением этого памятника занялось Министерство культуры Российской Федерации. Теперь кривякинский дом – уж точно «уходящая натура». Считаю, что ушедшая...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Экскурсии в подмосковные. План летних экскурсий на 1926 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1926. С. 15. Во время экскурсии, 4 июля 1926 года, была сделана известная фотография, находящаяся ныне в собрании ГИМа (отдел ИЗО, А–1027 [альбом Губарева]. Вид усадебного дома в Кривякине, фото 1926 г.)
- 2 [Ильин М. А.] Усадьба Кривякино // Материалы по истории русского искусства. Вып. 2. Искусство XVIII века / Под ред. проф. А. И. Некрасова. М., 1928. С. 13–14. Табл. IV–V.
- 3 ГИМ. Отдел письменных источников (ОПИ). Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 1218. Л. 19–20. (Паспорт на памятник архитектуры «Дом в усадьбе Кривякино».)
- 4 См., например: Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков / Сост. С. Б. Веселовский, Б. С. Земенков, В. М. Снегирев. М., 1962. С. 414–417.
- 5 Постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 4.12.1974 г. В 1969–1970 г. для усадьбы Кривякино была определена охранный зона в составе Генерального плана г. Воскресенска (Моспроект-3, арх. Г. К. Игнатьев, М. И. Домшак). В 1977 г. дом и усадьба в Кривякине были обследованы специалистами Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината по программе Свода памятников истории и культуры народов Российской Федерации, с составлением научно-учетной документации.
- 6 Памятники архитектуры Московской области. Иллюстрированный научный каталог / Под ред. Е. Н. Подъяпольской. Т. I. М., 1975. С. 49–50; То же. Второе изд. / Под общей ред. Е. Н. Подъяпольской. Вып. 1. М., 1998. С. 97–99.
- 7 РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 768. Экономические примечания к плану генерального межевания Коломенского уезда [по сведениям за 1768 год]. Л. 48 об.: «№ 373 по г. п. Особой жеребей пол-сельца Кривякина, Александра Гавриловича Замятина, Петра Никитича Павлова с прочими. Дворов 4. Господской дом деревянной. № 374 по г. п. Пол-сельцо Кривякино, Александра Гавриловича Замятина. Дворов 25. Дом господской деревянной и при нем сад регулярной с плодовитыми деревьями».

- 8 РГАДА. Ф. 1354. Оп. 254 (Коломенский уезд), «К-36к»: «Геометрический специальный план пол-сельца Кривякино, что ныне Красное, генерал-майора Александра Гавриловича Замятина. 427 десятин».
- 9 ЦИАМ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 11–11 об., 37–38: купчая (продажная запись) от 24 июля 1797 года на сельцо Кривякино, Коломенского уезда.
- 10 РГВИА. ВУА. № 18862. Ч. 6. Экономическое описание г. Коломны и его уезда, 1800 г. Л. 166. «№ 484. Пол-сельцо Красное, что прежде было Кривякино, коллежского асессора Николая Александровича Беклемишева. Дом господской каменной о двух этажах с деревянным строением. Сад ирегулярной с плодовитыми деревьями».
- 11 Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 254. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 714. Д. 1680. Л. 252–255: ведомость церкви святителя Иоанна Златоуста в селе Новлянском Бронницкого уезда за 1822 год.
- 12 ЦИАМ. Ф. 101. Оп. 4. Ед. хр. 69. Л. 4: купчая от 13 февраля 1824 года на сельцо Кривякино, Коломенского уезда.
- 13 РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Ед. хр. 781, 1829 г.: дело по прошению г-жи Курманалеевой о дозволении ей устройства домово́й церкви в сельце ее Кривякине Коломенского уезда. Л. 1–7 об.
- 14 Григорий, архимандрит. О домовых церквах Московской епархии // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1876. Кн. 3. Отд. V. С. 26.
- 15 Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. По официальным сведениям составил К. Нистрем. М., 1852. С. 537.
- 16 ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 9. Д. 91, (1900 г.). Л. 92–106 об.: купчие 1873 и 1888–1889 гг. на имения кн. А. П. Ливен Кривякино и Спасское. Там же. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 1096.: дело о возобновлении межевых признаков в даче сельца Кривякино графа С. В. Орлова-Давыдова.
- 17 Справочная книжка Московской губернии. (Описание уездов.) Составлена по официальным сведениям управляющим канцелярией московского губернатора А. П. Шрамченко. М., 1890. С. 116.
- 18 Ливен Андрей Александрович. Отечественная история // История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. III. М., 2000. С. 350.
- 19 ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 9. Д. 90 (1900 г.): дело о залоге имения кн. А. П. Ливен (в деле на листе 55 – план имения княгини А. П. Ливен [Кривякино, Спасское и Константиново], на листах 61–63 – описание строений к залoгу).
- 20 ЦИАМ. Ф. 303. Оп. 2. Д. 268: дело о страховании строений в имении кн. А. П. Ливен (в деле – страховой полис от 10 июня 1909 г., с планом расположения строений, описанием и оценкой).

А.А. Шмелёв

ПРИЮТИНО ОЛЕНИНЫХ.

К вопросу семантики подземных сооружений

С ад эпохи Просвещения был не просто уютным парком с «затейми», произведением ландшафтного искусства, но порой ф и -лософским садом в полном смысле этого слова. Пусть эта «игра в философа» была чаще всего позой, тем не менее, богатый вельможа Золотого усадебного века просто обязан был подобный сад иметь. Само созидание такого парка становилось совместным творчеством архитектора и владельца усадьбы. Впрочем, за «игру в философа» дворянина XVIII в. вряд ли стоит упрекать, ведь сама жизнь была театрализована, а театр становился продолжением повседневности.

И усадьба вельможи, и его дом, и парк призваны были показать не только богатство владельца. К концу XVIII в. «изысканная архитектура» становится показателем его вкуса, а сад (именно так упорно называли на Руси парки) должен был демонстрировать его философские мысли. «Образ сада в каждую эпоху нес в себе представления об окружающем мире, о месте человека в универсуме. В его концепции моделировались извечные отношения людей с Богом, природой, социумом, в нее были вписаны нравственные, социальные, эстетические идеалы своего времени, его связи с прошлым и будущим. Такого рода микромиром, расположенным не только в реальном, но и в художественно-культурном пространстве, был и сад эпохи Просвещения»¹. А вот другая характеристика, которая относится именно к русской усадьбе и подчеркивает роль владельца как творца «собственного мира»: «Усадьба – это организованный волей заказчика частный мир частного человека. Это программно внегосударственная архитектура, средство самовыражения личности, доступное ей пока только как частному лицу в сфере частного бытия»². Усадебный комплекс, таким образом, следует рассматривать как единый архитектурно-ландшафтный ансамбль, объединенный не только стилистически, но и благодаря вложенной в него программе, отражавшей философские взгляды его владельца.

Теперь перейдем непосредственно к интересующей нас усадьбе Приютино в окрестностях Петербурга и кратко опишем историю ее создания.

В 1795 г. Алексей Николаевич Оленин покупает у И. Э. Гертеля 776 дес. земли из его Рябовского поместья. Однако обустройство поместья шло неспешно. К 1798 г. в Приютино «были только деревянные строения и за рекой Лубьей на берегу ручья Глинского кирпичный завод. Он и обеспечил возведение многочисленных каменных построек, заменивших деревянные. В 1806 г. 5 сентября состоялся в усадьбе первый театрализованный сельский праздник... К этому времени основные строительные работы были завершены, в дальнейшем шло формирование парка, устройство подсобных заведений и т. д.

Композиционным узлом усадебного комплекса стала запруда на ручье Смольном, при впадении его в Лубью (Луппу), на которой, в свою очередь, подпором плотины устроили большой водоем — Глубную Лубью. В треугольнике, образованном междуречьем и почтовой дорогой из Петербурга, сосредоточились основные строения. Вдоль Лубьи протянули господский дом, параллельно ему поставили гостевой флигель, а между ними разбили зеленый партер. Этот парадный двор замыкали на востоке людская, кладовая и кухня, на западе он открывался на запруду Смольного ручья, по обоим сторонам которого разбили пейзажный парк, пересеченный в разных направлениях извилистыми дорожками... Большое внимание Оленины уделяли оранжереям и теплицам, укрывшимся в зелени парка»³.

Алексей Николаевич Оленин (1763–1843), владелец усадьбы Приютино, художник, археолог, знаток древности, покровитель талантов, был и прекрасным администратором. Он начинал военным, потом состоял чиновником Ассигнационного банка, Сената, Монетного двора, но главным делом его жизни стали Публичная библиотека и Академия художеств. В Новом энциклопедическом словаре издательства Брокгауза — Ефрона сообщалось, что А. Н. Оленин — писатель и государственный деятель, получил образование в Страсбургском университете и дрезденском артиллерийском училище, участвовал в шведской кампании 1789–1790 гг. и в действиях против польских конфедератов в 1792-м. При Павле I он был обер-прокурором в Сенате и директором школы титулярных юнкеров, учрежденной для образования юристов, в 1803-м был назначен товарищем министра делов, в 1811-м — директором Императорской Публичной библиотеки, а в 1817-м — Президентом Академии художеств. Как член Академии наук Оленин принимал участие в составлении славяно-русского словаря, который, по его мнению, должен был заключать в себе все решительно слова, не исключая даже «наречия простолюдинов». Разобрав надпись на знаменитом Тмутараканском камне и сделав ее критическую оценку, он положил начало русской палеографии. Написал немало статей и брошюр по археологическим изысканиям, изданных Археологическим обществом. Кроме того, Оленин

примыкал к партии Шишкова, был врагом галломанов и принимал деятельное участие в «Беседе любителей русского слова».

Супруга Алексея Николаевича, Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая, получила при вступлении в брак значительные средства в качестве приданого. На эти деньги в 1791–1793 гг. был построен трехэтажный дом на Фонтанке и приобретены земли Приютина. Однако строительство загородной резиденции Олениных затянулось – получается, что со времени приобретения поместья до 1806 г., когда строительные работы частично были закончены, прошло около десяти лет. По данным, которые приводятся в работах Н. В. Мурашовой и Л. П. Мыслиной, к этому году все усадебные постройки числились еще деревянными, но был выстроен кирпичный завод. В последующие годы каменные постройки, видимо, постепенно заменяли деревянные строения и продолжалось благоустройство парка. Возможно, это было связано с занятостью Оленина, а так же с тем, что гостеприимство и содержание салона в петербургском доме требовали и времени, и материальных затрат.

Несколько слов об архитекторе приютинского комплекса. Палладианские черты, в первую очередь в планировочных решениях, отдельные парковые павильоны усадьбы Оленина весьма близки архитектурному творчеству Н. А. Львова. Но Н. А. Львов в последние годы жизни работал вдали от Петербурга. Н. В. Мурашова отмечала: «Автором усадебного комплекса в Приютине предположительно можно назвать художника и архитектора И. А. Иванова, многолетнего помощника Львова... Он, как никто другой, проникся львовскими идеями. Жизнь Иванова была тесно связана с Олениным, профильный портрет которого художник сделал в 1805 году, потом работал в Публичной библиотеке; с приходом Оленина в Академию художеств Иванов стал руководителем архитектурного класса»⁴ Следует добавить, что кроме портрета Оленина сохранилась еще одна работа И. А. Иванова – акварель 1825 г. с изображением «большого усадебного двора» в Приютине. Таким образом, его участие в создании приютинского усадебного комплекса вполне вероятно.

Следует подчеркнуть, что упоминавшееся «палладианство» – не просто следование принципам архитектуры эпохи Возрождения, а продолжение и развитие философских идей уже на русской почве. Архитекторы-мasons Львов и Кваренги использовали «палладианство» для выражения глубоких философских идей, волновавших их современников.

Александр Николаевич Оленин – личность для своей эпохи выдающаяся, недаром государь император Александр I называл его «тысячеискусником» за обширные знания в самых различных областях. Естественно, что Оленин должен был изучать и философию, много-

гранно отражавшую духовные искания и попытки познания мира людьми той эпохи. Известно, что кроме прочих языков он изучил и иврит, вероятно для чтения не только Священного Писания, но и каббалистических книг в подлиннике. Таким образом, можно предполагать, что просвещенный вельможа воплотил в своей загородной резиденции совокупность своих философских взглядов – свой духовный концепт. Исследование усадебного комплекса Приютина, попытки оценить его архитектурные особенности и «прочитать программу» сада могут вылиться в работу, значительно превышающую по объему журнальную статью, поэтому в данной статье исследуются только подземные сооружения усадебного комплекса с учетом последних обнаруженных фактов.

Всего на территории парка находится три подземных сооружения. Начнем знакомство с подземным миром Приютина с самой дальней от усадебного дома парковой затеи, которая называется «кузница».

Само название сооружения говорит о многом, независимо от того, были ли «кузницы» подземными или надземными. М. В. Нащокина раскрывает семантику их следующим образом: «название <...> „кузница“ <...> говорило не об утилитарной функции этих сооружений, <...> а символически намекало на духовное преображение человека, т. е. имело сокровенный масонский смысл. Здесь в тайном братстве ложи природный человеческий материал перековывался в обработанный. Недаром само масонство нередко называли „моральной архитектурой“»⁵.

В случае, если кузница была еще и подземной, то это означало, возможно, кузницу Гефеста, Вулкана (Тувалкаина, Тубалкаина). Тувалкаин – персонаж масонской мифологии, молот которого помог Адонираму (Хираму, Хираму-Абифу) устранить последствия происков завистников при отливке медного бассейна при храме Соломона. Подземные кузницы были созданы масоном-розенкрейцером Н. А. Львовым. Одна из них сохранилась в его собственном поместье Никольское-Черенчицы. Наземная кузница дожила до наших дней в Семеновском-Отраде Орловых. В последние годы кузницу в Отраде трактуют в качестве масонского храма⁶.

Судя по чертежам, кузница в Приютине должна была находиться у самой воды таким образом, что фасад ее отражался в реке. В данном случае возможна параллель с гностической философией, согласно которой мир был создан Демиургом, который увидел в воде отражении Софии-мудрости. Кстати, Демиург в Греции – сельский кузнец. Как раз потому, что создатель мира – Демиург (Архонт) – только увидел отражение мудрости, но не познал ее, созданный им мир столь несовершенен.

Павильон Кузница. Фрагмент фасада. Фотография автора. 2008 г.

Подлинный подземный павильон приютинской кузницы не сохранился. Он реконструирован в 1970-е гг. по старинным чертежам. Это прямоугольное в плане сооружение, перекрытое коробовым сводом. Пластика его фасадов чрезвычайно любопытна. Для посвященного это «говорящая» архитектура глубокого семантического уровня. В данном случае применен прием, который использовал Н. А. Львов – противопоставление дикого и обработанного камня. Фасад фланкируют два нагромождения валунов, а кладка свода имеет три типа материала: верхний ряд – валуны, затем блоки плитняка, и, наконец, установленные торцом кирпичи. Блоки плитняка аналогичны тем, из которых выложен Грот Цереры (о нем несколько позже). Валуны символизируют непосвященных, блоки плитняка (частично обработанные камни) – «ищущих» свет масонского учения, или посвященных в начальные степени, кирпичи – это вольные каменщики более высоких степеней посвящения. Таким образом, выделена семантика строения как «кузницы кадров». Возможен и другой вариант толкования – пластика фасада демонстрирует степени, а точнее, глубину знакомства с основами философии, возможно, гностически-герметической.

Следующее сооружение представляет собой один из самых изящных парковых павильонов, сохранившихся до наших дней. Тип этого сооружения определится как «храм Цереры»⁷. Официальное название павильона – Молочня. Данное строение имеет два уровня: наземный – сам храм, и подземный – круглый купольный зал. Остановиться на данном сооружении следует не только благодаря его

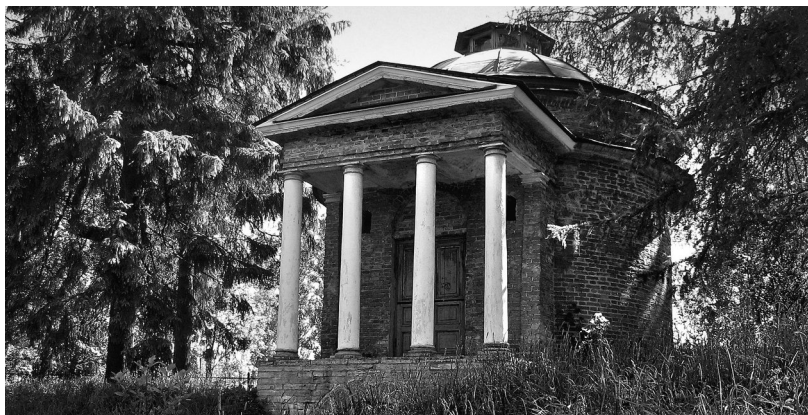
изысканным пропорциям и ордерной системе. Сделаем попытку раскрыть полисемантический характер данной постройки.

Оценивая значение «парковой затеи», чаще всего на официальное название ориентироваться не стоит. Правда, иногда на значение павильона намекало и официальное название, в которое входило слово «храм» – храм Дружбы, храм Добродетели, храм Венеры и т. д. Постройка в Приютино относится к типу зданий «храм Деметры-Цереры». Подобные сооружения представляли собой:

1) купольную беседку (вариант: «открытый храм Цереры»). Круглый храм без целлы (моноптер). Иногда подобный «открытый храм» включен в объем прямоугольного паркового павильона (Концертный зал в Царском Селе, Павильон под флагом Елагиноостровского дворца);

2) эсседру (Никольское Демидовых, Темплюм, Павильон Орла в Гатчине);

3) тип храма с целлой (так называют данные строения Н. В. Мурашова – «Моноптер с целлой», по сути, это камерный толос) – приютинский вариант. В окрестностях Петербурга такие сооружения не сохранились (близкий по типу Храм Дружбы в Павловске). Однако, судя по иконографическим материалам, данный тип сооружения был распространен повсеместно, начиная с английских пейзажных парков (Стоу, Чезвик и др.), кончая Польшей и Россией. К данному типу относятся Храм Дружбы в Савинском Лопухина, «Киндяковская беседка» в усадьбе Винновка под Симбирском⁸, Пантеон в Добжице, Святилище Дианы в Аркадии Хелены Радзивилл, павильоны в Смелова, Любостроня и другие.

Павильон Молочня, или Храм Цереры. Фотография автора. 2008 г.

По своему назначению Храм Цереры третьего типа представлял собой масонский храм так называемого голубого иоанновского масонства, или в общей концепции иоанновских степеней – храм Соломона. Во времена создания усадебного комплекса Приютин иоанновское масонство с тремя степенями посвящения (ученик, подмастерье, мастер) представляло собой начало любой из существовавших тогда в России масонских систем. Именно такое сооружение вышивали на масонских фартуках как изображение орденового храма.

Совершенные пропорции античного святилища выделяют данную постройку среди всех приютинских сооружений. Со стороны реки видно, что здание установлено над гротом-пещерой. Внутри грота находится небольшое круглое купольное помещение. Пол выложен булыжником, то есть необработанным камнем, что означало профана, или непосвященного. Приютинский подземный микрозал весьма близок к такому же в Павильоне под флагом, который создавался во времена И. П. Елагина, великого провинциального мастера английского масонства, близок к более крупному залу в цокольном этаже Таицкого дворца, а также к подземному залу под правой башней дома Теплова в Полюстрове. Перечисленные залы имеют следующую особенность: низкий купольный потолок нависает над головой, как бы придавливая человека к земле. Данная особенность подчеркнута в Приютине, где свод очень низкий, в полном смысле слова давящий.

Над гротом возвышается храм-ротонда. Четырехколонный портик тосканского ордера возвышается над серым таинственным гротом. Портик подчеркивал значение числа 4, которому со времен

Вход в подземный зал. Фотография автора. 2008 г.

античных философов, а затем и в эпоху Возрождения придавался особый сакральный смысл. Пико делла Мирандола называл это число *tetractus*, «то есть четвертица, которой Пифагор клялся, и которую называл первоначалом природы, находящейся в постоянном течении»⁹. Данное изречение особенно уместно в отношении приютинского храма, побеленные колонны которого, как и всё строение, отражались в речной воде.

Вольные каменщики придавали особое значение архитектурным ордерам. Дорический – сила, коринфский – красота, ионический – мудрость. В данном случае тосканский ордер, близкий дорическому, выражает силу, а количество колонн соответствует одному из каббалистических значений числа 4 (сила, власть)⁹. Павильон не имеет окон и освещается через фонарь в куполе, по принципу Храма Дружбы в Павловске.

Храм, установленный над подземным сооружением, имел сложную многоуровневую семантику. «Действительно, всего два элемента: „беседка“ и „грот“, а между ними – напряженное семантическое поле с исключительной глубиной умопостигаемой философской концепции»¹⁰. Это не просто красивая фраза. Многослойная и насыщенная семантика грота значительно расширяется и усложняется в сочетании грот – храм. Значение подобного сооружения отражало, вероятно, не один, а несколько духовных концептов, и описание подобного феномена – материал отдельной работы. Остановимся только на одном из основных концептов подобного комплекса, который выражают определенные семантические ряды.

Культ Деметры – Цереры породил элевсинские мистерии (цереалии у римлян). Они устраивались когда-то в греческой местности Элевсин и привлекали тысячи людей. Согласно легенде, прекрасная дочь Деметры Персефона (у римлян – дочь Цереры Прозерпина) была похищена властителем подземного царства. В контексте мифа семантика грота и реки двойственна. Грот, «вне зависимости от его местоположения и устройства... мог с одинаковым успехом символизировать и „Грот Прозерпины“ в саду его матери Цереры, и ворота в Аид – подземное царство Плутона»¹¹. А река могла означать и благодатные сады Цереры, где жила Прозерпина до ее похищения, где вода питала цветущую долину, и мрачную подземную реку Стикс, которая отделяла мир живых от мира мертвых. Храм выражал «Триумф Цереры», богини плодородия, добившейся у богов пусть временного, но все-таки возвращения своей дочери на землю, а также тайные знания Прозерпины, полученные ею в подземном царстве мертвых. Для масонов античные боги и герои, побывавшие в подземном царстве, были особо почитаемы. Среди них выделялась Прозерпина, так как, «управляя обитателями „царства теней“, она искусно регулировала потаенные инстинкты несовершенных душ,

способствуя их совершенствованию, и готовя к череде дальнейших новых возрождений»¹².

Запрещенные христианством элевсинские мистерии возродились в виде «мистерий Цереры» в иоанновском масонстве. Сохранились сведения о театрализованных постановках в Приютине. Предположительно также театрализовано, ярко и в особо значимом контексте выглядели и мистерии Цереры. К сожалению, точного описания мистерий у русских масонов автору найти пока не удалось. Из-за окружавшей их таинственности и запретов разглашения у масонов, в настоящее время удалось обнаружить лишь отрывочные описания масонской мистерии в Авдотьино-Тихвинском Новикова и множество отличающихся друг от друга кратких описаний мистерий данного типа у различных авторов. Однако несомненно, что мистерии Цереры в масонской обрядности участвовали. Это отмечено и в документах вольных каменщиков XVIII века¹³. Получив описание ритуала мистерии, мы могли бы понять конструктивные особенности целого ряда парковых сооружений и прочитать полностью их семантику. Согласно описанию мистерий Цереры у Э. Шюре¹⁴, герольд в одежде Гермеса провожал участников в Храм, где проходило посвящение, а завершался ритуал театрализованным представлением похищения Прозерпины, в котором представлялось ее «нисхождение» в подземное царство Плутона. Описание относится к так называемой «Малой мистерии». Во время «Великой мистерии» происходил обратный процесс – яркое театрализованное возвращение Прозерпины на землю из подземного царства. Таким образом, можно предполагать, что как наземная, так и подземная часть приютинского «храма» могли использоваться при постановке мистерий.

Наконец, следует уточнить самое скрытое от непосвященных значение Храма Цереры приютинского типа. Для масонов самым главным было то, что подобное строение олицетворяло храм Соломона или храм Иоанна Крестителя – покровителя «голубого», английского масонства. Таким образом, купольное здание с порталом символизировало орденский храм, в котором собирались адепты английских лож, в нем же проходило посвящение в иоанновские степени¹⁵. Семантический ряд назначений павильона мог выглядеть так: Молочия – официальное назначение, Храм Цереры – скрытое, Храм Иоанна Крестителя (орденский храм) – тайное.

Во времена А. Н. Оленина существовали две довольно скромные деревянные пристани на берегу запруженного ручья. Одна из них находилась недалеко от солнечных часов, другая – на противоположном берегу у подземелья Храма Цереры. Кликнув дворового мужичка, который, сам того не ведая, становился Хароном подземного царства, вы переправлялись через Стикс и оказывались у входа в мрачный Аид.

Этому значению могло соответствовать и использование подземелья как мавзолея-усыпальницы — тогда грот превращался не в символическое, а в реальное «царство мертвых» (подмосковное Суханово, Аксиньено Давыдовых в Тульской области).

Следует подчеркнуть еще одну особенность павильона в Приюти-не. Его окружают три стихии — вода, земля и воздух. Но прежде присутствовала и четвертая стихия — огонь. На фасаде сохранились две ниши. Они фланкируют вход и расположены на высоте поднятой руки. Обе ниши использовались для выхода дымохода печей, причем одна находилась в павильоне, а вторая в подземелье. Дымовые трубы, таким образом, отсутствовали. Возможность зажигать светильники в нишах еще раз подчеркивала значение здания. Особенный, сакральный характер храма выделялся в сумерках, когда горящие в нишах огни (значение числа 2) отражались в водной глади и, призывая к познанию древней тайной мудрости, подчеркивали семантику данного уголка парка. В Аркадии Радзивилл священный огонь горел в самом храме на «древнем» алтаре. Его охраняли скульптуры весталок. Горел огонь и в крипте храма в Пулавах...

Сохранилось свидетельство, что Молочня использовалась для производства сливок и, видимо, творога; в ней была установлена русская печь. На основании исследования здания с высокой вероятностью можно предполагать, что это происходило в более поздний период существования постройки. Несмотря на реставрационные вставки нового кирпича в подземном микрозале, до сих пор видно, что первоначально в его своде существовало круглое отверстие, соединявшее подземное пространство павильона с залом в цилиндре — целлой. Проще говоря, благодаря круглой дыре в полу, значительной по размерам, здание вряд ли могло использоваться в утилитарных целях. Наличие старого закопченного дымохода в подземном уровне указывает на то, что он также отапливался. Круглое отверстие заложено старинным кирпичом, таким образом, микрозал приобрел законченную купольную форму. Подобную конструктивную особенность — объединение уровней здания при помощи круглого отверстия — отмечает М. В. Нащокина в погребках масонских садов, предполагая культовое назначение подобных сооружений¹⁶. Конструктивные особенности павильона, в частности сложная система дымоходов, также позволяют предположить особый характер данного строения. На чертеже указана печь, причем в зал павильона выходит само зеркало печи, возможно, топка находилась снаружи, чтобы истопники не заходили внутрь здания.

Нам осталось познакомиться с последним парковым павильоном Приютина, расположенным в непосредственной близости от усадебного дома. Это также двухуровневая постройка. Наземная часть

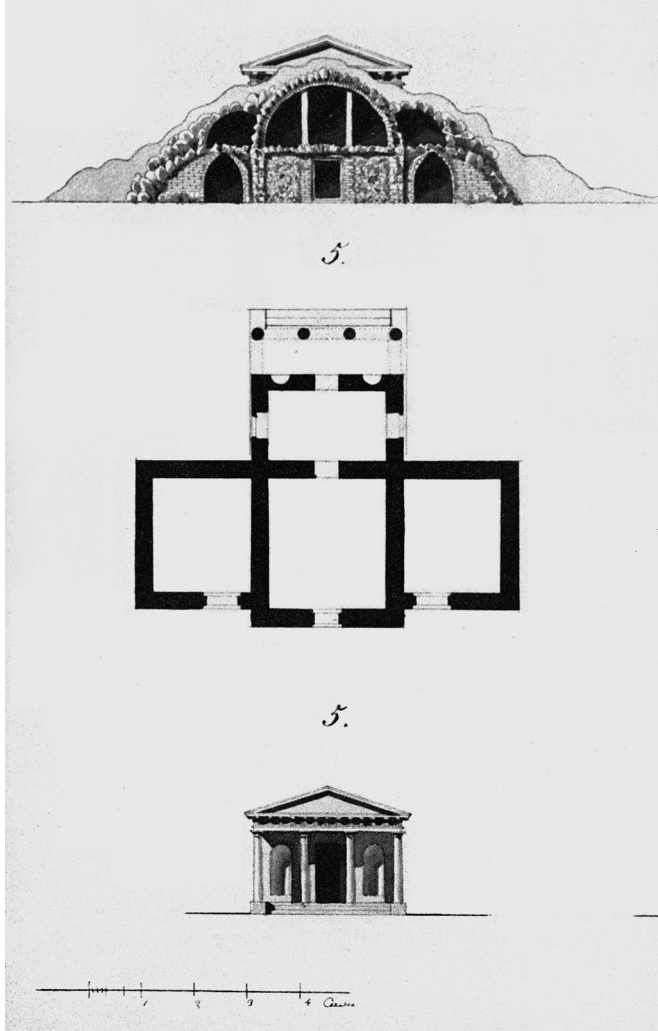

Круглый проем в куполе подземного зала, заложенный старинным кирпичом. Фотография автора. 2008 г.

представлена прямоугольным в плане павильоном, который имел со стороны двора четырехколонный портик. Он не сохранился, да и само здание перестроено. Утраченная ордерная композиция подчеркивала «храмовость» данного павильона, при этом крыша его была крыта соломой. В акте на продажу это сооружение описано следующим образом: «Погреба винный, для кореньев и людской каменные со сводами, в горе, покрыты земляным дерном; сверх оных по середине кладовая каменная же, перегороджена на два отделения, в 1-м печка с чугунною плитою, в ней три окошка, двои двери, покрыта соломою; с одной стороны фронтоны с четырьмя деревянными колоннами, поставленными на плитном каменном пироне...»¹⁷ Таким образом, небольшое здание представляло собой постройку над погребями, крытую соломой, но с колонным портиком. В настоящее время кровля железная, а портик отсутствует. Данное сооружение не типично для парков эпохи Просвещения, так как объединяло в себе два типа построек: храм и хижину. В данном случае возник уникальный Храм под соломой. Поэт Капнист, близкий знакомый Оленина, правда, в отношении своего усадебного дома, писал:

Приютный дом мой под соломой,
По мне, — не низок, не высок;
Для дружбы есть в нем уголок
А к двери, знатным незнакомой
Забыла лень прибить замок.

Винный Погребъ.

Винный погреб. Чертеж павильона

Как уместны эти строки в отношении «кладовых» в Приютине. Возможно, и само название мызы связано с этим стихотворением. Соломенная кровля подчеркивала столь популярную в духовной жизни общества того времени символику сельского жилья, а колонный портик выделял постройку даже относительно усадебных домов, придавая ей особое «храмовое» значение. Ордерная композиция здания была обращена к усадебному двору. Возможно, Храм под соломой – символ «познания натуры», т. е. натурфилософии. Впрочем, это нельзя считать единственно достоверным, значений у подобного сооружения может быть множество. Понять и прочитать семантику павильона можно лишь при обнаружении «подсказки» со стороны владельца усадьбы, которая пока не была обнаружена.

Фасад храма со стороны реки следует рассмотреть подробнее. В настоящее время он в значительной степени разрушен и имеет следы грубых перестроек. Но на чертежах видно, что данный фасад представлял собой двухъярусную конструкцию. Верхний ярус был представлен трехарочной галереей, в нижнем находились три двери, ведущие в погреба: центральная прямоугольной формы и две стрельчатые. Рисунок фасада на чертеже имеет сходство с «кузницей» Н. А. Львова в Никольском-Черенчицах. Семантика всего сооружения чрезвычайно сложна в прочтении из-за исключительной насыщенности символикой. Храм, покрытый соломой, с нарочито грубой галереей из валунов и тремя (!) подземными сооружениями. Склон к реке Лубья на данном участке продолжается небольшой террасой, скорее всего, насыпной. В настоящее время сохранилась стена со входами, выложенная из кирпича с отдельными валунами в основании. Согласно чертежам, наиболее важными в этом фасаде были числа 3 и 2. Значение числа 3 (тернера) – божественная натура, плод, рождение (особенно ярко сакральная символика тернера выражена в картине Боттичелли «Рождение Венеры»). Рождение – одно из основных значений. Число 2 означало познание. Таким образом, философская прогулка должна была начинаться здесь, около усадебного дома, символическим рождением натурфилософа. Тернеру же соответствовала и геометрическая фигура треугольника.

Последние натурные исследования подземных сооружений под данным павильоном автором позволили если не раскрыть семантику полностью, то несколько приблизиться к пониманию значения этого сооружения в целом.

«Подвалы» представляют собой систему из трех гrotтов, которые были связаны между собой, и два из них – крайние – имели квадратные люки в своде, что связывало гrotты и верхнюю галерею. Все три гrotта перекрыты коробовым сводом с достаточно низко расположенной пятой, что также порождает определенный «давящий» эффект

данных сооружений. Проемы, соединяющие гроты между собой, заложены старинным кирпичом, что свидетельствует о том, что на определенном этапе данные сооружения перестраивались и приобрели утилитарный характер. Таким же образом был заложен один из люков в кровле. Речь идет о гротах, так как в настоящее время наличие стен со стороны реки не читается. Сейчас они сформированы современным кирпичом, и только в центральном гроте обнаружены кованые скобы, возможно, для крепления деревянной перегородки.

Центральный грот был двухкамерным: за первым помещением следовал собственно подвал, который закрывался массивной железной или чугунной дверью, и был весьма небольшим по площади. В первой камере центрального грота обнаружен старинный закопченный дымоход. Правый грот, вероятно, в старину не штукатурился, а имел кирпичные стены с валунной кладкой в основании. Как уже упоминалось, проем в сторону центрального грота замурован, как и люк в своде. Левый грот имеет сохранившийся верхний люк при заложенном проеме в сторону центрального грота. Стены данного сооружения были сплошь покрыты плоским рельефом, который продавлен или прочерчен по старинной известковой штукатурке. Рисунок рельефов весьма своеобразен — это как будто завихрения, некие неудержимые потоки, которые извиваются, клубятся, разбегаются по стенам грота. В вихревых потоках прослеживается повторяющийся многократно символический круг с точкой в середине. Когда-то стены и свод грота были полностью покрыты данной штукатуркой, в

*Грот Земли. Слева — замурованный проем в центральный грот.
Фотография автора. 2008 г.*

Грот Воды. Узоры и символ. Фотография автора. 2008 г.

настоящее время значительная ее часть утрачена, но и в имеющихся фрагментах круг повторяется многократно, причем в одном месте объединены 4 кружка. На противоположной от входа стене можно предположить наличие другого знака – соединения круга и полуциркульной фигуры. Особенно эффектно рельефная штукатурка выглядит при боковом освещении, когда создается в полном смысле фантастический эффект. Рельеф в глубине был более темным, а по верху открашен меловой краской светло-голубого цвета.

Оценивая полученные данные в совокупности, мы можем полагать, что все три подземных помещения являлись первоначально декоративно-символическими сооружениями типа «грот»; они имели свободные или частично перекрытые валунной кладкой арочные проемы, и только центральное подземелье – двухкамерное – имело подвал за массивной металлической дверью. Если предположить, что грот с рельефной штукатуркой символизировал водную стихию (потoki, светло-голубой цвет), то центральный грот с дымоходом, возможно, был святилищем огня, а следующий – гротом земли. Люки, соединявшие гроты с верхней галереей, возможно, символизировали союз трех стихий с четвертой – воздухом.

Сохранившиеся символы в «гроте воды» имеют следующее значение: круг с точкой или маленьким кружком в центре – алхимический символ золота, солнца. Так же обозначался адепт вольных каменщиков. Вероятно, данная символика в отношении человека как философа, посвященного, идет еще со времен Т. Кампанеллы, именно так он обозначал главных жрецов в «Городе Солнца». Символ на противоположной стене имеет несколько значений и не может быть четко истолкован. Таким образом, можно предположить, что все

Рельеф при боковом освещении. Фотография автора. 2008 г.

сооружения в целом – и Храм под соломой, и гроты – имели отношение к четырем стихиям: воде, огню, земле и воздуху.

Остается открытым вопрос: мог ли использоваться данный храм для масонских мистерий, в частности, для обрядов посвящения в более высокие степени? Сама конструкция сооружения, вероятно, предусматривала движение по подземному уровню и возможность подъема через люки на поверхность в пространство галереи. Таким образом получался если не замкнутый круг, то скорее петля – через Храм под соломой на галерею, затем спуск в грот Воды, движение под землей, подъем снова на галерею в гроте Земли и возвращение в

Люк из Грота Воды в галерею. На первом плане А. А. Шмелёв. 2008 г.

наземный храм. К сожалению, значительная перестройка наземной части павильона и частичная переделка гротов не дают нам веских оснований для положительного ответа на этот вопрос.

В заключение следует отметить, насколько важным для исследователя русской усадьбы является самый тщательный осмотр подземных сооружений. По сути, усадебный комплекс имеет три уровня: высотный (насыпные горы, возвышенности и обзорные точки усадебных строений), наземный, на котором и расположена основная часть парка, и подземный – мир сумеречного света, мрака, крошечной тьмы – космоса древних. Именно в контрасте и противопоставлении этих трех миров и следовало познание мира философом эпохи Просвещения.

Творцы усадебных комплексов оставили нам в наследство поистине удивительный, многообразный и многозначительный мир, по-прежнему загадочный феномен русской усадьбы века философов, в причудливом смешении добра и зла, света и тьмы, прошлого и будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Свирида И. И. Сады века философов в Польше. М., 1994. С. 5.
- 2 Кириченко И. Е. Семантика, стиль и планировка усадеб второй половины XVIII в. в России // Архитектура русской усадьбы / Ред. Н. Ф. Гуляницкий. М., 1998. С. 224.
- 3 Мурашова Н. В. Сто дворянских усадеб Санкт-Петербургской губернии. СПб., 2005. С. 256.
- 4 Мурашова Н. В. Указ. соч. С. 259.
- 5 Нащокина М. В. Русский масонский сад // Русская усадьба. Вып. 12. М., 2007. С. 514.
- 6 Там же. С. 513.
- 7 Перфильева Л. А. В «Пространстве Цереры»: «Виртуальные сады» в реальной жизни и литературе первой трети 19 в. // Русская усадьба. Вып. 8. М., 2002.
- 8 Первая купольная ротонда как масонский храм описана в статье В. В. Сахарова «К истории масонского храма» (Русская усадьба. Вып. 5. М., 1999).
- 9 Кроме тетрактуса Мирандолы, в русской философии конца XVIII в. появляется достаточно любопытная трактовка числа 4, связанная со значением стихий. Она имеет алхимическую окраску. Так, в данной концепции каждая из четырех стихий включает саму себя и три остальные стихии. Таким образом, вода – это вода + земля + воздух + огонь. // См.: Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Подготовка текстов, вступ. статья Т. В. Артемьевой. СПб., 1996. С. 128.
- 10 Перфильева Л. А. Указ. соч. С. 86.

- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 88.
- 13 «Происхождение вольно-каменщицких символов, обрядов или таинств, должно в древних сектах, кои суть:
...Праздник греческий в честь Цереры в Елевзисе, городе аттическом.
Великий Праздник греков в Платее в честь Юпитеру Елевфериусу или покровителю вольности». См.: Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М., 2000. С. 176.
- 14 Шюрэ Э. Великие посвященные. Очерки эзотеризма религии. М., 1999. С. 328.
- 15 Благодаря запискам Арсеньева известно, что именно парковые павильоны продолжали использоваться по своему назначению как орденские храмы даже после запретов масонства в 1822-м и в 1826 гг. См.: Арсеньев В. С. Воспоминания и дневник. СПб., 2005. С. 147.
- 16 Нащокина М. В. Указ. соч. С. 505–508.
- 17 Агамаян Л. Г. Сад мызы Приютино // Русская усадьба. Вып. 8. М., 2002. С. 114.

А.В. Спарышкина

УСАДЬБА ЛЫТКАРИНО.
Отражение итальянской жизни

ПЕРВОЕ письменное упоминание о Лыткарине относится к 1429 г. Некая инокиня Марфа передала Чудову монастырю на поминование душ своих родственников небольшое сельцо с одноименным названием. В собственности монастыря Лыткарино находилось более 200 лет. Затем в 1702 г. сельцо, состоявшее из пяти крестьянских и бобыльских домов, было «безденежно» пожаловано Петром I своему учителю Никите Моисеевичу Зотову. Семейство Зотовых обустроивало свою усадьбу, и к 1773 г. она имела вид, описанный в Экономических примечаниях: «Господский дом деревянный и при нем сад регулярный с плодovitыми деревьями. Плоды и рыба употребляются для господского расхода. Земля пешаная. Крестьяне состоят на господской работе, промышляют хлебопашеством. Деланием и продажею больших мельничных и крушных жерновов и брусков для точения кос и ножей. А женщины прядут лен и шерсть, ткнут полотна и сукна для своего употребления».

Потомок Никиты Зотова, Николай Иванович Зотов, держал контору по добыче и обработке камня песчаника, называемого «диким», или «дикарем». В газете «Московские губернские новости» за 1843 г. написано: «В столичном городе Москве вместо безобразных кирпичных, тротуары велено устраивать из плит дикого камня, добываемых в разработках... в селе Лыткарино, принадлежащем его сиятельству, графу Н. И. Зотову».

Согласно преданию, дочь графа Елизавета Николаевна любила Лыткарино, где прошли ее детские годы. Он была хорошо образована, «высоких достоинств», от матери Елены Алексеевны Куракиной и бабушки Натальи Ивановны Головиной унаследовала прекрасный художественный вкус. В 1825 г. она, фрейлина двора Их Императорских Величеств, вышла замуж за молодого, красивого и преуспевающего офицера Александра Ивановича Чернышева. В Санкт-Петербурге дом четы Чернышевых на Малой Морской улице пользовался известностью в высших кругах. Его обитатели и гости составляли довольно закрытое и недоступное общество, гостиная

А. И. Чернышев и Е. Н. Чернышева

«считалась одной из самых неприступных в Петербурге». Своих дочерей – Елизавету, Александру и Марию – Е. Н. Чернышева воспитывала «как великих княжон», наделив их высокими нравственными качествами и хорошим образованием. В 1850 г. она была награждена орденом Святой Екатерины I класса за заслуги своего именитого супруга. В 1857 г. свои подмосковные владения княгиня Чернышева расширила, «прикупив» соседнее с Лыткариным село Петровское, где с особым тщанием обустраивала местный храм святых апостолов Петра и Павла. В этом же храме в 1857 г. ею была устроена семейная усыпальница Зотовых-Чернышевых, в которой обрели покой все члены знатного семейства.

Последней владелицей усадьбы Лыткарино была младшая дочь супругов Чернышевых – Мария. С ее именем связана перестройка родительского дома, которая состоялась в 1880 г. Об этом событии до сих пор свидетельствует сохранившаяся памятная плита со стороны восточного фасада барского особняка.

Мария родилась в 1849 г. и была поздним и последним ребенком в семье. Ее старшие сестры, Александра и Елизавета, имели богатое наследство и были прекрасно устроены, связав свой род с другими знатными фамилиями: Белосельскими-Белозерскими и Барятинскими. Мария составляла «предмет особенной заботливости» ее родителей. В отношении ее Елизавета Николаевна Чернышева в духовном завещании сделала наиболее значительные распоряжения. Да и сам светлейший князь Александр Иванович Чернышев проявлял

М. А. Чернышева

заботу о младшей наследнице, был «всегда ею весьма озабоченный, не успев перед кончиною обеспечить ее судьбу».

В 1872 г. после кончины матери Мария Чернышева наследует «господский дом... с усадьбою и садом в селе Лыткарино Бронницкого уезда», а также становится обладательницей крупного денежного капитала, получаемого от доходов другого имения в Ярославской губернии. Для молодой княжны была дополнительно определена сумма «для свадебных или других расходов» с целью «обеспечения ее участи». Кроме значительных капиталов Елизавета Николаевна позаботилась и о высочайшем покровительстве для своей младшей дочери в лице самого императора «в память покойного мужа, преданнейшего из его подданных».

Но молодая «княжна Чернышева

проживала обыкновенно в Риме», хотя и не оставляла без внимания своей подмосковной усадьбы, куда приезжала каждый год на Яблочный Спас.

Известно, что с Италией у Чернышевых было связано многое: семейство лечилось ее целебными водами, отдыхало на курортах, насыщалось солнечным чистейшим воздухом. В Риме проживали мать Марии и ее сестра Елизавета Александровна Барятинская, наслаждаясь «спокойной и разнообразной, тихой, но без скуки, и наполненной, но не утомительной» жизнью города. В 1872 г., оставив последние распоряжения, умерла Е. Н. Чернышева, и настоятель Императорской посольской церкви в Риме архимандрит Александр (Андрей Кульчицкий) был одним из трех свидетелей этого печального события. В Италии, в приморском городе Каstellамаре-ди-Стабия, провел свои последние дни светлейший князь А. И. Чернышев. Сама Мария Чернышева в конце своей жизни сделала важное завещание о передаче своего дома в пользу Русской православной церкви в Риме, навечно связав себя с древним городом. В 1919 г. она скончалась в итальянской столице и была похоронена на некатолическом кладбище Тестаччо.

ДОМ В РИМЕ

В середине XIX в. на северо-восточной окраине Рима только начиналась разработка новых участков земли под строительство жилых кварталов. «Вся эта часть города, древний Виминал и склоны Эсквилина и Квиринала, занята новыми кварталами, построенными в семидесятых – восьмидесятых годах, ради желания сделать Рим похожим на другие европейские столицы. Еще сорок лет назад здесь тянулись только огороды и виноградники». Предполагают, что участок для будущего «палаццо Чернышев» был приобретен еще А.И. Чернышевым, он же начал и строительство особняка. Вновь выросшие здания и улицы казались современникам холодными, тяжеловесными и безвкусными, но время и дух Рима сгладили все противоречия; сегодня и кварталы, и сам дом органично вписаны в пространство древнего города.

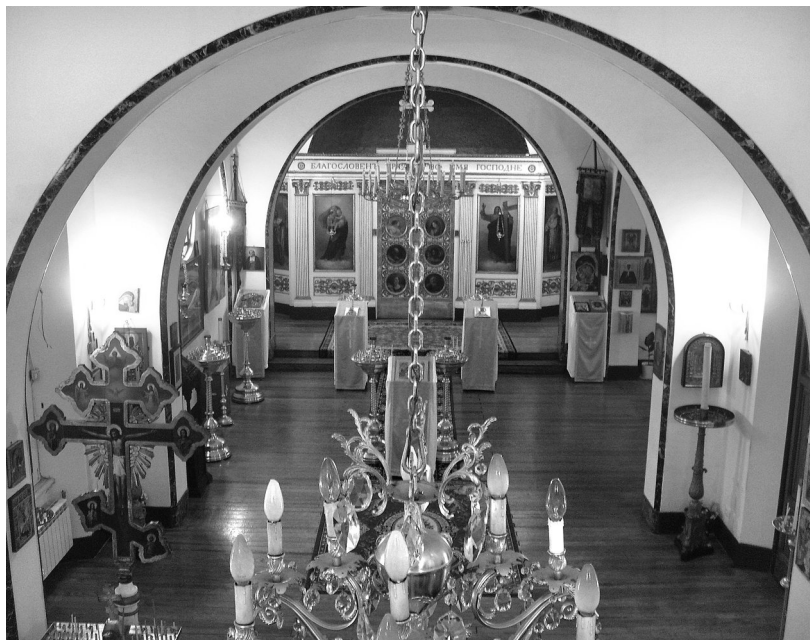
Трехэтажный особняк князей Чернышевых расположился в ряду тесно примыкающих друг к другу каменных домов, выполненных из обычного для Италии известкового камня – травертина. Своим парадным подъездом «палаццо Чернышев» обращен на оживленную улицу Палестро. Металлические въездные ворота, слева и справа от здания, скрывают от любопытных глаз небольшой по размерам, но очень уютный внутренний дворик. Справа от главного дома в глубине двора стоит конюшенный сарай – добротная двухэтажная каменная постройка. Здесь на первом этаже когда-то стояли кареты и лошади, а на втором жила прислуга. От соседних участков всю территорию скрывают старые лавры и высокие каменные стены, увитые плющом и украшенные спускающимися сверху гроздьями цветущего олеандра. Невозможно представить итальянский дворик без своего источника воды. Как писал в начале XX в. наш соотечественник П.П. Муратов, «нет ни одного палаццо, молчаливый двор которого не был бы оживлен мерным плеском падающей воды». И здесь, к востоку от дома, устроен небольшой бассейн, укрытый под листвой деревьев, в котором тихо журчит чистейшая вода, дающая жизнь многочисленной поросли влаголюбивого кружевного папоротника адiantума, и в пятнах солнечных бликов плещутся золотые рыбки.

Два подъезда со двора ведут в покои, где когда-то жила Мария Александровна Чернышева. Часть комнат занимали родственники и гости, а на первом этаже был большой танцевальный зал. Внутреннее убранство дома мало изменилось с тех времен. Хорошо сохранились лепнина потолков, мраморная лестница, металлические перила, наружные и внутренние двери, напольные вентиляционные решетки, столярные переплетения окон, фурнитура, деревянные ставни. Планировка помещений в целом также сохранена, не считая

изменений, которые были внесены в первой трети XX в. при устройстве церкви. На втором этаже первого подъезда в стену вмонтирована глиняная глазурованная табличка, где кобальтовыми красками написано название общества, объединявшего русских эмигрантов в Италии – «Русский круг». Характер написания и рисунок дают возможность предположить, что под крышей «палаццо Чернышев» еще при жизни Марии Александровны собирались наши соотечественники, и, возможно, были среди гостей этого дома и представители императорского и других именитых дворянских родов.

Сама Мария, несмотря на скромный образ жизни, была активным членом русской колонии в Риме. В 1880-е гг. русской обществу принадлежала ответственность и священниками высказывалась мысль «о потребности иметь православный храм, отвечающий достоинству Православия и величию Отечества». В те же годы начался сбор средств для воплощения патриотической идеи, а в 1900 г. император Николай II официально разрешил собирать пожертвования, вложив при этом от себя значительную сумму. Из среды православного дворянства стали поступать предложения о передаче своих частных домов под организацию православного храма. В разгар этих событий в 1897 г., в период настоятельства архимандрита Пимена (Д.Д. Благово), Мария Александровна Чернышева написала завещание о передаче своего дома Русской православной церкви. Русская община, к которой принадлежала княжна Чернышева, относилась весьма уважительно к настоятелю Никольского храма в Риме, цenia его мнение и заботливое участие в жизни прихожан и паломников. Примечательно в этой связи также отметить, что М.А. Чернышева в некотором роде «сосуществовала» с Д.Д. Благово. Ее подмосковная усадьба Лыткарино была расположена в трех верстах от Николо-Угрешской обители, где будущий настоятель церкви в Риме архимандрит Пимен в 1867 г. начинал послушником.

Как образованный и глубоко верующий человек, Мария имела в своем доме хорошую библиотеку, состоящую из книг по истории православия, русского искусства, литературе, географии, произведений русских писателей. Ее дом на улице Палестро до сих пор украшают гравюры, живопись и скульптура с изображением особ императорского дома. В память о прославлении св. Серафима Саровского сохранилась реликвия – небольшая иконка Чудотворца, где на оборотной стороне написано: «6 сентября 1903 год Светлейшей княжне Марии Александровне Чернышевой». В 1912 г., в дни празднования 100-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 года, в знак особенного императорского «благоволения и во внимание к заслугам покойного отца [А.И. Чернышева], с соизво-

*Церковь свят. Николая в Риме (бывший особняк Чернышевых).
Внутреннее убранство*

ления Государя Императора», светлейшая княжна была пожалована в кавалерственные дамы и награждена малым крестом ордена Св. Велikomученицы Екатерины.

В качестве церкви дом Марии Чернышевой был открыт спустя 13 лет после ее кончины, 10 апреля 1932 г. Этому событию предшествовала огромная работа по приспособлению жилого дома под нужды церкви. Проект выполнили архитектор князь В. А. Волконский и инженер Ф. Поджи. Объем дома был увеличен на треть за счет пристройки дополнительных помещений с восточной части, здание приобрело полукруглое завершение – апсиду. Средства для воплощения проекта по просьбе архитектора были выделены королевой Италии Еленой Савойской. Помощь в строительстве оказали также и русские эмигранты: княгиня С. Н. Барятинская и княжна С. В. Гагарина. Память о дарительнице дома и благотворителях запечатлена на мемориальных досках, установленных на парадной лестнице при входе в храм.

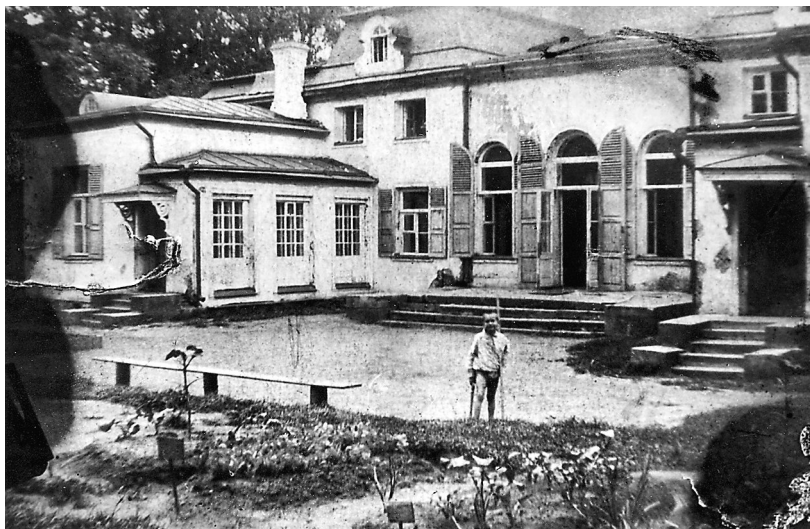
ДОМ В ЛЫТКАРИНЕ

Постоянно проживая в Италии, М. А. Чернышева никогда не порывала связи с родными местами в Подмосковье. Согласно воспоминаниям старожилов, раз в году на Яблочный Спас, 19 августа, она приезжала в Лыткаринское имение, где в ожидании хозяйки стоял ухоженный особняк, окруженный красивым липовым парком, границы которого очерчивали пышные кусты сирени. Рельеф парка террасами опускался к Москве-реке, на территории усадьбы имелись водоемы, питаемые холодными ключами. Из окон дома хорошо просматривалась серебристая гладь пруда, дно и берега которого были выложены диким серым камнем. К западу, внизу от барского дома, виднелась река. Слева и справа от усадебного комплекса раскинулись крестьянские дворы. С южной стороны поместья на горе росла дубовая роща, а под горой протекал ручей, питавший когда-то еще один значительный по размерам пруд.

Приезд барыни с радостью ожидали лыткаринские крестьяне. По мнению старожилов, Мария была отзывчивой и заботливой хозяйкой. Своим крестьянам она всегда оказывала материальную помощь: кому дом построить, кому свадьбу справить, кому деньгами помогала. В усадебном саду разрешалось собирать яблоки, в пруду — ловить рыбу. В архивах Лыткаринского историко-краеведческого музея хранятся теплые воспоминания о последней владелице имения. Вспоминают старожилы о памятной монетке, подаренной барыней. Реликвия долго хранилась в одной крестьянской семье, но в военное лихолетье монету разменяли на продукты.

В один из приездов в свое имение тридцатилетняя хозяйка решает перестроить родительский дом, благо что средства, согласно завету Е. Н. Чернышевой, «на ремонт и содержание этого дома» имелись и «должны быть взяты из доходов Лыткарино». В 1880 г. на месте прежнего родительского дома был выстроен новый особняк. В его конструкцию, по мнению современных реставраторов, были положены крепкие бревна от старой постройки.

Барский дом, расположенный в центре обширной усадебной территории, представлял собой деревянное оштукатуренное одноэтажное здание с антресолями, стоящее на довольно высоком каменном цоколе. Центральная часть особняка в плане прямоугольная, украшена рустом. Западный и восточный фасады несут высокие арочные окна. Парадный западный фасад имеет более высокий цоколь с устроенной каменной террасой, огороженной кованой решеткой. В центральной части здания расположен двусветный зал с двумя колоннами. Слева и справа от зала симметрично центральной оси здания — одинаковые, несколько пониженные «крылья», в которых

Дом в Лыткарино. Фотография 1936 г.

размещались жилые и хозяйственные комнаты. Над ними, также симметрично ориентированы – комнаты антресольного этажа. До 1950-х гг. дом имел два хозяйственных деревянных флигеля. На месте северного тогда была возведена каменная пристройка, сопряженная с северной торцевой стеной барского дома. Южный флигель не сохранился, но его место выдает повышенный рельеф почвы, очерчивающий фундамент утраченной постройки. Дом отапливался изразцовыми каминами и печами. Украшением внутреннего пространства были лепные карнизы, розетки. Цветовое оформление жилых комнат решено в согласии с модой эпохи: зеленый, серо-синий, центральный зал имел желто-бежевую окраску. Стены парадного зала драпировали тканями, для их крепления под самым карнизом вмонтированы сохранившиеся изящные латунные кронштейны. Парадные с циркульным завершением окна с наружной стороны были защищены деревянными ставнями.

Интерьер особняка был наполнен изящными произведениями искусств, среди которых миниатюрные портреты членов семьи Чернышевых – Зотовых, красивой мебелью из ценных пород дерева, подсвечниками, вазами, иконами. Местные жители свидетельствуют о существовании богатой библиотеки, состоящей из книг в дорогих переплетах, музыкальных инструментов, часов под стеклянными колпаками, скульптур, зеркал в резных рамах, красивой посуды.

Дом в Лыткарино. Зеркало

После революции М.А.Чернышева навсегда уехала в Италию, а лыткаринский особняк был закрыт и оставлен на попечение управляющего. Непродолжительное время там располагался «музей дворянского быта», но в 1918 г. значительная часть предметов была вывезена и дальнейшая судьба дома стала зависеть от смены хозяев, которые перестраивали здание под свои нужды, вывозили вещи, меняли не только планировку, но и саму усадьбную жизнь. С восточного фасада пристроены чуждые грубой формы наружные металлические лестницы. Здание лишилось своей оригинальной рельефной кровли: частично уничтожив, ее заменили примитивной двускатной крышей.

В 2005 г. начата планомерная научная реставрация главного дома усадьбы. Научными сотрудниками музея вместе с реставраторами были сделаны интересные находки, дополняющие информацию об истории здания. Поездка в Италию в 2007 г. в дом М. А. Чернышевой дополнила картину и позволила автору сделать предположение, что архитектура лыткаринского дома, отстроенного М. А. Чернышевой в 1880 г., сложилась под влиянием впечатлений ее итальянской жизни.

На этапе выполнения обмеров здания в планировке была обнаружена так называемая «тайная комната». По мнению реставраторов, она представляет довольно редкое явление в архитектуре Подмосковья, что подтвердили консультации с архитекторами и историками: появление комнаты такого рода носит скорее западное влияние, где замки и дворцы имели сейфовые помещения для укрытия фамильных ценностей. Может быть, комната действительно использовалась как сейфовая, тем более что и располагалась она над предполагаемыми покоями хозяйки, которая, надолго уезжая, оставляла семейные ценности в тайном закрытом помещении. Существует и другая версия – комната могла служить укрытием в период возможных народных волнений. В любом случае, назначение тайной комнаты в главном доме усадьбы Лыткарино еще предстоит выяснить.

Дом в Лыткарино. Тайная комната

Найденный в процессе реставрации оконный шпингалет с рельефным растительным орнаментом, выполненный в технике металлического литья, выдает явные сходства с аналогичной деталью дома в Риме. Такие же изысканные формы, глубокий растительный рельеф, удобная ручка поворотного механизма – все напоминает оконную фурнитуру итальянского дома.

Большие парадные окна на восточном и западном фасадах когда-то были защищены деревянными ставнями, о чем свидетельствует

Дом в Лыткарино. Шпингалет

фотография 1936 г. Подобные поперечные наборные ставни являются весьма распространенной деталью архитектуры солнечной Италии. Здесь же, в средней полосе России, для защиты окон более использовались глухие филенчатые деревянные ставни.

Западную открытую террасу подмосковного дома от полуденного солнца когда-то закрывал опускающийся полотняный тент. Конструкция «капюшона» и его механизм напоминают такие же устройства в жарком Риме. В усадьбе Лыткарино сохранился зубчатый механизм, приводящий в движение навес, но, по мнению реставраторов, его использование вряд ли возможно: полвека бездействовавший, незащищенный от атмосферной среды, механизм полотняного навеса не выдержит рабочей нагрузки. Ткань тента также не сохранилась, но, скорее всего, она имела рисунок с чередующимися поперечными темными и светлыми полосами, что соответствовало моде того времени. Хорошей иллюстрацией, воспроизводящей подобный навес, являются живописные полотна русских и европейских художников: «Парижское кафе» О. Ренуара, «Кафе на бульваре» К. Коровина и другие.

В центральной части дом имел высокие полукруглые окна, свойственные каменной архитектуре. Мансардный этаж когда-то украшали окошки с циркульным завершением, оформленные изящными лепными наличниками, вносящими в лаконичный облик здания оттенок итальянской романтики.

Усадебное здание было выстроено из крупных бревен хвойных пород деревьев, но для придания ему каменного «статуса» сверху по обрешетке нанесена штукатурка, а затем стены окрашены популярным бело-желтым цветом. Солидность постройки подчеркивали «каменные» карнизы и рустовка. По сохранившимся фрагментам «родной» крыши экспертам удалось установить ее цвет: он был красно-коричневым. Не противоречит сложившаяся картина и мнению старожилов, называющих в своих воспоминаниях главный дом белым с красной крышей.

Материал дома и его цвет искусно имитировали бело-желтый травертин и красную терракоту, вызывая в памяти городские пейзажи Рима. Конечно, цвет не имеет национальности, а особенности постройки могут объясняться стилевым направлением архитектуры, и все же как настойчиво звучат итальянские нотки, связывая между собой два разных периода жизни последней из рода Чернышевых...

* *

*

Сегодня в главном усадебном доме, памятнике истории и культуры регионального значения XIX в., расположен Лыткаринский

историко-краеведческий музей. С 2001 г. в здании проводится ремонтно-реставрационные работы. Сотрудниками музея разработана Городская целевая программа по сохранению памятника. В 2008 г. музей включен в долгосрочную целевую программу Московской области «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Московской области на 2009–2012 гг.».

Фонды музея имеют уникальные предметы дворянского быта середины – конца XIX в., а также редкие предметы, фотографии, копии документов, свидетельствующие об усадебной жизни. Музей сотрудничает с различными организациями культуры и образования, развивая отношения с предприятиями малого и среднего бизнеса по привлечению средств для выполнения восстановительных работ и проведения музейной деятельности. Завершение работ по восстановлению памятника и обустройству усадебной территории планируется в 2012 г.

ИСТОЧНИКИ

Архив ЛИКМ. Воспоминания. Т. 1, 2.

Архив ЛИКМ. Духовное завещание Е. Н. Чернышевой. 21.10.1870 г. Копия.

Архив ЛИКМ. Левицкий А. И. История города Лыткарино.

Архив ЛИКМ. Научные картотеки на художественные произведения, хранящиеся в отделении НМФ. Копия.

Архив ЛИКМ. Служебная записка об имуществе Лесной школы МОНО. 1927 г. Копия.

Архив ЛИКМ. Черниченко Л. Л. Княгиня Елизавета Барятинская (ур. Чернышева). Биография.

Заключение экспертизы, выполненной сотрудниками Экспертно-криминалистической лаборатории ГУВД Московской области.

Иванова Л. В. Вывоз из усадеб художественных ценностей. По архивным материалам // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 71–75.

Колокол православия. 2007. № 11 (64).

Кочеткова В. В. Усадьбы Лыткарино и ее обитатели. М., 2008.

Муратов П. П. Образы Италии. М., 1994.

Памятники архитектуры Московской области / Под ред. Е. Н. Подъяпольской. Вып. 3. М., 1999.

Православная русская церковь в Риме во имя Святителя Николая Чудотворца / Под ред. М. Талалая. Рим, 1994.

Русские письма о Риме / Сост. Л. И. Иогансен. М., 2007.

Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб.: Изд. вел. кн. Н. М. Романова, 1905–1909.

Спарышкина А. В. Село Петровское и Петропавловская церковь. Лыткарино, 2006.

Указатель селений и жителей уездов Московской губернии / Сост. К. Ни-
стрем. М., 1852.

Чулков Н. Светлейший князь А. И. Чернышев (биографический очерк) //
Военный сборник. 1902. № 1–4.

Шильдер Н. Светлейший князь Александр Иванович Чернышев. Биогра-
фический очерк // Военный сборник. 1902. № 1–4.

А.А.Шмелёв, Л.П.Чурилов

ПОИСКИ ПАНАЦЕИ В РОССИИ.

Розенкрейцеры и усадебные сады

«Это большое чудо, о, Асклепий, — человек, животное, достойное уважения и обожания. Ибо он занимает в божественной природе такое место, как если бы он сам был Богом... Как удачно сотворена человеческая природа!»

«Асклепий», оккультный трактат

О к к у л ь т н а я философия, распространенная в верхушке западноевропейского общества, проникла на Русь не как целостное учение, а скорее в виде отдельных идей. Известно, что во второй половине XVII в., во времена царствования Алексея Михайловича Тишайшего, на Москве объявился некий странствующий поэт и проповедник из Бреславля Квирин Кульман (1651–1689), именовавший себя «Прохладным монархом» и «Сыном Сына Божия». Он начал проповедовать в Немецкой слободе по книге Якоба Бёме, толковал об объединении всех религий, о скором крушении Вавилона и наступлении «Пятого царства», где люди «станут жить, как до грехопадения Адама». Узнав из жалобы местного пастора Иоахима Мейнеке, что именно вещает Кульман, тезка пастора патриарх Иоаким дал делу ход, и власти поступили весьма радикально. Вместе с адептом из Немецкой слободы, купцом Кондратием Нордерманом, поэта-мистика заколотили в деревянную колоду (сруб с просмоленной паклей) и сожгли. Это историческое событие произошло 4 октября 1689 г. Так закончилась первая попытка открытой пропаганды гностически-герметической философии на Руси¹.

Приводим образец экстатической поэзии этого оккультиста-мистика, чей пепел смешался с московским культурным слоем:

Мир добр, тверд, чист, свят, прям, горд, юн, весь — даль,
 полн, зряч, весь — честь, огонь, свет,
 И — зол, дрябл, тускл, худ, крив, подл, стар, весь — близь,
 пуст, слеп, лжив, глух к заветам².

Как мы уже упоминали в статье по истории взаимоотношений средневековой медицины и оккультизма³, оккультная гностически-герметическая философия включала в себя алхимию, магию, каббалистику и астрологию. В трудах Якоба Бёме, безобидных на первый взгляд для христианской идеологии, содержались только отдельные разбросанные по тексту идеи герметического характера. В конце XVII в. они были расценены как еретические.

Можно предполагать, что не теоретическое, а практическое знакомство с герметической философией на Руси произошло несколько раньше – в первой половине XVII в. Впрочем, О. Фомин, ссылаясь на ранние работы Н. А. Фигуровского, сообщал о деятельности некоего «арканиста» Елисея Бомелия, «волхва зело лютого». Бомелий готовил для Ивана Грозного яды, а в 1580 г., уличенный в измене, закончил свои дни на костре.

Борис Годунов присутствовал при опытах, проводимых иностранными врачами и алхимиками в Хорошеве. В царствование же первого государя из династии Романовых – Михаила Федоровича, ко двору прибыл «архиатр» Артур Ди*. Начиная с 1621 г. Артемий Дий получал громадное по тем временам жалование – 1114 рублей серебром в год, а также богатые подарки от царя и дополнительные денежные вознаграждения. У него был собственный каменный дом у Ильинских ворот. Какие препараты изготавливал для царя Артемий Дий, неизвестно, но можно предполагать, что сын выдающегося герметиста и сам герметический философ, он практиковал так называемую спигирию, т. е. приготовление лекарств алхимическим способом. Артур Ди провел в России в опытах почти 10 лет и написал алхимический трактат *Fasciculus Chemicus*⁴.

Официального придворного алхимика или, как он тогда числился в документах, «алхимиста» Бенигуско Гансланта, обнаруживаем в бумагах Аптекарского приказа за 1674 г. во времена правления Алексея Михайловича при придворном медике Лаврентии Алферовиче Блюментросте (1619–1705), сын которого, Лаврентий (1692–1755), чуть позже, уже при Петре Великом, в 1724 г. составит указ об основании Санкт-Петербургского университета и Академии наук и станет первым президентом Академии⁵.

В бумагах Аптекарского приказа XVII в. мы встречаем отдельные должности «алхимиста» и «лекаря», Впрочем, не знаем, насколько

* Артёмий Иванович Дий (Артур Ди, 1579–1651), как его называли на Руси, был сыном известного оккультного философа, мага и алхимика Джона Ди, которому приписывается зашифрованная книга «Трактат Войнич». Об этом см.: Фомин О. Сакральная триада. Алхимия, мифология и конспирология. М., 2005. С. 102.

«алхимист» того времени следовал алхимическим принципам в создании лекарств. Упомянувшийся О. Фомин утверждал, что изучая изразцы в палатах Романовых в Ипатьевском монастыре в Костроме, он обнаружил герметическую символику. Действительно, змей, обвивающий сухое дерево, очень похож на такового из «Иероглифических фигур» Н. Фламелья, символика алхимии. В этом же русле автор трактовал изображение двух птиц, двенадцатиконечную и шестиконечную звезды и т. д., а также нашел символику «сухого» и «влажного» алхимического пути⁶. При всей спорности этих утверждений следует отметить, что здесь впервые встречаются изображения типа «Символов и эмблематов», которые позже будут опубликованы Петром I.

С наступлением XVIII в. идеологическая ситуация меняется. Петр I, упразднивший патриаршество в России, отнюдь не был христианским ортодоксом. Он самым активным образом распространял в обществе аллегории, культ архаичных божеств и символизм, в частности, оккультный. Через открытое из Европы окно в неистовом вихре устремились в Россию гностически-герметические идеи.

Следует подчеркнуть, что так называемая эпоха Просвещения – это вовсе не такое «господство разума», каким она выглядела в однобокой трактовке историков-материалистов. Вольтерьянство, расшатав благодаря убийственному сарказму привычные духовные ценности, значительно усилило стремление к альтернативной философии – мистике и оккультизму. Русская аристократия импортирует оккультно-мистический духовный концепт, который активно распространяется в верхушке общества и становится частью духовного стиля эпохи⁷. В отличие от Запада, где оккультизм в данный

Манускрипт Войнича, приписываемый алхимику Джону Ди

период практически открыто декларируется, русская православная церковь сохраняет свои позиции и в послепетровской России, и поэтому герметизм продолжает оставаться секретным, скрытым учением вплоть до конца XIX в. Сведений о распространении данного учения крайне мало, следует подчеркнуть только, что «тайная философия» существовала еще до появления в России масонских систем, будучи уделом избранных философов как в среде аристократии, так и между раскольниками⁸.

На этом закончим краткий исторический обзор и перейдем к непосредственной теме данной работы – воплощению принципов оккультной философии в русской медицине второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Только об этом времени мы имеем отдельные свидетельства, которые попытаемся систематизировать. Речь будет идти о столичных городах – Санкт-Петербурге и Москве. Именно в Москве в 1780-е гг. организуется и активно распространяет свое учение масонский орден «Братство злато-розового креста».

* *
*

Для читателей, незнакомых с нашей предыдущей статьей, напомним, что розенкрейцеры – один из старейших тайных орденов, который был сформирован предположительно в XVI в., а возможно, и раньше. Именно в данном ордене активно изучались оккультные науки, входившие в целом в гностически-герметическую философию. Для последующего повествования важно подчеркнуть, что масонство в России имело несколько направлений (систем). Наибольшее распространение получили: английская система И. П. Елагина в Петербурге (7 степеней посвящения), шведско-берлинская в Москве и Петербурге (7–10 степеней посвящения) и, несколько позже, французская система (до 33-х степеней посвящения); адепты последней были и в Петербурге, и в Москве⁹.

Розенкрейцеры в России (Братство злато-розового креста, Б. З. Р. К.) – самая секретная и таинственная организация из всех масонских. Вступая в масоны, адепт не знал о существовании внутреннего «суперсекретного» ордена внутри самой масонской организации. После четвертой степени посвящения, которая носила название «шотландский мастер», «высшие братья» решали, возможно ли принять данного масона во внутренний орден, который и назывался Б. З. Р. К. При посвящении в него давалась страшная клятва, согласно которой следовало не только под угрозой смерти хранить тайну ордена, но и верить ему все – тело, душу, имущество. Именно здесь масон, становясь розенкрейцером, начинал познание алхимии, магии, каббалистики и астрологии¹⁰.

В 1780-е гг. в Москве стараниями адептов масонства Н. И. Новикова, С. И. Гамалеи, И. Г. Шварца, Шрёдера, второго куратора (проректора) Московского университета М. М. Хераскова и других орден розенкрейцеров начинает свою активную деятельность. Сам Б. З. Р. К. имел семь степеней посвящения, высшей из которых была степень мага. Считалось, что маг может контролировать всю жизнь и деятельность братьев благодаря особому алхимическому составу¹¹.

Необходимо сказать несколько слов о понимании человека в герметической философии русских розенкрейцеров. Организованный как «филиал» немецкого, русский орден получал различные философские трактаты из Германии. Там же находились и высшие начальники над русскими братьями – маги. Можно полагать, что духовный концепт русских розенкрейцеров формировался в рамках сложившейся за века оккультной европейской философии. Братья Розы и Креста в России воспринимали человека как сложную систему – микрокосм, которая находилась в самой тесной связи с окружающим миром и Вселенной – макрокосмом: «Что происходит в макрокосме, то же самое творится и в микрокосме». Один из ведущих исследователей вольных каменщиков Г. В. Вернадский* уточнял: «Если человек микрокосм, это значит не только то, что его физические качества суть зачатки элементов Вселенной; все духовные его качества – отражение тех же элементов; все это символы, которые надо раскрыть». Кроме этой теории присутствовали также классические герметические представления о трех мирах, мировом разуме (пэмандр – в герметизме это понятие близко к христианскому Богу-духу, но понималось значительно шире), о циклическом или спиралевидном пространстве-времени. На русской почве герметизм дополнялся также теософскими идеями (три царства света, царства тьмы, расширенное понятие трех человеческих сущностей и т. д.).

Внутри московского Б. З. Р. К. сложились два основных направления: магическо-каббалистическое с элементами астрологии и алхимии и алхимическо-магическое с элементами каббалы (алхимическая разновидность каббалистики)¹².

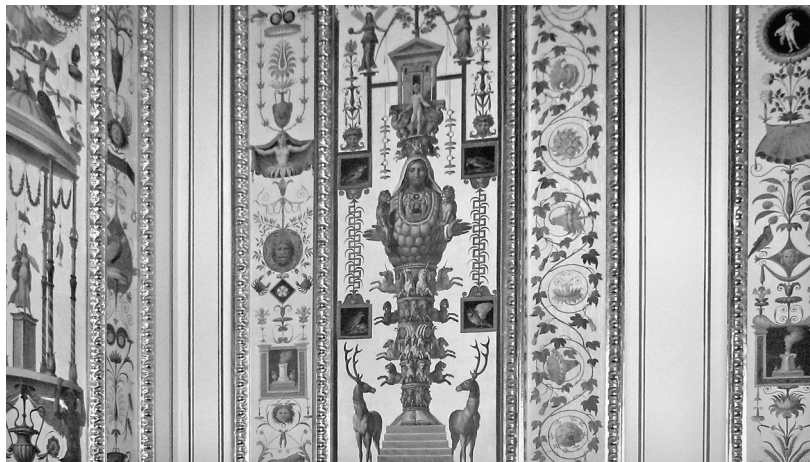
Именно алхимическо-магическое направление имело самую тесную связь с медициной. Во второй половине XVIII в. алхимия как философская система могла быть теоретической, при которой

* Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) – сын В. И. Вернадского, выдающийся русский историк, ученик В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, Ю. В. Готье и А. А. Кизеветтера. Профессор русской истории Карлова университета (Чехословакия) с 1922 г., Йельского университета (США) с 1927-го по 1956 г. Теоретик евразийства Л. Н. Гумилев называл себя последователем Г. В. Вернадского. – *Примеч. ред.*

алхимики занимались этапным «улучшением» своей личности без практической деятельности, и практической, в которой алхимики философы-практики кроме самосовершенствования занимались лабораторной работой, изменяя (улучшая) различные вещества. Именно они пытались воплотить идею философского камня и панацеи. Впрочем, в XVIII в., как и ранее, сам термин «панацея» не встречается. Создаются лекарственные составы с помощью алхимической философии, которые носят древние названия или шифруются, например, двумя алхимическими символами. Алхимиками-практиками в Москве были Н. И. Новиков, М. И. Багрянский, А. М. Кутузов, И. П. Тургенев, князь Н. Н. Трубецкой и другие.

Герметический трактат того времени гласил: «Истинная медицина есть сердце истинной философии», а также – «Никто не может быть истинным медиком, не сделавшись прежде истинным философом. Ибо из истинной только философии почерпывается познания макрокосма, без основательного познания коих нельзя быть и врачом». Г. В. Вернадский писал по этому поводу: «Вся масонская натуральная философия и розенкрейцеровское увлечение алхимией тесно связаны были с развитием медицины и медицинских знаний. Розенкрейцеры надеялись получить медицинское познание, изучая алхимию. Алхимия обещала „панацею“ – всеобщее лекарство от всех болезней»¹³. В данном случае известный исследователь масонства явно сужает рамки алхимической философии. Создавались различные лекарственные средства на основе алхимического подхода – спагирии (подробнее о ней см. предыдущую работу¹⁴), которые сейчас мы называли бы препаратами широкого спектра действия.

Московские розенкрейцеры-алхимики создавали и активно использовали подобные препараты в практической деятельности. В Москве их стараниями открывается аптека для бесплатной помощи населению. Для управления ею из-за границы был специально выписан доктор медицины И. И. Френкель, который был принят в Б.З.Р.К. под именем Анифаруса. В Россию он прибыл, что называется, не с пустыми руками, а с рецептами алхимических препаратов. Известно, что он передал русским розенкрейцерам «das Gold-Recept von Frenkel» – рецепт золота Френкеля¹⁵. Таким образом, организованная розенкрейцерами аптека стала центром производства и распространения алхимических препаратов. Сами же препараты создавались в тщательно скрытых лабораториях на основании рецептов немецких братьев. Свидетельство современника: «...были куплены за границую секреты драгоценных лекарств, другие же по связям присылались приготовленные безденежно, о последних упоминает Семен Иванович Гамалея в письмах своих, из числа первых были: составление эфирного элексира, известного своими

Строгановский дворец в Петербурге. Роспись, символизирующая алхимическую печь атанор. Почти полностью совпадает с рисунком из алхимического манускрипта 1740 г.

спасительными действиями в гнилых горячках и полезным во многих других болезнях»¹⁶.

Но и этого московским розенкрейцерам было недостаточно. Они хотели быть в курсе всех нововведений, да и знать побольше старинных рецептов. «Московские розенкрейцеры имели от себя в Берлине специального делегата, который должен был держать их в курсе новостей алхимической науки. Таковым был Кутузов, выехавший в Берлин весной 1787 года»¹⁷.

К сожалению, в связи с секретностью ордена обнаружить подлинные рецепты и описания составов алхимических препаратов, которые применялись в Москве, в настоящее время не удалось. О некоем универсальном средстве идет речь в переписке Кутузова с князем Трубецким. Так, 1 ноября 1790 г. Кутузов в письме из Берлина сообщал: «...справлялся я касательно ОН (речь идет об алхимическом составе. — А. Ш., Л. Ч.); мне сказали, что она может быть употребляема с пользою в эпилепсиях и параличе, в том же количестве, как я прежде писал Вам. При сем случае узнал я то, чего прежде не знал, что спешу сообщить Вам. Сия соль не терпит ничего металлического, прикосновение оных отнимает или, по малой мере, ослабляет ее силы и действие, и для того надлежит брать оную деревянною лопаточкою, а и того лучше костяным ножичком, т. е., чтобы и само лезвие оного было костяное, одним словом, таким ножичком, каким

щеголи очищают пудру». Данный препарат «соль ОН» обладал, по мнению московских розенкрейцеров, весьма широким спектром действия, так как Трубецкой в письме уточнял у Кутузова: «Не может ли в чахотках помогать ОН?» Кстати, московские масоны были уверены, что орден даст им «в надлежащее время предохранительное средство от скудости и болезней», а также «от несносной бедности»¹⁸.

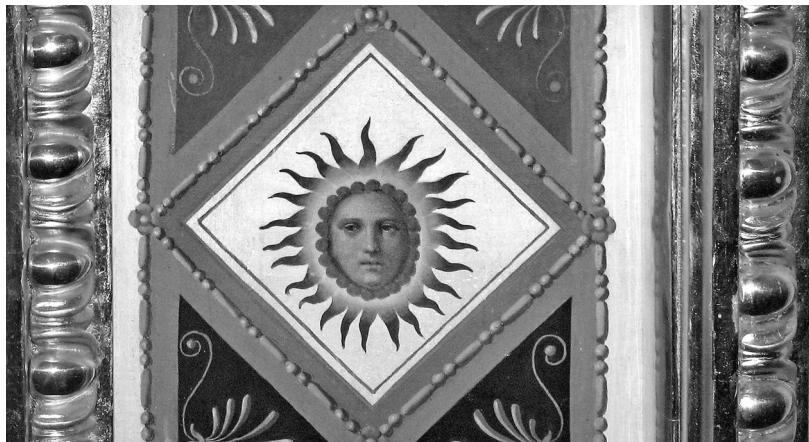
Тира Соколовская упоминала только один розенкрейцеровский рецепт, да и то как курьез. Речь шла об изготовлении гомункулауса из человеческой крови и росы. Вероятно, тот же рецепт находим в описании А. В. Себеки¹⁹. В Обществе любителей древней письменности он обнаружил акты высших степеней посвящения розенкрейцерства. Автор привел данный рецепт как образец «чудовищных заблуждений русских братьев». Это «герметическая операция в тайне творения»: «В сосуде, читаем мы, смешивается майская роса, собранная в полнолуние, две части мужской и три части женской крови от чистых и целомудренных людей. Сосуд этот ставится в умеренное тепло, отчего внизу отложится красная земля, верхняя же часть — *Menstruum* — отделяется в чистую склянку и время от времени подливается в сосуд, куда еще прибавляется один грамм тинктуры из анимального царства. Через некоторое время в колбе будет слышен топот и свист, и вы увидите в ней двух живых существ — „мущинку и женщину“, — совершенно прекрасных, если кровь была взята от людей целомудренных, и полузвериных в противном случае: они будут двигаться, ходить, а посредине вырастет прекрасное дерево с разными плодами. Путем определенных манипуляций можно поддерживать их жизнь в течение года, причем, от них можно узнать все, что угодно, „ибо они тебя будут бояться и почитать“. Но потом „человечки“ начнут вкушать от плодов среднего дерева, — появится пар и огонь, а *homunculus*'ы будут извиваться, ползать, стараться спрятаться, „так что жалко на них смотреть“. Затем в сосуде произойдет „смещение и тревога“ — человечки умирают, разверзнется земля, целый месяц сверху будет низвергаться огонь, а потом все утешится, стопится и сольется. Содержимое банки разделить далее на четыре части: верхняя сияет блестящими красками, под нею образуется кристалловидная часть, ниже — кроваво-красная, а совсем внизу — непрестанно курящийся черный дым. В верхней части предстанет „небесный Иерусалим со всеми жителями“, во второй — „стеклянный мир“, в третьей — „красное великое стеклянное море“. Наконец, нижняя часть — это „мрачное обиталище всех диаволов и злочестивых“. Если эту нижнюю часть положить в реторту и подогреть, то наверх взойдет „огнегорящий сублимат“, легко сжигающий всякую вещь; при других манипуляциях все здесь свернется в клуб, родится ужасный червь, который через четыре дня исчезнет, если его подвергнуть обработке огня; тогда чистое отделится от нечистого...». И вот, после

столь длительного и многотрудного процесса, полученное «чистое» вещество можно использовать для лечебно-магических целей²⁰.

В данном случае, возможно, применен метод иносказания, шифровки алхимического процесса, что было свойственно розенкрейцерам. А. В. Семека прервал свое описание как раз в том месте, когда полученное наконец вещество можно использовать, но в каком виде и в каких случаях, так и осталось неизвестным.

Согласно принципам своей философии, масоны, и особенно розенкрейцеры старались играть видную роль в медицине. Кружок Новикова дает медицинское образование своим последователям за границей, видимо, для того, чтобы будущие врачи кроме медицинских знаний учились бы и философской мудрости у немецких учителей. С этой целью за границу были отправлены Багрянский, Невзоров и Колокольников.

Да и сам литератор Н. И. Новиков, имевший высокую степень посвящения в Б.З.Р.К., считал себя врачом: «Имею в медицине, хотя небольшое, однако, изрядное основание». Он занимался врачебной практикой, естественно, в рамках герметической алхимической философии: «В своем Авдотьино-Тихвинском Новиков постоянно занимался лечением окрестных помещиков и крестьян. Помощником ему был один из его крепостных, которого он сам подготовил к обязанностям лекаря». Так, одной больной женщине он передает «скляночку солнечной тинктуры»²¹. (Не та ли это «тинктура Солнца», описанная в оккультной философии Парацельса?) В Москве

Строгановский дворец. Человек-Солнце. Р. Амбелен утверждал, что это символика розенкрейцеров, согласно которой каждый человек – «посвященный» – и есть Солнце.

Новиков также пытался заниматься врачеванием. Он организовал небольшую больницу, вероятно, только для своих. По уверению П. В. Лопухина, который инспектировал заведения Новикова в 1786 г., там лечились «находящиеся при его типографии работники». Впрочем, просуществовала алхимическая больница медика без диплома недолго. Екатерина II постоянно следила за опасным с ее точки зрения московским масонским кружком и пыталась помешать их нововведениям, чтобы лишить розенкрейцеров народной популярности. Она закрыла частные больницы масонов и ряд их изданий²². Следует особо отметить влияние вольных каменщиков на Московский университет, *alma mater* многих масонов того времени, который к концу XVIII в. стал в полном смысле слова масонской вотчиной. Кроме университетских аудиторий, идеи вольных каменщиков и особенно гностически-герметическая философия изучались и в кружках, салонах, а также парамасонских обществах того времени. Л. Н. Толстой оставил на страницах «Войны и мира» описание масонской московской элиты, к которой тяготел его герой Пьер Безухов.

Как уже упоминалось, масоны и розенкрейцеры придавали медицине большое значение. Утверждал и Г. В. Вернадский: «...видную роль масоны играли в медицине. Многие из выдающихся масонов были врачами. Таковы доктора Эли, Зверака – заметные люди в розенкрейцестве... Таков доктор Ф. П. Фрёзе, великий меченосец в Провинциальной ложе Елагина...»²³

Подводя итог деятельности московских розенкрейцеров, отметим, что их практическая лечебная работа была довольно активной. Существовала, вероятно, не одна, а несколько алхимических лабораторий, где изготавливались препараты согласно алхимической философии. Именно там были созданы и «солнечная тинктура» Новикова, и «Золото Френкеля», и эфирный эликсир, и, наконец, соль ON. Уверенный в своих медицинских познаниях, хотя и не имевший диплома врача, Новиков применял алхимические средства для лечения крестьян и своих знакомых дворянского сословия. Активная практическая деятельность московских розенкрейцеров прекратилась в 1792 г. после репрессий, в результате которых Новиков оказывается в Шлиссельбургской крепости, а многие розенкрейцеры были выслены из Москвы и отправлены в свои поместья. Один из врачей-розенкрейцеров М. И. Багрянский добровольно последовал в крепость вместе со своим «старшим братом» и провел там весь срок заключения. В крепости выяснилось, что Новиков сам нуждался в медицинской помощи, так как был «одержим разными припадками»²⁴.

В современной литературе, посвященной деятельности новиковского кружка, самого Н. И. Новикова упорно называют «просветителем», вероятно, чтя его журналистские заслуги и антикрепостническую позицию. Интересно отметить в этой связи, что сам

«просветитель» не получил не только врачебного, но и никакого другого систематического образования. Этот талантливый самородок был исключен из Московской университетской гимназии с формулировкой «за непосещение занятий и неуспешность», затем пошел служить в Измайловский полк солдатом, затем унтер-офицером. Стоя на карауле в день переворота, он опустил мост перед Екатериной — был ею замечен и далее всю жизнь учился только путем самообразования.

На самом деле розенкрейцер высоких степеней посвящения Н. И. Новиков был оккультным философом, причем герметическая философия была смыслом его жизни. Распространял он в первую очередь оккультные герметически-гностические идеи. Любопытно, что работы Я. Бёме, из-за которых так пострадал в свое время К. Кульман, печатались и распространялись Новиковым уже открыто, а Гамалея переводил всё новые и новые его труды.

Экстравагантный император Павел, у которого были все шансы повлиять на ход европейской истории, в 1796 г. масонов простил и вернул из тюрем и ссылок. Тем не менее часть масонов оплатили Павлу, чью политику, противоречившую интересам цитадели масонства Британии, им не удавалось контролировать, участием в заговоре, который кончился царевубийством.

Об оккультной деятельности адептов ордена после их реабилитации при Павле I сведений обнаружить не удалось. Впрочем, активным «врачом-алхимиком» оставался Новиков, который, удалившись в свою усадьбу Авдотьино-Тихвинское, продолжал лечить крестьян (которым, собственно, от него и деваться было некуда) и якобы делал это небезуспешно. Пытался он лечить и собственных детей — двух дочерей и сына, двое из которых унаследовали эпилепсию, причем, у мальчика она протекала в злокачественной форме. Новиковская терапия оказалась для них бесполезной²⁵.

Последний раз Н. И. Новиков смог достаточно широко проявить свои возможности в алхимической терапии в 1812 г. Французские войска пальцем не тронули его усадьбу, вероятно, за выдающиеся масонские заслуги «просветителя». Сам же Новиков трогательно заботился о французских солдатах. Он собирал их в своей усадьбе, выкупая по рублю у крестьян, кормил и лечил, «а по выходу неприятеля из Москвы, сдавал их французскому начальству, не требуя, конечно, вознаграждения».

О поисках панацеи в Петербурге сведений сохранилось немного. По данным историков масонства, петербургские масоны эпохи Екатерины не достигли вершин посвящения, открывающих путь в ряды Б.З.Р.К. Если в Москве среди масонов влиянием пользовалось крыло университетских интеллектуалов, то в имперской столице в масонстве преобладала знать, а значительная часть местных лож, фактически

*Строгановский дворец. Изображение Гермеса-Меркурия.
Имеет портретное сходство (И. П. Елагин?)*

была лояльна и подконтрольна Екатерине II, близким сотрудником которой был петербургский масон номер один – И. П. Елагин.

Репрессии начала 1790-х гг. для петербургских масонов прошли безболезненно. Орден розенкрейцеров, по имеющимся в настоящее время данным, появился в Северной столице только после 1800 г. Но идеи гностически-герметической философии распространялись в Петербурге значительно раньше – его посещали известные оккультисты граф Сен-Жермен и Калиостро.

Сен-Жермен – загадочная фигура, путешественник, ученый-оккультист и востоковед, политический деятель, настоящее имя которого неизвестно, как и дата рождения. Имеются данные, что он был сыном трансильванского князя Ракоци. Существует версия, согласно которой в 1762 г. граф де Сен-Жермен посетил Россию: 3 марта гостил в Архангельском у княгини Марии Голицыной, затем в Санкт-Петербурге жил у графа Ротари, известного итальянского художника, придворного живописца Елизаветы Петровны. Есть свидетельства, в частности Григория Орлова, что Сен-Жермен принимал участие в подготовке дворцового переворота, в результате ко-

торого на русский престол взошла Екатерина II, с матерью которой он был хорошо знаком²⁶. Сен-Жермен был алхимиком и практиковал травяную и оккультную медицину. По легенде, он владел секретом бессмертия. Во всяком случае, в течение многих лет после официальной записи о его кончине (1794 г.) многие исторические лица свидетельствовали о встречах с ним и о приходящих от него письмах вплоть до 1821 г. Отдавая должное легендарной личности графа, сам А. С. Пушкин в «Пиковой даме» писал: «С нею был коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая...» Александр Сергеевич воплотил в произведении версию, согласно которой именно таинственный оккультист открыл юной графине секрет трех карт. Об этом, в частности и о том, что графиня открыла эту тайну своему внуку, чтобы он мог отыгаться, много говорили в высшем свете тех лет...²⁷

Алессандро Калиостро – такая же загадочная фигура в европейской истории. Ученик бенедиктинского монаха-алхимика и врача добился больших успехов в оккультных науках, особенно алхимии, изучал египетские древности. По поручению короля Людовика XV он, как утверждают некоторые источники, восстановил структуру треснувшего алмаза, что его прославило. Сохранилась следующая записка Калиостро о способе омоложения: «...приняв две крупички этого снадобья, человек теряет сознание и дар речи на целых три дня, в течение которых он часто испытывает судороги, конвульсии и на теле его выступает испарина. Очнувшись от этого состояния, в котором он, впрочем, не испытывает ни малейшей боли, на тридцать шестой день он принимает третью и последнюю крупичку, после чего впадает в глубокий и спокойный сон. Во время сна с него слезает кожа, выпадают зубы и волосы. Все они вырастают снова в течение нескольких часов. Утром сорокового дня пациент покидает помещение, став новым человеком...»²⁸

Посетив русскую столицу в 1779 г., Калиостро, якобы владея тайной философского камня и, конечно же, рецептами чудодейственных препаратов, распространял здесь особый тип египетского масонства. До сих пор исследователи спорят, насколько в действительности этот авантюрист владел тайными знаниями. Сохранились документальные свидетельства о некоторых опытах петербургского периода жизни Калиостро, по крайней мере, говорящие о том, что фокусником он был очень незаурядным. А может быть, и не только фокусником? Начал он будто бы с исцеления бесноватого юродивого Василия Желугина, затем пытался заниматься исцелениями тяжелых болезней, в частности в младенческом возрасте. Существует предание,

Елагин остров. Павильон под флагом

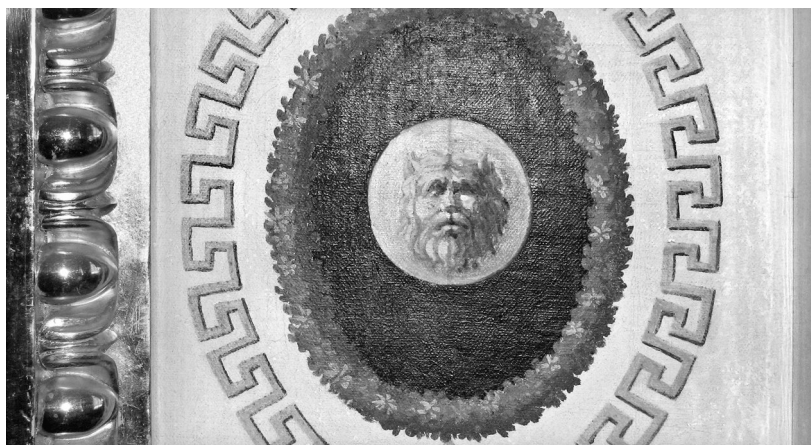
согласно которому Калиостро предложил Григорию Потемкину утроить методами алхимии княжескую золотую казну. Первый богат России ради досуга согласился на эксперимент и выделил сицилийцу некоторую сумму в золотых монетах. Через 21 день – неизвестно, каким способом (алхимическим или экономическим?) – Калиостро утроил вес драгоценного металла, не нарушив его пробу, что удостоверяла специальная комиссия. В награду Потемкин подарил ему треть полученного алхимическим путем золота²⁹.

На И. П. Елагина, который был великим провинциальным мастером английского масонства и покровителем Калиостро в Петербурге, «великий копт» Калиостро произвел большое впечатление. Вероятно, он лично продемонстрировал Ивану Перфильевичу свои магические и алхимические навыки³⁰. В 2003 г. на Елагином острове проводились реставрационные работы в Павильоне под флагом, или Павильоне у гранитной пристани. Под ним, ко всеобщему удивлению, т. к. это место низкое и топкое, был обнаружен круглый подземный зал. К сожалению, его так и не смогли расчистить, но непосредственно перед ним были найдены остатки керамической посуды со следами запекшихся и обгорелых веществ. Возможно, здесь и

находилась алхимическая лаборатория, в которой Калиостро мог демонстрировать Елагину свои познания в тайных науках.

Исследования последних лет позволяют предположить, что другая алхимическая лаборатория находилась в здании Строгановского дворца на Невском проспекте, в так называемой Египетской комнате³¹. Впрочем, судя по запискам неизвестного розенкрейцера, подобных лабораторий в Петербурге было немало. В начальный период своей деятельности они были заняты глобальной задачей – созданием философского камня: «Елагин... ищет, как делать золото», и далее: «Те, которые здесь (в Петербурге) ищут, работают все для золота», «Тредиакowski добрый, честный человек, но ищет только золота». Неизвестный масон, автор этих строк, докладывал об этих увлечениях главе немецких розенкрейцеров Вёльнеру³², и тот советовал русским братьям значительно шире применять алхимию. Следует особо отметить разницу в подходе к алхимической философии в Москве и Петербурге. Если московские масоны-розенкрейцеры довольно активно занимаются спагирией – созданием различных медицинских препаратов алхимическим методом, то в Петербурге братья были увлечены именно созданием философского камня и следовательно, панацеи. Созданный на первом этапе магистерииума «Белый лев» по положениям «классической» алхимии излечивал все болезни. Второй этап завершался созданием «Алого льва» (философского камня), который не только омолаживал, но и дарил бессмертие.

О созданных в Петербурге алхимических препаратах и их применении, к сожалению, ничего неизвестно, но это не значит, что

Строгановский дворец. Алхимическая символика: Лев – Солнце – Золото

подобные препараты не существовали. Если создавались алхимические лаборатории, то, как мы знаем, должны были производиться и лекарства на основе герметической алхимической философии, т. к. они являлись ее обязательной составляющей. После попыток завершить великое созидание и создать философский камень, косвенные данные указывают на то, что и петербургские масоны перешли к методике спагирии, видимо, последовав совету И. Х. Вёльнера. Но именно в Петербурге подобные практические поиски самым тщательным образом скрывались, ведь столица империи была ближе к престолу, чем первопрестольная Москва. Екатерина Великая была образованной, философски мыслящей правительницей, и оккультные философы боялись не столько репрессий, сколько того, что императрица может самым беспощадным образом высмеять их, что она неоднократно и делала, в частности – поставив в Эрмитажном театре «Обманщика» – пародию на Калиостро собственного сочинения. Именно по поводу создания панацеи Екатерина Алексеевна неоднократно иронизировала в своих пьесах. Так, в одной из них главный герой – алхимик – «составляет из росы металлы, а из трав нивисть что...». А в масонской ложе обнаруживается горшок с «исцелительным составом для всех вообще болезней»³³.

Распространению алхимии в Петербурге способствовало то, что обе розенкрейцеровские масонские системы – шведско-берлинская и елагинская – стали изучать герметизм в высоких степенях посвящения. В память о тех временах в отделке интерьеров некоторых петербургских дворцов доныне сохранилась герметическая и алхимическая символика.

Оккультная герметическо-гностическая философия практически прекратила свое существование после запретов масонства сыновьями Павла I: Александром Павловичем – в 1822-м, и Николаем Павловичем – в 1826 г. Вместе с орденами вольных каменщиков были закрыты различные мистические, теософские, натурфилософские кружки, деятельность которых могла быть расценена как «фармазонская». Наступала другая эпоха – нигилизма, материализма и открытого террора. Эпоха, в которой уже не алхимики искали панацею, а студенты-химики в подпольных лабораториях делали взрывчатку для бомб народовольцев.

Гностическо-герметическая философия, которая рядом исследователей оценивается как деструктивная для духовной жизни общества, на русской почве приобретала своеобразный национальный колорит, сливаясь с теософией – мистическим богопознанием. Кроме магических и мистических составляющих, герметизм имел и положительные практические стороны. В ордене розенкрейцеров

существовали очень важные и нужные для медицины принципы:

1) восприятие человека как сложной системы, непосредственно связанной с окружающей средой и Вселенной в целом;

2) максимальное внимание к больному; adeptам ордена предписывалось «посещение болящего и помощь в погребении умершего»;

3) особое мировосприятие розенкрейцеров (и масонов других систем) – «пренебрежение к смерти», которое в настоящее время мы можем назвать трансцендентальной психотерапевтической методикой и прямым прообразом современной психотерапии в хосписах и при тяжелых соматических заболеваниях;

4) применение суггестии и гипноза (этими методиками в совершенстве владел Калиостро) в отношении больного. Внушение и гипноз были описаны еще Корнелиусом Агриппой фон Неттесгеймом («Оккультная философия») в начале XVI в.;

5) создание уникального архитектурно-ландшафтного реабилитационного сооружения – философского парка, который являлся по своей сути духовной панацеей и объединял в себе аутотренинг, психотерапию, ароматерапию и лечебную физкультуру*.

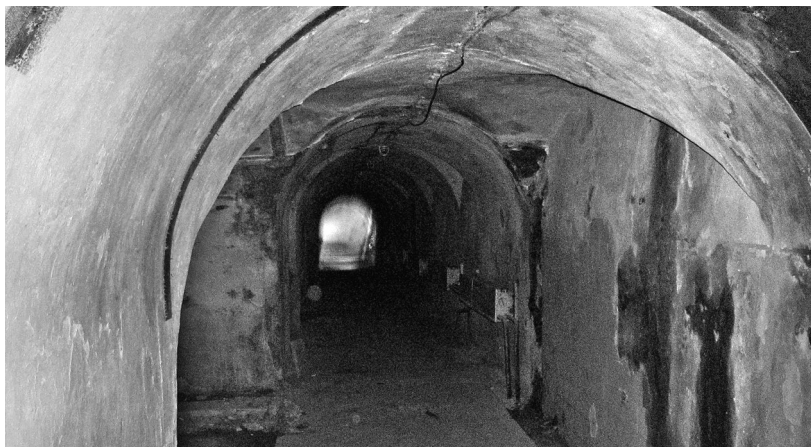
Остановимся подробнее на уникальной системе философского парка как одной из вершин практических достижений герметической философии и... медицинской реабилитации той эпохи. Только в последние годы появилась возможность расшифровать вложенный в него смысл и понять данный объект как универсальную, многогранную систему, в значительной степени направленную на организацию человеческого организма³⁴. Под Петербургом философскими садами были парки Павловска и Гатчины, а также Елагиноостровский, парк Безбородко в Полюстрове, парки в Тайцах, в Никольском (Сиворичах), в Марьине Строгановых, Шуваловский парк в Парголово, парк в Приютине Олениных и другие.

Как уже отмечалось, алхимическая философия могла существовать в чисто умозрительной форме, без практики. Таким образом, и идея панацеи не воплощалась в некоем эликсире, а становилась средством духовным, т. е. эссенцией, эликсиром для души, который порождала наша собственная мысль. Средством для рождения и развития такой мысленной панацеи и был философский герметический сад. Проголосова по нему становилась для философа сложным психофизическим процессом. Нужно было уметь изменять свое настроение. Парк делился на отдельные сады, поэтому в соответствии с их назначением

* Комплексный подход и воздействие на организм человека с применением ароматерапии, музыкотерапии был описан еще в работах Парацельса. Использовался он и розенкрейцерами, которые вкладывали в «программу сада» возможность многостороннего воздействия на человеческий организм.

нужно было предаваться меланхолии в меланхолическом и романтическом садах и радоваться жизни, соответственно, в радостном, торжественном и утреннем уголках парка³⁵.

Психотерапевтический прием «самосовершенствования» сочетался с физической нагрузкой. Он заключался в том, что философ должен был подниматься на возвышенности (горы), что в современной курортологии и физиотерапии известно как «терренкур». При этом по мере приближения к верхнему миру нужно было оставлять внизу «все низкие и подлые чувства». Той же цели – самосовершенствованию – служила и другая методика (образ шоковой терапии). Она заключалась как раз в обратном, т.е. погружении в нижний мир (царство мертвых). Для этой цели создавались специальные подземные и полуподземные сооружения – галереи, ходы, гроты, подземелья. В данном случае происходила так называемая «инициативная смерть» философа, которая являлась воплощением алхимического процесса – трансмутации металлов (веществ) – по сути, перерождением, или новым рождением, т.к. погружение во тьму сменялось возвращением к свету. Философская прогулка по саду включала в себя и медитацию, причем семи степеней сосредоточения. Так называемые парковые павильоны были храмами различных античных божеств и показывали не только символику той или иной части сада, но и являлись орденовыми масонскими храмами для разных степеней посвящения. Сами парковые дорожки извивались в виде тайных знаков. Герметические знаки и символы составляли узоры на клумбах и цветниках.

Елагин дворец. Галерея в стилобате – «движение к свету»

В окрестностях Петербурга герметическим философским парком с системой широкого спектра действия и воплощением панацеи духовной был Шуваловский парк периода 1770-х гг. Он делился на два отдельных регулярных сада и, вероятно, представлял собой алхимическую философскую программу – создания «Белого» и «Алого льва» – двух этапов магистериума. Прогулка по этому парку была не легким испытанием для посвященного как в физическом отношении, так и в плане влияния на психическую деятельность. Он включал в себя три уровня: наземный, подземный (с многочисленными ходами-галереями) и высотный, который предусматривал многократный подъем на многочисленные горы – естественные и искусственные. Прогулка заканчивалась так: после выхода из последнего подземного хода философ оказывался в цветущем фруктовом саду – земном раю, что служило наградой для прошедшего весь путь (или «мистерию познания») полностью³⁶.

Герметическая философия, несомненно, оказала свое влияние на развитие официальной медицины в России. Ведь как уже упоминалось, она входила в парадигму сознания эпохи в виде значимого духовного концепта. Проследить влияние оккультной философии на русскую медицину во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. в целом в рамках данной статьи не представляется возможным, настолько эта тема обширна и многообразна, но для доказательства влияния оккультной герметической философии на медицинскую науку авторы решили применить в работе над статьей

Освещенный участок галереи

метод случайной выборки. Отдавая дань троичности розенкрейцеров, мы решили назвать три фамилии известных медиков указанного периода – первые, что придут в голову. Ими оказались Ф. И. Барсук-Моисеев, Я. В. Виллие и М. Я. Мудров. Так контрольная тройка была составлена, и вот, что удалось выяснить:

Фома Иванович Барсук-Моисеев (Мойза) (1768–1811) оставил в истории русской медицины заметный след. Личность этого философа, врача, ученого и переводчика тоже не лишена таинственности, портретов его мы не нашли. О раннем периоде его жизни ничего не известно. Родился он на Украине, имя придумал себе сам. Попробуем, ориентируясь на духовный мир человека XVIII в., понять скрытый смысл его имени. Фома – это не только Фома Неверующий, т. е. сомневающийся. Существует апокрифическое Евангелие от Фомы, призывающее к активному познанию окружающего мира. Иван (Иоанн), с одной стороны, показывает родство человека с русским народом – его отец Иван. С другой стороны, Иоанн Креститель – покровитель первых трех степеней масонства, а другой Иоанн – автор самого почитаемого у масонов Евангелия. Барсук – это переделанное слово «бурсак», вероятно, показывает этап жизни и познания (Фома Иванович учился в Киевской духовной академии – бурсе). Моисеев показывает и принадлежность к еврейскому народу, и путь подвижника (человек, шедший вместе с Моисеем). Закончив Киевскую духовную академию, Фома Иванович написал религиозно-мистический философский трактат «О превосходном блаженстве человеческом; философское рассуждение, подкрепленное Священным Писанием». Подписался как Фома Мозес. Трактат был издан в Петербурге в 1785 г. Затем поступил в 1788 г. в Московский университет и успешно закончил медицинский факультет, получив в 1794 г. *первым из его студентов* степень доктора медицины (дипломная работа «О дыхании»; курсовая работа по акушерству была удостоена золотой медали), и остался там как преподаватель, уже через год назначенный профессором. Слушал в студенчестве блестящие лекции видного розенкрейцера И. Г. Шварца по философии. Автор многочисленных (около 15) переводов иностранных медицинских книг. Не все они в настоящее время обнаружены. Фома Иванович считается одним из основателей отечественной медицинской терминологии и, возможно, первым, кто ввел в русский язык термин «патология» (у него – «пафология»). Он – автор оригинального труда «О влиянии воздуха, времен года и метеоров на здоровье человека», в котором отражена основная идея розенкрейцеров о связи макро- и микрокосма. Даже название данного труда полностью совпадает с темами лекций, прочитанных своим адептам И. Г. Шварцем, главой московских розенкрейцеров. В одном из словарей Ф. И. Барсук-Моисеев

упоминается как масон, впрочем, без какой-либо ссылки на источник информации. В истории патофизиологии он остался как основатель первого самостоятельного курса общей патологии в российском высшем образовании³⁷.

Матвей Яковлевич Мудров (1776–1831) – основоположник русской терапевтической школы и отечественной военно-полевой терапии, первый директор Медицинского института при Московском университете (1820), родился в Вологде в семье священника девичьего монастыря, был семинаристом, изучил древние языки, увлекался хоровым пением. Именно общая любовь к хорам послужила причиной близкого знакомства с директором Московского университета И. П. Тургеневым и его другом масоном-сенатором И. В. Лопухиным, что помогло карьере Мудрова³⁸. Для заработка вологодский семинарист учительствовал в семье штабс-лекаря О. И. Кирдана, по совету и протекции которого поступил в 1794 г. на медицинский факультет Московского университета. В этом ему помог Ф. Ф. Керестури, друг Кирдана, профессор анатомии и личный врач директора университета – масона Ф. Ф. Хераскова. М. Я. Мудров блестяще закончил медицинский факультет в 1800 г., учился у Ф. И. Барсука-Моисеева и поддерживал с ним дружеские отношения; после смерти учителя заботился о его детях. Имел самую тесную связь с розенкрейцерами, благодаря которым получил возможность продолжить обучение за границей. Так как преподавание в Московском университете в те годы было оторвано от практики, студенты-медики не видели больных и даже на фантомах практиковались мало, то понятно, что выпускник испытывал острый дефицит практических знаний. Горечью пропитаны его слова об изучении врачебных наук в Москве: «Мы учились танцевать, не видя, как танцуют!»

Мудров отправился в Санкт-Петербург, где преподавание практической медицины в Медико-хирургической академии было поставлено лучше. В 1801–1803 гг. он стажировался в Санкт-Петербурге и именно здесь сформировался как врач-практик. Сейчас мы сказали бы, что это была его интернатура. Рекомендательное письмо тестя (масона-розенкрейцера) – профессора Х. А. Чеботарева – к известному петербургскому масону, конференц-секретарю Академии художеств А. Ф. Лабзину, помогло «интерну» найти в столице жилье и работу (в Морском госпитале), а затем и войти в тайный орден. Произошло это именно в Петербурге³⁹. Отсюда он уехал на длительную (до 1807 г.) стажировку в лучшие больницы и университеты Германии и Франции. Маситый исследователь масонства Т. Соколовская утверждала, что Мудров был даже принят во внутренний орден, т. е. Б.З.Р.К., и собирался открыть собственную ложу «Гиппократ», но не успел из-за запрещения масонства. Исследователь русского ро-

зенкрейцерства Киселев собирался посвятить М. Я. Мудрову целую главу в своей книге, но, к сожалению, его работа не была закончена. В 1809 г. Мудров стал профессором гигиены и военной медицины в *alma mater*, а год спустя возглавил кафедру *общей патологии* и терапии, то есть также отдал лучшие годы науке, которая сейчас именуется патофизиологией.

Научная деятельность Мудрова, одного из реформаторов медицинского образования в России, — яркий пример того, как можно использовать все лучшее из герметической философии. Именно благодаря розенкрейцеровским принципам подхода к человеку и научной обстоятельности, свойственной алхимикам и гностикам, он ввел в практику здравоохранения свои знаменитые *истории болезни* — подробное и систематизированное описание больного. Им же впервые предложены *амбулаторные карты* для поликлинических больных, своеобразная кодировка состояния и частоты посещений пациентов — различным количеством черточек на этих документах. Мудров подчеркивал: «Надобно писать все, писать в порядке, писать ежедневно, и ежедневно поверять ход болезни с лечением, а лечение с предвидением. Сие-то и составляет историю болезни как клиническую записку каждого больного.... Не нахожу достаточных слов, не нахожу довольного красноречия к выражению всей пользы, происходящей от сего легкого и ежедневного при постели больного упражнения, в коем одном состоит все счастье врача и всё его преуспеяние во врачебном искусстве...»⁴⁰

У розенкрейцеров было принято подробное самописание и самоанализ, которые передавались для оценки старшим братьям. «*Следует лечить больного, а не болезнь*» — говорил Мудров. (Вот она, герметическая идея «человека-микрокосма»!) И, наконец, идея комплексной терапии, которая заключалась, в частности, и в описанной выше прогулке по философскому парку, широко рекомендовавшейся для реабилитации больных, — также сформулирована Мудровым.

Корифей русской медицины женился на своей первой пациентке Софье Чеботаревой, которую в одиннадцатилетнем возрасте вылечил хирургическим путем от опасных нарывов шеи. Этим он подтвердил известный тезис, что у истинного гения личная и профессиональная жизнь нераздельны. У Мудрова неразрывна с профессией оказалась и смерть. Приехав в Петербург организовать борьбу с эпидемией холеры, он заразился и умер. Его похоронили на Выборгской стороне за Сампсониевским собором, вместе с другими жертвами холерного мора. Могила его затерялась и ныне разорена: прах его смешался с землей нашего города.

Яков Васильевич Виллие (1765/1768–1854) — военный врач, лейб-хирург Российского императорского двора, организатор медицин-

ского дела в российской армии. Виллие – герой Бородина, руководитель Медико-хирургической академии, выдающийся реформатор российской медицины, по сути, многолетний министр здравоохранения империи, хотя такого официального поста в то время и не было. Отметим, что Виллие был врачом трех русских царей, удостоившим и смерть Павла I от «апоплексического удара», и смерть (не исключено, что инсценированную) Александра I «от лихорадки» в Таганроге. Его большое политическое и общественное влияние в России того времени безусловно⁴¹.

Любопытная версия о «найденныше» Виллие была опубликована в «Русской старине» О. фон Розенбертом и Я. А. Чистовичем. Согласно преданию семьи фон Смиттен, будущий баронет Виллие (по официальной биографии – сын шотландского сельского пастора), был обнаружен Е. Е. фон Смиттеном в Германии в канаве в возрасте «около двух лет». Затем привезен в Петербург, а позже отдан на воспитание почему-то «в бедную английскую семью». В настоящее время прямых сведений о масонстве Я. В. Виллие нет. Есть интересные косвенные факты: он был близким другом и боевым товарищем героя Бородина, известного петербургского масона, графа А. И. Апраксина. Последний был крестным отцом А. Д. Бланка (1799–1870), деда В. И. Ленина. Граф Апраксин позаботился о крестнике и помог ему поступить в Медико-хирургическую академию, глава которой неоднократно поощрял талантливого курсанта наградными книгами за отличную учебу. Впоследствии в 1832 г. акушер-ординатор больницы Марии-Магдалины Александр Бланк поселился с женой и детьми... именно в доме Я. В. Виллие на Английской набережной. Интересно, что как раз в доме лейб-медика Я. В. Виллие в 1835 г. родилась Маша Бланк – впоследствии Мария Александровна Ульянова, мать В. И. Ленина⁴².

Следует отметить наличие отдельных герметических идей в ранних работах Якова Васильевича Виллие. Так, в статье «О желтой американской лихорадке», которая была написана в 1805 г., при описании распространения болезни мы встречаем как факторы «удушливое вещество в воздухе» и вполне в стиле оккультных трактатов XV–XVI вв. «притягательную силу луны», а также – очищение воздуха при помощи «курения совершенных минеральных кислот»⁴³. Данное описание до сих пор расценивается как «мистическое», но на самом деле Я. В. Виллие герметическим по форме языком старался описать то, что мы называем сейчас воздушно-капельным типом передачи инфекции и изменением резистентности организма под действием окружающей среды.

Оценивая влияние гностическо-герметической философии на развитие русской медицины в целом, отметим, что оно не было

глобальным, основополагающим для эволюции практических и научных медицинских знаний. Век герметизма на Руси был недолог и, к сожалению, выдающихся достижений в области терапии и достоверных данных об эффективности действий алхимических медицинских препаратов мы не обнаруживаем. Вне всякого сомнения, никакой «философский камень», а следовательно, и панацея найдены не были.

Несмотря на то, что московская старая розенкрейцеровская «гвардия» сохраняла почти фанатическую приверженность ордену, их жизнь и судьба наглядно показали неэффективность (или малую эффективность) создаваемых ими препаратов. Среди розенкрейцеров, как московских, так и петербургских, не было долгожителей (разве что Гамалея – 79 лет); напротив, многие страдали различными серьезными заболеваниями. Известный архитектор Николай Львов, розенкрейцер, то ли отравился в своей алхимической лаборатории, то ли переусердствовал в изучении магии, во всяком случае, у него развилось состояние, напоминающее по описанию ступорозное. Ему удалось из него выйти («первый день новой жизни» – написал он в дневнике), но прожил он после этого недолго. Наконец, ни о каком обогащении адептов ордена благодаря алхимическим методам и говорить не приходится. Более типично для московских розенкрейцеров разорение, а иногда и полное обнищание адептов, жертвовавших ордену значительные суммы. В этом плане вызывает удивление их верность ордену. Из всех героев нашего повествования огромное состояние завещал Медико-хирургической академии лишь Я. В. Виллие. Если следовать приведенной выше версии, обнаруженный в канаве безродный «найденыш» Виллие закончил жизнь с состоянием в полтора миллиона рублей. Впрочем, эти громадные средства вряд ли связаны с алхимией и розенкрейцерами, скорее, это плата за молчание. Действительно, до конца своей жизни Я. В. Виллие ни словом не обмолвился об обстоятельствах смерти российских императоров, сохранились только его письменные заключения.

Итак, мы убедились, что русский герметизм имел те же характеристики, что и оккультная философия эпохи Возрождения. Неограниченная в познании человеческая мысль колебалась в диапазоне талантливых открытий и чудовищных заблуждений. Увы, сейчас мы не можем сказать, что в данном случае превалировало. Разделение наук привело к тому, что врач перестал быть философом, а следовательно, и познавать мир и человека как единое целое. Материализм сузил рамки познания и построил понимание организма человека на его физике, химии и биологии. С одной стороны, это продвинуло вперед саму науку, но отрицание предыдущего многовекового

опыта привело к тому, что в начале ХХI в. нам приходится заново открывать и переосмысливать прежний философский опыт, вновь и вновь поражаясь широте и безграничности понимания мира и человека у врачей-философов прошлого.

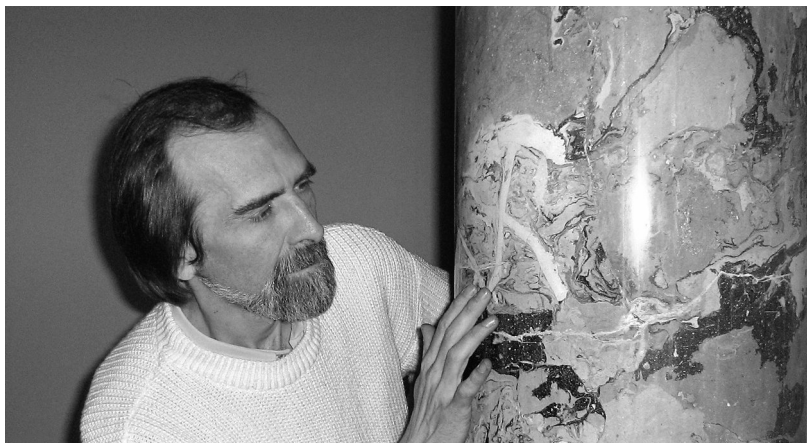
В XIX в. движение розенкрейцеров в России практически исчезло. Остались только знаки, символы столь могущественного в прежние века ордена: Р «рота» и пеликан, кормящий детей собственной кровью, который стал символом благотворительности и благотворительных больниц в частности.

Отдельные немногочисленные адепты тщательно скрывали свою принадлежность к ордену от окружающих. К сожалению, ни о каких научных достижениях братьев злато-розового креста в дальнейшем также говорить не приходится. В конце XIX – начале XX в. это уже скорее легенда, предание времен Золотого века России. Но еще оставалась вера в безграничные возможности как самих розенкрейцеров, так и созданных ими чудодейственных средств. Всеволод Соловьев в романе «Великий розенкрейцер» (1892 г.) писал: «Порывистым движением отпер он один из ящиков своего бюро, вынул из этого ящика маленькую шкатулку. Под давлением его пальца щелкнула невидимая пружина, крышка шкатулки быстро отскочила. В глубине оказался небольшой граненый флакон. Великий розенкрейцер осторожно его откупорил и влил себе в рот несколько капель темной жидкости <...>. По всей комнате от откупоренной жидкости разлилось сильное и пряное благоухание и в то же время стали происходить быстрые изменения <...>. Теперь его глаза метали искры, румянец залил бледные щеки, он весь будто вырос, будто новая, могучая сила наполнила его»⁴⁴.

Образ недостижимого волшебного и чудесного средства, которое принесло бы избавление от всех недугов, «убегающая Аталанта» западной философии, «Алый лев» алхимии, так и остался недоступной

Панно «Пеликан». Начало XIX в. ГИМ

*Овальная комната дворца Безбородко в Санкт-Петербурге.
А. А. Шмелёв показывает знак Сатурна-свинца,
или философского камня.*

вершиной магистериума. Только петербургские усадебные парки и залы дворцов, в которых собирались масонские ложи, еще помнят русских герметических философов, уверенных, что от бессмертия и вечной молодости их отделяет всего один шаг... Так хранит символы и знаки, втертые в стюк колонн, Мраморный грот – овальная комната в петербургском дворце А. А. Безбородко⁴⁵, а Арабесковая комната Строгановского дворца представляет собой картины – иллюстрации для герметических фоллиантов. Но, увы, засыпаны мрачные подземные ходы в Шувалове и в усадьбе Альбрехтов Котлы. Уже не проникнуть в громадную по протяженности круговую подземную галерею в усадьбе Романовка. В пустынном Таицком дворце роняют штукатурку стены скрытого в цокольном этаже круглого зала, также окруженного круговой галереей. И только в Елагиноостровском дворце с круговой галереей в стилобате (см. с. 254–255) и овальным залом времен И. П. Елагина мы можем пройти путем познания и, миновав затемненные и освещенными участки, выйти к философскому Свету Истины⁴⁶. Впрочем, осталась духовная панацея, которой мы пользуемся до сих пор, гуляя по садам Эпохи философов. Пользуемся, сами того не понимая...

Белой ночью пройдите по парку Александрия, что неподалеку от Петербурга, по Петергофскому шоссе за Стрельной. На холме под вековыми деревьями, недалеко от Готической капеллы, вы увидите могильную плиту. (Философ прошлого несомненно разглядел бы «незримый дух, парящий над аллеями сада».) Под камнем лежит са-

довник Петр Иванович Эрлер (1793–1857), создавший этот чудный парк. Он един со своим творением и живет в нем.

Вот оно – бессмертие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Массонство в его прошлом и настоящем. В 2-х т. 1914 / Ред. Мельгунова С. П., Сидорова Н. П. репр. изд. М., 1991. Т. I. С. 67.
- 2 Кульман К. Чередування обстоятельств человеческого Бытия (перевод В. Летучего) / Летучий В. И. И сей красотой полон круг земной // Иностранная литература. 2006. № 2. (<http://magazines.russ.ru/inostran/2006/2/le7.html>)
- 3 Шмелёв А. А., Чурилов Л. П. Убегающая Аталанта: поиски панацеи // Медицина XXI век. СПб., 2008. № 9 (10). С. 102–110.
- 4 Нахаметов Б. А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2002. С. 14–15.
- 5 Там же. С. 179.
- 6 Фомин О. Сакральная триада... С. 115.
- 7 Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 2001. С. 48.
- 8 Там же. С. 56.
- 9 Массонство в его прошлом и настоящем... Т. II. С. 128.
- 10 Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 123.
- 11 Там же. С. 145.
- 12 Там же. С. 151.
- 13 Там же. С. 143.
- 14 Шмелёв А. А., Чурилов Л. П. Указ. соч.
- 15 Киселёв Н. П. Из истории Русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 87.
- 16 Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 213.
- 17 Там же. С. 173.
- 18 Там же. С. 122.
- 19 Массонство в его прошлом и настоящем... Т. II. С. 121.
- 20 Там же. С. 123.
- 21 Песталоцци. Новиков. Каразин. Ушинский. Корф. Биографические повествования / Ред. В. П. Карина. Челябинск, 1997. С. 198.
- 22 Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 213.
- 23 Там же. С. 221.
- 24 Башилов Б. История русского масонства. М., 1992. С. 423.
- 25 Песталоцци. Новиков. Каразин. Ушинский. Корф. С. 218.
- 26 Шагорнак П. Граф Сен-Жермен – хранитель всех тайн. М., 2007. С. 49.
- 27 Там же. С. 56.
- 28 Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XIII и XIX столетий. СПб., 1884; репр. изд.: Л., 1990. С. 121.
- 29 Там же. С. 124.

- 30 Там же. С. 128.
- 31 Кузнецов С. О. Прорубить окно на восток. Алхимический зал Строгановского дворца // Реликвия. № 4 (11). СПб., 2005. С. 44–49.
- 32 Масонство в его прошлом и настоящем... Т. II. С. 213.
- 33 Кузнецов С. О. Прорубить окно на восток... С. 48.
- 34 Нащокина М. В. Русский масонский сад // Русская усадьба. Вып. 12. М., 2007. С. 118–142.
- 35 Турчин В. С. Взгляд русского масона на природу естественную и искусственную // Русская усадьба. Вып. 8 (24). М., 2002. С. 46.
- 36 Описано в работе: Шмелёв А. А. Философский сад Шуваловых. Мистерия алхимии // Русская усадьба. Вып. 15. М., 2009. С. 142–177.
- 37 Романов Н. К истории русской медицинской терминологии // Врач. 1996. № 1. (Январь). Смоленск, 1996. С. 48–54.
- 38 Мудров М. Я. Избранные произведения. М., 1949. С. 296.
- 39 Соколовская Т. О., Лотарёва Д. Д. Тайные архивы русских масонов. М., 2007. С. 128.
- 40 Мудров М. Я. Указ. соч. С. 301.
- 41 Тюкин В. П., Чурилов Л. П. Яков Васильевич Виллие – полвека во главе российской медицины // Медицина XXI век. СПб., 2007. № 4 (5). С. 100–107.
- 42 Бондаренко Ю. Зигзаги судьбы // Нева. 2004. № 4. С. 104.
- 43 Романов Н. Указ. соч. С. 52.
- 44 Всеволод Соловьёв. Великий розенкрейцер. М., 1991. С. 23–24.
- 45 Шмелёв А. А. Скрытый смысл комнаты-ротонды бывшего дворца Безбородко // Русская усадьба. Вып. 11 (27). М., 2005. С. 503–514.
- 46 Шмелёв А. А. Говорящая архитектура России в философском саду Елагина // Русская усадьба. Вып. 13–14 (29–30). М., 2008. С. 282–302.

С. Г. Калинина

ЯРОСЛАВСКИЕ ИМЕНΙΑ МИХАЙЛОВСКОЕ И КУЗМОДЕМЬЯНСКОЕ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ

Ярославские вотчины принадлежали князьям Щербатовым на протяжении практически трех столетий. Как свидетельствуют писцовые книги 1627 г., село Михайловское на реке Паже в Закоторском стане Ярославского уезда с несколькими деревнями было пожаловано князю Василию Петровичу Щербатову царем Михаилом Федоровичем за «Московское осажденное сидение» и удачное отражение нападения польско-литовского войска, возглавляемого королевичем Владиславом. Известно, что в селе к этому времени уже имелась церковь (вероятно, деревянная) во имя Архангела Михаила с пределом страстотерпца Георгия, «древяна», «а в церкви образы и книги и всё церковное строенье»¹. После смерти В. П. Щербатова в 1637 г. имение перешло его единственному сыну Федору, которому, в свою очередь, в 1680 г. наследовала его вдова, княгиня Прасковья Петровна (урожденная Сабурова). Еще через два года старшие сыновья Федора Васильевича Федор и Юрий Щербатовы подали челобитную, в которой просили отказать оставшиеся после смерти их родителей земли за ними. В результате раздела Михайловское осталось за старшим сыном Федором Федоровичем, а после смерти его самого и его жены княгини Федоры Владимировны (урожденной Бастановой) из-за отсутствия у них детей все недвижимые имения в Московском, Суздальском, Галицком, Ярославском и других уездах были разделены между его младшими братьями – Юрием и Петром². В 1691 г. за Юрием Федоровичем было записано еще одно крупное поместье, принадлежавшее до этого И. И. Чаадаеву, – село Кузмодемьянское на речке Которосли с деревнями, пашнями и пустошами в том же Закоторском стане³. После смерти в 1694 г. бездетного младшего брата Ю. Ф. Щербатов стал единственным наследником всех ярославских имений, а его сын Михаил к 1730-м гг. владел уже почти 4000 четвертей земли. Помимо Ярославского, его имения находились также в Московском, Галицком, Оболенском, Мценском и Орловском уездах⁴. В эти годы окончательно сложился комплекс ярославских имений Щербатовых со всеми селами, деревнями, пустошами, санными покосами и прочими угодьями, который принадлежал им до конца XIX в.

Село Михайловское. Современный вид. Фотография автора. 2008 г.

Служебные обязанности вынуждали владельцев подолгу жить вдали от своих усадеб, находиться при царской особе, в военных походах или на службе в разных городах. Так, Ю. Ф. Щербатов, начав службу в 1681 г. стольником, участвовал в 1700 г. в Нарвском сражении, а с началом строительства Санкт-Петербурга был направлен для «учреждения» там Ямского приказа и участвовал в создании в городе кирпичного завода. В 1732 г. он отошел от дел и постригся в Андреевский монастырь в Пленницах в Москве под именем Софрония, продолжая, тем не менее, участвовать в управлении ярославскими имениями. Он прожил 109 лет, пережив всех ближайших родственников, и умер в 1739 г.⁵ Его сын, Михаил Юрьевич, начав службу в 1693 г. стольником при царе Петре Алексеевиче, с 1700 г. вместе с лейб-гвардии Семеновским полком принимал участие практически во всех важных сражениях Северной войны: под Нарвой (1700), в штурме Нотебурга (1702), при Гродно (1706), под Лесной (1708), в Прутском походе (1711). В 1731 г., будучи уже генерал-майором, он был определен обер-комендантом в Москву, а на следующий год назначен губернатором в Архангельск, где и умер в 1738 г.⁶

При подобном образе жизни дворяне практически не имели возможности посещать свои родовые гнезда и лично заниматься их

обустройством. Усадьбы рассматривались владельцами главным образом как источник доходов, и непосредственная деятельность в них (сбор оброка, посев и уборка урожая, выбор крестьян для отдачи в рекруты, строительные работы) осуществлялась старостами и управляющими. Гораздо позже, в одном из писем к Екатерине II, князь М. М. Щербатов, объясняя свое плачевное финансовое положение, писал об имениях своего отца и о доставшихся ему в качестве приданого имениях своего тестя дипломата И. А. Щербатова: «...неустроенные как его, так и отца моего деревни, в которых, препроводя всю свою жизнь в службе своих Государей, никогда не бывали»⁷. В такой ситуации управляющие, будучи далеки от хозяйского присмотра, получали практически бесконтрольную власть над имениями и часто использовали ее в своих интересах. В приказах Ю. Ф. Щербатова за 1713 г. присутствует практически весь спектр чувств — от просьб и увещаний до негодования и угроз, вызванных нерадением, ленью и воровством управляющих. Так, в письме к приказчику Алексею Медведеву князь писал: «Писать я к тебе много не умею, потому что ты много властвуешь и сына своего взял к себе мои деревни разорять. Прошу я у тебя в честь, пожалуй, не разорять деревень моих. Пишешь ты ко мне, что хлеб худ, а я ото многих слышу, что хлеб у нас хорош. Я уже то узнал, что половина хлеба моего сын твой проплет, ты ему отдашь». Или в другом месте: «да били челом мне Медведевы, которые в солдате, что оне все розданы в солдаты, а все раздали вы, прикащики, для посулов своих и деревню мою разорили, а те крестьяне у меня были лутчие, а вы их разорили...» Тем не менее, несмотря на свою постоянную занятость, Щербатовы требовали отчеты у управляющих, выделяли средства на обустройство строений. В том же 1713 г. Юрий Федорович распорядился о строительстве в Кузмодемьянском новой деревянной церкви на месте старой, ветхой, которую было решено разобрать. Все внешние и внутренние отделочные работы предполагалось производить силами своих крестьян: «ты столярам вели Кузмодемьянскую церковь делать иконостасы... вели зделать киот местному образу чудотворцу Николаю... другой такой же киот большой вели зделать другому местному образу Спасителю... вели образ Спасителя вновь написать». И опять все наставления по ходу строительства сопровождались постоянным напоминанием: «церковь Святую, конечно строй, и пиши, что построено будет, и денег не крадите»⁸.

Первая дошедшая до нас опись имеющихся в Михайловском строений относится к июню 1724 г. Она была составлена по случаю смены управляющего: место Михаила Григорьева занял Михаил Кузьмин. Усадебный дом — «княжьи хоромы» — был совершенно типичным для этого периода и практически не отличался от крестьянской избы⁹. Состоял он из одной (или двух) комнат с низкими потолками и 6 окнами.

Из убранства – четыре иконы (две Спасителя, Богородицы и Николая Чудотворца), два больших стола (еловый и липовый), 6 скамей. Кроме этого на территории усадьбы были поварня (кухонный дом), два амбара и восемь житниц¹⁰. В инструкции Ю. Ф. Щербатова 1725 г. говорится о церквях в Михайловском и Кузодемьянском: «В обоих селах смотреть в церквях Божиих, чтобы у священников была служба святая, также чтоб в церквях свечи, и ладан, и вино церковное безпрестанно было, и того смотреть, чтоб на память отца моего и матери у священников служба и понафиды (панихиды. – С. К.) были и на гроб бы ходили»¹¹. Это указание ценно также тем, что из него мы узнаем о месте захоронения родителей Ю. Ф. Щербатова – Федора Васильевича (или брата) и Прасковьи Петровны Щербатовых. Помимо упоминаемого храма Св. Михаила Архангела в Михайловском была еще одна деревянная церковь Зачатия Св. Анны, которая находилась не на территории усадьбы, а в поле за селом. Дата ее постройки неизвестна, а первое упоминание в документах относится к 1732 г.¹² Просуществовала церковь недолго: в конце 1760-х гг. сын Михаила Юрьевича – князь М. М. Щербатов – подал челобитную Ярославскому и Ростовскому епископу, в которой просил разрешения разобрать Зачатьевскую церковь, так как, во-первых, она порядком обветшала и «в летнее время како от дождей, а в зимнее время от снегу в углы во оную церковь бывает от воды течь», а во-вторых, церковь эта, построенная, вероятно, в конце сороковых – начале пятидесятих годов на месте старой сгоревшей Зачатьевской церкви, была возведена без ведома и согласия владельца¹³. Дело было решено положительно, церковь разобрана, а вся утварь перенесена на хранение в храм Св. Михаила Архангела в Михайловском¹⁴.

После смерти Ю. Ф. и М. Ю. Щербатовых наследниками ярославских имений стали третья жена последнего княгиня Ирина Семеновна Щербатова (урожденная Сонцова-Засекина) и двое ее сыновей: Петр и Михаил. В апреле 1746 г. И. С. Щербатова подала в Вотчинную коллегия челобитную, в которой просила отказать за ней «указную часть» (примерно седьмую) всего оставшегося после ее мужа недвижимого имущества, а остальное, разделив поровну, записать за ее сыновьями. В итоге за ней осталось 544, а за сыновьями по 1570 четвертей¹⁵. Во избежание дальнейшего дробления родового ярославского имущества, в 1754 г. княгиня по «полюбовному» соглашению с детьми, оставив за собой свою седьмую часть, остальное записала за младшим сыном Михаилом. Петру же были отписаны имения в других уездах¹⁶.

Княгиня Ирина Семеновна крайне редко посещала ярославские имения, большую часть времени проводя в Москве, где занималась воспитанием и образованием сыновей до их отъезда на службу в

Санкт-Петербург в 1751-м и в 1755 гг. соответственно. В управлении ярославскими именьями существенную помощь ей оказывал дальний родственник ее мужа – Петр Дмитриевич Щербатов. В одном из сохранившихся писем от 21 февраля 1741 г. она благодарила его за помощь в смотре за крестьянами и просила, чтобы «выбирали бы в рекруты бестяглых и гулящих людей, а бестяглых мало будет, то прикажите кинуть жребей от семьи, а мастеровых и одиноких людей не прикажите в солдаты отдавать, чтоб дома не пустели. Пожалуй, государь мой князь Петр Дмитриевич, не оставь моей прозбы, приложи свое старание, чтобы крестьяне наши в отдаче рекруцкой большого себе убытку не делали... Пожалуй, государь мой, выступи в сиродство детей моих, за что тебе Бог заплатит»¹⁷.

В 1740–1750-е гг. при И. С. Щербатовой никаких существенных перестроек господского дома в имении не производилось. По описи 1744 г. в Михайловском находились каменная церковь Св. Михаила Архангела «со всякою утварию, на колокольне 5 колокол», небольшой господский дом из «2-х горниц», четыре избы для дворни, ледник, хозяйственные постройки (поваренная изба, сеновалы, амбары для хранения ржи, овса, ячменя), две конюшни (на 10 жеребцов и кобыл), скотный двор (на 8 коров, 2 быков, 9 телок и 2 молодых бычков, нескольких овец, баранов и 16 ягнят). Видимо, в эти годы в усадьбе появляется небольшая пасека и разбивается большой яблонево-вишневый сад¹⁸.

Значительные перемены в имении происходят во второй половине 1750-х гг. В 1756 г. М. М. Щербатов женился на своей дальней родственнице, дочери действительного тайного советника, дипломата и сенатора князя И. А. Щербатова Наталье Ивановне. Через год, после рождения первой дочери Ирины, он получил отпуск и вместе с семьей отправился в свои ярославские именья, где проводил время на охоте и других развлечениях¹⁹.

Охота, несмотря на то, что была довольно дорогостоящим и требующим временных затрат удовольствием, на протяжении многих столетий являлась одним из основных развлечений дворян-мужчин. Молодые дворянские отпрыски довольно рано привлекались к этому делу. Не был в этом смысле исключением и молодой князь М. М. Щербатов. Именно эта его страсть явилась одной из причин для крайнего недовольства и даже раздражения тестя, князя И. А. Щербатова, который писал своему зятю: «хороша псовая охота, но тому, кто достаток имеет, а, по моему мнению, лучше всю оную перевести»²⁰. «Переводить» свою охоту Михаил Михайлович не стал, но совету тестя все-таки последовал и сократил ее численность, оставив к концу 1758 г. «12 собак гончих, в том числе 6 сук и 12 собак борзых, в том числе 4 суки и несколько щенят»²¹, а еще через два года

распорядился оставить только 8 гончих и столько же борзых собак²². Но практически сразу же после выхода в отставку в письмах к управлющему М. М. Щербатов неоднократно писал, чтобы тот старался «сколько возможно, борзыми собаками охоту мою приумножать» и заботился о правильном содержании собак²³.

Через восемь месяцев пребывания в Михайловском расстроенное финансовое положение и служба вынудили Щербатова с семьей вернуться в столицу. Между тем, как свидетельствуют документы, именно с этого времени он принимается за обустройство своего родового имения. Изменения коснулись как усадебного строительства, так и жизни дворовых и крестьян. В апреле 1757 г. был сменен старый управляющий: место Романа Матвеева занял Никифор Кузьмин. Но главное – началось строительство нового господского дома, одноэтажного и деревянного, как прежде, но значительно большего по размеру. Старая тесная усадьба, конечно, не подходила для быстро разраставшейся молодой семьи (в 1760 г. у Щербатовых было уже трое детей; всего же до взрослых лет дожили семеро детей).

В новом доме было четыре просторных комнаты («горницы» – князя, княгини, детская и одна наверху, видимо, мезонин) и зал с двустворчатыми стеклянными дверями, две изразцовые и одна простая печь, а также два камина. Из мебели во всех помещениях было семь больших и два малых стола, три зеркала в золоченых оправах, семь кроватей, две обитых кожей софы, два кресла и около 15 стульев. Некоторые комнаты были обклеены желтыми бумажными обоями. Наверху над покоями была еще одна горница с небольшой изразцовой печкой. Из хозяйственных построек в Михайловском были сенной и каретный сарай, две конюшни (на 12 и 7 стойл), мыльня, поварня, конский скотный двор, кузница, три амбара²⁴. На скотном дворе держали гусей, кур, индеек, уток. Также в Михайловском указывались два пруда и псарный двор с четырьмя стаями борзых²⁵.

В 1758 г. М. М. Щербатов назначил нового управляющего – Осипа Ивановича Зверева, который до 1777 г. отвечал за ведение хозяйства в ярославских селах, а затем был взят князем для услуг в петербургский дом. Должность управляющего в имении была одной из ключевых. От его честности и добросовестности зависело очень многое в жизни помещика и его семьи: от того, что подавали ему на обед за столом до финансового благополучия. Управляющий отвечал буквально за все: за поиск и отправку в город кормилиц для новорожденных детей хозяина, за обеспечение продуктовых заготовок на зиму и доставку их в город (заморозка рыбы, варка варенья, приготовление настоек и т. д.), за все строительные и сельскохозяйственные работы в имении, за состояние сада, за уход и содержание птицы и скотины, за сбор оброка, выбор рекрутов, за всю работу на фабрике – от поставки сырья до выпуска готовой продукции и т. д. Неслучайно все предыдущие

владельцы ярославских вотчин постоянно в своих «приказах» управляющим буквально молили их не воровать и «не разорять» имения. По мнению М. М. Щербатова, Осип Зверев больше других подходил на должность управляющего, хотя ему и пришлось первые годы употребить на его «воспитание». Щербатов периодически отчитывал Зверева за те или иные проступки или нерадение: «Мне засвидетельствование твое не весьма нужно в том, что по отъезде твоём, Осип Зверев, три овцы и один баран агленские умерли, но в том требую ответа, для чего ты не имеешь за ними смотра, ибо быв определен прикащиком, ты о всем свои старании и смотрение распространять должен». Или дальше, в том же письме: «Что ты описываешь, коль великие починки надлежит зделать у хором в селе Михайловском и сие не от иного чего произошло, как от твоего запущения... ты знатно, не желая моего приезда, тшилсь всё упустить, дабы мне некуда было и приехать; и для того чрез сие тебе объявляю, что естли всё к приезду моему починкою не будет исправлено, то мучительным образом ты будешь наказан, ибо я уже наскучен твоими плутовствами»²⁶. Был ли управляющий «мучительно наказан» или все-таки успел к приезду князя навести порядок, документы не сообщают.

Должность управляющего в имении была отнюдь не спокойная. Занимавший ее для своего же благополучия должен был быть в хороших отношениях и с подчинявшимися ему крестьянами, число коих достигало несколько сотен. Угодить всем, как известно, задача трудно-выполнимая. Поэтому, помимо выговоров от хозяина, О. И. Зверев в первые годы своего управления имением получал неожиданные «удары» и от крестьян. В начале 1764 г. М. М. Щербатову было подано несколько крестьянских доносов на управляющего, в которых тот обвинялся в том, что брал с них взятки за дачу леса на постройку, за устройство выгодных брачных союзов, выдачу паспортов и т. д. Видимо, писавшие эти доносы уж очень хотели лишить Зверева занимаемой должности, ибо прекрасно знали, что подобное обвинение в глазах князя не имеет оправдания. Однако М. М. Щербатов, также отлично осведомленный о нравах крестьян и не желавший верить им на слово, решил лично разобраться в этом деле, для чего приехал в Михайловское. В письме же в имение он написал, что «естли найдется, что хотя в чем мало погрешил, то примерное наказание ему мноу ученоно будет» и чтобы он не надеялся «какими пронырствами избежать от строгова и справедливого следствия». В то же время, если после выяснения всех обстоятельств Осипов окажется невиновным, «то не должен не токмо страшиться наказания, но и паче милости ожидать»²⁷. По всей вероятности, доносы оказались ложными, ибо в документах это дело больше не обсуждалось, а Зверев продолжил свою работу. И впоследствии князь периодически получал от своих крестьян жалобы на управляющего, которые рассматривались им как

обычное явление. Ходу им он не давал, «дабы не подать притчину ро-потливому народу и на других управителей жалоб произносить».

Осип Зверев, видимо, был достаточно старательным и исполнительным человеком, которому нелегко было поначалу привыкнуть к новым обязанностям. Поэтому различные «упущения» случались постоянно, однако никаких серьезных нарушений Зверев себе не позволял. Понимая это, Щербатов предпочитал терпение и постепенное разрешение проблем каким-то резким, могущим лишь спровоцировать недовольства решениям. Благодаря такому подходу к своим людям М. М. Щербатову удавалось сохранять спокойную обстановку в имениях. На протяжении всей второй половины XVIII в. никаких серьезных конфликтов в ярославских имениях документы не зафиксировали.

В Кузодемьянском строения были чуть скромнее. Каменная церковь с деревянной колокольней. Господский дом состоял всего из двух помещений, в которых находилось 2 стола, 12 стульев и 4 кровати. Из хозяйственных построек – поварня, конский и два скотных двора. На реке Которосли строилась пильная мельница.

В конце 1750-х гг. княгиня И. С. Щербатова затеяла перестройку одноэтажной каменной церкви в Михайловском в новую двухэтажную с приделом и новой колокольней. Работами руководил ее сын Михаил через приказчиков, т. к. сам в эти годы находился в Санкт-Петербурге. Из-за нехватки денег работа шла медленно. Так, в письме приказчику О. И. Звереву от 17 февраля 1760 г. он писал: «что касается до строения колокольни в селе Михайловском, то я хотя и весьма согласен сделать сие для церкви Божей, но неимение денег меня удерживает, однако понеже то матушке угодно, сим повелеваю деньги, которые ты возмешь за продажу десятины лесу и к ним приложу еще надлежащую сумму для учинения 30 руб[6]., отдать в церковь, на которые купить извести, ибо мнится мне, что сперва надлежит заготовить материалы, да тогда строенье начать»²⁸. По распоряжению князя был составлен чертеж новой колокольни, который согласовывался со всеми членами семьи: «Когда матушка имеет рисунок калакольни, то ежели угодно ей, так и строить, однако я более о сем переговорю з братом князь Петром Михайловичем, которой ныне в Санктпетербурхе, дабы он в Москве точное изволение матушкино уведовав, к тебе отписал»²⁹. В августе того же года по присланным из Михайловского замерам М. М. Щербатовым был заказан в Петербурге проект новой церкви³⁰. Ее строительство растянулось на пятнадцать лет и было закончено в 1774 г. (освящение состоялось 8 ноября). Согласно описи строений в Михайловском, храм состоял из нижней церкви Св. Михаила Архангела, верхней Знамения Прсв. Богородицы, придела Св. Николая и деревянной колокольни с 6 колоколами³¹. Каменная колокольня

*Церковь Св. Михаила Архангела в Михайловском.
Фотография автора. 2008 г.*

была возведена лишь к середине XIX в., а окончательная роспись храма завершена в 1872 г.³²

После смерти княгини Ирины Семеновны в 1760 г., принадлежавшая ей седьмая часть ярославских земель, согласно «полюбовному» соглашению между М. М. Щербатовым и вдовой его брата Петра Натальей Павловной, также перешла во владение к Михаилу Михайловичу³³. Таким образом, к началу 1760-х гг. М. М. Щербатов стал владельцем всех ярославских имений. Как свидетельствуют подворные описи 1763 г., в Михайловском числилось 60 крестьян мужского пола и 50 женского. В принадлежащих селу деревнях (Котове, Макарове, Починках, Писцове, Юкове, Борисцеве, Зиновском и Петлине) проживали 231 крестьянин мужского пола и 239 женского. Кузмодемьянское было более многочисленным — 70 крестьян и 72 крестьянки, а в деревнях (Комарове, Боровом, Черелисине, Капустине, Горбунове, Бойтове, Каравайцеве, Острецове и Темерёве) — 268 крестьян и 282 крестьянки. Всего же числилось 1272 души обоего пола³⁴.

Находящиеся главным образом в нечерноземной полосе, имения М. М. Щербатова не позволяли ему надеяться на высокие урожаи и,

соответственно, стабильные доходы. В экономических примечаниях к генеральному межеванию, проводившемуся в Ярославской губернии на рубеже 1770–1780-х гг., отмечалось, что в имениях Щербатова «земля иловатая с песком, хлеб средственной, трава изрядная, лес строевой и дровяной, крестьяне на оброке»³⁵. Хозяйственные книги ярославских вотчин свидетельствуют о том, что урожаи даже не в самые «неурожайные» годы собирались крайне низкие: из высеянных 9 четвертей ржи удалось собрать 15, из 12 овса – 18 и т. д. С другой стороны, расположение имений в центральной европейской части рядом со многими крупными торговыми центрами создавало благоприятные условия для организации и развития там промышленности³⁶.

В середине 1760 г. М. М. Щербатов задумал строительство ткацкой фабрики в Кузмодемьянском. Небольшое домашнее производство полотен осуществлялось в имении и до этого времени: в обычной крестьянской избе ткача Федора Дорофеева был ткацкий станок для изготовления салфеток и скатертей. В начале 1762 г. к нему в ученики были присланы двое молодых крестьян. Князь настолько загорелся идеей организации ткацкого производства, что за неимением на тот момент специального помещения готов был отдать ткачу часть своего усадебного дома: «чтоб работа непрерывна была... для того, ежели в той избе, где он [ткач] живет, станок установить не можно, то отвесьть ему покой в хоромы, что в Кузмодемьянском»³⁷. В течение всего года Щербатов неоднократно писал О. И. Звереву, чтобы тот следил за работой ткача и его учеников. В сентябре 1762 г. он писал управляющему о необходимости постройки специального помещения для фабрики: «повелеваю немедленно ткацкую избу велеть в Кузмодемьянском строить начать, дабы к первому числу будущего ноября месяца она конечно совсем отделана была и по отделке меня немедленно репортовать»³⁸. Строительство избы позволило уже на следующий год осуществить мечту князя о собственной ткацкой фабрике. Поначалу ее мощность была невелика – всего 12 станков, а качество выпускаемых полотен – невысоко. На фабрике ткались ревендушные, коломенковые и фланские полотна. Щербатов постоянно писал управляющему Осипу Звереву и Федору Дорофееву, отвечающему непосредственно за работу фабрики, о том, чтобы они следили за качеством выпускаемой продукции, приказывал отдавать подростков в обучение работе на станках, стрижке овец, искусству окрашивания шерсти и т. д. Для этого учеников направляли на Большую Ярославскую полотняную мануфактуру, основанную знаменитой семьей Затрапезновых еще в 1722 г. После 1764 г., когда владельцем мануфактуры стал С. Я. Яковлев, щербатовские крестьяне перестали ходить туда. Но через некоторое время, когда производство было восстановлено в полном объеме, сам предприниматель

попросил князя о предоставлении ему дешевой рабочей силы: «Просил меня господин асессор Савва Яковлевич, чтоб я по прежнему, как мои мужики хаживали на фабрику Алексея Затрапезнова, так бы и к нему ныне ходили. Я, рассуждая, что сия фабрика несколько ближе и состоит не за рекою Которостию от моих деревень, а притом фабрика сия содержитца в таком порядке, какового при Алексее Затрапезном не было, что и было притчиною тому, что мои крестьяне от сей фабрики отстали. Того ради повелеваю тебе колико возможно стараться, что мои крестьяне по прежнему на сию фабрику ходили, и сколько ныне пойдут на оную, о том меня репортовать»³⁹. Со временем крестьяне получили настолько высокую квалификацию, что к концу 1780-х гг. сами могли обучать ткацкому ремеслу присылаемых на фабрику крестьян московского главнокомандующего князя А. А. Прозоровского⁴⁰.

М. М. Щербатов неоднократно просил управляющих доходчиво объяснять крестьянам, что увеличение количества и повышение качества производимых полотен ведет не только к обогащению их владельца, но и их самих⁴¹, требовал от них, чтобы работа на фабрике шла быстро и «ни в чем остановки не было». Постепенно качество производимых полотен заметно улучшилось. Уже в 1770 г. Щербатов писал Звереву: «посланные от тебя полотна и платки получены», которые «вытканы весьма изрядно»⁴². Князь требовал следить за качеством производимых тканей: «По рассмотрению моему о щетах фабрики ясно видно, что тонкое тканье насравнительно более прибыли приносит, нежели толстое, чего ради Вам повелеваю, яко самим участвующим во всем моем прибытке стараться, чтоб тонкое тканье более производить. То есть чтоб в нынешнем 1773-м году не менее выткать двадцать тонких полотен и пятнадцать дюжин платков, ибо платки еще прибыльнее самих полотен»⁴³.

В конце десятилетия Щербатов отдал распоряжение, «дабы скарти мои гербами непременно вытканы были как наивозможно лучше». В качестве стимула князь периодически повышал жалованье своим работникам: «ткачам тонких полотен объяви, что я, естли увижу их усердие, то, конечно, не применю в будущей год прибавку заработных денег учинить, ибо Боже меня сохрани пользоваться каким ни есть прибытком, чтоб тогда же и подвластные мне самой не разделили»⁴⁴. Основными рынками сбыта продукции были как российские города Санкт-Петербург, Москва, Ярославль, Кострома, Казань, так и некоторые иностранные, в том числе греческие. Пробовал Щербатов и наладить производство «аглинского белого тканья», для чего в марте 1783 г. послал на фабрику соответствующий образец и попросил «выткать на пробу хотя десять аршин». Однако присланный через некоторое время к нему образец оказался «очень

дурен и при том и в работе медлительно». Идею эту пришлось оставить, а все усилия сосредоточить на производстве уже привычных полотен⁴⁵. В начале 1770-х гг. доход от продажи ткацкой продукции составил 1800 руб., к 1775 г. — 4000 руб., а к середине 1780-х гг. — 8644 руб. в год⁴⁶. В августе 1786 г. М. М. Щербатов распорядился еще увеличить количество станков и выделил для этого достаточно большую сумму — 10 000 рублей. Для размещения нового оборудования в Кузмодемьянском были построены еще две избы, производство в которых началось с 1787 г.⁴⁷ В следующем году Щербатов закупил еще 7 станков⁴⁸. Таким образом мощность производства достигла 120 станков (т. е. увеличилась в 10 раз). Для помещицкой мануфактуры того времени это довольно высокий показатель. Согласно подсчетам П. Г. Любомирова, к концу века количество станков на помещичьих предприятиях составляло в среднем 50–70 станков⁴⁹. Работавшие на фабрике крестьяне получали в 1780-х гг. в среднем 15 руб. в год, а оброк, выплачиваемый ими Щербатову, составлял 6 руб. 50 коп.

Князь внимательно отслеживал состояние текстильного рынка и реагировал на все его изменения. В 1786 г., в связи с введением новой формы в российской армии, резко подскочили цены на фланские полотна. Щербатов тут же отдал распоряжение своему управляющему «ныне фланским полотнам цена возвышается для того, что на полки по штату положены фланские полотна, итак более оные и работать и стараться, чтоб были плотны, а при том и безежно почище»⁵⁰. Спрос на ткани щербатовской фабрики был не только со стороны государства, но и среди ярославских, московских и петербургских купцов. В феврале 1788 г. князь писал управляющему фабрикой Федору Дорофееву: «уведомляю тебя, что в покупке моих полотен ныне купцы между собою ссорятся, и один из оных дает вперед денег 2000 рублей, чтоб умножить тканье полотен, от чего моя польза, а при том и ты более прибыли получить можешь», и дальше в том же письме: «от семьянистых домов безотлучно могут работать человек сто, и ежели сие исполнишь, то, конечно, много сработать могут, а сим фабрику мою более прославить, стараясь притом лучше ткать полотна, а чрез то цена полотнам прибавится. Пожалуй, о сем постарайся мне услужить. Бога для постарайся для меня и для себя, ибо когда прибыль льется, не должно упускать. Также и о доброту полотен постарайся»⁵¹.

Ярославская вотчина М. М. Щербатова ко второй половине XVIII в. практически полностью обеспечивала своих владельцев необходимыми продуктами. Еще в середине века ко всем церковным и семейным праздникам из Михайловского и Кузмодемьянского присылались на княжеский стол свинина, говядина, куры, индейки, гуси, утки, мед, грибы и ягоды⁵². Распоряжения Щербатовых содержат уникальные

сведения о том, чем запасались крестьяне на зиму для хозяйского стола. Причем князь сам подробным образом расписывал, что именно следует делать с теми или иными ягодами, фруктами, речной рыбой и каким образом заготавливать их. Некоторые страницы его писем управляющим напоминают отрывки из кулинарных книг: «Повелеваю, когда поспеют плоды, тогда налить французской водкой ведро вишень, ежель будут иль будут дешевы, ведро малины, ведро черной смородины и полведро яблок. Таковым образом наполнить бочонки в ведро ягодами и налить французской водки, сколько войдет... Сварить в сахаре и в меду земляники, малины и красной смородины, костяники побольше и прислать в Москву, также наделить пастилы малиновой и землянишной», варили также конфеты⁵³. Ежегодно в течение весны и лета крестьяне ловили в реках карасей, лещей, судаков и выпускали их в михайловский пруд. Осенью же, с наступлением первых морозов, рыбу вылавливали из пруда, солили или замораживали: обливали в ледниках водой и пересыпали снегом. В таком виде ее к праздникам и во время поста отсылали в Москву или в Петербург на княжеский стол. Любили Щербатовы и свежую рыбу⁵⁴. Конечно, особое внимание уделялось винам. Среди хозяйственных документов Михайловского сохранился реестр прихода и расхода вин за 1798-й и 1799 гг. Согласно источнику, в сентябре 1798 г. Щербатовыми было закуплено 154 бутылки французского вина («Котроти» [Côte-rotie], Франтиньяк, Шато-Марго, бургундское белое и красное, шампанское), 35 бутылок немецкого рейнвейна, 10 бутылок испанской малаги, 4 бутылки венгерского вина (название не уточняется). В самой усадьбе производили для собственных нужд вишневую и рябиновую наливки⁵⁵.

В усадьбе выращивалось практически все: огурцы, морковь, свекла, репа, бобы, горох, капуста. Сад в Михайловском пользовался особой любовью и заботой владельцев усадьбы. Здесь росли яблони, вишни, смородина, малина. К концу XVIII столетия он имел вид регулярного, а общее количество деревьев в нем достигло 767, причем помимо уже названных, в саду росли различные сорта груш, слив, персиков, абрикосов. Выращивали черную, красную, белую смородину и крыжовник (270 кустов), в оранжереях разводили пионы, нарциссы, тюльпаны⁵⁶. Для ухода за регулярным садом нанимались садовники из дворовых людей как самих Щербатовых, так и других помещиков. Планировка, выбор саженцев, а иногда и их посадка, внедрение новых способов выращивания экзотических видов, разбивка аллей – все это происходило при непосредственном участии владельцев, в частности князя М. М. Щербатова.

Помимо того, что ярославские вотчины практически полностью обеспечивали хозяев продуктовыми запасами, все хозяйственные и

строительные работы в имениях также осуществлялись силами местных крестьян. Постоянно, начиная с середины XVIII в., Щербатовы выписывали себе в Ярославль, Москву или Петербург крестьянских детей подросткового возраста, чтобы отдать их в ученики какому-либо ремесленному мастеру, как правило, сапожнику, плотнику, штукатуру, каменщику и т. д.⁵⁷ Таким образом в распоряжении Щербатовых постоянно были представители практически всех главных профессий. Это было выгодно всем, поскольку приносило стабильный заработок как самим крестьянам, так и их владельцам.

В одном из своих произведений, написанных уже в конце жизни, М. М. Щербатов, противопоставляя роскошную, но тоскливую жизнь в имении видного вельможи, описывал имение дворянина среднего достатка, в котором практически всё – от выбора саженцев для садов и оранжерей до планировки усадебных строений – было результатом его трудов. То, с каким знанием дела и с какой любовью и нежностью автор описывает это имение, не оставляет сомнений в том, что во многом прототипом ему послужило именно Михайловское: «Он с друзьями своими, сошед в сад, останавливается на всякой дорожке, с удовольствием показывает высоту и густоту [нрзб.] или тень крытых аллей, рассказывает время сажения их, воспоминает, что он сам его чертил, сам его разбивал и многое своими руками сажал. В парниках показывает разные цветы, веселится, видя их красоту или чувствуя благовоние, рассказывает, откуда корни и семена доставал, делает примечать прекрасную дикость смешения [нрзб.]. Входит ли в беседку, сказывает, когда она посажена или построена. Входит на луг, английским садом устроенный, показывает с удовольствием сделанные места; делает приметить чистоту воды протекающей речки, садится или удить рыбу в пруде, или ловить ее неводом, и каждая пойманная рыбка ему удовольствие приносит... Все сие он с толиким удовольствием, а иное и с такой жадностью исполняет, что, является, не только всякое древо, плод или цветок, но и каждый листок его веселит. Бездушные вещи, является, учинились его слушателями, для соделания его удовольствия и обще все так и каждое является сумму его благополучия прибавлять, и каждая будто бы составляла то, что может его счастливым сделать»⁵⁸. Как на страницах своей работы, так и в своем имении М. М. Щербатов пытался создать мир, «альтернативный существующему, отвечавший просветительским представлениям об этических идеалах, о счастливой жизни, об идеально организованном мире, в котором царит гармония человека и природы, людей между собой и который позволяет в полной мере развиваться свободной личности»⁵⁹. Этот уникальный мир, построенный своими руками, мир творческой и личностной свободы, добродетели и красоты и был идеальным образцом усадебной жизни для М. М. Щербатова. В его имении не было никаких

«лишних» построек – ни ротонд, ни гротов, ни иных павильонов, часто встречающихся в усадьбах этого времени. В господском доме не было огромного бального зала и роскошной мебели⁶⁰. В усадьбе были только хозяйственные постройки – мыльня, кузница, каретный сарай, конюшня, оранжереи и т. д. Щербатов не следовал слепо моде и не принимал безусловно все новые веяния в усадебном строительстве. Он был скорее практичный хозяин, чем пышный вельможа, стремящийся к модной роскоши, хотя его нельзя заподозрить в недостатке средств. К концу 1780-х гг. во всех имениях (полученных по наследству, в качестве приданого жены и им самим приобретенных) князь имел более 3500 душ обоего пола и более 10 000 дес. земли⁶¹, что по меркам того времени давало возможность причислить его к крупнопоместным дворянам⁶². При этом никаких крупных земельных пожалований со стороны казны Щербатову никогда не было. Все свои доходы – оброчные и фабричные – князь употреблял не на приобретение предметов роскоши, а на развитие производства и обеспечение достойной жизни своей многочисленной семье.

После смерти князя М. М. Щербатова в декабре 1790 г. ярославские имения перешли его единственному к тому времени сыну князю Д. М. Щербатову. Согласно подворной описи 1793 г., к прежнему количеству числившихся при селах Михайловском и Кузмодемьянском деревень добавилась одна деревня Гончарово с 54 крестьянами обоего пола, а всего в обоих селах и в деревнях числилось уже 1335 человек. К концу жизни Д. М. Щербатова количество ярославских крестьян составило 1493 человек⁶³.

Дмитрий Михайлович с 18 апреля 1787 г. был женат на А. Ф. Глебовой (1766–1796). Несмотря на довольно раннюю смерть Александры Федоровны, она подарила своему мужу четверых детей. Старший сын, названный Михаилом, родился 7 марта 1789 г., был болен и прожил всего около семи лет. Он нуждался в медицинской помощи и поэтому во флигеле главного дома постоянно жил лекарь. Его родители и дедушка Федор Иванович Глебов присылали лекарства, которые, впрочем, мало помогали: «Порошки от Ивана Сергеевича получил, а хотя их и не давать, то от них пользы никакой нет, да притом и князь Михайле Дмитриевичу очень надоели»⁶⁴. Кроме Михаила, у Д. М. Щербатова было еще трое детей: Елизавета (1791–1885), последняя представительница рода Щербатовых, владевшая ярославскими имениями, Иван (1794–1830), на котором прерывается мужская линия Щербатовых от Михаила Михайловича, и Наталья (1795–1884), вышедшая в 1819 г. замуж за декабриста Федора Петровича Шаховского (1796–1829).

Князь Д. М. Щербатов нечасто посещал свое родовое имение. В какой-то степени это объясняется тем, что в самом конце 1790-х гг. он приобрел другое имение в селе Рождествено, «Васькино тож»,

Серпуховского уезда (ныне – деревня Васькино Чеховского района Московской области)⁶⁵, и большую часть летнего времени его семья проводила там. Зимой жили в московском доме на Девичьем поле. Михайловское постепенно приходило в запустение. Возможно, это объясняется тем, что усадьба была для владельца связана с двумя самыми близкими ему людьми – женой и старшим сыном, которых он потерял в 1796 г., и потому пребывание там тяготило его. Вернувшись после посещения ярославского имения в Рождествено, Дмитрий Михайлович в августе 1811 г. писал управляющему: «В бытность нашу в селе Михайловском заметили мы упущения во всех частях нашего интереса по хозяйству, как по садовой части, по псовой, по конной, по скотной и по присмотру за всем строением... Около строения у фундаментов и по прилецу растет трава необычайная»⁶⁶. Осенью того же года в имение были определены новые садовники и плотники, которые постепенно поправили сад и несколько обновили внешний вид усадебного дома, который к концу 1820-х гг. приобрел, видимо, уже свой окончательный вид.

За первые два десятилетия сохранилось несколько описей здания, наиболее подробная из которых относится к 1817 г. Благодаря этому документу мы имеем детальное представление о внутреннем убранстве усадьбы, о быте семьи Щербатовых. Эти сведения являются тем более уникальными, что никакого изображения усадьбы, даже начала XX в., до наших дней не сохранилось. Дом был двухэтажным с нижним каменным и верхним деревянным этажом. Открыв парадные двери, посетитель попадал в небольшую переднюю, освещаемую настенным фонарем, там же на стене висели часы, а в углу стоял деревянный стол. К передней примыкала «мадамина комната» – комната Елизаветы Федоровны. В ней были отделанный красным деревом комод, деревянный шкаф, круглый столик красного дерева, несколько кресел под чехлами и овальное зеркало. Рядом с комнатой находились спальня (видимо, бывшая Александры Федоровны) и две спальни княжон Щербатовых – Елизаветы и Натальи, разделенные небольшой детской комнатой. В обеих спальнях было только самое необходимое: деревянная кровать, небольшой столик, зеркало, вешалка для платья. За спальнями шли девичья, коридор с двумя изразцовыми печами и «комната для нужного места». На этом «женская территория» заканчивалась. Мужская часть дома начиналась с комнаты учителя. Дети Д. М. Щербатова были примерно одного возраста и поэтому начиная с конца XVIII и в первые годы XIX в. в доме постоянно жили разные учителя. Из учительской комнаты попадали в самое большое и парадное помещение – гостиную, где висели большое зеркало в деревянной резной раме, обклеенной красным деревом, с позолоченной резьбой наверху, и позолоченные подсвечники. Под зеркалом комод, также под красное дерево, рядом небольшой сто-

лик из простого дерева, бюро с хрустальными чернильницами, над которым висел один из немногих прижизненных портретов князя М. М. Щербатова⁶⁷. Вдоль стен стояли девять обитых зеленым сафьяном кресел и одно кожаное.

Из гостиной двери вели в спальню князя Д. М. Щербатова. В красном углу находилась икона Богоматери в серебряном вызолоченном окладе, рядом стояла деревянная кровать с кожаным матрацем, кожаное же полукруглое кресло, столик и небольшой комод. На стене висела дощечка для вешания часов. Рядом располагалась спальня князя Ивана, в которой были кровать, два обитых кожей стула, стол с хрустальной чернильницей и скамеечка для умывания. Из спальни дверь вела в коридор, в котором находилась изразцовая печь и лестница, ведущая на второй этаж. К этому коридору примыкала комната для учителя, сени и уборная.

Парадная лестница освещалась жестяным позолоченным шестигранным фонарем, также ее украшало большое зеркало в раме красного дерева, а на стене в раме висел план господского дома. От лестницы двери вели в официантскую комнату, обставленную двумя ломберными столиками с зеленым сукном, украшенными бронзой, 12 плетеных стульев, стены украшали 18 эстампов в черных позолоченных рамах (их сюжеты не оговорены), а под потолком висела позолоченная же медная люстра с 7 шандалами и медными цепочками. Рядом находилась большая гостиная, убранная 6 зеркалами, освещаемых 4 бронзовыми канделябрами в виде человеческих фигур с 2 подсвечниками каждый, по стенам стояли 12 кресел и 6 стульев, а посередине гостиной находились 2 стола красного дерева. Стены гостиной украшали 39 эстампов в резных рамах. Под потолком висела позолоченная люстра с 4 подсвечниками и хрустальными подвесками. Рядом с гостиной находилась комната, где хранилась столовые и чайные сервизы, китайские вазы и некоторая мебель. Далее шли уборная, образная, девичья, сени, коридор с двумя голландскими изразцовыми печами и комната для нужного места.

Еще одним местом отдыха на втором этаже была просторная диванная. Она была обставлена двумя столиками, отделанными красным деревом, один из которых – с мраморной столешницей, обитым красной кожей канале, 4 обитыми красным сафьяном креслами и такими же 12 стульями, в центре комнаты находился камин, а по стенам висели 26 эстампов в резных рамах. Освещалась диванная хрустальной люстрой на медных позолоченных цепях с хрустальными же подсвечниками. К диванной примыкали две столовых – большая и малая, буфет, коридор и сени.

Неподалеку от господского дома находилась каменная кладовая, деревянный на каменном фундаменте гостинный флигель с 4 спальнями и гостиной, музыкантский флигель из 6 комнат, 2 людских

флигеля двухэтажный и одноэтажный, еще 2 флигеля, назначение которых не оговаривалось, и контора. Из хозяйственных построек были мыльня, хлебная, погреба, конный и скотный дворы, каменная кузница, сенные и соломенные сараи, винокурня и кирпичный сарай. Завершал весь усадебный ансамбль большой сад, состоящий из 316 плодовых деревьев, 325 цветов, двух деревянных на каменном фундаменте оранжерей и теплицы⁶⁸.

При Д. М. Щербатове кардинальные перемены произошли и на фабрике. Его инструкции приказчикам Михайловского и Кузмодемьянского, число которых сократилось, содержали крайне скудную информацию о фабричном производстве. К концу XVIII в. его объем был резко сокращен. Фактически фабрика стала удовлетворять только бытовые нужды княжеской семьи. В 1798 г. князь писал управляющему о фабрике, «что оной у нас не состоит, то есть всякое оной производство остановлено, а предоставлено единое для домашнего обихода малость дворовыми ткачами работается»⁶⁹. С начала 1800-х гг. полотняная фабрика сдавалась внаем московским или ярославским купцам. Первое документальное подтверждение этому мы находим в приказе управляющему Екиму Никифорову от 7 января 1806 г.: «Во оной нашей вотчине селе Кузмодемьянском находящаяся полотняная наша фабрика отдана в аренду прошедшего ноября 8 числа московскому купцу Тимофею Иванову Соколову впредь на три года, а потому на оную фабрику никаких расходов из нашего интереса не производить». Подобное указание было отправлено и в 1817 г.⁷⁰

После смерти Д. М. Щербатова в 1839 г. ярославские имения наследовала его старшая дочь Елизавета, т. к. единственный сын Дмитрия Михайловича Иван умер в 1830 г. на Кавказе⁷¹, а младшая дочь Наталья с 1819 г. была замужем за Ф. П. Шаховским.

Елизавета Дмитриевна, как и ее отец, мало внимания уделяла родовому гнезду, хотя усадьба не была заброшена. Сбор оброчных денег, управление фабрикой и другие хозяйственные проблемы решались исключительно через управляющих. Согласно статистическому описанию Ярославского уезда за 1883 г., число жителей Михайловского даже несколько увеличилось по сравнению с серединой столетия: в 16 дворах проживало 65 крестьян мужского пола и 74 женского⁷². Сама хозяйка редко навещала ярославские имения, предпочитая им приобретенное отцом Рождествено, либо путешествия по Европе⁷³. В 1868–1870 гг. территория земельных владений в Ярославском уезде несколько сократилась в связи со строительством участка Московско-Ярославской железной дороги, связавшего Ростов с Ярославлем. Этот участок дороги проходил как раз по территории, примыкавшей к селу Кузмодемьянскому и деревням Черелисино и Боровая. Елизавета Дмитриевна в специальном письме в правление

Общества Московско-Ярославской железной дороги уведомила его председателя О. В. Чижова, что она «уступает безвозмездно всю полосу земли, отходящую под линию железной дороги, кроме, ежели придется по лесным моим дачам, то оставить лес в мою пользу»⁷⁴.

После смерти отца она, видимо, также сдавала фабрику внаем и пользовалась произведенными на ней полотнами в домашнем обиходе. Сколько лет еще работала фабрика, какие полотна, в каком объеме производила, где их продавала и когда была закрыта – неизвестно. Хозяйственные документы Щербатовых не содержат информации об этом. В завещании, составленном княжной Е. Д. Щербатовой в 1877 г., незадолго до своей смерти, при перечислении всех недвижимых имений, в том числе в Ярославском уезде, полотняная фабрика уже не упоминается⁷⁵. Интересно отметить, что в ее завещании при перечислении «родовых недвижимых моих имений» на первом месте стоит именно Рождествено, а Михайловское на втором. Согласно этому документу, составленному за восемь лет до смерти, всё свое движимое и недвижимое имущество Е. Д. Щербатова завещала племяннику, князю Ивану Федоровичу Шаховскому (1824–1894)⁷⁶. Последним владельцем ярославских имений был его сын – князь Дмитрий Иванович (1861–1939). В конце XIX в., активно занимаясь общественной деятельностью в Ярославской губернии (был гласным Ярославского уезда, членом уездного училищного совета, общества для содействия народному образованию, уездной архивной комиссии и т. д.), он имел возможность подолгу бывать в Михайловском. Никаким переустройством усадебного дома или служебных построек Дмитрий Иванович, скорее всего, не занимался, и их внешний вид остался таким же, что и при его прадеде. Однако в это время князь привел в порядок, описал и систематизировал весь хозяйственный архив в Михайловском. Благодаря этой работе уникальные документы сохранились до наших дней практически в идеальном состоянии, и, надо сказать, что это единственный хозяйственный архив потомков М. Ю. Щербатова, известный сегодня исследователям. Ни архив Нагорного, ни Рождествена, ни других, в том числе серпуховских и костромских имений Щербатовых, до нас не дошел.

Результатом изучения семейных документов, а также работы в архиве Исторического музея в Москве и в рукописном отделе Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге стали несколько публикаций Д. И. Шаховского о своем знаменитом прадеде князе М. М. Щербатове⁷⁷. Кроме этого, им был наработан значительный неопубликованный материал – статьи о его литературном наследии, семейная хроника, копии и переводы с французского языка писем членов семьи М. М. и Д. М. Щербатовых и т. д.⁷⁸

Судьба князя Д. И. Шаховского сложилась трагически. Активная политическая жизнь начала XX столетия, венцом которой стал пост

министра государственного призрения в составе Временного правительства в мае—июле 1917 г., прервалась после Октябрьской революции. Решительно не приняв новую власть, Д. И. Шаховской отошел от политики и вновь занялся литературным трудом. На этот раз научные интересы князя были связаны с судьбами его предков — П. Я. Чаадаева и Ф. П. Шаховского. В июле 1938 г. Дмитрий Иванович был арестован и обвинен (по ст. 58 п. 6, 8, 11) в участии в «антисоветской террористической организации, ставившей себе целью свержение советской власти и восстановление капитализма при помощи интервенции фашистских стран, а также подготовляющей террористические акты против руководителей партии и правительства». Он был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества и, несмотря на заступничество дочери Анны Дмитриевны и друга юности В. И. Вернадского, 15 апреля 1939 г. приговор был приведен в исполнение. О смерти Д. И. Шаховского родные и друзья узнали только в 1940 г., когда на многочисленные запросы Вернадского пришел ответ, что Дмитрий Иванович умер в одном из лагерей НКВД 25 января 1940 г. от паралича сердца. Несмотря на отмену Верховным судом СССР приговора 1939 г., истинная причина и дата смерти Д. И. Шаховского стала известной исследователям только после 1991 г.⁷⁹

В первые годы революции ярославские имения были национализированы, семейный архив попал в Ярославскую архивную комиссию, откуда, по настоянию Д. И. Шаховского, был отправлен на хранение в

*Место, где располагался усадебный дом князей Щербатовых.
Фотография автора. 2008 г.*

Москву⁸⁰. Видимо, вскоре усадебный дом был разрушен. Церковь в Михайловском функционировала до 1931 г., а после закрытия там организовали склад, благодаря чему храм постепенно пришел в крайне плачевное состояние, но все-таки не был окончательно уничтожен, что сохранило захоронения двух представителей рода Щербатовых – Михаила Юрьевича и Михаила Михайловича. До сегодняшнего дня слева от входа в церковь сохранилась большая белого мрамора плита – место захоронения князя М. М. Щербатова. Начавшаяся разрушаться еще в XIX в., в XX в. она пострадала основательно, однако на ней еще различимы герб Щербатовых и отдельные фрагменты надписей. Надпись же над захоронением М. Ю. Щербатова была утрачена. Однако благодаря тому, что в середине XIX в. по просьбе Е. Д. Щербатовой текст надписей, содержащий сведения

о смерти князей вплоть до минуты, был скопирован, мы знаем его содержание. Надпись над могилой Михаила Юрьевича достаточно большая и содержит практически всю краткую биографию князя, поэтому здесь уместно будет привести лишь основную ее часть: «1738-го года, сентября 28-го дня погребен здесь генерал-майор и Архангелогородской губернии губернатор князь Михайло Юрьевич Щербатов, который родился в 1686-м году, ноября 8 дня... И в оное шестое лето преставился у города Архангельского 1738-го года июля 22 числа в 7 часов по полудни в 52 минуте. На память Святой Равноапостольной Марии Магдалины. А тезоименитство его ноября 8-го дня». Ниже шло перечисление военных заслуг князя: «1. В Нарвских походах ранен с города камнем в грудь; 2. Под Шлиссельбургом ранен в правую руку; под Лесным и на Левенгоубской баталии обе ноги пробиты навывлет; под Гроднею ранен в правую ногу; на турецкой акции под Прутом ранен в поясницу; под Крыш-боргом ранен в голову»⁸¹. Надпись над могилой М. М. Щербатова была более лаконична «Здесь погребено тело князя Михаила Михайловича

*Место захоронения
князя М. М. Щербатова
в церкви Св. Михаила Архангела.
Фотография автора. 2008 г.*

Щербатова, сочинителя древней Российской истории, сенатора, тайного советника, действительного камергера и ордена Святыя Анны кавалера. Родился 1733 года июня 22 дня, преставился в Москве 1790 года декабря 12 дня по полуночи в 3 часа, имея от рождения 57 лет, 5 месяцев и 20 дней»⁸². Руины храма, скотного двора и небольшого домика (видимо, садовника) – единственное, что сохранилось до наших дней от построек богатого некогда имения Щербатовых⁸³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РГАДА. Ф. 1209. Ярославль. Писцовые книги. Кн. 549. Л. 372.
- 2 РГАДА. Ф. 1209. Ярославль старых лет. Кн. 63. Л. 61 об.–62.
- 3 Там же. Л. 63 об.
- 4 РГАДА. Ф. 209. Ярославль старых лет. Кн. 63. Л. 77 об.
- 5 Московский некрополь. СПб., 1908. Т. III. С. 147.
- 6 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 5. Д. 1. Л. 19–23.
- 7 Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. IV. С. 36–38.
- 8 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 82. Л. 54, 71, 73, 80.
- 9 Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории. СПб., 2008. С. 244.
- 10 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 183. Л. 11–11 об.
- 11 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 183. Л. 15.
- 12 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 183. Л. 57.
- 13 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 448. Л. 2–4.
- 14 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 561. Л. 1.
- 15 РГАДА. Ф. 1209. Ярославль старых лет. Кн. 63. Л. 78–78 об.
- 16 РГАДА. Ф. 1209. Ярославль молодых лет. Кн. 46. Л. 173.
- 17 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 241. Л. 1–1 об.
- 18 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–1 об.
- 19 РНБ. ОР. Эрмитажное собрание. № 124/1. Л. 528 об.–529.
- 20 РНБ. ОР. Эрмитажное собрание. № 124/1. Л. 575 об.
- 21 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 312. Л. 8.
- 22 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 347. Л. 13 об.
- 23 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 359. Л. 23.
- 24 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 294. Л. 1–2.
- 25 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 294. Л. 13.
- 26 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 359. Л. 4–4 об.
- 27 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 401. Л. 15.
- 28 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 347. Л. 8.
- 29 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 347. Л. 17 об.–18.
- 30 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 347. Л. 50.
- 31 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 530. Л. 2 об.
- 32 Монастыри и храмы земли Ярославской. Ярославль-Рыбинск, 2001. Т. III. С. 220.

- 33 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 414. Л. 1.
- 34 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–1 об.
- 35 РГАДА. Ф. 1355. Д. 2124. Л. 53.
- 36 Сретенский Л. В. Помещичья вотчина Ярославской губернии во второй половине XVIII века // Ученые записки Ярославского пединститута. Гуманитарные науки. Ярославль, 1958. Вып. XXV (XXXV). С. 477–479, 481.
- 37 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 374. Л. 18 об.
- 38 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 374. Л. 48.
- 39 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 484. Л. 19.
- 40 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 576. Л. 7, 25 об.
- 41 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 426. Л. 2 об.–3.
- 42 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 460. Л. 1.
- 43 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 484. Л. 1.
- 44 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 484. Л. 2.
- 45 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 550. Л. 1, 1 об., 4, 9.
- 46 Сретенский Л. В. Помещичья вотчина Ярославской губернии во второй половине XVIII века // Ученые записки Ярославского пединститута. Гуманитарные науки. Ярославль, 1958. Вып. XXV (XXXV). С. 489.
- 47 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 550. Л. 66, 75–75 об.
- 48 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 562. Л. 38.
- 49 Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947. С. 94.
- 50 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 550. Л. 75 об.
- 51 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 562. Л. 38–38 об.
- 52 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 225. Л. 8.
- 53 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 430. Л. 2–2 об.; Д. 439. Л. 29 об.
- 54 Благодаря распоряжению М. М. Щербатова о присылке свежей рыбы к своему дню рождения, удалось решить давний спор исследователей о правильной дате его рождения (см. подробнее: Калинина С. Г. Проблемы реконструкции биографии князя М. М. Щербатова // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 127).
- 55 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 300. Л. 2.
- 56 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 327. Л. 1–2 об.
- 57 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 439, 460, 474, 484, 493, 508, 523 и др.
- 58 Щербатов М. М. Сочинения. СПб., 1898. Т. II. Стб. 407–412.
- 59 Свирида И. И. Утопизм и садово-парковое искусство эпохи Просвещения // Культура эпохи Просвещения. М., 1993. С. 37.
- 60 Рузвельт П. Указ. соч. С. 90.
- 61 ИРЛИ. РО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 500. Л. 108 об.–109; РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 583. Л. 3 об.–4. Примерно ту же цифру называет Л. В. Сретенский. См.: Помещичья вотчина Ярославской губернии во II половине XVIII века // Ученые записки Ярославского пединститута. Вып. XXV (XXXV). Гуманитарные науки. Ярославль, 1958. С. 480, 495.

- 62 Назаров В. Д., Ерошкина А. Н., Корелин А. П. Дворянство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия в 5 т. М., 1994. Т. I. С. 684.
- 63 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 596. Л. 1.; Д. 842. Л. 1.
- 64 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 273. Л. 9, 17, 19 об.
- 65 Дунаев М. М. К Югу от Москвы. М., 1986. С. 137–139. Усадебный дом сохранился до наших дней.
- 66 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 737. Л. 26–26 об.
- 67 Видимо, это был портрет работы К. Фалеева, который был выставлен Е. Д. Щербатовой на Московской выставке Общества любителей художеств в 1869 г. (Косолапов Б. А. О портретах М. М. Щербатова. Опыт иконографического исследования // Панорама искусств. Вып. 5. М., 1982. С. 297). По всей вероятности, портрет погиб вместе с усадьбой в годы Октябрьской революции.
- 68 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 479. Л. 2–26 об.
- 69 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 661. Л. 7.
- 70 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 718. Л. 88 об.; Д. 773. Л. 3, 27.
- 71 В 1822 г. И. Д. Щербатов был арестован по делу о восстании в Семеновском полку в 1820 г. и по суду, состоявшемуся в 1826 г., был лишен чинов и наград и отправлен рядовым в Кавказский корпус (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 801. Л. 4.). Точная дата и обстоятельства его смерти неизвестны. Некоторые издания указывают 1829 г. (Декабристы и их время. Труды московской и ленинградской секции по изучению декабристов и их времени. М., [1928]. Т. I. С. 191; Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. II. С. 640.). Однако сохранившиеся в щербатовском фонде в РГАДА письма Ивана отцу и сестрам свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в мае 1830 г. он был еще жив. (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 815. Л. 55.)
- 72 Титов А. А. Ярославский уезд. Историко-археологическое, этнографическое и статистическое описание. М., 1883. С. 109–110.
- 73 Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. II. С. 642; ИРЛИ (ПД). РО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 815. Л. 30.
- 74 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 883. Л. 1–1 об.
- 75 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 884. Л. 1–2 об.
- 76 РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 884. Л. 1–2 об.
- 77 Шаховской Д. И. Русский депутат XVIII в. // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 256–287; Шаховской Д. И. О каталоге библиотеки князя Михаила Михайловича Щербатова // Известия императорской Академии наук. Серия VI. № 9. СПб., 1910. С. 674–676.
- 78 Все эти документы хранятся ныне в Институте русской литературы в Санкт-Петербурге (ИРЛИ). РО. Ф. 334. Д. И. Шаховской. Д. 479–970.
- 79 Шелохаев В. В. Дмитрий Иванович Шаховской // Отечественная история. 2001. № 5. С. 116–118.

- 80 РГАДА. Архив читального зала. Д. 478 (Личное дело Д. И. Шаховского). Л. 15.
- 81 Ярославские губернские ведомости. 1846. № 6. С. 20–21.
- 82 ИРЛИ (ПД). РО. Ф. 334. Д. 781. Л. 2.
- 83 Подробное описание современного состояния села Михайловского см.: Ясюнас Б. Б. Старинные парки Ярославской области. Усадебные, городские, монастырские. Ярославль, 2007. С. 106–108.

В. В. Савельев

СЕЛЬЦО АРХАНГЕЛЬСКОЕ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

*К истории старицкой ветви
рода Головиных*

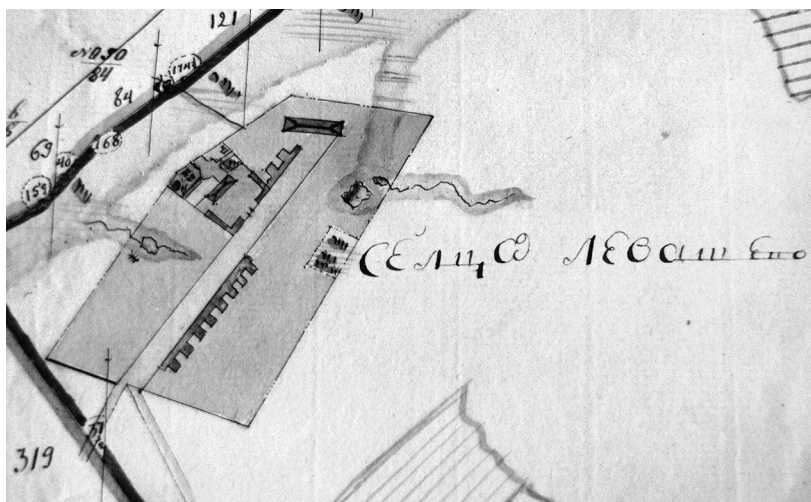
В истории почти любого дворянского гнезда, значимого для современного исследователя, есть поворотный момент, поделивший данную усадьбу из круга тех незначительных помещичьих резиденций, счет которых в любой дворянской губернии шел на тысячи и от которых не осталось ни материальных следов, ни зачастую даже скромной памяти. Для старицкой усадьбы Головиных Архангельское (до начала XIX в. — Левашево) этот поворот ознаменовался обстоятельствами загадочными и трагическими.

В декабре 1776 г. помещик, отставной корнет Григорий Иванович Головин был найден в поле убитым и ограбленным. «Убийство то осталось без отыскания»¹. Имение не было выморочным; после покойного остались жена и малолетние дети. Однако год спустя прошедшее в уезде генеральное межевание зафиксировало собственником земель, некогда принадлежавших Григорию, его двоюродного брата и соседа Гаврилу Петровича². Впоследствии сын убитого Василий, несомненно, опираясь на чужие рассказы, поскольку в 1776 г. он был новорожденным младенцем, открыто намекал на личную заинтересованность Гаврилы Петровича в смерти отца и утверждал, что двоюродный дядя отнял у осиротевшей семьи Левашево и зажевал за собой. Возможно, у этих предположений были некоторые реальные основания. Когда повзрослевший Василий попытался, как он считал, восстановить справедливость, оказалось, что новые владельцы усадьбы, утверждавшие, что имение куплено у Григория Головина до его смерти, были не в состоянии документально подтвердить свои права на имение. Купчей, якобы затерянной за давностью, они предъявить не смогли. Записи о сделке не нашлось и в книгах Московской крепостной конторы, на которые они ссылались. Более того, открылись давние подчистки в казенных архивах, которые могли быть трактованы как следы злонамеренного уничтожения доказательств о принадлежности Григорию Головину 68 душ в селце Левашево и деревне Реткино. Из материалов 3-й ревизии, хранившихся в Твер-

ской казенной палате, оказались вырванными десять листов, относившихся к этим селениям³. Признаки вмешательства усматривались и в документах старицких уездных учреждений. Суду этих доказательств оказалось недостаточно. Но нам они дают право предположить, что Гаврила Петрович Головин – судьбоносный персонаж и в истории усадьбы, и в истории старицкой ветви своего рода – действительно мог стать хозяином Левашева не вполне законным путем.

Что же представляло собою сельцо Левашево на момент его перехода к Гавриле Петровичу и каково было его прошлое в качестве помещичьей резиденции? В родовой истории Головиных существовало обстоятельство, косвенно связавшее данную фамилию с этими местами еще в середине XVI в., когда окольный Петр Головин женился на дочери известного царедворца Василия III Ивана Шигоны-Поджогина, владевшего расположенным поблизости от Левашева селом Иваниши, но нет никаких оснований видеть в этом сугубо столичном браке отражение неких соседских связей по одному из провинциальных имений. Подлинным соседом Шигоны-Поджогина был другой вельможа, его коллега по службе у Василия III Федор Борисович Бороздин, которому по данным писцовых материалов 1539–1540-х и 1551–1554 гг. принадлежало в том числе и Левашево – еще не сельцо, а деревня⁴. По тем же источникам, ближайшим к Левашеву поселением – сельцом Переезд на берегу Волги – еще со времен независимого Тверского княжества владел род Панафидиных. В собственности этой семьи оказалось со временем и Левашево, превратившееся из деревни в сельцо. В XVII в. на протяжении трех поколений наследование данных угодий шло строго по прямой линии. В 1710 г. хозяином Левашева числился внук одного из братьев Панафидиных, владевших этими местами в 1627–1628 гг., – Иван Игнатьевич⁵. В качестве его зятя в первой четверти XVIII в. появляется и оседает на этих землях первый из Головиных, Степан Романович, женатый на Елене Ивановне Панафидиной⁶.

Вклинившись в имущественные отношения Панафидиных, и без того довольно запутанные, Головины отнюдь их не оздоровили. Владельческие интересы панафидинского клана вращались вокруг ограниченного количества земель с центром в сельце Переезд, подразделенных на условные доли, «а порознь не расписанных»⁷. При этом собственности не прибавлялось, а количество претендентов на нее росло. С похожей проблемой пришлось столкнуться и Головиным. Имение, доставшееся Степану Романовичу за женой, разделилось между его детьми Иваном и Петром. Сыном старшего, которому отошло Левашево, был уже упомянутый Григорий Иванович, а детьми младшего, обреченными на худшие доли, – Гаврила Петрович и его брат Петр. В этой ситуации для человека, обладающего определенными

Сельцо Левашево на межевом плане 1777 г.

амбициями по части собирания земель, — а Гаврила Петрович ими несомненно обладал, — внезапная смерть родственника действительно выглядит по меньшей мере подарком судьбы. Головин утвердился в Левашеве и в 1785 г. получил от Вотчинной коллегии решение об окончательном признании его единственным хозяином усадьбы⁸.

Представление о том, как выглядело Левашево в эти годы, дает миниатюра, включенная в межевой план имения за 1777 г.⁹ Единственная улица сельца подводит нас к барской резиденции, в планировке которой господствует принцип строгой осевой симметрии. Архитектурно выделены ворота, вместе с оградой и двумя Г-образными корпусами флигелей, или служб, образующие парадный двор. Деревянный господский дом главным фасадом обращен ко двору; противоположный его фасад, как водится, выходит на некую зеленую зону. Это расположение построек комплекса — эталонное для усадебной архитектуры. В соответствии с распространенным в то время обыкновением барская резиденция располагалась в низине (по позднейшему источнику, «в саду»), под защитой косогора, закрывавшего ее от холодных зимних ветров. Но владельцы Левашева, выстраивая свой маленький мирок, уже к 1770-м гг. явно руководствовались не одними только прагматическими соображениями, о чем говорят и их первые шаги по разбивке парка. Из воспоминаний Ивана Головина мы знаем, что в начале 1820-х гг. в усадьбе уже была липовая аллея — тенистая, то есть состоявшая из зрелых разросшихся деревьев;

Аллея в парке

была и достопримечательность — «шесть лип, сросшихся вместе», посаженных еще «пратетушкой» мемуариста, то есть, возможно, женой Григория Ивановича¹⁰.

О последующей судьбе ветви Головиных, представлявших линию покойного Григория Ивановича, известно, что их материальное положение после утраты имения оказалось незавидным. В 1786 г. его вдова Елена Алексеевна проживала в купленном ею крошечном поместье в Тверском уезде — селце Горки с тремя душами мужского пола и четырьмя женского¹¹. При ней в это время состояли двое сыновей-подростков — Платон и Василий. Видимо, их сестрой следует считать некую Анну Григорьевну, урожденную Головину, которая в 1780-х гг. стала женой старицкого помещика Василия Петровича Есипова, причем не принесла с собой в этот брак никакой собственности¹². С поступлением на службу Платон и Василий оставили Тверскую губернию. В 1810-х гг. оба в отставке проживали в Рыбинске, а во время войны с Наполеоном в составе конно-казацкого полка Ярославского ополчения стали участниками заграничного похода русской армии¹³.

Новый владелец усадьбы Гаврила Петрович Головин (1745–1816)* оказался помещиком с незаурядной хозяйственной хваткой,

* Даты жизни указаны по надписи на сохранившемся надгробном памятнике Г. П. Головина на кладбище с. Иваниши Старицкого района.

эффективно наращивавшим свои владения с помощью скупки заложенных поместий. Но никаких существенных шагов по обустройству Левашева Гаврила Петрович долго не предпринимал. Причины этому следует искать как в служебных, так и в личных обстоятельствах его биографии. Послужив без особого успеха в армейских пехотных полках (в 1777 г., к 32 годам, он оставался прапорщиком), и, видимо, прожив некоторое время в отставке, Головин перешел в статскую службу, где его карьера пошла в гору. Уже к 1783 г. он был провизиром в чине надворного советника и проживал в эти годы вдалеке от Левашева¹⁴. Личным обстоятельством Гаврилы Петровича, лишившим его стимулов развивать усадьбу, была бездетность. Все его дети от первой жены умерли в младенчестве¹⁵. Затем умерла и жена, даже имени которой история не сохранила. К концу столетия Головин, вышедший в отставку, осел в усадьбе пожилым одиноким вдовцом. Можно было ожидать, что эта линия рода станет тупиковой. Судя по косвенным данным, Гаврила Петрович довольно долго – даже после того, как его семейная жизнь неожиданно наладилась, – допускал мысль в виде наследства вернуть имение потомкам погибшего двоюродного брата; Василий Григорьевич Головин позднее показывал, что в 1813 г., следуя в ополчении на войну мимо этих мест, он по приглашению дяди посещал усадьбу, и тот, по словам Василия, «лично мне признался, что он владеет принадлежащим мне имением, которое и получить я могу после его смерти»¹⁶.

Но вышло иначе. Гаврила Петрович увлекся собственной крепостной, от которой получил то, чего не смог получить от брака с дворянкой, – многочисленное потомство, состоявшее почти исключительно из мальчиков. Первоначально эта связь, по-видимому, не выходила из разряда барских гаремных развлечений. Первые дети – Тимофей (*15.02.1798), Александр (*20.08.1800) и Василий (*23.01.1804) были записаны рожденными «сельца Левашева дворовой девкой Федорой Михайловой» от неизвестного отца¹⁷. Впрочем, Гаврила Петрович, сделавшись отцом в возрасте 53 лет, изначально отнесся даже к внебрачному потомству с должным пиететом. Впоследствии в семье бытовало воспоминание, что при рождении первенца Головин, дабы прервать цепочку детских смертей, поступил по народному поверью, которое советовало назвать дитя по имени первого встречного: он послал человека на большую дорогу узнать имя проходившего мимо мужика, в честь которого сын и был назван Тимофеем. «Нет сомнения, – иронически комментирует эту историю Иван Головин, – что этому предрассудку мы все обязаны счастьем быть в живых»¹⁸.

Сразу за появлением третьего сына помещик решился на радикальные действия: в течение одного года Федора получила вольную, была

записана в старицкое купечество и уже в статусе представительницы свободного сословия 23 января 1805 г. повенчалась с Головиным. Гаврила Петрович немедленно подал на Высочайшее имя прошение о признании детей, прижитых до брака, и пожаловании им дворянства¹⁹. Союз с бывшей крепостной оказался удачным. Глава семейства, вознаграждая себя за долгие годы бездетной жизни, стал в ближайшие годы отцом сыновей Николая (*10.12.1805), Федора (*1.01.1807), Михаила (*4.04.1809)²⁰, Ивана (*9.09.1816)²¹, и единственной дочери, умершей ребенком. Таким образом, к моменту зачатия последнего из сыновей Гавриле Петровичу было около 70 лет.

Около 1808 г. Головин начал в усадьбе кампанию по благоустройству, к которой привлек человеческие и материальные ресурсы всех своих значительно разросшихся вотчин. В сельце, которое Гаврила Петрович в честь своего небесного патрона архангела Гавриила переименовал в Архангельское, появились «обширной каменной двухэтажной дом с людскими флигелями, погребам, каретными сараями, скотными и конскими дворами, ригами, оранжереями, грунтами и с заведенными в них разными фруктовыми деревьями, а к тому и прудами с разною же рыббою»²². Имеющееся мемуарное свидетельство позволяет сузить датировку главной постройки комплекса – крупных по местным меркам барских каменных палат. По воспоминаниям Ивана Головина, он был единственным из братьев, родившимся в только что возведенном каменном доме, тогда как все старшие дети появились на свет еще в старом деревянном²³ – следовательно, здание было отстроено между 1809-м и 1816 гг. При том что планировка парадной части комплекса в целом была сохранена, сам комплекс построек несколько сдвинулся вверх по склону пологой возвышенности и занял свое нынешнее место. Возможности ландшафта были использованы максимально: главный дом поместился на кромке перепада местности, что создало дополнительные видовые эффекты при взгляде на усадьбу со стороны и способствовало обзору из самой резиденции. Память о старых палатах почтили установкой на их месте в парке столпообразного памятного знака²⁴, который, как можно предположить, по своему облику относился к той же строительной традиции, что и широко распространенные в это время часовни-столпы, отмечавшие местонахождение уничтоженных храмов.

Дом, построенный Гаврилой Петровичем, сохранился до наших дней. Особенности его облика позволяют сделать вывод, что заказчик не гнался за архитектурными новациями, и вместе с тем руководствовался стремлением в меру своего понимания придать дому нарядность и представительность. И по объему, и по фасадной декорации постройка запоздало продолжает линию, идущую еще от образцовых проектов последней четверти XVIII в. Подобные дома

Главный дом

были популярны на начальной стадии усадебного строительства в провинции, когда помещики охотно использовали в качестве образца тип городского особняка. Именно таков дом в Архангельском, старобразность которого проявляется и в стремлении оставить на фасаде как можно меньше гладких плоскостей, не занятых декором, и в самом выборе оформительских мотивов. Некоторые из них, например каплевидная резьба на белокаменных балконных устоях, прямо восходят к практике 1770-х гг. К 1810-м гг. это выглядело несколько архаично и отражало, по-видимому, консервативные вкусы старика Головина.

Возможно, размах мероприятий диктовался необходимостью поднять в местных дворянских кругах престиж фамилии, уроненный мезальянсом. На такое предположение наводят и другие шаги Гаврилы Петровича в те же годы: например, подросших старших сыновей Тимофея и Александра, родившихся крепостными, он определил юнкерами в лейб-гвардии Конный полк²⁵ — один из самых элитарных в русской гвардии. Для Головина-старшего, который сам ни в этом полку, ни вообще в гвардии никогда не служил, такое устройство детей могло быть результатом только серьезных хлопот и сильной протекции. На обострившееся у Гаврилы Петровича чувство словесного достоинства указывает и то, что он в 1815 г. стал одним из немногих дворян уезда, выправившим в Герольдии право пользо-

Флигель

ваться гербом²⁶. Широкое бытовое использование геральдической атрибутики способно было служить наглядным доказательством полноценности благородного статуса хозяев.

Гавриле Петровичу не довелось насладиться жизнью в обновленной резиденции. Едва вселившись в новый дом, он умер 13 ноября 1816 г., оставив имение и детей на попечение своей вдове, Федоре Михайловне (1777–1858)*, которой было в это время 39 лет. Будучи чуждой среди дворян-соседей, не только не получив социальных навыков, необходимых для новой роли, но не умея даже поставить подписи под деловым документом²⁷, как хозяйка она, однако, оказалась достойной преемницей мужу. Имение было сохранено и преумножено. По неполным данным 1820 г., не отражающим доли совершеннолетних старших детей и самой матери, за малолетними Головиными числилось 698 душ мужского пола в Старицком, Вышневолоцком и Корчевском уездах²⁸. Достояние сыновей Федора Михайловна увеличила новыми покупками в Зубцовском и Тверском, а также в родном Старицком уездах²⁹. Она же продолжила развивать хозяйственный комплекс в Архангельском, благодаря ее трудам достигший

* Даты жизни указаны по надписи на сохранившемся надгробном памятнике Ф. М. Головиной на кладбище с. Иваниши.

Пруд в парке

расцвета. Пруды здесь изобиловали карасями и стерлядями, сад и оранжереи – плодами. «У нас был сад, каких мало, – вспоминал Иван Головин, – ибо продавалось одних яблоков на 3000 р[уб.], а персиков росло более, нежели вся губерния могла скупить»³⁰.

Домашнее воспитание детей в Архангельском было элементарным. Образование ограничивалось традиционным обучением грамоте и счету, где в роли педагогов выступали местный дьякон и домашний бухгалтер. Заботам о формировании личности детей большого значения, по-видимому, не придавалось. В доме царила грубая мужская атмосфера. Иван Головин вспоминал, что выходы подростковой агрессии его братья гасили, выбегая в сени рубиться на затупленных клинках; повсюду свободно валялись заряженные охотничьи ружья; в обычае было насилие над малолетним младшим братом, которого старшие секли и драли за уши. Трансформация этих brutальных провинциальных недорослей в достойных представителей сословия отдавалась на откуп благородным пансионам и военно-учебным заведениям.

Итоги этого процесса оказались не вполне однозначными. Те из братьев, пребывание которых в столице было продолжительным, на формирование которых оказала существенное влияние петербургская гвардейская и аристократическая среда – Николай, Михаил, Федор – приобрели и специальные знания, и необходимый великосветский лоск. О Федоре Гавриловиче, воспитаннике Школы гвардейских подпрапорщиков, официальный документ сообщает,

Кладбище с. Иваниши. Надгробия супругов Головиных

что он получил основы географии, истории, геометрии, фортификации, статистики, тактики, артиллерии и физики, а также владел французским, немецким и якобы даже латинским языками³¹. Со стандартами поведения в свете все также обстояло благополучно. По свидетельству начала 1830-х гг., Николай Гаврилович «славно танцевал, прекрасно говорил по-французски, был принят в лучшем обществе – словом, был, как говорится в свете, для всякой девушки выгодный жених, и все маменьки ухаживали за ним и за его братьями»³².

В то же время А. И. Герцен, близко знавший Ивана Головина, сообщал, что тот и после многих лет жизни в Европе сохранил «привычки дурно воспитанного барича средней руки»³³. Для Герцена были показательны не владение этикетными тонкостями и не образованность, полученная Головиным в Дерптском университете, а характерные особенности его поведения. Примечателен, например, следующий эпизод, отмеченный мемуаристом: «Раз в Турине я застал его в воротах Hotel Feder с хлыстиком в руке. Перед ним стоял савояр, полунагой и босой мальчик лет двенадцати, Головин бросал ему гроши и за всякий грош стегал его по ногам; савояр подпрыгивал, показывая, что очень больно, и просил еще. Головин хохотал и бросал грош. Я не думаю, чтоб он больно стегал, но все же стегал – и это могло его забавлять?»³⁴ Данный эпизод может быть объяснен сугубо личными качествами Ивана Гавриловича – человека со странностями – но отчасти в нем стоит видеть и отголоски воспитания, полученного

этим поколением Головиных в детстве и оказавшегося сильнее последующей поверхностной полировки.

За исключением Ивана, отданного в университет, все братья пошли по военной части, причем служба в Конном полку уже стала для них традицией: через него прошли пятеро из семи. Все получили доли фамильной собственности. За исключением Тимофея, впоследствии поселившегося в Калужской губернии, Федора, осевшего в Петербурге, и Ивана, избравшего стезю эмигранта, прочие братья связали свою жизнь с родными местами. Александр, а затем Михаил вернулись сюда, получив отставку; Николай из лейб-гвардии в 1835 г. перешел в Уланский великого князя Михаила Павловича полк, постоянно квартировавший в Торжке, а в дальнейшем делил свой досуг между старицким и подмосковным имениями; Василий, видимо, вообще не покидал родных мест, поскольку изначально вступил в части армейской легкой кавалерии, дислоцированные в Тверской губернии, и на службе состоял недолго.

Таким образом, демографический кризис в ветви Гаврилы Петровича с вливанием свежей крови из низшего сословия был преодолен, фамилия Головиных была достойно представлена в Тверской губернии, и можно было ожидать, что так будет и впредь. Однако скоро в кругу представителей семьи проявились симптомы некоего неблагополучия, которое пресекло часть ветвей рода уже в поколении, представленном семью братьями, а в тех ветвях, которые были продолжены, сказалось на судьбах ближайших потомков. На данный момент мы затрудняемся поместить в общий контекст только линию старшего брата Тимофея, о которой не располагаем подробной биографической информацией. Случаи прочих Головиных укладываются в довольно однородную схему, в которой при внешней пестроте в частностях отчетливо проступает несколько общих тенденций.

Фон этого, выражаясь ненаучно, «родового проклятия» составляют болезни и относительно ранние смерти. Четверо из семерых сыновей умерли раньше своей матери, а из оставшихся пережил ее надолго только один Иван. Он же был единственным, кто достиг старости, в то время как у прочих братьев средняя продолжительность жизни составила около 50 лет. Проблемы у братьев возникли и с продолжением рода. Трое из семи (Александр, Михаил, Иван) были не женаты и бездетны. Двое (Василий и Николай) оставили только женское потомство. Передать потомкам свою фамилию удалось только двум – Тимофею и Федору. Для всех братьев, кому удалось обзавестись детьми, стало нормой оставлять после себя несовершеннолетних сирот и имения, нуждавшиеся в опеке.

Дефекты физического здоровья в поколении семи братьев усугубились вспышкой душевных аномалий, которые проявились явно

или подозревались у троих — Александра, Василия и Ивана. Александр многие годы отличался антиобщественным поведением и в 1847 г., совершив в умоиступлении уголовное преступление, был официально признан буйным помешанным³⁵. Василий, у которого «ипохондрия и задумчивость»³⁶ чередовались с вспышками ярости, находился, видимо, в пограничном состоянии, и передал потомкам тяжелую наследственность. Из трех его внуков, сыновей его единственной дочери, двое сошли с ума, у третьего диагностировалось сильное нервное расстройство. Младшего из Гавриловичей, Ивана, А. И. Герцен в «Былом и думах» прямо называет «кандидатом в Бисетр»³⁷ (смирительный дом для душевнобольных под Парижем), и хотя эта оценка субъективна и, несомненно, сгущает краски, ею невозможно пренебречь полностью. Извилистый жизненный путь Ивана Гавриловича, его противоречивое и не всегда адекватное поведение в эмиграции, подробно описанное Герценом, сумбурность публицистических писаний самого Головина и, наконец, сопоставление его судьбы с судьбами братьев, позволяют допустить, что некие проблемы с психическим равновесием у него действительно имели место.

Самым благополучным из Гавриловичей оказался Федор, к линии которого полностью свелось представительство старицких Головиных в Тверской губернии. Именно ему по разделу досталось Архангельское, а затем, по наследству, немалое состояние умершего от холеры в 1851 г. брата Михаила — «толкового скопидама» (по выражению К. Ф. Головина), скупившего немало земель в Старицком уезде. Федор Гаврилович был состоятельным человеком, семьянином, успешно двигался по службе, и его, казалось, обходили стороной все беды, характерные для семи братьев.

Женитьба Федора на Александре Алексеевне, урожденной Хитрово, дочери государственного контролера, фрейлине императрицы Александры Федоровны, ознаменовалась для него солидным приращением собственности за счет орловских имений супруги и появлением многочисленного и, что было редко в этом поколении Головиных, преимущественно мужского потомства. На свет появились дети Константин (*21.07.1842), Сергей (*23.08.1850), Мария (*10.10.1854), Александр (*29.09.1856)³⁸. Удача сопутствовала и военной карьере Федора Гавриловича, хотя единственным его боевым действием стало участие в подавлении декабрьского мятежа 1825 г., а единственным ранением — ушиб от брошенного в него в тот день полена. Еще в юности, корнетом Конного полка, во время событий на Сенатской площади он обратил на себя внимание Николая I и впоследствии неизменно пользовался благоволением императора. Федор был типичным военным мирного времени, который получал

чины и награды или по выслуге лет, или за образцовый порядок во вверенных ему частях на смотрах, маневрах и парадах. Поселившись в Петербурге, он был поглощен делами службы и заглядывал в имение только на летних вакациях. Более четверти века он служил в родном Конном полку, где с 1835 г. был командиром эскадрона, а с 1846 г. — дивизиона. С присвоением в 1852 г. чина генерал-майора Головин был определен в гвардейскую Кирасирскую дивизию, в Крымскую войну командовал резервной кавалерийской дивизией, а после войны недолго состоял членом Комитета государственного коннозаводства. В 1859 г., нестарым еще человеком, он был высочайшим приказом уволен в запас³⁹ в ходе ротации военных кадров прежнего царствования. Это не означало опалу: скоро Федор Гаврилович стал тайным советником и, пожалованный в шталмейстеры, оказался единственным представителем рода, удостоенным придворного чина. Но в 1861 г., на пике преуспевания, Головин словно подтвердив тем самым некую единую для семи братьев тенденцию, скончался в возрасте 54 лет от быстро развившейся болезни печени.

При последующем разделе родовой собственности Архангельское и прочие старицкие угодья отошли Константину и Сергею Федоровичам, а Александр, сохранив символическое имущественное присутствие на родине предков, в большей степени связал свою помещичью судьбу с Ливенским уездом Орловской губернии, где находилось имение его матери. Все Головины этого поколения родились и выросли в Петербурге, окончили здесь высшие учебные заведения, поступили на службу и были стопроцентно столичными жителями. Так их воспринимали и старицкие старожилы. По свидетельству Константина Головина о годах его юности, соседи по имению видели в нем «именно петербуржца и будущего чиновника»; во время его визитов к уездным дворянам в их поведении он ощущал «при всем внешнем радушии... какое-то предвзятое недоверие»⁴⁰. Казалось бы, стоило ожидать, что эмоциональная связь Головиных с родовым гнездом ослабеет и существование Архангельского в качестве постоянной помещичьей резиденции, центра хозяйственного и культурного притяжения округа завершится — тем более что с отменой крепостного права для усадеб наступили не лучшие времена.

Однако дети Федора Гавриловича оказались людьми твердых убеждений и не выработали сугубо утилитарного взгляда на свою вотчину. Будущий видный идеолог российского политического консерватизма Константин Головин в 1870-х гг. деятельно участвовал в жизни Старицкого уезда как почетный мировой судья и многолетний гласный уездного и губернского земств. Впоследствии он жалел о том, что не поселился в усадьбе и не занялся хозяйством. «Петербург, и канцелярский, и салонный, не дал мне ровно ничего ценного... — писал Головин в воспоминаниях. — Деревня научила бы

меня жизни куда как лучше бумаг»⁴¹. Видимо, подобные настроения разделял и его младший брат Сергей, который отважился на крутой поворот в биографии. Выпускник Пажеского корпуса, столичный офицер, с рождения привычный к петербургским, а не провинциальным стандартам жизни, он в начале 1880-х гг. оставил столицу и поселился в Архангельском.

Сергея Федоровича можно отнести к той генерации пореформенных помещиков, представители которой сажались на землю по принципиальным соображениям, чтобы восстанавливать пошатнувшиеся позиции сословия и поднимать его экономический потенциал с помощью культурного земледелия. Сельскохозяйственными занятиями Головин не ограничивался. Будучи, как и брат, последовательным поборником консервативных ценностей, он включился в противостояние вокруг основных центров влияния в уезде – дворянских сословных структур и земства. Тверская губерния последней четверти XIX в. слыва очагом радикального либерализма; общественная деятельность и борьба за замещение выборных должностей носили здесь не личностно-клановый, а политический подтекст. В Старицком уезде не было отчетливого доминирования консервативной или либеральной группировки, и появление в стане консерваторов человека активного и убежденного оказалось весомым фактором их жизнеспособности. В позднейшем документе Сергей Федорович, уже отдавший уездному земству много лет, аттестовался как «почти единственный энергичный руководитель консервативной партии, обязанной исключительно ему своей сплоченностью и противодействием нелегальным мероприятиям противной либеральной партии»⁴². Эту же миссию Головин нес и в должности уездного предводителя дворянства, которую занимал без малого 20 лет, неизменно обходя на выборах кандидата от либералов.

В 1905 г. его общественный вес был признан и на губернском уровне с избранием Сергея Федоровича на трехлетие 1905–1907 гг. губернским предводителем дворянства. В этом качестве он стал заметным участником ключевых событий тех лет, включая первые выборы в Государственную думу и Государственный совет, открытие землеустроительных комиссий, работу губернских земских собраний в условиях политического и управленческого кризиса. В непростых, а иногда и опасных для представителя власти реалиях тех лет на одном из главных выборных постов в губернии был необходим человек разумный, последовательный, способный нести стабилизирующее начало на фоне окружающего хаоса. Судя по всему, именно таков был Сергей Головин.

Однако, несмотря на несомненные личные достоинства представителей этого поколения рода, с точки зрения семейной истории итоги их жизни оказались печальны. Константин, Сергей и их сестра Мария

не состояли в браке и не оставили потомства. Стоит добавить, что Константин в 39 лет из-за болезни спинного мозга был парализован и ослеп, после чего оставшуюся часть своей долгой жизни провел в инвалидном кресле. Младший брат Александр был благополучным семьянином, но его настигла другая из семейных бед – ранняя смерть. Он умер неполных 49 лет, значительно раньше старших братьев, и оставил после себя малолетних детей, которым родной была уже не Тверская, а Орловская губерния. Только потомки Александра могли стать наследниками старицких вотчин, но их судьбу, судя по всему, не предполагалось связывать с родиной предков. По неизвестным нам причинам, связанным, возможно, с позицией Сергея Федоровича, накануне его смерти, последовавшей в 1915 г., произошла массовая распродажа фамильной недвижимости и почти все земли и населенные пункты в Старицком уезде, которыми Головины владели на протяжении десятилетий, отошли к новым владельцам. Родовое Архангельское еще оставалось оплотом семьи, но, похоже, присутствие старицких Головиных в Тверской губернии двигалось к концу, и революция лишь поставила точку в этом процессе чуть раньше, чем это могло быть при естественном ходе событий. Таким образом, Гавриле Петровичу Головину, который ради будущих потомков совершал решительные, а возможно, и неблагоприятные действия, удалось отсрочить такой финал ровно на столетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 46834. Л. 1.
- 2 ГАТО. Ф. 852. Оп. 26. Д. 1468. Л. 1.
- 3 ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 46834. Л. 1.
- 4 Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005. С. 42, 166.
- 5 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12375. Л. 268 об.
- 6 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1831. Л. 19 об.
- 7 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1831. Л. 19.
- 8 ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1831. Л. 19.
- 9 ГАТО. Ф. 852. Оп. 26. Д. 1468. Л. 1.
- 10 Воспоминания Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 8.
- 11 ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 6. Л. 15 об. – 16.
- 12 ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 89. Л. 11 об. – 12.
- 13 Ельчанинов И. Н. Материалы для истории Ярославской военной силы в Отечественной войне. Ярославль, 1912. С. 42.
- 14 ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 89. Л. 9 об. – 10.
- 15 Воспоминания Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 5.
- 16 ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 46834. Л. 26.
- 17 ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Д. 1522. Л. 4.

- 18 Воспоминания Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 5.
- 19 ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Д. 1522. Л. 3, 1.
- 20 Чернявский М. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии. Тверь, 1869. Л. 48 об.
- 21 Воспоминания Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 3.
- 22 ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 46834. Л. 57 об.
- 23 Воспоминания Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 4.
- 24 Воспоминания Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 4.
- 25 История Лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849. Ч. IV. С. 226, 228.
- 26 ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 746. Л. 1.
- 27 ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 46834. Л. 71.
- 28 ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 746. Л. 1.
- 29 ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 2328. Л. 1.
- 30 Воспоминания Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 8.
- 31 ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 855. Л. 14 об.
- 32 Сушкова Е. А. Записки. М., 2004. С. 102.
- 33 Герцен А. И. Былое и думы. М., 1988. Т. II. С. 366.
- 34 Там же.
- 35 ГАТО. Ф. 694. Оп. 1. Д. 1582. Д. 2а.
- 36 ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 3099. Л. 13.
- 37 Герцен А. И. Былое и думы. М., 1988. Т. II. С. 374.
- 38 ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 855. Л. 15.
- 39 ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 855. Л. 9 об. – 11 об.
- 40 Головин К. Ф. Воспоминания. М., 1915. Т. I. С. 110.
- 41 Головин К. Ф. Воспоминания. М., 1915. Т. I. С. 110.
- 42 ГАТО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 12131. Л. 48 об.

Д. И. Кривошапка

ОСНОВАТЕЛИ ГОРОДА СОЧИ

В Сочи есть и горы, которые возвышают, и море, которое манит, и неизъяснимо светлые перспективы, которые вносят в душу полное ощущение жизнерадостности и счастья...

А. Н. Виноградов

Дума ет с я, нигде не гибнет столько памятников культуры и истории конца XIX в., как на Черноморском побережье. Роскошные усадьбы, виллы, очаровательные дачи, некогда составлявшие предмет восхищения у современников, разрушаются на глазах, исчезают с лица сочинской земли, унося с собой многие тайны и секреты прошлого. Не все сочинцы знают даже имена людей, основавших и строивших Сочи и незаслуженно забытых. А это были передовые люди своего времени, оставившие яркий след в истории России рубежа XIX–XX вв.

Вспомним тех, кто, не жалея сил и средств на развитие Черноморского края, стали пионерами в освоении сочинских земель. Это в первую очередь славные братья Арсений и Петр Васильевичи Верещагины, уроженцы Тверской земли. Арсений Васильевич Верещагин, статский советник, преподаватель таксации в Константиновском Межевом институте, действительный член Императорского Вольно-экономического общества, в начале 1850-х гг. окончил курс в Горьгорецком агрономическом институте по первому разряду с золотой медалью. Вместе с братом Петром Васильевичем, коллежским секретарем, агрономом, сотрудником журнала «Московские ведомости», в 1868–1869 гг. они начали дело по освоению и заселению Западного Кавказа.

В начале 1870-х годов А. В. Верещагин прибыл на Кавказ вместе с Вениамином Ивановичем Ахшарумовым, известным геодезистом, составившим подробное описание окрестностей, природы и минеральных источников, найденных близ реки Мацесты. Все свои наблюдения и исследования по Западному Кавказу он публиковал в Москве и Санкт-Петербурге, чем вызвал неподдельный интерес

к развитию Черноморского края. Умер А. В. Верещагин в Санкт-Петербурге в 1894 г.

В уникальной брошюре «Русская Ривьера», изданной в Москве в 1902 г. Петром Васильевичем Верещагиным, сказано: «...с самого начала обзавелись землями и дачами в Сочи наши москвичи: Н. Н. Мамонтов, Д. И. Гарбе, А. К. Еремеев, В. А. Хлудов и сестра его Т. А. Мамонтова, Д. И. Прилуков. Позднее светлейшая княгиня А. П. Голицына, княгиня М. А. Енгальцева, В. А. Толоконников, А. И. Костарев, С. Н. Худеков и другие». За 32 года плодотворной деятельности на Черноморском побережье сам П. В. Верещагин благоустроил свой участок земли, который потом уступил казне за бесценно. Память о нем старожилы Сочи увековечили в названиях: Верещагинский ручей, Верещагинский парк (позже Ермоловский, а в настоящее время – Фрунзенский). П. В. Верещагин умер в Москве в 1902 г.

Среди пионеров, осваивавших Черноморское побережье, стоит обратить внимание и на Николая Николаевича Мамонтова (1836–1896) – почетного гражданина Москвы, попечителя Петровско-Пресненского мужского училища, мирового судьи, владельца пивоваренного завода на Пресне. Одна из центральных улиц Сочи до революции называлась Мамонтовским спуском (ныне – часть Курортного проспекта). В Сочи Николай Николаевич владел большим участком земли. Около 6,5 десятин он приобрел на основании Городового положения в черте проектируемого посада Даховского. Около 300 десятин были расположены в долине реки Сочи, на правом берегу, в двух верстах от усадебной земли, остальные земли находились в долине реки Агура. В 1872 г. Н. Н. Мамонтову сделали отвод земли, и этот момент можно считать основанием хозяйства. На городской учатке, на месте виллы «Вера», осенью был построен дом, не роскошный, без всяких прикрас. Срублен он был в Ростове-на-Дону и оттуда в разобранном виде доставлен морем в Сочи.

Для благоустройства территории и создания парка с редкими экзотическими растениями Н. Н. Мамонтов пригласил известного ученого-садовода из московских немцев, местного землевладельца Рейнгольда Иоганновича Гарбе. Тот был первым заведующим Сочинской опытной станции субтропических культур с 1894-го по 1902 г., основал самый первый питомник редких иноземных растений в Сочи, заложил первые парки для Н. Н. Мамонтова и В. А. Хлудова. Мамонтов выписывал всевозможные сорта плодовых деревьев и кустарников из лучших российских и зарубежных питомников. Например, эвкалипт пепельный, наделавший много шума на Парижской выставке. Ягодных кустарников, таких как крыжовник, малина и смородина, прежде в крае не было, в мамонтовских же питомниках

было посажено для опыта 76 сортов крыжовника, по 24 сорта малины и смородины. Гранаты, лимоны, апельсины, миндаль, фисташки и прочие культуры хорошо прижились. Со слов ученого-агронома Р. И. Гарбе, в саду у Н. Н. Мамонтова произрастало до 80 сортов арбузов и дынь, множество различных сортов цветов, декоративных и цветущих кустарников. Также хорошо было развито пчеловодство, скотоводство и другие отрасли хозяйства. К концу XIX в. обширные хозяйства Мамонтова чуть не пришли в упадок и полное запустение в связи с тяжелой и продолжительной болезнью хозяина. Он обратился ко всем своим родственникам с просьбой о срочной продаже сочинского имения. Охотно откликнулся на это предложение весьма энергичный родственник, почетный потомственный гражданин Москвы Василий Алексеевич Хлудов (1841–1913), который, по сути, и купил все земли, принадлежавшие Н. Н. Мамонтову.

В. А. Хлудов окончил в Москве сначала Петропавловское училище, затем два факультета университета – физико-математический и медицинский, позднее в Гейдельбергском университете в течение двух лет слушал курс лекций по химии. Большой знаток музыки, он прекрасно играл на фортепиано, импровизировал на органе, выписанном им из Германии. В 1898 г. Василий Алексеевич подарил этот орган Малому залу Московской консерватории. Философское образование, начитанность и одаренность ставили его в ряд передовой интеллигенции России. Василий Алексеевич был весьма красив, обаятелен, прост в общении и без труда очаровывал окружающих. Он женился на Нине Флорентьевне, урожденной Перловой (1863–1931), крупной благотворительнице, выдающейся пианистке. Все пятеро их детей отличались музыкальными способностями: старший сын играл на скрипке, второй – на трубе, и все играли на рояле. В любой час дня в доме слышалась музыка.

В. А. Хлудов владел тремя иностранными языками, неоднократно путешествовал по всей Европе. Эрудиция его по вопросам медицины и естествознания была поразительной, а круг интересов чрезвычайно широк. Он занимался проблемами металлургии, экспериментальной медицины, биологии, эндокринологии, садоводством, теоретической механикой, интересовался астрономией и даже работал над созданием вечного двигателя. Получив свою долю наследства после смерти отца в 1882 г., В. А. Хлудов вкладывает значительный капитал в покупку и освоение земель в Сочи.

В журнале «Русский вестник» за 1894 г. писали: «Первое место в ряду культурных начинаний, и притом не только в Сочи, но и на всем побережье, принадлежит саду и винограднику имения „Раздолье“, находящегося в собственности В. А. Хлудова и расположенного в

четыре верстах от Посада. Трудно себе представить что-либо более широкое и грандиозное и по замыслу, и по исполнению. Общая поверхность имения 1900 десятин. Из них: фруктовый сад – 120 десятин, виноградник – 90 десятин (посадки 1890 года), яблоневый сад – 75 десятин, обширная плантация маслин – в 100 деревьев, привезенная из Трапезунда; плантации гранатов, мушмулы, айвы, фундука, грецкого ореха. При имении устроен уникальный питомник тропических, декоративных, хвойных и самых редких оранжерейных растений (1 десятина). Можно себе представить, что это за хозяйство!

В. А. Худов не жалеет денег, выписывает интересные растения со всех концов земного шара и обладает многими, единственными в своем роде, коллекциями: например, коллекцией узорчатых японских кленов – за 30 видов, один одного причудливее и эффективнее, австралийских казуаринум и т. д. В ботаническом отношении здесь собраны большие богатства и редкости».

В этом ему помогает немецкий садовод профессор Густав Федорович Вобст, специально приехавший из Московского ботанического сада.

Парк Худова –
как сбывшееся чудо,
не устремленный ввысь,
но распростертый вдаль.
И в нас опять шумят
реликтовые чувства –
надежда и любовь,
отрада и печаль.

Эти богатства со временем превратились в огромный Худовский парк, часть которого существует и поныне под названием «Ривьера».

Городская усадьба Н. Н. Мамонтова с советшавшим домом с 1896 г. перешла в ведение Татьяны Алексеевны Мамонтовой (1844–1909), урожденной Худовой, ставшей счастливой обладательницей виллы «Вера». Название было выбрано Н. Н. Мамонтовым неслучайно, ведь имя Вера носили мать самого Николая Николаевича и сестра Вера Николаевна (1844–1899), которая была замужем за Павлом Михайловичем Третьяковым (1832–1898), основателем знаменитой союзовишницы русской живописи в Москве.

Осмотрев владения Т. А. Мамонтовой в 1903 г., надворный советник А. Н. Виноградов вспоминал: «...когда вы подъезжаете в Сочи на пароходе, гуляете по бульвару по любой улице города, вы видите над ним довольно крутую зеленую гору. Но в самый момент взгляда на эту гору ваш глаз невольно переносится на левую сторону, где и останавливается, любуясь обширным чьим-то культурным владением.

Тогда напрашивается вопрос, чье это имя? Если на вопрос отвечает сочинский житель, то он отвечает не без гордости: „Это владение принадлежит Татьяне Алексеевне Мамонтовой“.

Можно его осотреть? Да, конечно, но разрешение владелицы необходимо. Нам посчастливилось. Сама владелица, свежая и бодрая, с несколько властной посадкой головы, вышла к нам навстречу и на просьбу разрешила поближе полюбоваться ее садом.

Она также любезно предложила сама показать его во всех подробностях.

Входная аллея, ведущая от ворот к дому, представляла собой две цветущие шпалеры из олеандра и плетистых роз в богатейших оттенках. Перед балконом две редкостных огромных пальмы давали сильнейший тропический тон всей предбалконной площадке, кругом которой виднелись стрелки кипарисов, уникальные экземпляры магнолий, лавров.

Вместе с владелицей мы начали восхождение по террасам сада вверх. Восхождение, вследствие замечательной отлогости террас прошло почти незаметно. Мало того, оно было приятно, ибо мы шли не по дорожкам, усыпанным гравием, как это устроено везде на побережье Черного моря, а буквально по зеленой „шелковой“ траве.

„Мой участок, – любезно сообщила владелица, – имеет до восьми десятин. Он самый большой в городской черте. Он перешел ко мне от моего брата, вложившего огромные средства на планировку его в виде террас, которые вы видите, и на посадки. Я сама как любительница природы крепко привязана к своему саду и тщательно его поддерживаю, на что у меня расходуется до 6000 рублей ежегодно. У меня есть хороший садовник, но я сама слежу за всеми работами. Посмотрите, вот редкий экземпляр серебристого атласского кедра, вот земляничное дерево“. Любезная хозяйка совершенно свободно и быстро называла по латыни своих любимцев. Когда мы дошли до виноградников, Т. А. Мамонтова продолжила: „...виноград посажен всевозможных сортов и идет очень хорошо, вопреки мнению, что виноград здесь идти не может. Согласитесь со мной, что мое счастье в урожайности виноградников не может играть роли, тут важно умение и умение... Для себя я делаю «свое вино»“. Опробованное нами вино показалось нам очень вкусным и приятным, чистого домашнего приготовления. Поднявшись на последнюю террасу, мы вступили в светлую дубовую рощицу. Молодой ровный, на подбор, дубняк с просветами на обе стороны холма, давал иллюзию какого-то зеленого храма с многочисленными колоннами, но когда мы остановились на опушке, посмотрели вниз на раскинувшиеся Сочи и на беспредельную морскую даль, освещенную золотым солнцем, – мы не нашли в себе не только слов, но и простых членораздельных звуков

удивления, которые были бы уместны. Мы просто застыли в немом восторге... Все мысли и думы улетели, пропали, и настал момент высшего наслаждения неопишуемой по красоте подлинной картины кисти всевышнего Мастера...»

Но вскоре жизнь необыкновенного имения изменилась с появлением молодой наследницы, Марины Александровны Мамонтовой (1871–1957). В Сочи М. А. Мамонтова познакомилась с молодым и энергичным рязанским дворянином Николаем Анатольевичем Костыревым (1873–1955), который имел 40 десятин собственного сливового сада в соседнем имении «Ареда». Вместе с братьями Сергеем (1878–1955) и Андреем (1876–1938) он закончил лесотехническую академию в Швейцарии с золотой медалью, обладал обширными энциклопедическими знаниями. Был известным ученым-плодоводом, состоял председателем Сочинского отдела Императорского Российского общества садоводства, мэром города Сочи. Очарованный красотой и редким обаянием М. А. Мамонтовой, он в 1901 г. обвенчался с ней в сочинском храме Архистратига Михаила. В семье было трое детей. Старшая их дочь Елена Николаевна Костырева (1903–1986) впоследствии вышла замуж за Сергея Васильевича Хлудова (1896–1958), сына основателя парка «Ривьера». Со временем старый деревянный дом был разобран и на его месте в 1910 г. построен новый, каменный (из тесаного песчаника), двухэтажный, с винными погребами. Он был перестроен под руководством С. А. Костырева. Усадьба Костыревых-Мамонтовых стала духовным и культурным центром города Сочи.

Невозможно не упомянуть еще одного крупного землевладельца, который оставил нам в наследство превосходный парк, ныне именуемый дендрарием. В 1889 г. Сергей Николаевич Худеков (1837–1928) приобрел лесистый участок земли в 52 десятины вблизи Даховского Посада. На этой земле он заложил плодовый сад и роскошный парк с иноземными растениями. В закладке парка активное участие принимали его племянники, братья Костыревы, а также знаменитый немецкий садовод Карл Августиневич Лемгау. Парк создавался по типу франко-итальянских террасных регулярных парков, характерных для конца XIX столетия. В конце 1899 г. С. Н. Худековым была построена вила «Надежда», названная в честь любимой супруги и верного друга Надежды Алексеевны (урожденной Страховой, 1847–1918). Свои впечатления о сочинской вилле она описала в рассказе «Новый берег», опубликованном в 1903 г.: «...его беленький, красивой архитектуры домик с выступами, башней и широкими террасами стоял на фоне темных дубов и гигантских буков высоко над поляной, засаженной редкими тропическими растениями». Со временем все хозяйство

С. Н. Худекова перешло в управление племянника С. А. Костырева, много сделавшего для сохранения Хлудовского парка.

Несомненный вклад в развитие садово-паркового искусства на Черноморском побережье в начале XX в. принадлежит также имению и хозяйству генерал-майора, Санкт-Петербургского градоначальника, вложившего много энергии для благоустройства этого города, Даниила Васильевича Драчевского (1858–1918). Происходивший из киевских дворян, он блестяще окончил Николаевскую военную академию Генерального Штаба, принимал активное участие в Русско-турецкой войне (1877–1878), где за храбрость во время боевых действий был представлен к ордену Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В 1906 г., будучи градоначальником Ростова-на-Дону, Д. В. Драчевский приобрел имение «Случайное» в 34 десятины земли у вдовы отставного генерала Марии Ивановны Гуккер вблизи Адлера. В 1910–1911 гг. на площади 10,5 десятин был заложен парк по проекту известного ландшафтного архитектора Арнольда Эдуардовича Регеля при участии немецкого садовода Р. И. Гарбе и чешского садовника Р. К. Скриваника при управляющем немецком подданном Кепинге. В 1918 г. во время февральского террора Драчевский был арестован и расстрелян.

В благодарность этим людям, основавшим и строившим Сочи, скажем о них словами из Откровения святого Иоанна Богослова: «Они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними».

Е. Бульба

УСАДЬБА ДАХОВСКИХ

Усадьба дворян Даховских – архитектурно-ландшафтный памятник областного значения, находится в селе Леськово в 5 км к востоку от райцентра Монастырище Черкасской области (Украина) и занимает 89 га. В ее комплекс входит усадебный дом-замок, лиственный парк на левом берегу речки Конелки и хвойная часть парка на правом берегу, плотина, пруд с «островом любви», сад и пахотные земли. Создателями этого удивительного по красоте поместья были четыре поколения польских помещиков Даховских, владевших Леськовым и окрестными деревнями с 1770-х гг. до 1917 г.

Первый владелец Мариан Даховский (1770-е – 1800-е гг.) приобрел Леськово и окрестные деревни у прежних владельцев в то время, когда польские магнаты начали возвращать свои владения после жестокого подавления крестьянского восстания 1768 г. под предводительством Максима Зализняка и Ивана Гонта, известного под названием «Колиивщина». На левом берегу Конелки Мариан соорудил небольшой двухэтажный дом и флигель для садовника (оба здания сохранились до сих пор). Следующее поколение Даховских – Александр и Гонората (1800-е – 1850-е гг.) – развернули активную деятельность по приобретению новых земель и крестьян. Разбогатев, они решили создать в Леськовской усадьбе новый дворец, парк, пруд, словом, создать и оставить своим сыновьям нечто подобное уманской Софиевке.

Эти грандиозные планы осуществляло уже третье поколение Даховских – братья Карл (*1822) и Казимир (*1823). Преобразование началось в 1850-е гг. и завершились в 1880-х гг. Был сооружен двухэтажный дворец замкового типа, имевший две высокие зубчатые башни в три этажа (квадратную и круглую), два входа (парадный и хозяйственный), на первом этаже открытую террасу с перилами. Вокруг замка был посажен парк из редких пород лиственных деревьев, а на правом берегу реки – из хвойных пород. Территорию замка и лиственного парка обнесли кирпичной оградой высотой 1,5–3 м. Для строительства дворца, ограды и других зданий братья построили

Усадебный дом. Общий вид. Фотография А. В. Слёзкина. 2010 г.

*Усадебный дом. Общий вид со стороны круглой башни.
Фотография А. В. Слёзкина. 2010 г.*

свой кирпичный завод. Позднее, перегородив речку плотиной, они создали обширный пруд площадью почти 20 га. Работами в основном руководил Карл, постоянно живший в имении. Казимир Даховский чаще жил в Западной Европе, где учился его сын Тадеуш (*1870), впоследствии ставший инженером-строителем и архитектором, а такжеспортсменом-наездником высокого класса.

Унаследовав в конце 1880-х гг. все владения Даховских (1589 га), Тадеуш создал в Леськове конезавод и преобразовал усадьбу в великолепный архитектурный ансамбль. План обновленной усадьбы он разработал сам, а осуществил с помощью прораба Цехановского из Польши. К существующему дворцу была пристроена новая часть, демонстрировавшая новые веяния в европейской архитектуре. Старая и новая части здания, хотя и отличаются по архитектурным формам, объединены так удачно, что воспринимаются как единое целое.

Что же представляет собой пристройка? По размерам она составляла половину старого двора и имела три этажа с прямоугольными окнами и дверями. Единство комплексу придавали шестигранные башенки по ее углам с такими же зубцами, что и на старой части дворца, но сплошной кладки. Зубцы завершали пристройку по всему периметру, в стены были вмонтированы декоративные вазы и другие детали. Новая часть замка была оснащена водяным отоплением. Для подачи воды в бак на 3-й этаж пробили скважину, одновременно оборудовав на крыше выход на обширную прогулочную площадку (15×20 м), огражденную зубцами.

Весь замковый комплекс теперь стал трехэтажным. На первом этаже находилось восемь парадных помещений – салоны, кабинеты, залы для гостей. Здесь же был устроен парадный выход на открытую площадку около круглой башни со ступеньками, ведущими в парк. С этого уровня также был вход в подвальное помещение и

*Усадебный дом. Круглая башня.
Фотография А.В. Слѣзкина. 2010 г.*

хозяйственный выход. На втором этаже располагались девять жилых комнат и ванная с выходом на балкон. Третий этаж также имел восемь комнат. В старых комнатах существовало печное отопление с открытыми и закрытыми каминами и дымоходами в зубцах, в новых – трубы и батареи водяного отопления, вмонтированные в стены. В квадратной и круглой башнях внутри тоже находились комнаты, а наверху – смотровые площадки, к которым вели винтовые лестницы.

Парадный вход в замок находился в квадратной башне, на которой красовался герб дворян Даховских и стоял флагшток с флагом. Отсутствие флага служило сигналом для крестьян и челяди, что владельцы находились в отъезде. Перед замком был разбит розарий с фонтаном в центре. Вода к нему поступала из скважины через подземные желоба. Напор воды создавался разницей уровней.

Треть усадебной территории Тадеуша Даховского занял конезавод на 100 английских скакунов с маточником и родильным отделением. В имении были обустроены манежные дорожки, ипподром, зимний манеж. Жокеи и конюшенные набирались из местных крестьян. На

лошадей Леськовского конезавода был большой спрос и в Европе, и в России, а сам помещик с шестью своими жокеями постоянно принимал участие в скачках и неоднократно становился призером.

В советское время замок и усадьба использовались как дом отдыха для работников Киевского сахаротреста, летом – также как пионерский лагерь. После войны здесь разместили санаторий для больных туберкулезом закрытого типа. После протестов крестьян его передали военному ведомству для лечения офицеров-отставников с

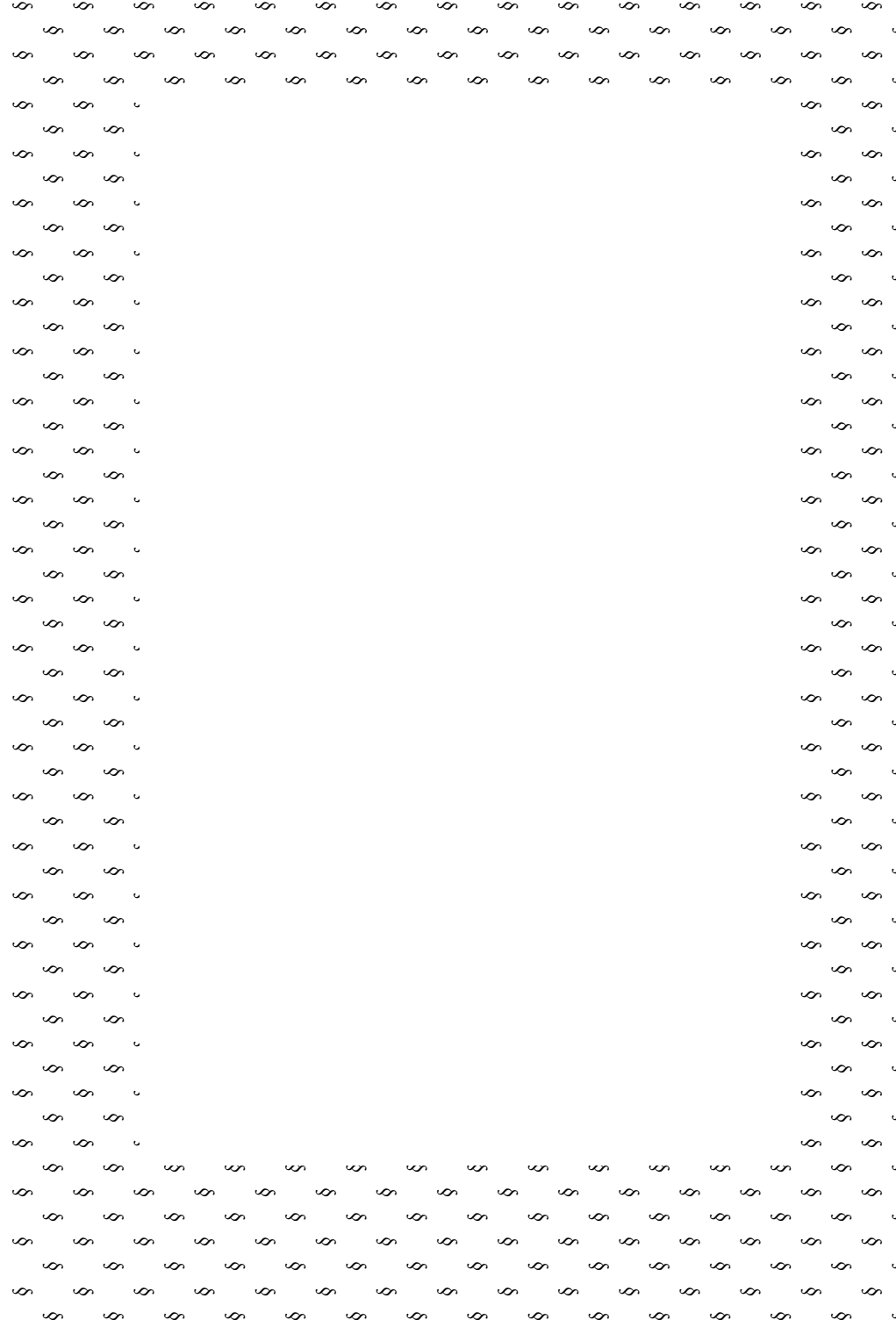
*Усадебный дом.
Фрагмент фасада.
Фотография А.В. Чекмарёва.
2010 г.*

*Фасад усадебного дома.
Ниша с вазой.
Фотография А. В. Слёзкина.
2010 г.*

нервно-психическими заболеваниями. В 1970 г. здесь же разместили имущество полевого госпиталя. С тех пор было построено трехэтажное административное здание, в бывшей конюшне достроен второй этаж и размещены квартиры, другие помещения были заняты под технические службы госпиталя. Залы замка превратили в склады для лекарств. Заросли аллеи, дорожки, исчезли причал для лодок и мостик, ведущий к острову.

В 2003 г. имущество госпиталя вывезли, но военизированная охрана существует до сих пор, усадьба и замок закрыты для посетителей. «Леськовское чудо» ждет своего возрождения.

III.
РУССКАЯ
УСАДЬБА
В ЭПОХУ
КАПИТАЛИЗМА

В. И. Бородина

АЛЕКСЕЕВСКАЯ ВОТЧИНА ГРАФА И. И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

В «Списке о семействе и состоянии сына покойного действительного статского советника графа Ивана Илларионовича, графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова» среди имений упоминается «Алексеевская вотчина в Хвалынском уезде – 1 село, 1 сельцо и 1 деревня – 961 мужского пола, 1003 женского пола». Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков унаследовал эту вотчину в 1854 г. и владел ею до своей смерти в 1916 г.

Село Алексеевка расположено на правом берегу Волги в 25 км от Хвалынского в живописной местности: с запада оно окружено холмами и высокими Девичьими горами, покрытыми дубравами и смешанным лесом. История его начинается в XVII в., когда эти земли были пожалованы при Петре I «служивым людям». В разные годы владельцами села были Голицыны, Карачинская, графиня И. И. Воронцова-Дашкова, после смерти которой в 1848 г. эти земли унаследовал ее сын Иван Илларионович Воронцов-Дашков. В 1861 г. ее внуку принадлежало 13 000 дес. земли, а в 1905 г., после передачи части земли крестьянам, он владел 5616 десятинами¹. В этом большом и хорошо поставленном хозяйстве были ветряная мельница, овчарня, большой яблоневый сад (70 дес. с плодовым питомником), при котором граф организовал школу садоводства. Алексеевка была крупным торговым пунктом на Волге с несколькими пристанями (пассажирской и грузовой) для отгрузки хлеба, многочисленными мельничными предприятиями (две водяных, семь ветряных, паровая), литейными и механическими мастерскими и кирпичным заводом. Отсюда ежегодно отправлялось товаров свыше 360 000 пудов товаров². В Алексеевке развивалось овцеводство, но основным видом хозяйствования было выращивание зерна (сеяли рожь, пшеницу), которое потом продавалось в Саратове, Царицыне и других городах России.

В последней четверти XIX в. Алексеевское имение было одним из самых благополучных и доходных. О нем довольно часто упоминалось на рубеже XIX–XX вв.: «...на правом бер[егу] Волги лежит с[ело] Алексеевка... в котором более 2000 жителей, волостное правление,

К. Маковский. Портрет хозяйки усадьбы Е. А. Воронцовой-Дашковой. 1885 г. Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева

училище, почта, телеграф, 12 лавок, механические заведения...»³ Тогда же в Алексеевском затоне были созданы судоремонтные мастерские – одни из лучших на Волге, принимавшие к началу XX в. до 100 судов в год.

Граф приезжал в свое имение раз в пять-шесть лет. Управлялось оно, в основном, немцами. В истории остались имена нескольких управляющих: Е. И. Щица (сохранилась также переписка графа Ивана Илларионовича с ним), К. К. Шлипса и его сына – И. К. Шлипса. Управляющие жили в графском доме, сочетающем жилую и хозяйственную функции: в нем располагались квартира управляющего и контора Алексеевского имения.

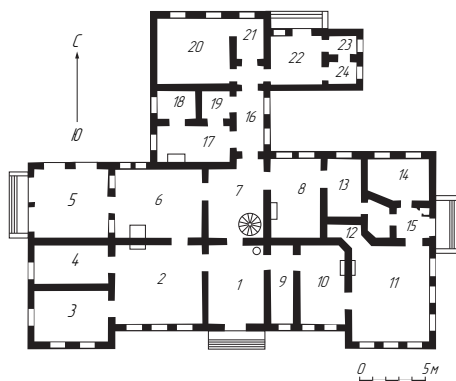
На основе найденного плана, выполненного землемером Гайверовским, можно сделать вывод, что каменный дом был построен в 1897 г.⁴ В настоящее время дом

Вид на южный (парадный) фасад усадебного дома

План усадебного дома:

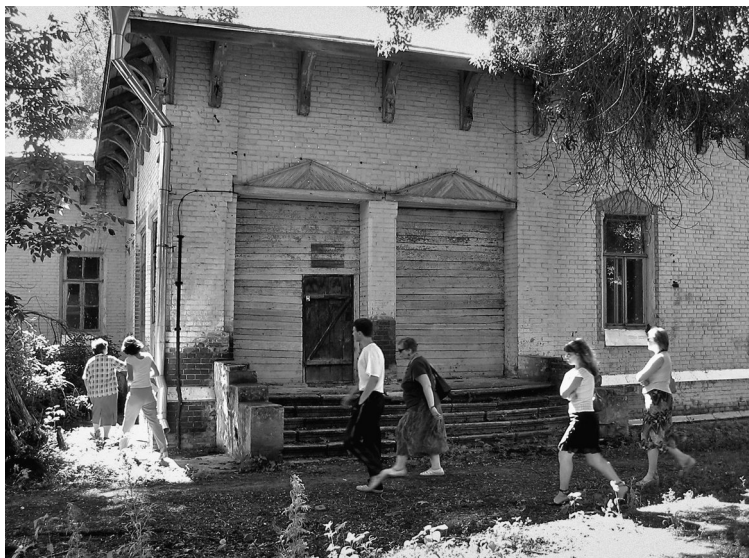
- 1 парадный вестибюль
 2 гостиная 3, 4 спальни
 5 крытая терраса
 6, 15 прихожие 7 буфет
 8 столовая 9 касса
 10 комната с камином
 11 кабинет
 12 комната-сейф
 13 проходная комната
 14 графская спальня
 16 коридор
 17, 18, 19 комнаты прислуги
 20 кухня 21 лестница в подвал
 22 подсобное помещение
 23, 24 комнаты, которые, возможно, служили ванной и туалетом

сохранил свой первоначальный облик, в котором явно просматриваются элементы модерна. Возможность свободной постановки здания на участке предопределило цельность, объемность композиций и пластическую выразительность масс. Архитектор оперировал не плоскостями, а объемами, которые «завязаны» в единую пластическую композицию. В плане здание напоминает несколько усложненную перевернутую букву *T*. Парадный южный фасад состоит из основного вытянутого с запада на восток параллелепипеда с выступающими боковыми неравновеликими ризалитами. В левом крыле располагались жилые помещения: гостиные, столовая, занимающая

*Восточный вход
 в усадьбу. 1930-е гг.*

Крытая терраса на западном фасаде

Чугунная винтовая лестница

угол здания западного фасада крытая терраса с широкой лестницей, ведущей в парк. Правое крыло здания двухэтажное, но этажность не «читается» на парадном фасаде: в чердачной части здания правого крыла размещена невысокая отапливаемая мансарда, окна которой выходят на северный фасад. В нижнем этаже правого крыла, в угловом и большем по сравнению с левым, ризалите располагался кабинет. Из него можно было выйти на крыльцо восточного фасада, обращенного к Волге.

В кабинете есть темная узкая комната-сейф с массивными железными дверями и запорами. Перед кабинетом расположена комната с камином, из которой также можно войти в кассу. Ведь здание выполняло две функции: жилую и служебную. В центральной части здания, вытянутой на север за счет одноэтажной пристройки, располагались: парадный вестибюль с круглой изразцовой голландской печкой в углу, из вестибюля вход в буфетную комнату с винтовой спиралевидной чугунной лестницей, ведущей в мансарду. Пронизывая объем здания, она становится как бы осью всей композиции интерьеров, рассчитанных на восприятие в движении, когда за каждым поворотом открывается новая, неожиданная точка зрения, интригующая посетителя. Справа от буфетной располагались гостиная и небольшие спальни с окнами на северную сторону. Слева, вдоль

Деталь изразцовой печи в гостиной в левом ризалите

узкого коридора – кухня, к ней примыкали комнаты для прислуги. Коридор упирался в лестницу в северной части, ведущую в подвал, справа, напротив кухни, были расположены подсобные помещения с хозяйственным выходом и двумя небольшими комнатами, которые, возможно, служили ванной и туалетом (полы в этих помещениях выложены плиткой).

К восточному фасаду, обращенному к Волге, подходила лестница из песчаника, накрытая навесом на деревянных консолях, такой же навес был некогда над парадным входом (ныне утрачен). Наличники окон повторяют общий рисунок выступающих ризалитов. Кажущаяся на первый взгляд хаотичность западного, северного и восточного фасадов обусловлена их функциональной целесообразностью. Внешний объем здания рассчитан на круговой обход, в разных ракурсах он воспринимается по-новому. Выступающий над гладью стен карниз и частые массивные деревянные консоли, поддерживающие стропила кровли и балки потолочных перекрытий придают зданию живописность, создают игру светотени, выделяясь почти скульптурными объемами на глади стены, причем не декоративными, а функциональными: во внешнем облике здания отражен каркас его перекрытий. Здание напоминает величественный корабль викингов, заставляя вспомнить элементы модерна северных стран с их несколько суровыми образами. На чердаке это впечатление усиливается за счет величественных стропил, ассоциирующихся с остовом корабля.

Интерьеры особняка связаны с окружающим пространством крыльцами, крытой террасой, придающими живописность его фасадам, и окнами, разнообразными по размерам и форме. В решении интерьеров особую роль играли печи, украшенные майоликовыми вставками, и камин в правом крыле. Продуманность формы и изысканность рисунка оконных ручек, лестничных балясин, металлических ограждений террасы ассоциируются с мотивами органического мира.

Парк с аллеями, выложенными камнем, представлен вековыми деревьями остролистого клена (высотой до 18 м), дубами, здесь также произрастают ясень, липа, сирень, акация, несколько старых сосен. Сейчас его площадь составляет около 2 га. Часть парка оказалась затопленной при строительстве Саратовской ГЭС в 1967 г., когда вода Волги поднялась более чем на 8 м. Около террасы сохранилась уникальная вековая пихта. В западной части парка, рядом с террасой, можно видеть остатки круглого бассейна, перед южным парадным фасадом некогда были цветники. С южной стороны, за парком, в усадьбе располагались паровая мельница, амбар для зерна (не сохранились), с западной стороны – конюшня (граф выделял деньги для закупки породистых орловских рысаков, владимирских и тамбовских тяжелоаров). Здание конюшни разобрано в 2006 г. при

строительстве новой Алексеевской церкви. Сохранилось кирпичное здание механических мастерских, где были кузница, столярная и слесарная мастерские. За ними располагался большой яблоневый сад с питомником. Дорога к усадьбе была засажена пирамидальными тополями, которые можно видеть и сейчас.

На западе в трех километрах от Алексеевки в живописной местности расположена барская запруда. Ее площадь составляет 4400 м². Берега чистые, без зарослей, водоем питают родники, которые находятся на южных и западных берегах. Вдоль южного и восточного берегов запруды расположены вековые дубравы. Вообще весь графский хутор спланирован с учетом не только удобства, но и красоты, не ущемляя природу, а приближая ее к людям.

В советское время Алексеевская вотчина графа Воронцова-Дашкова сперва стала частью совхоза № 67. С 1924 г. здесь располагалась детская трудовая колония им. Джона Рида. Затем, когда колония была переведена на территорию мужского старообрядческого монастыря, здание использовалось под школу, детский сад и больницу. Позже в нем размещался сельсовет. С середины 1980 г. усадьба графа И. И. Воронцова-Дашкова поставлена на государственный учет и охраняется как памятник истории и культуры, хотя практических шагов по его охране в этом качестве, кроме укрепления береговой линии, не замечено. В конце 1980-х гг. здание опустело. В 2004 г. усадьба передана Саратовской епархии с целью дальнейшего использования ее под женский Свято-Алексеевский православный монастырь. В настоящее время в ней ведутся восстановительные работы и она является частью монастырского комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Семеновы В. и Н. Саратов дворянский // Волга. 1998. № 11–12.
- 2 Россия. Полное географическое описание отечества. Т. VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 462.
- 3 Там же.
- 4 РГБ. Ф. 58. К. 135. Ед. хр. 5. Л. 4.

А. И. Бер-Глинка

УСАДЬБА ПРОТАСЬЕВ УГОЛ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

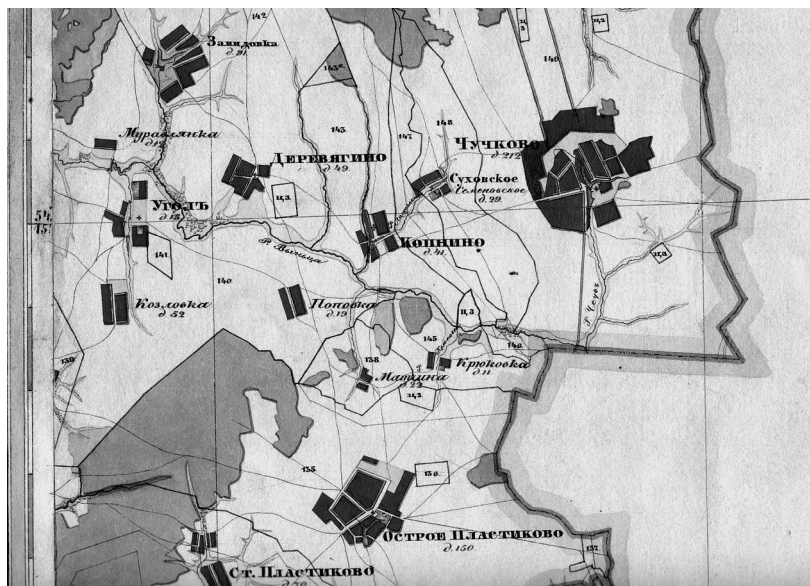
*Образцовое помещичье хозяйство эпохи
формирования рыночных отношений в России*

Два года назад ко мне в руки попали мемуары моего дальнего родственника Михаила Алексеевича Бера*, в которых он описывал жизнь и хозяйство имения Протасьев Угол, а именно той части его, которая принадлежала его тестю и одновременно двоюродному дяде Николаю Николаевичу Беру. Воспоминания эти столь подробны, что позволяют живо вообразить картину жизни поместья, и в особенности хозяйственной. С другой стороны, сохранившиеся до сегодняшнего дня многочисленные фотографии (происходящие из различных семейных архивов) позволяют иллюстрировать мемуары Михаила Алексеевича, предоставляя зримые доказательства правдивости его слов. Не было забыто село историками и краеведами, некоторые из которых посвятили ему отдельные исследования (в первую очередь здесь необходимо упомянуть О. Л. Курбатову и В. И. Воронцовского, а также И. В. Грачеву). Мне представилась заманчивой идея обобщить источники различного характера и происхождения. Результатом этой попытки и стала данная работа.

ИСТОРИЯ СЕЛА

История села Протасьев Угол Чучковского района Рязанской области (до 1917 г. Остро-Пластиковской волости Сапожковского уезда Рязанской губернии) уходит своими истоками в эпоху позднего Средневековья. Название «угол» восходит, вероятно, ко времени татарских набегов на Рязанское княжество и происходит от его рас-

* Замысел написания этой работы возник после поступления ко мне в последние годы многочисленных личных архивных материалов, в основном мемуаров (неопубликованных и поныне), а также фотографий, запечатлевших жизнь и быт села Протасьев Угол и его обитателей.

*Угол Старо-Пластиковской волости Сапожковского уезда
на карте Рязанской губернии 1860-х гг.*

положения в «углу» Рязанской земли, «за которым находилось всё нерусское: мордва, мещера, татары...»¹. Юго-восточная часть рязанских земель («Рязанская Украина») в эту эпоху граничила с Диким Полем. Через город Сапожок проходил так называемый Ногайский тракт, по которому со стороны южных степных водоразделов накатывались в военное время орды кочевников, а в мирные дни двигались посольства и купеческие караваны².

О. Л. Курбатова и В. И. Воронецкий, посвятившие Протасьеву Углу и его обитателям обширное историко-краеведческое исследование³, пишут, что до середины XVI в. из-за частых набегов кочевников в этих местах не могли существовать постоянные поселения. Активное освоение этих земель началось лишь после присоединения Рязанского княжества к Московскому государству в 1521 г. и начала создания оборонительной системы Большой Засечной черты⁴. В качестве воевод в этот край стали назначать представителей московского и рязанского дворянства, которых наделяли обширными землями, селами и деревнями. Здесь появились вотчинники знатных родов — Пожарские, Меншиковы, Гагарины, Голицыны, Зубовы, Кошелёвы,

Долгорукие, Вельяминовы и другие. В результате уже в XVII в. зона Засечной черты была густо заселена и, наряду с другими, здесь нашлись селения-крепости Чучково, Деревягино, Путятино⁵.

Одним из представителей «крепкой» царю московской знати был наместник Елатомский и Кадомский Иван Петрович Протасьев, по прозвищу «Келарь»⁶, который в конце XVI в. получил в кормление в этих местах обширные земли⁷. Грамотой от 23 июля 1619 г. его родственник, дворянин московский Михаил Борисович Протасьев был «жалован вотчиной за московское осадное сиденье... в Подлесском стане в сельце Простое (Острое) Пластиково», существующем в настоящее время близ Протасьева Угла⁸. По писцовым книгам Шацкого уезда (1647–1648 гг.) за Михаилом и его сыном Василием кроме прежних рязанских имений числилось также село Угол⁹. В 1676 г. в окладных книгах опять упоминается село Угол. В это время оно уже представляло собой довольно большое поселение с 81 двором¹⁰. В конце XVII в. окрестные земли перешли к внуку М. Б. Протасьева, стольнику Ивану Васильевичу Протасьеву: «19 ноября 1682 г. дана ему жалованная грамота на вотчину в Шацком уезде в Подлесском стане в селе Угле»¹¹. Очевидно, уже в это время за селом закрепилось обиходное название «Протасьев Угол», данное по постоянным владельцам поселения и позднее получившее в документах официальный статус.

Наследниками Ивана Васильевича в Угле стали его дети Федор и Артемий. Вот как по окладным книгам выглядел Угол в конце XVII в.: «2 двора боярских, 4 двора боярских задворных слуг, 62 двора крестьянских, 9 дворов бобыльских, 2 двора вдовых». В селе стояла деревянная церковь Архистратига Михаила, коего Протасьевы, военная династия, считали своим небесным покровителем¹². С тех пор на протяжении трех веков многочисленные потомки Протасьевых, принадлежавшие к военно-служилому дворянству, владели обширными землями в окрестностях Протасьева Угла (имения в Строевском, Глебове, Пластикове). Мужчины этого рода в мирное время были предводителями Сапожковского дворянства, работали в земстве; в военные годы формировали на свои средства местное ополчение, многие сами участвовали в боевых действиях¹³. Семейство постоянно росло. При этом земли в Угле приходилось делить между всё новыми и новыми родственниками.

В конце XVIII в. новым владельцем Угла стал правнук Ивана Васильевича, Федор Михайлович Протасьев (†1821), капитан, надворный советник и предводитель Сапожковского дворянства (1796 г.). Женат он был на небогатой местной дворянке Анне Васильевне, принесшей ему в приданое 26 душ в с. Строевском. К 1784 г. за Федором Михайловичем в Угле числилось 90 душ мужского пола (не считая

их семей). Он старательно увеличивал свое состояние, и по данным 1811 г. на Угле у него было уже 126 душ; кроме того, он приобрел 311 душ в соседнем имении Строевском; жена его владела 43 душами¹³.

На месте прежней деревянной Архангельской церкви в Угле помещики в начале XVIII в. поставили Спасскую. Но вскоре она обветшала, и в 1792–1799 гг. Федор Михайлович начал в селе строительство церкви в стиле классицизм по проекту знаменитого М. Ф. Казакова. По предположению Вагнера и Чугунова, в эти же годы была построена деревянная усадьба Протасьевых с анфиладой комнат и «крупным... портиком тосканского ордера»¹⁵.

Многие из Протасьевых были не способны к хозяйственной деятельности, а многие в угоду собственным прихотям совершали поступки, прямо подрывавшие благосостояние их крестьян. Так, Федор Михайлович Протасьев в конце XVIII в. при масштабном строительстве в имении церкви и господского дома в одночасье произвольно переселил большую часть крестьян села с насиженных мест за ручей Ненгур (новая деревня получила красноречивое название Выдерги), что, конечно, не могло не сказаться на сроках и качестве сельских работ. Однако при этом численность населения села росла, и по ревизии 1858 г. оно насчитывало 462 человека населения и состояло из 115 домохозяйств, а по переписи 1887 г. число жителей увеличилось уже до 676 человек¹⁶.

Впоследствии Угол перешел по наследству к его сыну Михаилу Федоровичу Протасьеву (1778–1848), статскому советнику, в прошлом — унтер-офицеру Преображенского полка, служившему в Собственной Е. И. В. Канцелярии при Александре I. В результате покупок и полученных по наследству имений он стал солидным землевладельцем. К 1844 г. у него с женой было в Рязанской губернии 450 крепостных душ, а также большие земельные богатства в Тамбовской и Московской губерниях. После его смерти земельную собственность в Протасьевом Углу пришлось поделить на 39 долей — по числу родственников¹⁷. Двумя основными совладельцами стали его племянник Федор Васильевич (1823–1878) и Василий Андреевич Протасьевы, бывшие полными противоположностями друг другу.

Федор Васильевич, холостяк, любитель многодневных попок и псовой охоты, промотавший огромные имения в Новгородской губернии, но сохранивший в собственности в Сапожковском уезде 355 крепостных и 2500 га земли (на 1860 г.) жил в Углу у своего родственника, основного владельца имения, Василия Андреевича. Он держал массу борзых и гончих собак, верховых лошадей и при них нескольких охотников. Федор Васильевич завел себе сожительницу-цыганку из московского табора; она, по словам

И. И. Курбатова*, «управляла его имением и им самим». Василий Андреевич был образованным человеком, служил в гвардии и во время Крымской войны снарядил за свой счет Сапожковское ополчение. Он имел большую семью — 11 детей и обширные земельные владения в Сапожковском уезде: 394 крепостных и 4400 га земли (на 1860 г.), однако затем начал быстро разоряться. Возвращаясь с театра военных действий Крымской войны, он заразился тифом и частично потерял память. «Он помнил отлично всё то, что было до его болезни, и забыл то, что было и вчера и сегодня... Конечно, управлять имением он не мог, всё дело взяла на себя его жена**; прекраснейшая дама для гостиной или зала, но совершеннейший ребенок в смысле хозяйства. Сама она это вполне сознавала и потому брала управляющего и всё попадала на таких, которые хорошо понимали, с кем имеют дело, и заботились главным образом о своем благоденствии. Они довели ее до того, что она продала за бесценок прекрасный лес»¹⁸.

В августе 1878 г. дочь Михаила Федоровича, Надежда Михайловна Протасьева (1814–1.6.1894), на тот момент уже вдова статского советника Николая Ивановича Бера (1802–1877/78), с 1861 г. владелица обширных земель по соседству — села Строевского с деревнями

* Иван Ильич Курбатов (1846, Шауляй — 24.12.1923, Барановка), доктор медицины, врач, ординатор Павловской больницы в Москве, главный врач Даниловской мануфактуры; владелец хутора Барановка Рязанской губ (43 дес.). Закончил гимназию в Тамбове, медицинский факультет Московского университета (1870 г.). В 1870–1876 гг. — земский врач в Сапожковском уезде Рязанской губ. (с. Путятино). В 1877 г. уехал в Москву, сдал экзамены на степень доктора медицины. В 1877–1879 гг. работал в клиниках Московского университета. Защитил диссертацию «Об искусственном пути в желудок». Изобрел канюлю для искусственного кормления послеоперационных больных. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) работал в санитарных поездках. Был активным сторонником введения антисептических методов в хирургии, одним из первых носил белый халат, вызывая недоумение и насмешки коллег. После ухода из Павловской больницы занимал с семьей квартиру на Вальной улице в Москве. В 1897 г. купил имение в Протасьевом Углу — Барановку.

Был близким другом и личным врачом Н.И. Бера в последние годы его жизни (1870-е). Оставил воспоминания о нем и его семье, медицинские наблюдения болезни Николая Ивановича. Внук последнего, Георгий (Юрий) Анатольевич Бер (5.12.1874–1943), был женат на дочери И. И. Курбатова Антонине Ивановне Курбатовой (1875, Путятино — 23.10.1963, Ленинград).

На Троицу 1926 г. Барановку сожгли крестьяне. Н. П. Анциферов написал о Курбатове и о своем пребывании в Барановке в книге «Из дум о былом». Курбатов оставил мемуары, и поныне неизданные. — *Примеч. О. Л. Курбатовой.*

** Прасковья (Евпраксия) Николаевна, урожденная Шамшева. Умерла в 1893 г. в Протасьевом Углу. — *Примеч. О. Л. Курбатовой.*

Глебовым, Любуцкой, Макеево, Сергиевкой (всего – 584 души и свыше 2000 десятин)¹⁹ – через своего поверенного В. П. Писарева хлопочет о наследстве умершего двоюродного брата Федора Васильевича Протасьева²⁰. В результате ей достается четверть села Протасьев Угол, которую она передает своему второму сыну Николаю (8.5.1844 – 22.9.1904), на тот момент мировому судье Сапожковского уезда. С этого времени в истории Протасьева Угла наступает новая пора – период его превращения в образцовое, экономически рентабельное капиталистическое хозяйство.

Сама Надежда Михайловна вплоть до 1890 г. жила в соседнем Строевском вместе со старшим сыном Михаилом, требовавшим постоянного внимания матери из-за случавшихся у него припадков «падучей болезни». После его смерти (19.6.1889) она переехала в Москву к третьему сыну Виктору Николаевичу (24.10.1845 – 15.1.1901), симбирскому вице-губернатору, назначенному в самом начале 1890 г. управляющим Московской конторой Министерства Императорского двора и уделов и жившему в казенном доме на Пречистенском бульваре²¹.

ХОЗЯЙСТВО И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Село Протасьев Угол расположено в трех верстах (3,5 км) от станции Назаровка Московско-Казанской железной дороги и на расстоянии примерно 5 км на запад от крупного села Чучково, на правом берегу многокилометрового оврага, по дну которого протекает ручей Ненгур, впадающий в речку Вынцу. Окружающий ландшафт в основном представлен лугами и пустошами, лишь на некотором отдалении находится лес, да правый высокий берег ручья Ненгур был некогда занят дубовой рощей.

Земли представляют собой «обнажения зеленых, глауконитовых песков и переслаивающихся с глинами и слюдистыми песками песчано-фосфоритовых сростков с зубами рыб, принадлежащих к сеноманскому ярусу меловой системы»²². Как отметили О. Курбатова и В. Воронецкий, большая часть полей в окрестностях Протасьева Угла представлена бедными подзолистыми и серыми лесными почвами, требующими постоянного внесения удобрений. Только вблизи Спасской церкви и далее к востоку по южным склонам реки Вынцы выделяется обширный клин чернозема. Возможно, именно он, рассуждают авторы, привлек внимание первопоселенцев в этих местах. «Можно полагать, – пишут они, – что многие эпизоды местной истории – выбор местоположения протасьевской усадьбы, выселение углянских жителей в Выдергу, борьба за протасьевское наследство и появление по соседству усадьбы Н. Н. Бера опосредованно связаны именно с этим черноземным клином»²³.

*Формирование рыночных отношений
в сельскохозяйственной сфере в Сапожковском уезде*

С 1860-х годов в Сапожковском уезде начинает формироваться предпринимательство на основе крестьянских кустарных промыслов и промысловых артелей. Именно в Сапожковском уезде возникла и распространилась на всё российское черноземье молотилка «смыковка». В соседних селах появились машиностроительные и ремонтные мастерские и чугунные заводы. Те и другие специализировались на выпуске частей молотилок, а также сеялок и прочих сельскохозяйственных машин. Целые села поголовно переориентировались на машиностроительное производство. В других селах уезда возникли заводы по производству оборудования для крахмальных заводов, лесобрабатывающие и кожевенные производства, при деревне Карловка братья Смольяниновы в начале 1880-х основали даже зеркальный завод.

Наиболее предприимчивые крестьяне, разбогатев на кустарных промыслах, сумели превратиться в крупных предпринимателей. Так, бывший крепостной крестьянин А. Н. Шульгин начал свое дело со сбора тряпья для фабрики брата. Затем он стал снимать для разработки лесные делянки. Появившийся свободный капитал он пускал на мануфактурное и кожевенное производство. К концу XIX в. ему принадлежали кожевенный завод, табачная фабрика, лесные дачи, земельные владения и вся торговля лесоматериалами пяти уездов Рязанской губернии²⁴. Крестьянское предпринимательство было развито и в непосредственной близости от Протасьева Угла. На бывших барских землях появились первые предприниматели: в верховьях ручья Ненгура поселились купцы Зеленины («Зеленинский лес»), на реке Вынце возник крахмально-паточный завод Голиковых. На железнодорожной станции работали лесопильный и чугунолитейные заводы Назаровых, Гаврилова.

Рядом с «дворянскими гнездами» возникли стоящие отдельно от деревни добротные крестьянские усадьбы. Так, на берегу реки Тырницы зажиточный крестьянин Матвеев построил хутор Чугры. Вблизи станции Назаровка жили отдельными хуторами братья Лаврешины, тоже вышедшие из крестьян. Небольшие земельные наделы приобретали купцы и чиновники, которые строили на них дачи.

Как видим, капитализм в Сапожковском уезде в 1880–1900-е гг. активно вовлекал в сферу товарного оборота не только индустрию и торговлю, но и крестьянское сельское хозяйство. Напомним, что с 1861 г. дворянство также осталось без основного источника существования и было прямо вынуждено переходить на капиталистический принцип хозяйствования. В таких условиях абсолютно логичным выглядит появление крупных помещичьих хозяйств, ориентированных на рынок и стремившихся к рентабельности. Так, в

уезде, на границе сел Морозовы Борки и Сопчаково, находилось имение князя Александра Павловича Щетинина. Ему принадлежали 700 дес. пахотных земель, 60 дес. сада с парком, винокуренный завод и мельница, а также лесная дача за рекой Парой, где водились лоси и тетерева. Княгиня Екатерина Алексеевна Черкасская, имевшая небольшое имение, владела трактиром, мельницей и 10 питейными заведениями в с. Морозовы Борки, на доход с которых и жила. Помещик Л. А. Кисловский держал винокуренный завод на хуторе Новый. Он был рачительным хозяином: занимался мелиоративными работами, осушал болота, сдавал пахотную землю в аренду крестьянам. Помещик С. И. Шиловский в с. Кутловы Борки имел винокуренный завод, дававший в год до 1 500 000 л. спирта, и паровую мельницу. Помимо того, его село славилось 12-польным полеводством, развитым животноводством, птицеводством, плодоводством, а также имело огромный пруд и виноградник²⁵. Имение его родственника К. А. Шилового в селе Алексеевке на реке Паре было образцовым по животноводству, особенно по коневодству: тот имел до 72 рысаков²⁶.

Александр Иванович Кошелёв приобрел в уезде в 1835 г. 16 000 дес. земли, ранее принадлежавшей князьям Долгоруким (а до начала XVII в. – роду Годуновых), вместе с родовым имением Долгоруких Песочней, и решил создать на этих землях образцовое помещичье хозяйство. Вокруг имения он разбил огромный сад; на реке Песоченке поставил водяную мельницу, крупорушки, маслобойки, толчею. В Песочне устроил самый крупный в губернии винокуренный завод с оборотом в 43 000 руб., а на реке Пожве, у поселка Избное – второй винокуренный завод, а также сыроваренный, продукция которого поставлялась только в Москву. Во всех его селах и деревнях были мельницы, кузницы, просорушки, конные и скотные дворы, мастеровых людей готовили различные мастерские.

Большая часть песоченских земель была супесями. С целью изучения европейского опыта по повышению плодородия почв Кошелёв ездил в Восточную Пруссию, где прожил целый год, убедившись на чужом примере, что слагаемые плодородия – агротехника, семена и удобрения. Возвратившись, он перестроил всю систему земледелия. Зерновые культуры, дававшие низкий урожай, он заменил картофелем, в связи с чем и появились два винокуренных завода. От деревянной сохи, бороны и цепа перешел на использование железного плуга, молотилки и веялки. Организовал слесарные и литейные мастерские, заводы по производству кирпича. Завел скот тирольской породы, первым в губернии ввел должность агронома, ветеринара и зоотехника. Приобрел в Англии громадную конную молотилку; правда, она часто выходила из строя, и его мастеровые Тимофей Хохлов и Иван Козаков в 1856 г. заменили ее легкой высокопроизводительной молотилкой-«смыковкой» собственного изобретения. Именно так

появилась первая отечественная молотилка, совершившая со временем промышленный переворот и захватившая все хлебобобовые губернии России²⁷. На своих полях в деревне Дмитриевка он применял в качестве удобрений местные фосфориты, широко использовал унавоживание. Он говорил своим крестьянам: «Берите у меня корм, но отдавайте взамен навоз». Имение А. И. Кошелёва стало характерным примером того, как в условиях отживавшего крепостного строя можно было с успехом перевести хозяйство на товарные капиталистические основы. После смерти Кошелёва (1883 г.) его имение стало хиреть из-за бесхозяйственности сына, майора Ивана Александровича. Многие пошло с молотка, а основное Песоченское имение было продано Дворянскому поземельному банку²⁸.

Курбатов, вспоминая, писал: «В имениях крупных владельцев (гр. Зубова, кн. Меншикова, Смольянинова), которые сами в имениях не бывали, жили *управляющие, по большей части немцы, которые не обладали свойствами русских дворян и прекрасно обделывали свои дела и делишки* (выделено мной. — А. Б. - Г.) и, отойдя от хозяев, покупали себе именья по сходным ценам, а хозяева исчезали с горизонта». Среди землевладельцев были «и еще более „оригинальные типы“ — бывшие дворовые люди, лакеи, повара, которые умели хорошо оказать свои услуги престарелым помещикам, а те давали им векселя, или в завещаниях отказывали им немалые средства»²⁹. Немцы по происхождению, родные братья Николая Николаевича Бера, владельцы соседних сел, также организовали или получили во владение в принадлежащих им имениях производственные мощности: Михаил Николаевич — мельницу и кузницу, Анатолий Николаевич — кирпичный завод³⁰.

Перед описанием хозяйства в имении Протасьев Угол следует сказать несколько слов о самом Николае Николаевиче Бере. Он родился в Саратове в 1844 г. Сын врача, обрусевшего немца в третьем поколении, он обладал типичными национальными немецкими чертами: аккуратностью, систематичностью и последовательностью в работе. По воспоминаниям потомков, «Николай Николаевич был очень высокого роста, плечистый, некрасивый. Он был умный, живой, начитанный и культурный человек и считался вольнодумцем как в политических, социальных и религиозных взглядах, так и в воспитании своих детей»³¹. Пройдя курсы в Константиновском, а затем Николаевском военных училищах, он в 1865 г. был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, а в 1872 г. вышел в отставку в чине ротмистра. Служа в Царском Селе, Николай близко сошелся с Евгением Александровичем Лансере, известным скульптором-анималистом, на сестре которого, Марии, он женился в 1876 г. С 1872-го по 1887 г. Николай служит мировым судьей в Сапожковском уезде Рязанской

губернии. В их семье родились четыре дочери, и в 1880-м или 1881 г. семья переехала на постоянное жительство из Харьковской в Рязанскую губернию и поселилась в Углу.

В 1887 г. в размеренной жизни Н. Н. Бера и его семьи происходит резкий поворот. За пять лет до этого на должность министра двора был назначен граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), бывший командир эскадрона, в котором служил Николай. И вот в конце 1887 г., 15 декабря, граф назначает Н. Н. Бера чиновником V класса (статский советник) для особых поручений при Министерстве императорского двора и уделов³². «За время своей службы в Уделах Николай Николаевич проявил большую энергию и предприимчивость. Он управлял имением Великого Князя Михаила Александровича (брата Государя) Острова Ченстоховского уезда Петроковской губернии. Положил много труда и впервые успешно начал орошение Мургаба в Туркестане на землях, принадлежащих удельному ведомству. Рационально поставил лесные эксплуатации в Архангельской и Вологодской губерниях, где по его инициативе были построены лесопильные заводы. Постоянные разъезды, между прочим, и в Лондон*, которых требовало управление всеми этими имениями, не помешали ему вести свое хозяйство»³³.

Н. Н. Бер продолжал продвигаться по службе. Уже в 1891 г. он получил следующий чин действительного статского советника, а весной 1896 г. назначен заведующим московским Коронационным комитетом, занимавшимся организацией и проведением торжеств, связанных с восшествием на престол Николая II. Московские события, связанные с коронацией, трагедия Ходынки, в которой он формально не был виноват, так как за порядок вне мест народных гуляний отвечала полностью московская полиция**, произвели на него крайне гнетущее впечатление.

* Для организации поставок северного леса. — А. Б.-Г.

** Вот что пишет по этому поводу, например, в своих мемуарах И. И. Курбатов: «Еще до 17 мая было оговорено, что коронационная комиссия не может распоряжаться вне места увеселений. Там вотчина московской администрации во главе с генерал-губернатором Сергеем Александровичем и обер-полицмейстером Власовским. Следовательно, они есть виновники трагедии. Расследование особой комиссии проходит под председательством бывшего министра юстиции. Он, видя из следствия всю вину Сергея Александровича, повел дело так, что все власти остались правы, а люди сами себя задавили. Даже обер-полицмейстер прав! Замечательны его первые слова на процессе: „Накануне катастрофы (16 мая) я узнал частным образом, что на Ходынском поле готовятся грандиозные гулянья и там начал собираться народ“. Начальник полиции не знал того, о чем за несколько дней знали даже малые дети!..» (Мемуары И. И. Курбатова. Машинопись. Архив О. Л. Курбатовой. Москва.)

«У него сказались все признаки „грудной жабы“, которую он унаследовал от отца (два брата его умерли от нее). Но до тех пор она мало беспокоила его, а теперь приступы ее стали выражаться всё сильнее и сильнее, хотя совесть его была, как он говорит, покойна. Его не обвиняли, даже дали ему вторую звезду (Анны I ст.), но он сам впал в какое-то особое состояние — искал уединения, раздражался при виде всякой неправды, стал терять память, не мог вести разговор от забывчивости многих слов, затруднялся даже читать, но курил, курил без конца. Члены его семьи стали ему неприятны. Хозяйство мало интересовало его. Он пробовал поехать в Польшу, где он был управляющим большим имением, купленным еще Александром III (Клобуцка Островы), но и это не помогло. В последнее время он жил в своем имении Протасьев Угол и не мог уже вести управление им так, как вел раньше; теперь заведовал им управляющий, в дела которого вмешивались все дочери, каждая со своим советом, своим указанием, и тем самым тормозили дело. Николай Николаевич и хотел бы, может быть, сам взяться за дело, но он хорошо сознавал, что оно ему уже не по силам: он хорошо понимал, что он может только напортить, потому что он иногда говорил совсем не то, что хотел сказать, совсем другие слова; читать он мог лишь печатные строки две-три, а дальше уже утомлялся, писать или читать писанное — не мог. Последнюю зиму свою он прожил в Москве в номерах архитектора Гунст (близ Пречистенки), где жил совершенно один, вспоминая бывшее, редко с кем виделся, лишь иногда приходил к нам на короткий срок; все те, которые льнули к нему перед коронацией, теперь забыли его, покинули и нисколько не интересовались его судьбой. Он умер от одного из припадков грудной жабы у себя в деревне, отвезен в Петербург и там похоронен рядом с братом Виктором (бывшим помощником директора Департамента уделов)»³⁴.

Хозяйство в имении до появления Н. Н. Бера

Еще задолго до появления в селе Беров владельцы имения вели интенсивную хозяйственную деятельность. Земли использовались соответственно своему расположению и плодородию. Наиболее продуктивные почвы занимались посевами (рожь, гречиха, лен). Неудоби — долины оврагов и речек — использовались для лугов и покосов. На старых фотографиях видно, что пойменные луга и овраги тщательно выкашивались, а затем отдавались под выпас скота. В материалах редакционной комиссии 1860 г., готовившей проект Февральского манифеста 1861 г. об освобождении крестьян, сохранились точные данные о распределении типов земель в Угле в том году. Всего в селе имелось 810 дес. пахотной земли, 67 — усадебной, 125 — сенокосу и больше 1550 дес., не состоящих в крестьянском пользовании, в том числе 706 дес. лесу³⁵.

За протасьевской усадьбой были возведены хозяйственные постройки, заложены обширный сад и пруд на ручье Ненгур. Через озерную дамбу была проложена дорога, ведущая к усадьбе. В пруду были выделены отъемы под рыбные садки³⁶. Федор Васильевич Протасьев имел в Углу винокуренный завод.

Хозяйство Протасьева Угла при Н. Н. Бере. 1880–1904 гг.

Николай Николаевич стал жить в Протасьевом Углу с 1880-го или 1881 г. До этого он жил в своем имении Нескучное в Харьковской губернии с супругой Марией Александровной, урожденной Лансере (1849–1932), и двумя дочерьми³⁷. В десяти верстах от Протасьева Угла было имение его матери Надежды Михайловны Бер, урожденной Протасьевой, Строевское, что, вероятно, стало решающим фактором выбора места для нового имения. Николай Николаевич получил в наследство $\frac{1}{4}$ Протасьева Угла. Василию Андреевичу Протасьеву с супругой осталась основная часть имения с господским домом. С этого момента вся семья Николая Николаевича Бера окончательно обосновалась в Углу.

Рядом со старинной усадьбой Протасьевых он строит другую усадьбу, состоявшую из нескольких строений, которая впоследствии будет названа «беровской». Вплоть до Октябрьского переворота и последовавшего за ним лихолетья в Углу будут существовать две

Усадьба Беров. Фотография конца XIX – начала XX в.

усадьбы: старинная, центральная, протасьевская и – на периферии, «при овраге», – беровская.

Хозяйство Протасьева Угла времени Н. Н. Бера известны нам прежде всего по воспоминаниям Михаила Алексеевича Бера, его двоюродного племянника и одновременно зятя, гостившего или жившего в Углу ежегодно начиная с 1896-го по 1913 г., подробно и систематично описавшего в своих эмигрантских мемуарах жизнь поместья. Поэтому я передам ему слово, позволяя себе время от времени снабжать его мемуары уточнениями или комментариями.

«В Протасьевом Углу был одноэтажный каменный дом, в котором провели всё свое детство кузины. В лето коронации с ранней весны дядя Коля начал большую деревянную пристройку к дому, представлявшую из себя коридор, выходящий окнами на выгон против церкви, а с другой стороны, ряд комнат меньшего и большего размеров, с окнами, выходящими в сад.

Две комнаты по правой стороне были Марии Александровны, а следующая – Николая Николаевича. Из комнаты тети Мани был выход прямо в сад, другой выход в сад был у начала пристройки. Со стороны коридора был подъезд, выходящий на выгон. С этой стороны перед домом был палисадник, бока которого были обсажены кустарником, внутри него были цветочные клумбы. Этим подъездом почти никогда не пользовались; изредка, разве, когда тетя Маня ехала в церковь и впоследствии, когда дядя Коля заболел и ездил кататься, сам правя, в низком плетеном шарабане.

Заканчивался коридор большим кабинетом, имевшим окна на три фасада. Посередине этой комнаты стоял большой круглый стол, над которым висела большая люстра из оленьих рогов, привезенных из Польши из имения Островы. С левой стороны стоял рояль; в стене против входных дверей был камин, с левой стороны которого стояла тахта, а с правой – письменный стол. Тотчас направо от входа в кабинет стояла вторая тахта, очень большая, на которой по вечерам все лежали. В кабинете также стояли шкаф с ружьями и другой – с книгами. Когда я приехал осенью 1896-го г., постройка заканчивалась, еще везде лежали бревна, стружки; кузины уже жили в нем. Эту новую часть дома дядя Коля называл „внучатником“. Для жизни она была чрезвычайно удобной, светлой, теплой; печи были прекрасно сложены с затопом в коридоре.

Что касается старого каменного дома, то вход в него был через крытый балкон-крыльцо, на котором стояли две скамейки по бокам дверей. Двери эти вели в узкие сени, в которые выходили справа и слева две кладовые и дверь в переднюю. Налево из передней дверь вела в большую столовую, другая, направо – в кабинет, третья, в глубине – в коридор. Половина передней была отделена шкафами

*Гостиная
усадьбы
Беров*

и отгороженная часть служила буфетом. Столовая — длинная комната с окнами, выходящими на выгон.

Соседняя комната — гостиная, немного темная, выходила на балкон, покрытый диким виноградом, выходящий в палисадник. Рядом с гостиной была проходная комната с двумя окнами и большим камином. Рядом с камином была дверь, ведущая в пристройку. До пристройки она называлась „классной“, в ней жили, занимались и играли девочки. Осенью мы там часто сидели у камина на диване. Из проходной дверь вела в большую комнату — спальню девочек*, а впоследствии, в продолжение многих лет она была спальней моих сыновей, в которой они играли и ели за большим столом, стоявшим вдоль стены у окон, выходящих в сад. Рядом маленькая узенькая комната в одно окно, в которой, когда я жил на Углу с семьей, жила наша горничная Таня, помощница няни.

Затем комната в два окна, в которой одно время мы жили с Надеждой Николаевной**. Из этой комнаты дверь вела в ванную. Ванная была переделана дядей Колей очень хорошо после поездки в Германию, где он лечился в санатории в Дрездене и где его лечили ваннами.

Направо от передней старого дома был кабинет, который был поделен перегородкой пополам. Перегородка красного дерева не

* Четырех дочерей Николая Николаевича и Марии Александровны: Надежды (1876–1920), Зинаиды (1878–1957), Ксении (1883–1952) и Елены (1884–1941).

** Надежда Николаевна Бер (1876–1920) — дочь Николая Николаевича Бера и супруга Михаила Алексеевича Бера.

Зал усадьбы Беров

совсем доходила до потолка, с левой стороны в ней была проделана дверь. Первая часть этой комнаты в два окна была кабинет, а вторая – спальня. В кабинете между окнами стоял письменный стол, спинкой к перегородке был диван, перед ним стол. В спальне был очень хороший умывальник с педалью и лейкой, большой туалет. Из спальни дверь вела в коридор. При мне дядя Коля этой комнатой уже не пользовался, в ней жили приезжие. Во время моих приездов я всегда в ней помещался. Последние годы мы жили в ней с женой. В сени, кроме кладовых, выходили двери девичьей, где жили горничные, а также комната Анны Лукьяновны*. С крыльца несколько ступенек сходили к дорожке, ведущей в кухню. Впоследствии Надежда Николаевна купила в деревне Копнино хороший сруб и пристроила непосредственно к дому кухню. Она вышла светлая, просторная с русской печкой.

Перед подъездом дома был большой двор, справа отделенный от выгона забором, с каменными воротами посередине, шедшим до флигеля. Посередине двора были кусты и цветник, окруженные низеньким зеленым заборчиком. Во флигеле были контора, квартира

* Экономка, жившая в имении еще при Федоре Васильевиче Протасеве.

управляющего и конторщика, людская столовая, слесарная мастерская и комната для приезжающих.

Ко двору примыкал сад с прекрасными старыми липами, тянулся он до вишняка, через который была дорога на гумно; направо он кончался яблочным садом. За садом был огород, через который шла дорожка на скотный двор. В начале этой дорожки стояла скамейка, по бокам которой в осень нашей помолвки, мы с Надей посадили две березы, потом обсадили березами и всю дорожку, в последние годы моего пребывания на Углу, это были уже большие деревья прекрасной тенистой аллеи.

Николай Николаевич обсадил левую сторону забора, идущего полукругом, сосенками. В этих сосенках, особенно в осенние дни днем, постоянно впоследствии сидела няня с детьми. Место это было хорошо защищено от ветра и там всегда пахло смолой. За сосенками в липовом саду были широкие аллеи и большой круг, где стояла большая полукруглая скамейка. Тут мои дети часто играли с песком, и место это называлось „У красной скамейки“. Когда дети подросли, рядом с этой площадкой в куртине расчистили кустарник и устроили гимнастику с качелями, кольцами, трапезией и канатом. Под ними густой слой песка. Кроме огорода со стороны скотного двора был еще другой, тотчас после новой пристройки; он шел до вишняка. Паровые гряды и земляника доходили даже до окон Николая Николаевича и Марии Александровны. В углу между каменным домом и пристройкой была площадка, где играли в крокет, а затем, после приезда наших английских тети и дяди Артура Ньюхэм, стал процветать бадминтон (игра вроде тенниса, но с маленькими ракетками и воланами вместо мячей)»³⁸.

Подробно и системно, с заметной ностальгией по утраченной навсегда жизни, описывает Михаил Алексеевич и хозяйственную жизнь поместья. «Вскоре после переезда на Угол, — пишет он, — Николай Николаевич прикупил луговой участок в 400 десятин, который был в двух верстах от имения. Здесь были водяная мельница на реке Вынце, недалеко от которой был выстроен скотный двор и жилая изба для сторожа и пастуха.

Каждую весну углянское стадо уходило на луга и возвращалось поздней осенью, где уже становилось „на зимовку“. Летом два раза в день, рано утром на заре, маслоделка с дойницами и жбанами, ездили на хутор для дойки. Этот луговой участок Николай Николаевич очень хорошо устроил, провел от реки ирригационные канавки и в случае очень сухого лета мог покрывать луга водою. Поэтому были хорошие урожаи не только первого покоса, но и отава. Скирды складывались тут же на лугах, а зимой по санному пути сено перевозилось на Угол.

В мое время на Углу велось четырехпольное хозяйство: рожь, картофель, овес и пар; в яровом всегда отделялось несколько десятин под

Сенокос в соседнем имении Барановка

просо и горох. Последние годы началось травосеяние, но к полному двенадцатипольному хозяйству Угол не перешел. Полевые работы производились на лошадях, отчасти на волах. Воллов было, кажется, 20 пар. Они всё лето под присмотром мальчиков и под начальством старосты производили пахоту и дойку (так в тексте. — А. Б.-Г.). Николай Николаевич очень ценил работу воллов, методичную и очень спокойную, не оставлявшую никаких огрехов. Рабочие лошади помещались на особом двореке, окруженным навесом со стойлами; ночью они ходили в ночное. Все не занятые в работе лошади, а также простой молодняк, выгонялись в табун.

На огороде и отчасти в поле сеялись для жеребят и молодняка: кукуруза, „конский зуб“ и кормовая морковь. В огороде сеялось также немного горчицы, главным образом, для пчел. В саду отдельные куртины были обнесены высокими загородками и в них выпускались кобылы с жеребятами, а также жеребцы-производители.

Большими отраслями хозяйства были: конский завод и крахмаль-ный завод. Начало конскому заводу положили несколько кобыл, купленных Н. Н. Бером у Великого Князя Николая Николаевича в его имении Пернове в Тульской губернии. Восемь кобыл были типа першеронов, очень крупные и породистые. На заводе князя Вяземского была приобретена другая часть лошадей; оттуда же был заводчик арденнской породы. При жизни Николая Николаевича завод этот

Мельницы в Протасьевом Углу

стоял на большой высоте и лошади продавались в очень выгодных условиях (500–600 рублей). Завод был зарегистрирован в Главном управлении коннозаводства; велся правильный студбук (книга по учету жеребцов) и каждая лошадь снабжалась аттестатом. Два-три очень удачных экземпляра были получены от $\frac{3}{4}$ кровного английского жеребца и першеронских кобы; получились прекрасные экипажные лошади, достаточно массивные и вместе с тем обладающие резвостью и энергией. Завод этот был любимым детищем дяди Коли.

За садом помещался скотный двор – хороший каменный сарай, в середине которого был проход, а с двух сторон, перпендикулярно этому проходу, стояли кормушки; с каждой стороны кормушки лицом к лицу стояли коровы, привязанные цепями к кормушкам. Это расположение было зимнее.

За скотным двором был огороженный дворик, куда в хорошие солнечные дни выпускались днем коровы. Недалеко была каменная, крытая железом молочная, а затем изба, где была квартира заведующей молочным хозяйством и жили скотница и птичница. Затем были еще постройки с двором внутри, где помещались телята и свиньи йоркширской породы.

Почему-то маслоделы были всегда латыши. Долгое время была одна очень толстая и крупная латышка Лагода. В молочной находились: сепаратор, маслобойка, охладитель, ванная и прочие необходимые

принадлежности. Пол был бетонированный, а окна, во избежание мух, были затянуты марлей. За молочной был большой ледник, специально назначенный для молочного хозяйства.

В начале всё стадо было голландское, но мало-помалу оно было переведено на швицев. Голландская корова, хотя очень молочная, но с небольшим процентом жира, часто болела туберкулезом. Швицы же прекрасно акклиматизировались в России, очень выносливы и неприхотливы на корм, достаточно молочные и недурны, как мясная порода, так сказать, универсальная корова.

Последние годы на Углу было исключительно стадо швицкое. Бычки выписывались от князя Вяземского из его имения Лотарева или от графа Шувалова из его Рязанского имения*. Вяземский выписывал бычков из Швейцарии, и их детей мы и покупали.

Так как хозяйство было чисто молочное, то ценились главным образом коровы молочные. Каждый год менее молочные выбраковывались, и к концу всё стадо состояло из коров, дающих не менее 200 ведер годового удоя. „Бабочка“ давала 220 ведер. Начиная с 15-го августа и до последних чисел мая молоко ежедневно отправлялось в Москву. Летом нам отправки не удавались – молоко часто скисало. Всё молоко много лет подряд ставилось** Д. О. Кругу, имевшему молочную на Немецкой улице и являвшемуся поставщиком молока кадетских корпусов и еще некоторых учебных заведений.

Цена молока определялась осенью на весь год. С осени была одна цена, затем наивысшая с 15-го декабря по 1-й день Великого поста. В пост молоко дешевето, затем цена была выше до окончания поставок. В среднем, за последние годы 1 рубль – 1 рубль с копейками за ведро. Кроме того, с 3-й или 4-й недели поста, мы начинали поставку сметаны братьям Бландовым***, имевшим в Москве много молочных магазинов. Самую большую порцию отправляли в последние дни шестой недели. На этой же неделе отправляли Бландовым творог, причем никакие ученые маслоделы приготовить его так хорошо, как наши старые домашние экономки, как, например, Анна Лукьяновна, не умели.

Летом делали масло, но немного. В летнее время молока было мало, т. к. весь отёл был приноровлен к осени и началу зимы. Раздой был

* Граф Павел Павлович Шувалов (1859–1905), московский градоначальник, владел в Сапожковском уезде Рязанской губернии селом Меньшие Можары с другими селами и деревнями. После его смерти имения перешли к его сыну Александру Павловичу (1881–1935).

** Т. е. поставлялось.

*** Имеется в виду товарищество «Братья В. и Н. Бландовы в Москве», основанное в 1883 г. отставными офицерами российского флота братьями Владимиром и Николаем Ивановичами Бландовыми. Выйдя в отставку, братья поселились в Москве на Тверской улице, открыв там лавку по продаже сыров и

Крестьяне за работой в Протасьевом Углу

всегда в 20-х числах января. Масло делали для гостиницы Штейерта в Рязани, масло было, так называемое „Парижское“, т. е. из подогретых сливок (56 градусов).

Всего дойных коров было около пятидесяти, что вместе с молодняком составляло около ста голов.

Крахмальный завод был устроен дядей Колей в бывшем помещении винокуренного завода Федора Васильевича Протасьева. Этот завод был хорошо оборудован; года за два до кончины Николай Николаевич его перестроил и много усовершенствовал. Приборы были от братьев Зотовых в Москве. Были поставлены барабаны, ванны были увеличены и были устроены механические мешалки. В движение завод приводился паровым двигателем. Как известно, крахмальное дело требует много воды, в этом отношении он был широко обеспечен. Он был расположен в овражке сейчас же за запруженным прудом, вода из которого поступала на завод само-теком и не требовала никаких насосов.

молочных продуктов. Ставкупцами второй гильдии, они накопили капитал и в 1883 г. создали первое паевое торгово-промышленное товарищество. Основная мощность — молокоперерабатывающий завод — находился в Москве. На предприятии были организованы особые бактериологические лаборатории, одни из первых в России. Продукты реализовывались в фирменной фарфоровой посуде. Молочные изделия Бландовых получали высшие награды на международных выставках. Так, в 1900 г. образцы их продукции были удостоены гран-при Всемирной Парижской выставки. Только в Москве Бландовы открыли 59 магазинов. Более десятка отделений было открыто по России.

Начинал свою работу завод около 8-го сентября и работал до первых заморозков, обыкновенно в конце октября – первых чисел ноября (старого стиля). Лучшая вода для работы, когда она от 0 до 4 градусов, при теплой воде крахмал легко закисал. Почему-то выемка крахмала всегда производилась ночью и помню, как я часто ходил в теплой поддевке, вероятно, в октябре, когда на дворе было темно, с фонарем в руке на завод. Над заводом на бугре помещалась сушилка, крахмал продавался в сухом виде. Последние же годы сушилку совсем не употребляли, был очень большой спрос, и он продавался сырым. Главные покупатели сухого крахмала были текстильные мануфактуры: не-сколько лет подряд всё производство, приблизительно 10 000 пудов, покупала московская Даниловская мануфактура (1 р. 50 к. – 1 р. 60 к. за пуд). Один или два раза – Раменская мануфактура. Последние годы сырой крахмал продавался на паточные заводы.

Хлеб продавался, главным образом, на Шиловской ярмарке, бывавшей 29-го августа (день Усекновения главы Иоанна Предтечи), но главные сделки происходили накануне на так называемом „под-торжке“, по трактирам заключались большие сделки. В самый день ярмарки покупки производились у крестьян с бесконечного количе-ства съехавшихся возов. Кроме хлеба были все обычные товары всех ярмарок: горшки, красный товар, пряники, сласти и прочее.

Главные покупатели хлеба были Муромские купцы. Им нужно было закупить рожь в достаточном количестве и в срок доставить в Муром, на баржах по Оке, до наступления морозов. Как мы за-мечали, цена на рожь в Шилове, куда мы ее доставляли, бывала среднюю на весь год (30 копеек до моего производства, последние годы 1 рубль и больше). Последние годы всю рожь с Угла брали купцы из села Путятина, по образцам с первой молотбы, братья Чернышевы, которые вели крупную торговлю хлебом, закупая почти весь Сапожковский уезд. При этой крупной торговле у Чернышева бухгалтерия была самая упрощенная: просто записная книжка за голенищем сапога. Купленный ими хлеб мы тоже отправляли в Шилово. <...>

Против главного подъезда был двор, в конце которого находилась контора. Со двора мимо конторы начинался второй большой двор с каменной конюшней, каретным сараем, каменными амбарами и рабочими избами. Между конюшнями и избами был выездной выгон. Этой дорогой мы постоянно пользовались и редко ездили через ка-менные ворота, ведущие к дому. Самая левая конюшня, построенная дядей Колей, называлась „маточной“. Посередине был широкий ко-ридор, с двух сторон которого были просторные денники для кобыл с жеребятами. Посередине этой конюшни вместо одного денника была дверь, ведущая в помещение для конюхов.

Далее был конский двор и конюшня для рабочих лошадей, затем конюшня для выездных лошадей, почти такого же типа, что и „маточная“, но не такая просторная и, наконец, каретный сарай и амбары.

Посередине двора был колодец и от него длинная колода для пойки лошадей. Вода из колодца приводилась насосом, который качала лошадь. Тут же были машины для нарезки кормовой моркови»³⁹.

После смерти Николая Николаевича в 1904 г. хозяйство Угла расстроилось и пришло в упадок. «Его хозяйство, которое он любил и так хорошо наладил, – писал И. И. Курбатов, – после него быстрыми шагами пошло к упадку. Его лошади арденнской породы постепенно распродавались, голландские коровы тоже продавались, земли в один раз продано было 200 десятин (рядом с нашей землей) деревенским мужикам, а предварительно продан был на сруб лес, по преимуществу дубовый, по оврагу, за 3500 руб., причем покупатель получил чистого барыша около 15 000 руб., а от рогатого скота ко времени революции остался лишь бык-гигант, которого мужики тут же на дворе убили, разрубили на куски и разнесли к себе по домам»⁴⁰. Его дочь Елена пыталась продолжать дело отца, насаждая в имении саженцы сосен. К 1914 г. из посаженных ею сосен вырос небольшой лес⁴¹. Елена прожила в Углу вплоть до 1930-х гг., дея бывшее имение с органами местного сельсовета, однако после 1917 г. попыток возродить угашшее хозяйство к новой жизни более не предпринимала.

Москва, 2010

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вагнер Г. К., Чугунов С. В. Окраинными землями рязанскими. М., 1995. С. 109–110.
- 2 Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1863. С. 199–201.
- 3 Курбатова О. Л., Воронецкий В. И. Одна из «рязанских достопамятностей» Г. К. Вагнера – Протасьев Угол, судьбы его обитателей и их тропининских портретов // Георгий Карлович Вагнер – ученый, художник, человек. М., 2006. С. 409–445.
- 4 Кузнецов И. А. Сапожковский край: время, события, люди. Историко-краеведческие очерки. Рязань, 2003. С. 21.
- 5 Курбатова О. Л., Воронецкий В. И. Указ. соч. С. 411; Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 16.
- 6 Предок И. В. Протасьева – Протасий Федорович Вельямин (ум. 1341 г.) при Иване Калите был московским тысяцким. Его потомки – Протасьевичи – относятся к древнейшим боярским родам Московского государства. Помимо Протасьевых, они образовали целый ряд знатных фамилий – Протасовы, Воронцовы и Вельяминовы, Аксаковы и Шадрины. Уже с конца XVI в. Протасьевы выполняют важные

- роли в Рязанских краях – наместников в Елатье и Кадо́ме, воевод в Ша́чке и Касимове (Курбатова О. Л., Воронежский В. И. Указ. соч. С. 411).
- 7 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. II. Среднерусская Черноземная область. СПб., 1902. Т. II. С. 330.
 - 8 Родословная Протасьевых, из семейных архивов О. Л. Курбатовой и В. И. Воронежского.
 - 9 Грачева И. В. Отблеск славного былого... // Насельники рязанских усадеб. Рязань, 2007. С. 54.
 - 10 Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 561.
 - 11 Родословная Протасьевых, из семейных архивов О. Л. Курбатовой и В. И. Воронежского.
 - 12 Грачева И. В. Указ. соч. С. 54.
 - 13 Курбатова О. Л., Воронежский В. И. Указ. соч. С. 412.
 - 14 Грачева И. В. Указ. соч. С. 60–61.
 - 15 Вагнер Г. К., Чугунов С. В. Окраинными землями рязанскими. М., 1995. С. 109–110.
 - 16 Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 566.
 - 17 Грачева И. В. Указ. соч. С. 56.
 - 18 Мемуары Ивана Ильича Курбатова. Машинопись. Архив О. Л. Курбатовой. Москва.
 - 19 ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 3. Д. 2323. Лл. 1, 3–6, 10, 11–12; ГАРО. Ф. 98. Оп. 92. Д. 26. Связка 403. Л. 6 об.
 - 20 ГАРО. Ф. 98. Оп. 7. Д. 57 (О дворянах Протасьевых). Связка 39. Л. 233–234.
 - 21 Мемуары Михаила Алексеевича Бера. Машинопись. Архив Бер в эмиграции. Великобритания.
 - 22 Россия... Т. II. С. 381.
 - 23 Курбатова О. Л., Воронежский В. И. Указ. соч. С. 435.
 - 24 Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 130.
 - 25 Россия... С. 490–491.
 - 26 Там же.
 - 27 Россия... С. 480–481; Кошелев А. И. Записки. Берлин. 1864; Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 150.
 - 28 Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 150.
 - 29 Мемуары Ивана Ильича Курбатова. Машинопись. Архив О. Л. Курбатовой. Москва.
 - 30 Сборник постановлений Сапожковского уездного земского собрания с 1865 по 1910 гг. Т. I. Сапожок, 1912; Сборник постановлений Сапожковского уездного земского собрания. Сост. Бахметов Н. Н. М., 1881. Протоколы уездных земских собраний; Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 142.
 - 31 Мемуары из семейного архива Бер. Великобритания.

- 32 РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 202. Л. 16 об.–21.
- 33 Мемуары из семейного архива Бер.
- 34 Мемуары Ивана Ильича Курбатова. Машинопись. Архив О. Л. Курбатовой. Москва.
- 35 Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб., 1860. Т. III. С. 56–57.
- 36 Курбатова О. Л., Воронецкий В. И. Указ. соч. С. 414.
- 37 Мемуары Михаила Алексеевича Бера...
- 38 Мемуары Михаила Алексеевича Бера...
- 39 Мемуары Михаила Алексеевича Бера...
- 40 Мемуары Ивана Ильича Курбатова. Машинопись. Архив О. Л. Курбатовой. Москва.
- 41 Мемуары Михаила Алексеевича Бера...

Н. А. Филаткина

ДЕТСТВО БАСТАРДА
В ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОМ ИМЕНИИ
БРАСОВО

Брасово на протяжении длительного времени принадлежало Апраксиным. Располагалось оно в Орловской губернии, недалеко от станции Локоть. Таким образом, оно было связано с железной дорогой. Оба этих обстоятельства способствовали его быстрому развитию. В середине XIX в. имение от Апраксиных перешло в Удельное ведомство. При великих князьях здесь работали лучшие специалисты в области агрономии, селекции, сельскохозяйственной техники и производства. В этот период основным владельцем усадьбы был великий князь Георгий Александрович (1871–1899). В усадьбе было два винокуренных завода, несколько мельниц, обширные оранжереи. Так как великие князья увлекались охотой, имелись большой конный завод и псаренный двор.

Данная публикация включает небольшой отрывок из воспоминаний И. В. Лебедева, касающийся имения и быта его обитателей разных возрастов, наклонностей и социального статуса.

Иван Владимирович Лебедев (1879–1950), знаменитый атлет, литератор, цирковой деятель, конферансье и антрепренер, родился в Петербурге. Он был незаконнорожденным сыном девицы мещанки Евлампии Лебедевой и юриста Владимира Антоновича Циммермана. Рос без отца, так как его родители жили порознь. Родственники матери стали самыми близкими ему людьми. Среди них была и родная сестра его матери – Мария Федоровна, гражданская жена генерал-адъютанта В. В. Зиновьева.

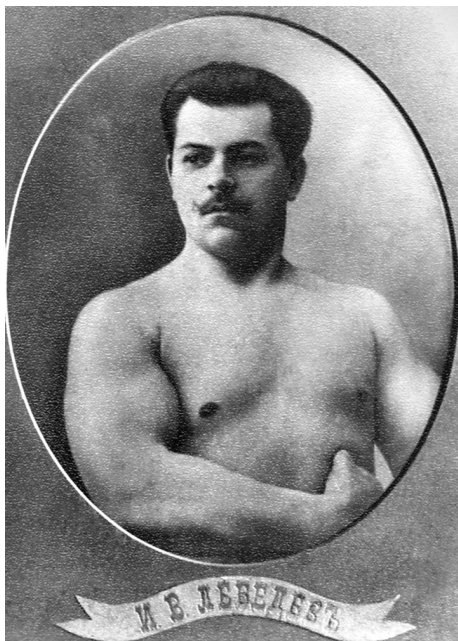
Василий Васильевич Зиновьев (1814–1891) – достаточно яркий представитель своего времени, происходил из дворян Ярославской губернии. Он окончил Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, ту же самую, что и М. Ю. Лермонтов. Служил в Лейб-гвардии Конном и Кавалергардском полках, участвовал в разгроме войск Шамиля на Кавказе. В 1857 г. стал полковником Грузинского гренадерского Его Императорского Величества великого князя Константина Николаевича полка. В 1862 г. назначен генерал-адъютантом, с 1868 г. – гофмаршалом наследника престола. С 1861 г.

и до конца дней заведовал делами и конторой августейших детей Их Величеств, великих князей Георгия, Николая и Михаила Александровичей, сыновей Александра III, средний из которых стал последним российским императором. Зиновьев был женат на Прасковье Алексеевне Сверчковой, в первом браке Гверейро.

Судьба распорядилась так, что автор воспоминаний, несмотря на то, что появился на свет незаконнорожденным, оказался близким родственником В. В. Зиновьева. Поэтому ему еще маленьким ребенком посчастливилось в течение нескольких лет в теплое время года жить в великокняжеском имении Брасово Орловской губернии,

которое предоставлялось в полное распоряжение В. В. Зиновьева.

Из-за того что Георгий, старший сын Александра II, страдал туберкулезом, он предпочитал чаще проводить летние месяцы в Закавказье, в другом своем имении – Аббас-Тумане (Абастумане) на территории Грузии. О великом князе известно немного. Он был человеком разносторонних интересов, любил историю, литературу, путешествия, охоту, езду на мотоцикле. По словам людей, знавших великих князей Георгия и Михаила, они были людьми очень простыми в общении, доступными и, как теперь говорят, демократичными. Георгий состоял в дружеской переписке с В. О. Ключевским, который читал ему курс русской истории. На протяжении своей жизни он не забывал своего наставника и временами присылал ему лучшие грузинские вина, выдержанные в собственных аббас-туманских погребах. Наиболее полными о нем являются свидетельства двоюродного брата великого князя Александра Михайловича: «Доктора нашли у него туберкулез обоих легких, что потребовало его немедленного отъезда на Кавказ в Аббас-Туман... Я... был назначен вахтенным начальником на броненосец „Синоп“... очень много работал... и только раз взял в феврале 1892 г. отпуск на две недели, чтобы навестить Георгия Александровича

в Аббас-Тумане. Он жил там в полном одиночестве... Доктора полагали, что холодный горный воздух подействует на его больные легкие благотворно. Мы спали в комнате при открытых окнах при температуре в девять градусов ниже нуля, под грудой теплых одеял. Георгий Александрович знал о моей любви к его сестре Ксении, и это в соединении с нашей старой дружбой и общим интересом к военному флоту сблизило нас как братьев. Мы без усталости беседовали, то вспоминая наше детство, то стараясь разгадать будущее России и обсуждая характер Ники. Мы надеялись, что император Александр III будет царствовать еще долгие годы, и оба опасались, что полная неподготовленность Ники к обязанностям венценосца явится большим препятствием к его вступлению на престол в ближайшем будущем»¹.

Двоюродные братья встречались нечасто. В 1893 г., в начале мая, накануне своей свадьбы Ксения и Александр Михайлович сопровождали императрицу в Аббас-Туман. «Он был очень рад нас видеть, но его бледное, болезненное лицо говорило об ухудшении роковой болезни. Мы провели четыре недели вместе, катаясь в горах, устраивая пикники, смеясь шуткам молодости и танцуя. Мы делали всё, что было в наших силах, чтобы подбодрить Жоржа. Он же слабел с каждым днем, и у него было предчувствие, что он никогда уже более не увидит Петербурга. Наше веселое настроение не могло его обмануть. Вид двух здоровых, счастливых людей, вероятно, доставлял ему лишь страдания, хоть внешне он оставался всё тем же благородным, добрым и преданным мне Жоржем. Я считал неуместным строить планы на будущее в его присутствии, прислушиваясь к его тяжелому, неровному дыханию. Мы занимали смежные комнаты, и когда я ложился в постель, то не мог заснуть и задыхался от горечи и сознания собственного бессилия. В чем смысл нашей жизни, если ничто в мире не было в состоянии спасти Жоржа?..

Ничего более нельзя прибавить ко всему тому, что я уже имел случай говорить о великих князьях Георгии и Михаиле Александровичах – двух братьях императора Николая II. Георгий был самым одаренным из всех троих, но умер слишком молодым, чтобы успеть развить свои блестящие способности...»² Летом 1899 г. у него случилось внутреннее кровоизлияние в то время, как он предпринимал свою обычную утреннюю поездку на мотоцикле, и он скончался в избе одной крестьянки в нескольких верстах от Аббас-Тумана.

После этой трагедии орловскую усадьбу Брасово унаследовал другой брат государя – Михаил Александрович (1878–1918). Но это была уже другая история.

Собственно, мемуары Лебедева являются обширным биографическим трудом, охватывающим историю его семьи, становления личности автора, который за годы своей жизни имел широчайший круг

общения – от великих князей до представителей социальных низов. Получив университетское образование, он перепробовал множество профессий, объехал всю Россию вдоль и поперек, а под старость поселился на Урале, где и создал свои интереснейшие воспоминания.

В детстве автор мемуаров был очень способным, подвижным и живым ребенком. К чтению его «обуяла непреодолимая страсть с четырехлетнего возраста» и, едва овладев азами грамоты, он жадно принялся за книги. Он забирался в огромный книжный шкаф и, усевшись на полку, ухитрялся изнутри закрыть дверцы шкафа так, чтобы его не могли вытащить оттуда, и читал всё, что попадалось в усадебной библиотеке: «Первыми книжками, которые я прочитал, были [сказки] „1001 ночь“ в издании братьев Салаевых... а затем „Братья Карамазовы“ Достоевского. Как сейчас помню, что прочитав главу об убийстве старика Карамазова, я чуть не свалился на пол с полки шкафа. От ужаса я долго боялся брать в руки этот том сочинений Достоевского... Но ужас ужасом, а все-таки меня, крохотного ребенка, такие книги как-то... тянули к себе: ребенок, я чувствовал в них какой-то особый привкус».

Имение описано Лебедевым через призму детского восприятия. Собственно о самом имении воспоминаний немного, но благодаря тому, что написаны они талантливым человеком, не лишенным не только литературного дара, но и чувства юмора, то представляют собой оригинальное произведение.

И. В. ЛЕБЕДЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ

...Несмотря на громадную разницу в возрасте, страстно полюбившая его [Василия Зиновьева] тетя Маша в истерике рвала свои волосы и кричала: «Я содержанка!... Я содержанка!» В такие минуты в квартире все ходили на цыпочках. Но в общем жили они очень дружно – только слышно было: «Машенька» и «Васенька». Много лет им приходилось жить на отдельных квартирах, кроме летних месяцев, которые они проводили вместе или за границей, или в имении великого князя Георгия Александровича Брасово в Орловской губернии (после смерти его перешедшее к великому князю Михаилу Александровичу).

Зимой Зиновьев жил в Аничковом дворце, а тетя Маша с моей мамой и со мною... в своей квартире. С годами, когда связь настолько окрепла, что жить отдельно им было тяжело, и когда «Васенька», первым получивший звание генерал-адъютанта при Александре III, не мог уже обходиться без «Машеньки», тетя Маша стала почти всегда жить с ним в Аничковом дворце. А так как по паспорту она значилась «мещанкой», и так как это звание не гармонировало с генерал-адъютантом в императорском дворце, то... последовало распоряжение: найти офицера

с хорошей дворянской родословной и без денег. Найден был этот штаб-офицер в лице отставного полковника, участника Севастопольской обороны. Он встал под венец, получил 3000 рублей и сразу же из церкви уехал к себе на родину в Витебск, куда ему ежегодно пересылалось в виде награды «за безупречную службу» до 300 рублей.

Таким образом, мещанка Мария Лебедева стала женой полковника Марией Федоровной Малиновской и декорум для проживания в Аничковом дворце был соблюден по всем правилам.

Надо сказать, что и до появления дворянских корон на носовых платках тети Маши она из-за своей беззаветной любви к своему Васеньке пользовалась в Аничковом дворце общим уважением.

Крепко пивший водку, но на редкость строгий в семейственных началах Александр III, приходя к Василию Васильевичу в гости, всегда, к великому смущению тети Маши, почтительно целовал ей руку.

Между прочим, семейственный пуританизм Александра III один раз оказался подмоченным; колосс начал ухаживать за женой директора цирка Люцией Чинизелли. На это раз «императорско-цирковой» роман прекратился очень быстро: императрица Мария Федоровна внезапно приехала в цирк и, забыв свое дамское хладнокровие, расправилась со своей соперницей... ударами хлыста...

На летние месяцы тетя со своим мужем – честное слово, иначе мне не хочется называть Зиновьева, потому что хотя они и не ходили в церковь три раза кругом аналая, но жили они так дружно и честно по отношению друг к другу, как редкая пара законных супругов, – уезжали... в имение великого князя Михаила Александровича Брасово в Орловской губернии.

Два или три лета тетя брала меня в Брасово с собою. Ехать приходилось по железной дороге до Орла, а затем до Карачева, а оттуда до Брасово на лошадях...

В черноземной Орловской губернии тогда было немало живописных мест, но Брасово выделялось среди них уже потому, что и сами уголья и все имение утопало в аллеях роз.

Принадлежало тогда Брасово великому князю Георгию Александровичу, но он жил по большей части в Аббас-Тумане, а это имение предоставлял в пользование на летние месяцы В. В. Зиновьеву, который был его воспитателем... Когда Михаил Александрович женился на – если мне не изменяет память – Питтельборкс после ее развода с мужем, то, чтобы не включать ее в царскую фамилию Романовых, ей вместо великокняжеского титула дали графское звание «графиня Брасова».

Перехожу к описанию усадьбы.

Очень длинный, кажется, одноэтажный барский дом. Особенно памятна мне громадная столовая с дубовым резным потолком, на

котором висели корзины с розами. Сбоку каждого дома — корпус для служащих усадьбы. В этом корпусе была и моя комната. Против корпуса служащих был другой небольшой корпус, носивший странное название «лафит»; — в нем помещались кладовые, и всё, что имело отношение к столовому хозяйству. Заведовал этим корпусом дворецкий и повар Илларион, который был исключительно талантливым кулинаром, приготовлявший всевозможные кушанья «французской» кухни с таким искусством, что раза два в неделю Зиновьев приказывал призвать его в столовую и сам вручал ему в виде награды бутылку мадеры.

Я должен сказать, что мне приходилось потом пробовать самые тонкие вина, но такой мадеры, какая была в Брасове, я нигде не встречал. Это неудивительно, потому что туда ее привозили как раз с места рождения — с острова Мадера. Недалеко от корпуса служащих был псарный двор, который мне памятен по двум причинам.

Во-первых, меня поцарапал сенбернар (в Брасове было много собак этой исчезнувшей в настоящее время породы). Итак, на летние месяцы Брасово предоставлялось Василию Васильевичу Зиновьеву на правах, так сказать, полного хозяина. Думается, что делалось это, чтобы облегчить его бюджет, так как царская фамилия знала, что он не обладает большими средствами и, главным образом, живет на свое генерал-адъютантское жалованье. Были в Брасове и официальные управляющие. Сначала Е. Н. Тевяшев, которого я не видел, а потом Лавриновский, имевший по какому-то ведомству генеральский чин. Лавриновский заведовал Брасовым очень много лет, и после смерти Зиновьева считался властелином в этом громадном имении.

Е. Н. Тевяшев принадлежал к светскому обществу, имел недурной особняк в Петербурге на Жуковской улице. А его сын Е. Е. Тевяшев был разносторонним спортсменом, одним из первых членов в кружке атлетов доктора Краевского и по знанию истории спорта не знал себе равных в России...

Кроме дворецкого, очень величавого, несмотря на суетливость, и повара Иллариона, среди всего персонала служащих я помню камердинера Григория Николаевича. Среднего роста, приятного лица, с густыми каштанового цвета бакенбардами, в вечном фраке, он держался с необычайным достоинством. Ко мне он относился не как к «барчуку», а с оттенком некоторого покровительства, причем иногда показывал мне коллекцию своих галстуков и почему-то собиравшихся им всевозможных пуговиц, которые его приводили в восхищение гораздо больше, нежели ордена на груди исправника, являвшегося временами с визитом к Зиновьеву.

Иногда в Брасове были приемные дни, когда являлось до полусотни гостей. Съезжался на эти приемы весь цвет Орловской губернии с

губернатором, предводителем дворянства и даже с архиереем.

Тетя Маша, бывшая хозяйкой на этих приемах, и ее сестра, не смотря на свою малограмотность, держались с удивительным достоинством. Тетя хотела, чтобы на обедах был и я. Но вскоре ей пришлось отказаться от этого желания, так как я уже на первом обеде показал, насколько я и светские манеры не подходят друг другу. Тогда считалось дурным тоном благодарить «за компанию» по окончании обеда. Но мне казалось невозможным обидеть кого-нибудь из присутствующих на парадном обеде, оставив их без моего благосклонного внимания. Поэтому, когда кончился обед, я обошел всех 50 человек гостей, продолжавших еще сидеть за столом и, протягивая каждому из них руку (опять грубейшим нарушением «хорошего тона»: младший по возрасту не имел права первым протягивать руку старшему) и поблагодарил «за компанию». На следующий парадный обед я, конечно, не попал, но все-таки решил сделать что-нибудь приятное тете, Зиновьеву и всем гостям. Полный самых благодарных чувств, я нарвал роз, очистил их стебли от шипов и, взяв с псарного двора около дюжины щенят сенбернаров, извиняюсь за нескромную подробность, – воткнул щенкам розы под хвост и пустил их в столовую, когда во время парадного обеда подали десерт.

Эффект получился необычайный! За этот эффект я был высечен, причем секла меня сама тетя Маша. Должно быть высекла она меня не особенно сильно, а увенчание щенков розами мне так понравилось, что я повторил тот же самый номер и при третьем парадном обеде, причем как раз в тот день, когда в Брасове обедали губернатор и архиерей. На этот раз я был высечен опять самой тетей Машей, но очень сильно и вопил во все горло, но не от боли, а от негодования: «Тетя Маша, ведь это не сенбернары, а таксы!..»

В хорошую погоду мы все трое – тетя Маша с мужем и я, – ездили в соседний женский монастырь, где нас угощали замечательным квасом и дарили деревянные ложки на редкость красивой работы.

Как-то раз, поехав на несколько дней в Карачев, тетя Маша и Зиновьев оставили меня одного в усадьбе, сказав дворецкому и повару Иллариону, что «барчук» будет сам заказывать себе кушанья. На следующий день ко мне явился повар с очень серьезным лицом, держа в руках карандаш и лист бумаги. С еще более серьезным лицом я стал заказывать обед. Как сейчас помню это мое меню: борщ, зеленые щи, бульон с рисом и с клецками, суп куриный, биточки в сметане, бифштекс с макаронами, солонина с картофелем, жареные рябчики, гусь с гречневой кашей, пирог с грибами, земляника со сливками, сладкий пирог, слоеный пирог с рисом и яйцами, несколько сортов пирожного. Когда был подан обед, я после третьего супа плакал горькими слезами, так как на остальные подававшиеся кушанья мог только

смотреть. Не помню меню остальных двух дней, но, вернувшись в усадьбу, тетя Маша и Зиновьев узнали, что «барчук» назаказывал себе обедов из двух пудов мяса, не считая прочих продуктов...

Как видно из обширного меню, составленного юным Гаргантюа-Лебедевым, ребенок уже знал толк в изысканных блюдах и способен был за несколько дней нанести ощутимый урон содержанию великокняжеских закромов.

В 1891 г. В.В.Зиновьев скончался и счастливое детство Ивана Лебедева в Брасове закончилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М., 1991. С. 100–101.
- 2 Там же. С. 108–109, 117–118.

М. В. Иванов

СМОЛЕНСКАЯ УСАДЬБА ВОРГАНОВО

*По воспоминаниям
княгини И. Д. Голицыной*

В 2005 году на русском языке вышла книга воспоминаний княгини Ирины Дмитриевны Голицыной (урожденной графини Татищевой)¹. Некоторое внимание автор уделила и родовой усадьбе Татищевых Ворганово, в которой прошла значительная часть ее детства и юности. В связи с фрагментарностью документальных источников эти воспоминания ощутимо помогли в воссоздании истории одной из самых заметных смоленских усадеб.

Несуществующее ныне Ворганово* когда-то было одним из замечательнейших уголков Гжатского уезда Смоленщины. С этим «дворянским гнездом» долгое время было связано предание, будто бы в 1812 г. при отступлении французской армии из Москвы в нем на ночлег останавливался сам Наполеон. И якобы вблизи усадьбы в болотистой пустоши, раскинувшейся в полуверсте от господского дома, французы зарыли 40 бочек с серебром, похищенным ими из домов и церквей. Розыск этих сокровищ, предпринятый кем-то из прежних владельцев усадьбы, результатов, разумеется, не дал². Такова легенда. Реальная же история этой усадьбы прослеживается нами с середины XIX в.

Располагалось Ворганово по левую сторону Калужского проселочного тракта «при р[ечке] Воре»**, возможно, и давшей усадьбе имя. Точнее, в конце 1850-х гг. подобное название носили два находившихся по соседству населенных пункта – владельческие деревня и сельцо (по другим данным – деревня и село), отстоявшие на 20 верст от уездного центра Гжатска³. По всей вероятности, оба эти селения в то время входили в имение Павла Васильевича Ильина. П. В. Ильин был довольно крупным помещиком, поскольку владел более чем 4000 дес. земли и 672 душами крестьян мужского пола⁴.

* В дореволюционных источниках и мемуаристике Ворганово писалось в основном через «о»; в советской справочной литературе – через «а».

** Речка эта в нижнем своем течении сейчас разделяет Смоленскую и Калужскую области.

В середине XIX в. воргановские крепостные несли в пользу своего барина смешанные повинности: частично состояли они на оброке, выплачивая с тягла* по 6 руб.⁵, а частично – трудились на барщине. Дополнявшие денежный оброк «добавочные повинности» (то есть барщина) включали обработку каждым тяглом $\frac{1}{2}$ десятины пашни, уборку покоса, подвозку «господского хлеба, господского строения» и заготовку дров⁶. Кроме того, источниками зафиксировано и наличие в сельце Ворганове на рубеже 1850–1860-х гг. сыроваренного завода⁷, скорей всего, являвшегося еще одним местом приложения труда крепостных.

В результате происходившего в пореформенное время размежевания земель и перенесения крестьянских усадеб к началу XX в. в первом стане Дятловской волости Гжатского уезда вместо двух населенных пунктов с названием «Ворганово» существовало уже четыре одноименных поселения: к деревне и владельческой усадьбе, очевидно, и являвшейся упомянутым ранее сельцом, добавились хутор, состоявший из одного двора, населенного восемью душами обоего пола, и так называемая сторожилка, где также значился один двор, но при двух жителях⁸. В этом перечне наше внимание в дальнейшем будет занимать владельческая усадьба, в которой после отмены крепостного права сменился хозяин.

Новым владельцем Ворганова стал граф Николай Дмитриевич Татищев (1829–1907). Нам неизвестно, когда именно произошло его вступление в права собственника. Если верить воспоминаниям внучки графа, княгини Ирины Дмитриевны Голицыной (1900–1983), ее дед обосновался в усадьбе под Гжатском вскоре после женитьбы на Анне Михайловне Обуховой (1846–1932). А поскольку первенец этой четы Дмитрий (в будущем – отец автора воспоминаний) появился на свет в 1867 г., очевидно, что Ворганово обрело нового хозяина в середине 1860-х гг.⁹

Граф Николай Дмитриевич, избрав военную стезю, принимал участие в венгерском походе 1849 г., Крымской и Русско-турецкой (1877–1878) войнах. Венцом его карьеры, отмеченной многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия IV ст. и золотым оружием, стал чин генерал-лейтенанта (хотя существуют и неподтвержденные сведения о присвоении ему звания генерала от инфантерии)¹⁰. Профессия, видимо, наложила свой отпечаток на владельца Ворганова, чей нрав был весьма суровым и смягчению которого не способствовала даже жизнь в сельской глуши. По свидетельству его внучки, «...дед был настоящим воином. <...> Он обладал очень твердым характером

*** Тягло – податная единица, состоявшая из семейной пары, на которую выделялся земельный надел.

*Имение
Ворганово,
где прошло
детство
Ирины Та-
тищевой*

и как глава семьи ожидал от каждого абсолютного повиновения: жена, дочери и даже мой отец в его присутствии чувствовали себя скованно, я не говорю уже о слугах, которые трепетали при мысли вызвать его неудовольствие»¹¹.

Пока неизвестно, занимался ли Н. Д. Татищев обустройством своей благоприобретенной усадьбы, и, если занимался, то в какой мере. Но к началу XX в., по описанию И. Д. Голицыной, Ворганово представляло собой вполне пасторальную картину: «Это было прекрасное имение, окруженное лесами, с протекавшей недалеко спокойной рекой и хорошо ухоженным парком. Перед главным домом на некотором расстоянии был пруд, а сзади конюшни, дома для работников, коровники и другие хозяйственные постройки. В тенистом прохладном парке бывало очень приятно сидеть в жаркий летний день, а вокруг дома был разбит итальянский сад. Неподалеку было еще два дома. Дорожка сбегала к пруду с пешеходным мостиком, ведущим к службам»¹².

Благоустроенная усадьба, находившаяся к тому же не очень далеко от Москвы, не могла не привлекать к себе. В ней, вероятно, не раз гостили родственники и друзья графа Татищева, его жены и их сына. Отметим, что единственный наследник графа Дмитрий Николаевич (1867–1919), окончивший Александровское военное училище¹³, возмужав, продолжал бывать, а то и подолгу жить в отцовской усадьбе. Он не пошел по родительским стопам и не стал профессиональным военным, хотя и служил в молодые годы в Лейб-гвардии Преображенском полку. После женитьбы на сестре однополчанина Вере Анатольевне Нарышкиной (1874–1951) его судьба необъяснимым образом изменилась. В 1893 г., будучи зачислен по армейской пехоте и получив скромный пост младшего чиновника особых поручений

Вера Анатольевна и Дмитрий Николаевич Татищевы во время медового месяца

при Виленском, Ковенском и Гродненском генерал-губернаторе, бывший гвардеец с супругой отправился в Вильно¹⁴. С 1895 г. он уже чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Однако вскоре с избранием Дмитрия Николаевича предводителем дворянства Гжатского уезда (а молодой Татищев избирался на эту должность дважды подряд – в 1898–1900-х и 1901–1902 гг.)¹⁵, молодожены вернулись на Смоленщину, где и поселились в ставшей для них родовой усадьбе Ворганово.

Старый граф Николай Дмитриевич предоставил увеличивавшейся семье сына так называемый «маленький дом», поскольку еще в 1894 г. у Дмитрия Николаевича и Веры Анатольевны родилась дочь Елизавета, или Ика, как ее называли родители. С появлением на свет в 1896 г. второго ребенка – сына Николая (семейное прозвище Кот), молодым графу и графине Татищевым был выделен в Ворганове так называемый «средний дом». В 1900 г. в их семье появился еще один ребенок – родившаяся в Петербурге дочь Ирина, впоследствии и оставившая воспоминания¹⁶.

С 1903 г. Дмитрий Николаевич уже не столь частый гость в отцовской усадьбе, поскольку именно тогда началось его настоящее восхождение по служебной лестнице: в тот год граф получил назначение на должность вице-губернатора в Рязань. В 1907 г. последовал его новый карьерный взлет – 40-летний Д. Н. Татищев стал губернатором Ломжинской губернии Царства Польского. Следующая перемена в его служебном положении произошла в 1909 г., когда его назначили Ярославским губернатором. Последней же ступенью в послужном списке графа стало назначение его в 1915 г. командующим Отдельным

*Д. Н. Татищев. 1907 г.
В. А. Татищева.
Пермь, 1925 г.*

корпусом жандармов. Одновременно этот высокопоставленный гражданский чиновник, с 1910 г. — действительный статский советник, оказался произведен или, как тогда говорили, переименован в генерал-майоры. Успел Дмитрий Николаевич и сравняться в чинах со своим покойным к тому времени отцом, став в 1917 г. генерал-лейтенантом¹⁷.

Семья Д. Н. Татищева всегда и всюду следовала за своим главой, будь то Рязань, Ломжа или Ярославль. Но с наступлением лета все домочадцы отправлялись в имения дедушек и бабушек, нередко начиная приятное каникулярное время как раз с Ворганова (отметим, что у рано овдовевшей тещи Дмитрия Николаевича, Елизаветы Алексеевны Нарышкиной, урожденной княжны Куракиной, имелась роскошная усадьба Степановское в Тверской губернии, где дети графа Татищева также гостили каждое лето).

Память И. Д. Голицыной сохранила несколько ярких картин ее жизни в Ворганове в период раннего детства, одной из которых является описание их ежегодных приездов с сестрой, братом и матерью в имение, где, кроме дедушки и бабушки, с нетерпением их ожидали и тети: сестра бабушки Софья Михайловна Обухова и сестры отца Нина Николаевна и Наталья Николаевна Татищевы. Вот как это было: «За день до нашего прибытия в Гжатск туда отправляли карету, запряженную четверкой белых лошадей, чтобы встретить нас на станции. После того, как мы проезжали по мосту над прудом, из дома было хорошо видно, как мы едем вверх по дороге. После поцелуев и радостных восклицаний нас вели в столовую, где был накрыт стол с угощениями, и с этого момента начиналась жизнь в деревне со всеми удовольствиями, свободой и покоем»¹⁸.

В доме соблюдался определенный распорядок, ревностно поддерживаемый старым графом. Кобеду, например, Николай Дмитриевич в память о своем военном прошлом неизменно появлялся в генеральской форме (надо полагать, что и сервировка стола соответствовала важности момента, во всяком случае, И. Д. Голицына отмечала, как приятно было созерцать в столовой «сверкающее серебро и хрусталь на белоснежной скатерти»). Послеобеденное время он с тем же постоянством проводил за пасьянсом, сидя «в своем особом кресле под высокой стоячей лампой». В этом занятии помощь престарелому отцу в случае, «когда он попадал в затруднительное положение», как правило, оказывала дочь Нина Николаевна, сидевшая «на диване за тем же самым столом».

Режим, особенно по части сна, касался и прибывших на лето внука и внучек, которым днем в течение часа или двух (до вечернего чая) обязательно полагалось спать. Их отход ко сну в вечерние часы со стороны взрослых сопровождался раз и навсегда заведенной церемонией благословения и поцелуев, после чего дети шли к себе. Дальнейшую помощь им в приготовлении оказывала няня, которую автор воспоминаний очень любила, поскольку та «всегда была рядом, в любое время дня и ночи». Иногда внуков, уже улегшихся в стоявшие в детской кроватки, приходила благословить бабушка Анна Михайловна¹⁹.

Для совсем крохотной тогда Ирины, пожалуй, самым интересным во время пребывания в Ворганове было общение с дедом. Уже отмечалось, что характер Николая Дмитриевича Татищева, был, мягко говоря, непростым. Его все боялись, за исключением лишь младшей внучки, с которой у отставного генерала установилось совершенно особое взаимопонимание. Предоставим слово автору мемуаров: «...Кот и Ика оставляли свои капризы в его [графа Н. Д. Татищева] присутствии, но мои отношения с дедом были совершенно другими: я никогда не встречала взрослого человека столь доброго, мягкого и любящего. У него было специальное прозвище для меня. Мое имя Ирина, но дедушка всегда называл меня Ик. Между ним и мною не было никакой напряженности, я была „милочкой“. Я могла говорить и делать всё, что хотела, вести себя, как пожелаю. В присутствии дедушки никто не смел сделать мне выговор, все прекрасно понимали, что в этом случае получат его сами.

Дед жил в нижнем этаже большого дома, обычно я могла найти его в кабинете за большим письменным столом. Этот стол представлял для меня особый интерес благодаря множеству занимательных вещей, стоявших на нем. Я уютно устраивалась на коленях деда и начинала трогать предметы, спрашивая: „Что это?“ и „Для чего это?“, „Можно я потрогаю?“ Я знала, что не могу вести себя так ни в кабинете отца, ни в комнатах моей тетки или бабушки, но здесь всё было позволено, не только позволено, но даже и поощрялось. Я была набалована до

последней степени. В любое время дня я могла появиться и начать мои игры с дедом. Я прекрасно знала дорогу через занимаемые им комнаты, и никто не мог остановить меня. А уж раз я была там, никто тем более не мог остановить меня, и я это прекрасно знала. Если другие дети хотели покататься, они устраивали это через меня: „Сбегай к дедушке и скажи ему, что хочешь покататься“. Я сразу делала то, о чем меня просили, — бежала через комнаты деда прямо в красный кабинет. Он, как обычно, сидел там, погруженный в расчеты. Он откладывал перо и спрашивал свою „милочку“, что она хочет. „Мне бы хотелось покататься“, — говорила я, и сразу дедушка нажимал кнопку звонка. Немедленно появлялся его камердинер Александр.

— Скажи там, в конюшне: мне понадобится Енот и коляска. Да поскорее. Кучера не надо, править буду сам, — распоряжался дедушка.

И мы отправлялись.

Я устраивалась рядом с дедом, Кот и Ика сзади, белая лошадь Енот шла быстрой рысью, всё проплывало мимо нас. Чувства деда по отношению ко мне объяснялись очень просто. Я была единственной, кто приближался к нему без страха, без малейшего чувства скованности. Я никогда не боялась, что он сделает мне выговор, и это было для него совершенно ново, видимо, нравилось, и он не хотел это потерять. Так между нами сложилось полнейшее понимание, доверие и любовь».

Добавим, что старый граф нередко после своих ежедневных пастьансов играл в карты с младшей внучкой, причем в придуманную ею самой игру, в которой девочка всегда одерживала верх над практически не оказывавшим ей сопротивления дедом²⁰. Этим идиллическим отношениям суждено было оборваться в сентябре 1907 г. со смертью Николая Дмитриевича. Много лет спустя Ирина Дмитриевна так описала это потрясшее ее событие: «Странно, но когда мой дед умер (мне было тогда не больше семи), я была единственной не проронившей ни слезы. Священники приходили и уходили, служили заупокойные службы. Мы присутствовали на последней из этих служб. Дедушка лежал в военной форме в гробу на возвышении, раздавалось монотонное пение дьякона, отец поднял меня, дал поцеловать руку деда и спустил вниз. Бабушка рассердилась и выговорила моему отцу, сказав, что я слишком мала и слишком впечатлительна для такого опыта. Я всё слышала, всё понимала и ясно представляла, что случилось, но совершенно особым образом. Какое-то оцепенение овладело мной...»²¹.

Скончиной старого графа Н. Д. Татищева Ворганово перешло к его жене Анне Михайловне Татищевой. Со сменой владельцев имения не изменились привычки членов семьи ее сына, Дмитрия Николаевича, которые, как и прежде, проводили часть лета в усадьбе под Гжатском,

а часть – в Степановском. Очередность пребывания их в той и другой усадьбах менялась в зависимости от того, когда в Степановском оказывалась его хозяйка обер-гофмейстерина императрицы Елизавета Алексеевна Нарышкина, вынужденная согласовывать свой отпуск с царской семьей. Подраставшие же дети Дмитрия Николаевича, привыкшие часто покидать столь уютное для них Ворганово, всегда играли в одну и ту же трогательную игру, заключающуюся в прощании со знакомыми вещами. Обходя комнаты, они говорили «прощай» стульям, часам, пианино, другим предметам обстановки, а также лестнице, не забывая всё это напоследок еще и поцеловать. Подобный, на первый взгляд, не слишком веселый ритуал на самом деле был начисто лишен грусти, поскольку молодежь предвкушала связанную с предстоящим путешествием смену обстановки²².

В 1914 г. первую половину лета Татищевы провели в Степановском, так как их бабушка Е. А. Нарышкина, назначенная тогда статс-дамой, довольно долго была свободна и рано приехала в свое имение (кстати, в тот год и 20-летняя Лиза Татищева стала фрейлиной, получив своеобразный знак отличия – бриллиантовый шифр с буквами М и А)*. Конец же лета жена и дети Дмитрия Николаевича коротали в Ворганове, где и узнали о начале Первой мировой войны. Тем временем А. М. Татищева, собравшаяся приобрести для себя «небольшую загородную виллу вблизи Москвы», решила передать Ворганово сыну²³. Отныне семья Дмитрия Николаевича, приезжая теперь уже в свое имение, занимала большой двухэтажный воргановский дом. Здесь Татищевы пробыли почти всё лето 1915 г. Последний же их приезд в Ворганово состоялся в 1916 г.

Новый хозяин усадьбы, преисполненный энергии, «наметил ряд улучшений». Ему импонировал «английский стиль жизни в деревне», когда для гостей имения, задерживавшихся в нем на какое-то время, подготавливались разнообразные развлечения. Началом задуманных графом преобразований стала покупка небольшого табуна высокорослых, но совершенно диких ярославских лошадей, при объезде которых у конюхов возникло множество проблем. Еще одним проявлением англomanии Дмитрия Николаевича оказалось приглашение к дочери Ирине английской гувернантки мисс Матсон (вообщем-то третьей по счету представительнице Великобритании, в этом качестве работавшей в семье Татищевых), обучившей свою подопечную вместе с ее братом и сестрой игре в невиданный доселе хоккей. Клюшки для этой забавы Татищев-старший привез в Ворганово из столицы.

* Буквы на шифре означали: М – вдовствующая императрица Мария Федоровна и А – императрица Александра.

Летом 1916 г. почти совсем взрослые дети Дмитрия Николаевича вместе с их двоюродным братом Кириллом и мисс Матсон, отдыхая в Ворганове, предприняли навсегда запомнившееся пешее путешествие в Бородино, находившееся от усадьбы в 40 верстах. Потратив день на дорогу (за исключением 16-летней Ирины, большую часть пути проделавшей в экипаже) и переночевав в монастыре, с утра следующего дня путники начали осмотр поля знаменитой битвы, которое не могло не потрясти их. Назад в Ворганово уже все они, усталые, вернулись в экипаже.

То лето младшей Татищевой запомнилось не только в связи с походом к месту генерального сражения с французскими войсками в 1812 г., но и благодаря неповторимым впечатлениям, полученным ею от общения с воргановской природой. Впоследствии она вспоминала: «Иногда я брала наших двух собак – немецкую овчарку по кличке Джек и маленького добермана-пинчера Леди – и спускалась к реке. Я отвязывала плот, и мы с моими двумя собаками начинали сплавляться вниз по течению. Я любила всё это: сияющее ярко солнце, тишину, наше уединение втроем, рябь на воде и чудный воздух. Порой я привязывала плот к дереву на другом берегу реки, и мы бежали по полям, потом возвращались и продолжали путешествие»²⁴.

Вскоре летние каникулы окончились. Уезжая в 1916 г. из Ворганова в Петроград, Татищевы не предполагали, что видят свое имение в последний раз. В 1917 г., после отречения Николая II, Д. Н. Татищев, по роду службы обеспечивавший охрану царя, был арестован Временным правительством и отправлен в Петропавловскую крепость, где провел несколько месяцев. Летом того же года, будучи отпущен на свободу, он присоединился к семье, никому из членов которой уже не пришлось в голову поднять вопрос о поездке на отдых в их смоленскую усадьбу.

С приходом к власти большевиков судьба хозяина Ворганова сложилась трагически. Летом 1918 г. граф Дмитрий Николаевич Татищев вместе с сыном Николаем, еще в январе 1917 г. ставшим офицером, был вторично арестован. Каким-то чудом Кота удалось вызволить из тюрьмы (его выпустили лишь благодаря обращению матери Веры Анатольевны к члену президиума Петроградской ЧК Е. Д. Стасовой), и он вернулся домой. А Дмитрий Николаевич в ночь с 13 на 14 сентября (по иным сведениям с 16 на 17 сентября) 1919 г. был расстрелян. Его осиротевшая семья претерпела многие мытарства, а младшая дочь Ирина, успевшая вместе с матерью и тетей поработать в знаменитой «АРА»*, после двух арестов (в сентябре 1923-го и апреле 1924 гг.) была приговорена к трем годам ссылки на Урал, которую отбывала

* «АРА» (ARA) – Американская администрация помощи.

в Перми. Там в апреле 1925 г. она вышла замуж за князя Николая Эммануиловича Голицына, также находившегося в ссылке. Неизвестно, какой бы финал ожидал эту пару и их троих родившихся в Перми детей в СССР, если бы для спасения им не представился почти сказочный случай.

Дальняя родственница князя Н. Э. Голицына была замужем за племянником президента Германии П. фон Гинденбурга. Живший в Англии родной брат князя, Владимир Эммануилович Голицын, зная это, обратился к Гинденбургу с просьбой посодействовать семье Голицыных в получении разрешения на выезд из СССР якобы для свидания с немецкой родней. Германский президент пошел навстречу и написал И. В. Сталину, который в данном вопросе тоже не стал чинить препятствий. В итоге этот фантастический план полностью удался. В сентябре 1932 г. Ирина Дмитриевна вместе с мужем и детьми выехала в Германию, а затем обосновалась в Лондоне, где и прожила долгую жизнь. Несколько ранее из России удалось выбраться ее матери, также отбывшей уральскую ссылку, и брату Николаю (Коту)²⁵.

В то время как семья графа Татищева переносила выпавшие на ее долю испытания, на землях конфискованной усадьбы Ворганово был организован совхоз. Остававшееся в имении графское имущество также конфисковали. В сентябре 1918 г. сотрудник художественно-археологического подотдела отдела народного образования Западной области** Ч. К. Стефанский обследовал усадьбу на предмет выявления в ней исторических и художественных ценностей. По итогам этой работы 14 сентября 1918 г. были составлены три описи.

Князь Николай Голицын и графиня Ирина Татищева в день обручения в Перми

** Западная область, созданная в марте 1917 г. с центром в Минске, включала Минскую, Могилевскую, Витебскую губернии и территории неоккупированных уездов Виленской губернии. С начавшимся 18 февраля 1918 г. наступлением германских войск и оккупацией большей части области ее руководство эвакуировалось в Смоленск. 11 апреля 1918 г. по решению II съезда Советов Западной области Смоленская губерния вошла в ее состав.

В первой из них (на 145 номеров) значились «вещи, имеющие художественно-археологическую ценность», которые были взяты на учет, опечатаны и объявлены не подлежащими «реквизиции и передаче куда бы то ни было без ведома Отдела народного образования Западной области». В их числе оказались архив, произведения искусства (живопись, акварели, литографии, иконы), а также мебель, рояль, часы, ковры, грампластинки, книги, фотоаппараты, фотографии, ткани и т. п. Тем не менее часть этих предметов (в 75 случаях) помечена как уже вывезенная в Смоленск или Гжатск. То, что было оставлено на месте, передали на хранение Дятловскому отделу народного образования²⁶. Две другие описи уточняли вывезенные вещи, появивая, что попавшее в Смоленск (33 номера) предназначалось «для укомплектования Смоленского музея и свободной художественной мастерской при отделе народного образования Западной области» (в основном это произведения искусства и литература по искусству), а отправленное в Гжатск (40 номеров) – необходимо для «Гжатского музея и рисовальной школы при Гжатском отделе народного образования» (это несколько литографий и икон, предметов декоративно-прикладного искусства, альбомов для рисования, холстов, этюдников с красками и кистями и т. д.)²⁷.

Еще три описи были составлены 16 сентября. В первой (на 30 номеров) и третьей (на 8 номеров) были перечислены найденные предметы из золота и серебра, монеты, в том числе из меди, а также украшения из кораллов и черепахового панциря. Во второй описи (на 14 номеров) значилось несколько орденов (в том числе Св. Георгия, Св. Владимира, Св. Анны, Св. Станислава и Белого Орла), медалей, иных наград (в частности, 4 шифра с вензелями Александра II и Александра III) и 60 серебряных монет. Тогда же все эти ценности (по трем описям) были переданы заведующему земельным отделом Гжатского совдепа В. Похлебкину²⁸. Через день, 18 сентября 1918 г., состоялось заседание исполнительного комитета Гжатского совдепа, постановившего передать ордена из имения графа Татищева на хранение в Казначейство, куда земельному отделу предписывалось также препроводить все предварительно собранные «подобные вещи по уезду»²⁹.

Интересно, что в марте 1919 г. заведующий Гжатским музеем В. Б. Логинов проинформировал «художественно-археологический подотдел при ГУБОНО г. Смоленска» о своем плане вывезти в Гжатск ценности, взятые на учет в имениях Гжатского уезда, и в том числе в Ворганове. Это намерение мотивировалось скорой возможностью «присоединения Гжатской коммуны к Московской области»³⁰. Правда, ни предсказываемый Логиновым административно-территориальный передел, ни вывоз им ранее учтенных вещей в

Гжатск так и не состоялись (сам В. Б. Логинов вскоре был мобилизован в Красную Армию)³¹. Остававшиеся же в Ворганове вещи хранились самым неподобающим образом. Это засвидетельствовали сотрудники Смоленского губернского музейного управления (Губмузея) А. В. Китаев и З. Н. Мартынова, в июне 1921 г. предпринявшие проверку их состояния. И вот что они увидели: «...Около 50% Варгановских ценностей, зарегистрированных в 1918 году тов. Степанским, или отсутствуют или находятся в неудовлетворительном состоянии. Предметы искусства и усадебного быта перемещаются из одного здания в другое по всей жилой территории имения и даже за его пределы. Шесть стульев „ампир“ были впоследствии найдены с остатками регистрационных ярлычков и печати комиссара народного просвещения Западной области в Гжатске в райсовхозе.

Опечатанные сундуки и бюро красного дерева с архивом найдены взломанными, печати сорваны. В сундуке № 18 вместо архива — худые кастрюли и старые лампы. Бесследно исчез шкаф со словарем Брокгауза. На Варгановском чердаке найдено огромное количество книг без всякого присмотра, в большом беспорядке разбросанных по всей площади чердака, причем многие из книг бесцельно разорваны в клочья.

Тов. Герасимов, агроном райсовхоза, участвовавший в Комиссии по приему варгановского имения, заявил, что сундуки с архивом взломаны Комиссией ввиду того, что Комиссия захотела проверить содержимое сундуков; почему и как в сундук с архивом попали старые кастрюли — ему неизвестно.

Кроме проверки предметов по описи 1918 года в Варганове нами были описаны и взяты на учет еще 62 номера, в основном посуды. Однако, стоило нам выехать из Варганова, как спустя несколько дней тов. Годунов, заведующий райсовхозом, распорядился о пользовании зарегистрированными ценностями, как обиходными вещами»³².

Процитированный фрагмент отчета сотрудников Губмузея не нуждается в комментариях. Что же касается собственно усадьбы Ворганово, то ее судьба неотделима от находившейся рядом и уже упоминавшейся деревни с подобным названием. С 1924 г. деревня Ворганово входила

*Княгиня Ирина Дмитриевна
Голицына, урожденная
графиня Татищева.
Лондон, 1976 г.*

в Семеновскую и Мишинскую волости, а с 1929 г. стала центром Варгановского сельского совета Гжатского района³³. В годы Второй мировой войны населенные пункты этого сельсовета, в том числе и деревня Варганово, были уничтожены³⁴. И после 1942 г. название этой деревни в так называемых систематических списках уже не встречается³⁵. К сегодняшнему дню от нее не осталось даже имени на карте. Такая же участь постигла и дворянскую усадьбу. От окруженного лесом большого дома, некогда стоявшего на вершине крутого холма и разрушенного, «по-видимому, в 1944 году», посетившие Россию дети и внуки княгини И. Д. Голицыной обнаружили лишь фундамент, — что в наших реалиях, правда, не так уж и плохо, — в обрамлении возделываемых полей³⁶.

За помощь, оказанную при работе над данным текстом, выражаю признательность Николаю Николаевичу Илькевичу и Леониду Леонидовичу Степченкову.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Голицына И. Д. Воспоминания о России (1900–1932) / Пер. с англ. Т. И. Голицыной, О. А. Несмеяновой; Предисл. А. М. Хитрова. М., 2005. Первое издание мемуаров княгини И. Д. Голицыной под названием «Spirit to Survive» вышло на английском языке в лондонском издательстве William Kimber & Co. в 1976 г.
- 2 Голицына И. Д. Указ. соч. С. 54.
- 3 Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868. С. 145.
- 4 Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. IV. СПб., 1860. С. 28, 29.
- 5 В дореформенное время в Гжатском уезде в имениях со смешанной системой податей оброк, как правило, составлял от 17 до 19 руб. с тягла. См.: Орлов В. С., Чернобаев А. В. Гжатск. Смоленск, 1957. С. 60.
- 6 Приложения к трудам редакционных комиссий... С. 29.
- 7 Смоленская губерния. Список населенных мест... С. 145. См. также: Будаев Д. И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии. Смоленск, 1967. С. 37.
- 8 Список населенных мест Смоленской губернии. Смоленск, 1904. С. 124.
- 9 Голицына И. Д. Указ. соч. С. 11, 12, 54.
- 10 Волков С. Генералитет российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. II. М., 2009. С. 564; Голицына И. Д. Указ. соч. С. 16.
- 11 Голицына И. Д. Указ. соч. С. 16.
- 12 Там же. С. 12.

- 13 Волков С. Указ. соч. С. 564.
- 14 Голицына И. Д. Указ. соч. С. 12.
- 15 Смоленская шляхта. Т. 1. М., 2006. С. 259.
- 16 Голицына И. Д. Указ. соч. С. 11–13.
- 17 Там же. С. 6, 15, 28, 33, 46.
- 18 Там же. С. 14, 16.
- 19 Там же. С. 18, 20, 21.
- 20 Там же. С. 16, 17, 18.
- 21 Там же. С. 21.
- 22 Там же. С. 21, 22, 45.
- 23 Там же. С. 42, 43, 45.
- 24 Там же. С. 27, 45, 51–54.
- 25 Там же. С. 7, 46, 55, 57–61, 73, 74, 78–80, 84, 104–118, 123–136, 164, 202, 203.
См. также: Волков С. Указ. соч. С. 564.
- 26 ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 210. Лл. 20–25.
- 27 Там же. Лл. 26–30.
- 28 Там же. Лл. 18, 18 об., 19.
- 29 ГАСО. Ф. 2232. Оп. 1. Д. 15.
- 30 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 926. Л. 45.
- 31 См.: Иванов М. В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX вв.). Смоленск, 2005. С. 185.
- 32 Достояние республики // Край Смоленский. 1993. № 1. С. 66.
- 33 Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. М., 1981. С. 47, 68.
- 34 Орлов В. С., Чернобаев А. В. Указ. соч. С. 175.
- 35 Административно-территориальное устройство Смоленской области... С. 139.
- 36 Голицына И. Д. Указ. соч. С. 204.

Ю. Кошечкина

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ СТЕПАНОВСКОЕ-ПАВЛИЩЕВО (Павлищев Бор)

Усадьба Степановское-Павлищево (Павлищев Бор) находится в поселке Павлищево Юхновского района Калужской области, расположенном в 62 км к юго-западу от Калуги. Усадебный комплекс стоит на возвышенном левом берегу реки Течи, притоке реки Угры, входит в границы природоохранной зоны национального парка «Угра» и обладает статусом объекта культурного наследия регионального значения¹.

В настоящее время усадьба включает в себя главный дом, хозяйственные постройки, усадебный парк и въездные ворота с фигурами оленей. Все сохранившиеся постройки усадьбы и основная часть парка относятся к концу XIX в.

История усадьбы Павлищев Бор прослеживается со второй половины XVIII в. Первым документом, непосредственно относящимся к усадьбе, является ситуационный план², выполненный в виде наброска, на котором показаны река Теча, три моста, переброшенных через нее, и несколько селений по ее берегам. Рядом с одним из селений на плане начертано: «село Зубово, купленное Лопухиной», рядом с другими — «Степановское и Павлищево. Ушаковой, 305 душ». По-видимому, этот план-набросок был сделан самими Степановыми для уточнения положения дел по имениям, когда-то им принадлежавшим. Данное предположение подтверждается материалами генерального межевания 1782 г. и «атласом Калужского наместничества» за тот же год³. В 1782 г. с. Зубово с деревнями действительно принадлежало В. Б. Лопухиной. Очевидно, ранее 1782 г. оно было продано ей Степановыми, как указано на плане. Названный ситуационный план показывает еще одно бывшее владение Степановых на р. Тече — «Степановское и Павлищево», числящееся за Ушаковой. Оба эти селения являются частями, составляющими нынешний поселок Павлищево.

Документы, относящиеся к 1790-м гг., раскрывают дату и обстоятельства перехода этого имения к Степановым⁴. В 1791 г. дед Елизаветы Платоновны Ярошенко (урожд. Степановой), Виктор Степанович Степанов, вернул себе одно из имений в Мещовском уезде Калужской

губернии. Часть его была им выкуплена у княгини М. Н. Долгоруковой, часть – куплена у Ф. Ф. Ушаковой. В документах конца XIX – начала XX в. оно именуется и как Степановское, и как Павлищево. В семейной переписке оно обычно называлось Степановским.

В архиве Степановых находится еще один документ, относящийся к 1834 г., когда владельцем был дед Е. П. Ярошенко (урожд. Степановой). В документе говорится о владельце усадьбы и о селах, ему принадлежавших⁵. Виктор Степанович Степанов умер, вероятно, в 1839 г. Этой датой помечено его духовное завещание⁶. После него Мещовская вотчина перешла к его сыну, Плутону Викторовичу, а в 1872 г. – к дочери последнего, Елизавете Платоновне. Дата наследования засвидетельствована в документе на выкуп крестьянами земли в ее имени⁷.

За три четверти века, прошедшие с момента приобретения Степановыми Мещовского поместья, они, несомненно, привели его к экономической устойчивости, а также придали ему благоустроенный облик.

Последними владельцами усадьбы Степановское-Павлищево стали супруги Е. П. и В. А. Ярошенко, о которых стоит рассказать подробнее.

Елизавета Платоновна Степанова (впоследствии Ярошенко) родилась в 1850 г. «Елизавета Платоновна была женщина маленького роста, одевалась очень скромно. Это была женщина образованная, интересовавшаяся философией и много знавшая в этой области»⁸. Восемнадцать лет по воле матери она вышла замуж за человека, который был вдвое старше ее, за флигель-адъютанта, гвардии полковника Николая Петровича Шлиттера. Не отличавшаяся покорным характером, она пошла на этот шаг, преследуя единственную цель – выйти из-под опеки своей властолюбивой матери.

Увлеченная идеей женского равноправия, она решила получить высшее юридическое образование в одном из зарубежных университетов. Этому предшествовало посещение в Петербурге (где они жили с мужем) женских курсов, на которых читались лекции по физике и математике. Преподавателем оказался Василий Александрович Ярошенко, ставший впоследствии ее вторым мужем.

Весной 1875 г. Е. П. Шлиттер (урожд. Степанова) уезжает в Швейцарию, где сначала готовится, а затем поступает в один из лучших университетов – Бернский. В семейном архиве Степановых хранится ее обширная переписка с Василием Александровичем Ярошенко, относящаяся к этому периоду⁹. Она раскрывает историю их любви, приведшую Елизавету Платоновну к решению оставить университет, вернуться в Россию (пробыв в Берне менее года), развестись с Н. П. Шлиттером и соединиться с В. А. Ярошенко. Очевидно, в следующем году состоялся бракоразводный процесс – одна из местных

телеграмм, отправленная ею на петербургский адрес В. А. Ярошенко, подписан уже фамилией «Степанова»¹⁰. Брак между Е. П. Степановой и В. А. Ярошенко был заключен между 1876-м и 1878 гг.¹¹

Сведения о Е. П. Ярошенко (Степановой) и ее муже В. А. Ярошенко за XX век довольно кратки. Сохранились документы Калужского губернского жандармского управления о выдаче им в 1913-м и 1914 гг. заграничных паспортов и снятии полицейского надзора с В. А. Ярошенко в 1915 г.¹²

Елизавета Платоновна Ярошенко в течение 1898–1913 гг. занималась расширением и перестройкой своих домов на Гончарной улице и Хитровской площади. Часто дела вели доверенные люди, но распоряжения поступали из ее «домовладельческой конторы», расположенной на Гончарной улице¹³. В выпусках адресной и справочной книги «Вся Москва» Е. П. Ярошенко числится в списке домовладельцев и постоянных жителей города до 1917 г. включительно¹⁴. Где она жила позднее, неизвестно. Письмо М. С. Волошиной к Е. П. Ярошенко датировано 1928 годом. Оно написано из Коктебеля, но куда адресовано, неизвестно. Из этого можно сделать предположение, что Елизавета Платоновна Ярошенко умерла после 1928 г.¹⁵

«Василий Александрович Ярошенко был высокого роста, с черной бородой и черными пронзительными глазами. Характер у него был строгий, речь насмешливая»¹⁶. По профессии инженер-технолог, с удовольствием занимался естественными науками, отдавая этому большую часть своего свободного времени. В имении Василий Александрович не прекращал своих занятий наукой и техникой, имел лабораторию. После революции в подвалах дома было обнаружено множество лабораторных склянок.

Здоровье у В. А. Ярошенко было слабое (он болел туберкулезом). Но благодаря исключительным условиям, созданным для него женой, многие сезоны он проводил вместе с ней в Италии на их собственной, приобретенной вилле, что помогло ему дожить до преклонных лет¹⁷. Умер Василий Александрович после 1915 года, но где и при каких обстоятельствах, неизвестно¹⁸.

По свидетельству крестьян, в Степановское-Павлищево хозяева приезжали только на лето, и усадьба именовалась «Лесная дача». Хозяева усадьбы построили в селе Павлищево четырехклассную школу и взяли ее на полное обеспечение, помогали погорельцам, вообще охотно шли навстречу нуждам крестьян. В праздники одаривали все село пряниками, конфетами. Молва гласит, что из супругов более щедрым был Василий Александрович. Это по его инициативе, когда сгорело несколько крестьянских дворов, потерпевшим были выделены кирпичи и лес для строительства, скот для обзаведения хозяйством.

Итак, при Е. П. и В. А. Ярошенко родовое поместье существенно изменилось.

Первый господский дом в усадьбе Степановское-Павлищево был деревянным, он стоял здесь вплоть до 1917 года¹⁹. Точная дата строительства каменного дома, сохранившегося до наших дней, в документах отсутствует. Однако существуют материалы, позволяющие вывести достаточно обоснованную датировку. Показательным является текст, помещенный под фотографией, изображающей один из фасадов главного дома. Фотография может быть отнесена к дореволюционному времени; текст, вероятно, современен ей или сделан несколько позже, но не позднее 1920-х годов²⁰. В данном тексте строителем дома (автором проекта) назван В. А. Ярошенко. Владельческая линия усадьбы свидетельствует, что Василий Александрович Ярошенко вошел в нее в 1876–1877 гг., женившись на Е. П. Степановой. Следовательно, ранее этой даты строительство дома не могло быть начато.

В краткой «Исторической записке» В. Г. Тартаковской со ссылкой на «очевидцев» говорится, что строительство дома началось после смерти родителей Елизаветы Платоновны²¹. Установлено, что отец умер в 1872 году, мать – после 1893 года²². Однако подтверждений, даже косвенных, что дом был начат после 1893 года, в документах нет.

Датировку можно попробовать определить, опираясь на следующие факты.

В 1893 г. Елизавета Платоновна Степанова (Ярошенко) после смерти ее отца Платона Викторовича стала наследницей Мещовской вотчины и одновременно больших домовладений в Москве: на Гончарной улице и на Хитровской площади²³.

Архивное дело по домовладению Е. П. Степановой-Шлиттер-Ярошенко на Гончарной улице²⁴ (знаменитый дом Тутолмина) содержит множество документов, которые интересны для нас тем, что их содержание и даты, объединенные с материалами семейной переписки, позволяют яснее понять биографию последней владелицы, а также время возведения главного дома в Юхновском имении²⁵.

Уже в 1880 году, как и в последующие годы, Ярошенко проводят летний период в Степановском. На это есть указание в письмах матери Елизаветы Платоновны Степановой (Ярошенко) за 80-й год: «...летом, если здоровье мое позволит, я могу побывать у Вас в деревне»²⁶. В письмах разных лиц к В. А. Ярошенко имеются сведения о начале строительных работ в имении. Из них понятно, что летом 1880 года владельцы усадьбы запланировали в ней большое строительство. Пожелание Я. Панова «успешной постройки дома», видимо, подразумевает главный усадебный дом²⁷. Письма 1881 года

от А. Юркова (управляющего) свидетельствуют, что в декабре этого года осуществляется интенсивная подготовка к строительству. В Степановское из Калуги идут многочисленные грузы с дорогостоящими строительными материалами, предназначенными, вероятнее всего, для возведения господского дома: кровельное и котельное железо, металлические рельсы (для балочных междуэтажных конструкций), дуб (для паркетов, дверей, оконных пролетов); заготавливается белый камень для цоколя, при этом в усадьбе создается кирпичный завод, налаживается производство извести. Некоторые работы в это время уже идут: распиловка дубовых бревен, теска цоколя.

Управляющий просит выслать «рисунок дубовым коробкам», которые следовало изготовить заранее. Обращение за таким чертежом к В. А. Ярошенко свидетельствует, что тот был руководителем работ начавшегося строительства²⁸.

В недатированном письме Г. Волжинского²⁹ (друга семьи) упоминается петербургский архитектор, приносивший Ярошенко чертежи дома «с зимним садом и целым лабиринтом комнат», и отмечается, что они вносили в проект всё новые и новые изменения. Предположительно, здесь речь идет о главном доме в Степановском Павлищеве. Очевидно, архитектор играл роль технического исполнителя, автором же проекта являлся сам Ярошенко.

Последнее письмо можно датировать по ряду признаков. Упоминаемые в нем «Коля и Мария Павловна» – брат Василия Ярошенко, художник Н. А. Ярошенко, с женой. Известно, что они жили в Петербурге до 1891 г. В следующем, 1892 г., из-за обострившегося туберкулеза горла Н. А. Ярошенко переехал на постоянное жительство в Кисловодск. Таким образом письмо Г. Волжинского, адресованное еще в Петербург, следует отнести к более раннему времени – 1880-м гг.

Сохранившийся личный архив Степановых имеет конечной датой 1892 год. Более поздних документов в нем нет. По этой причине нет каких-либо сведений о дальнейшем ходе строительных работ в Степановском.

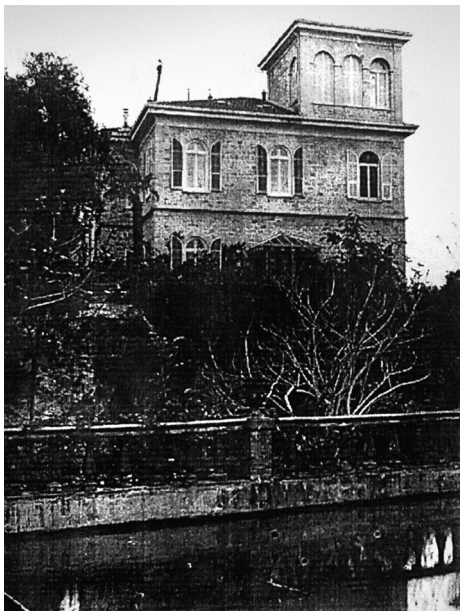
Обращаясь к документам другого архивного фонда, связанного с московскими домовладениями Е. П. Ярошенко, можно увидеть, что после одиннадцатилетнего перерыва начинается в 1891 г. новый этап ремонтных перестроенных работ во владении на Гончарной улице, продолжающихся до 1893 г. Многие строения во владении отдаются внаем так же, как до этого принадлежавшие ей ночлежные дома на Хитровской площади. Управляющему предписывается «отдавать квартиры внаем, получать с жильцов деньги, а неисправных высылать, наблюдать за чистотою...»³⁰ и пр. Предположительно, что этого потребовал бюджет владелицы, из которого ранее были выделены большие средства на завершившееся уже строитель-

ство усадебного дома в Степановском.

На основании всех приведенных источников и аргументов, датировкой главного дома в усадьбе Павлищев Бор можно считать 1880-е гг. В воспоминаниях одной из воспитанниц Ярошенко П. И. Васильевой³¹, говорится, что дом был построен «во второй половине XIX века». В краткой «Исторической справке» В. Г. Тартаковской³² (1974 г.) говорится: «Основное здание было построено, видимо, в последней четверти XIX века (по свидетельству очевидцев, строительство было начато после смерти родителей Елизаветы Платоновны, а достройки продолжались до начала XX в.)». «Очевидцы», то есть старожилы с. Павлищева, не знали точных дат смерти родителей

Е. П. Ярошенко, «достройками» могли быть названы другие сооружения усадьбы, которая последними владельцами перестраивалась в целом.

Единственным фактором в пользу более поздней датировки дома, 1890-е гг., является существование близкого аналога павлищевского дома – итальянской виллы Ярошенко в городке Бордигера*. Семейная переписка начала 1880-х гг., когда, по-видимому, был разработан проект главного усадебного дома, ничего о нем не сообщает. Ярошенко в это время проводили зимы в Петербурге, где жил и художник Н. А. Ярошенко. Позднее, в 1892 г., последний навсегда уехал из Петербурга в Кисловодск. Возможно, что семья брата (также больного туберкулезом) после его отъезда начинает ездить на зиму и весну в Италию, где покупает виллу, ставшую архитектурным прообразом павлищевского дома. Однако нельзя исключать, что вилла

Вилла Б. П. и В. А. Ярошенко в Италии.

Фотография начала XX в. Из фондов музея-усадьбы художника Н. А. Ярошенко

* Местечко Бордигера находится на итальянской части Лазурного побережья, между Ментоной и Сан-Ремо. – *Примеч. ред.*

*Вилла Б. П. и В. А. Ярошенко в Италии.
Фотография начала XX в.*

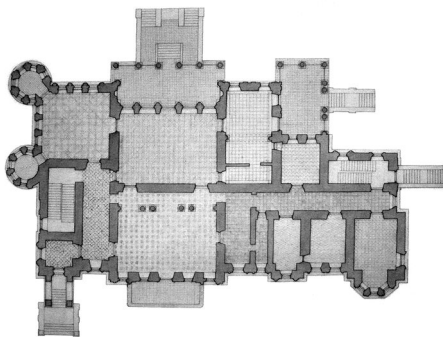
была приобретена раньше, еще во время свадебного путешествия Ярошенко. Здоровье Василия Александровича уже тогда вызывало опасения, поездки супругов в Бордигеру возможны и в те годы. О существовании виллы известно от сотрудников «Мемориального музея-усадьбы художника Н. А. Ярошенко» в Кисловодске. Ее фотографии поступили в музей от племянницы братьев Ярошенко Натальи Николаевны Купчинской-Трусовой (1884–1969), которая рассказывала и о самой вилле, принадлежавшей ее родственникам Е. П. и В. А. Ярошенко.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что главный дом в Павлищеве стилистически соответствует архитектуре 1880-х – 1890-х гг.

Главный дом представляет собой сложное в плане многообъемное трехэтажное кирпичное здание с цокольным этажом под всем

объемом, а в юго-восточной части – небольшим аттиковым этажом. Перекрытия над цокольным этажом сводчатые. Стены и своды цокольного этажа кирпичные оштукатуренные.

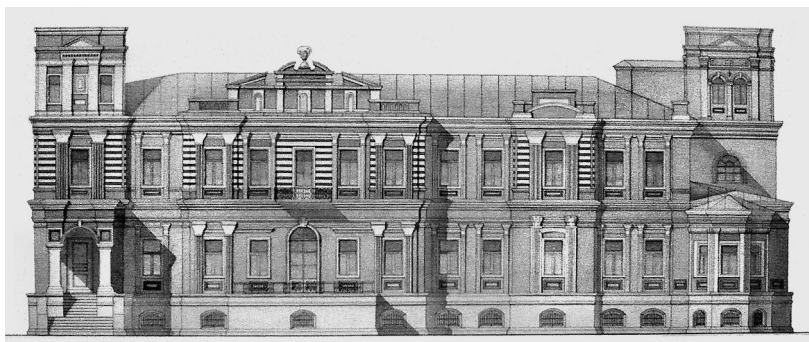
Парадный северо-западный фасад решен довольно строго. Центральный ризалит увенчан сложным фронтоном. Строгая ритмика окон, выделенная продольным рустом второго этажа и сложным межэтажным карнизом, подчеркивает горизон-

Усадебный дом в Степановском-Павлищеве. План 1-го этажа

Усадебный дом в Степановском-Павлищеве. Юго-восточный фасад

Усадебный дом. Северо-западный фасад

тальность постройки. Главный вход смещен от центральной оси влево на угол.

Парковый, юго-восточный, фасад обращен к реке. Его решение сходно с архитектурой итальянских вилл. Центральная колоннада поддерживает огромный балкон второго этажа. От этой колоннады к реке спускается широкая лестница. Справа и слева от центральной устроены колоннады различных размеров, многочисленные профилированные пилястры, трехгранные полуколонны. Центральная часть фасада завершена развитой балюстрадой, левая – аттиковым этажом, правая – сложным аттиковым фронтоном. Все это композиционно объединено благодаря мощным междуэтажным и венчающим карнизам и горизонтальному ряду крупных окон.

Боковые фасады дома еще более дробны по своей композиции: длинные ряды окон и карнизов здесь прерываются, и потому возрастает ощущение некоторой хаотичности архитектурного облика.

Кровля дома имеет сложную конфигурацию, как в горизонтальной плоскости, так и в вертикальной.

Внутренняя отделка главного дома не сохранилась, однако, по имеющимся воспоминаниям П. И. Васильевой и М. С. Волошиной, можно представить ее обилие и изящество³³.

После 1917 года планировка дома подвергалась некоторым изменениям. В двух больших пожарах – 1929-го и 1997 гг. – сгорели междуэтажные перекрытия, кровля, выгорели интерьеры. Известно, что во время реставрации 1955 г. частично сохранявшаяся первоначальная живопись была заменена новой или достаточно грубо поновлена. По свидетельству старожилов, в период размещения в усадьбе туберкулезного санатория ВЦСПС в главном доме по распоряжению руководства санатория сбивалась декоративная лепнина. Это делалось силами бригад, набравшихся из местных жителей, и имело целью уничтожение лепнины как мест скопления туберкулезной инфекции. Главное здание косметически ремонтировалось в 1970–1980-х гг. (кровля, покраска фасадов и интерьеров).

К северо-западу от главного дома располагается замкнутый хозяйственный двор прямоугольной планировки. Все здания расположены строго по его периметру. Первоначально в состав двора входили дом управляющего, людская, каретный сарай, конюшня для рысаков, птичник, свиарник, коровник, конюшня для рабочих лошадей, склад для инвентаря.

Степановское-Павлищево. Северо-западный фасад усадебного дома. Из частной коллекции Б. М. Рудченко (Москва). Фотография 1982 г.

Степановское-Павлищево. Аксонометрия

Дом управляющего был центром двора. Он расположен по оси господского дома, напротив парадных ворот. Эта небольшая кирпичная двухэтажная с мезонином постройка, прямоугольная в плане, имеющая традиционную объемно-пространственную композицию. Декор фасадов – простые наличники окон и сухарики карниза – прост и лаконичен. Первоначальный интерьер здания полностью утрачен. Сохранились только три кафельные печи: одна на первом этаже и две на втором.

Склад для инвентаря расположен слева от дома управляющего – это двухэтажная постройка с пристроенными с обеих сторон верандами*, прямоугольная в плане; первый этаж – кирпичный, второй –

* По рассказам очевидцев, он был с навесом и колоннадами, которые придерживали крышу здания.

*Степановское-Павлушево. Усадебный дом и въездные ворота.
Из частной коллекции Б. М. Рудченко (Москва). Фотография 1982 г.*

деревянный. Все остальные постройки хозяйственного двора (конюшня для рысаков, конюшня для рабочих лошадей, птичник) – кирпичные одноэтажные.

Усадебный парк состоит из регулярной и пейзажной частей.

Регулярная часть парка сохранилась хорошо и состоит из липовой аллеи, ведущей от пруда, расположенного у реки Течи, до торцевой лестницы главного дома усадьбы; большой липовой аллеи (450 м), проложенной вдоль реки, ограничивающей парк; остатков липовых аллей у торца главного дома; зеленых «беседок» из лип и куртинных посадок лип вдоль дороги, ведущей от моста к господскому дому.

Особую ценность в парке представляет спуск к реке в виде следующих друг за другом террас, оформленных насаждениями. В пойме реки Течи расположен пруд, где раньше была купальня из белого камня в романском стиле. Сейчас воды в пруду нет. Имеется также запруда от реки. Гордостью усадьбы был цветочный партер перед главным фасадом барского дома – сохранилась его планировка.

В пейзажной части парка самые старые древесные насаждения насчитывают 100–120 лет. Это одиночные ели, высаженные по кругу на восток от главного дома, дубы и клены возле партера главного въезда, одиночные экземпляры в парке на уступах террас. Липовые аллеи к западу и востоку от основного здания возрастом также по 90–100 лет. Западная аллея некогда вела к деревянному дому, сгоревшему в 1917 г., восточная – к купальне на реке. Вдоль ограды с южной стороны находится второй ряд посадок более молодых лип. Возле

*Вилла Б. П.
и В. А. Ярошенко
в Италии.
Фотография
начала XX в.*

современного въезда — посадки серебристого тополя, их возраст около 75–80 лет.

В парке сохранились пилоны парадных въездных ворот, увенчанные фигурами оленей (сломаны).

* *
*

После революции 1917 г. усадьба Степановское-Павлищево была национализирована. В 1918 г. издается декрет Совнаркома о регистрации, приеме на учет и охране памятников старины и искусства, находящихся во владении частных лиц, обществ, учреждений. Декрет коснулся и дворянских усадеб. В 1919 г. из главного дома в Павлищеве были вывезены произведения живописи, которые поступили в Калужский художественный музей, открытый за год до этого³⁴. Среди реквизированных ценностей были картины художника Н. А. Ярошенко «Курсистка», «Портрет няни», «Портрет дамы с кошкой», «Портрет матери», «Портрет брата», «За чтением газеты», «Извержение Этны», «Этюд горной речки». Кроме этих картин, из усадьбы в музей поступили два произведения живописи XVII в.: «Кающийся Петр» работы Чжачинто Бранди, «В таверне» работы Адриана ван Остаде³⁵.

В отношении картин Н. А. Ярошенко калужские искусствоведы предполагают, что они были написаны автором не в Павлищеве, а создавались в другом месте³⁶. Согласно воспоминаниям

П. И. Васильевой³⁷, художник написал здесь только одну картину – «На качелях», – ныне она хранится в Государственном Русском музее. В фамильном архиве Степановых есть письмо Н. А. Ярошенко, написанное брату. Оно не датировано. В нем художник принимает приглашение брата приехать в Степановское³⁸.

Помимо картин, из главного дома усадьбы в 1923 г. была вывезена библиотека – она поступила в Румянцевский музей, ставший, как известно, основой Российской государственной библиотеки; тогда же был вывезен и архив владельцев³⁹, который сейчас находится в Российском государственном архиве древних актов.

В 1924–1928 гг. имение Ярошенко, усадьба Павлищево, числится в списке восьми усадеб, представляющих в Калужской губернии наибольшую архитектурно-художественную ценность. Они были обследованы, поставлены на учет и взяты под охрану Отделом по делам музеев при Наркомпросе⁴⁰.

Использование главного дома и всей усадьбы после революции было различным. Здесь размещались дом отдыха, пионерский лагерь, лагерь военнопленных поляков, детский дом «Павлищев Бор» («спецдом»). В 1952 г. усадьбу занял туберкулезный санаторий ВЦСПС⁴¹, который находился там около сорока лет – до 1989 г. Вскоре после его открытия в 1955 г. была проведена реставрация главного дома. Еще ранее в 1929 (1930) г., при другом арендаторе, в главном доме была произведена смена перекрытий⁴². Возможно, что именно тогда произошли некоторые изменения: возведено междуэтажное перекрытие в центральном зале (столовой), появился наружный балкон на уровне второго этажа дома (вместо одного из окон здесь могла быть сделана балконная дверь). Однако прояснить этот вопрос могут только детальные натурные исследования.

В 1960 г. усадьба занесена в списки памятников архитектуры местного значения (постановление Совмина РСФСР № 1327)⁴³.

В 1989 г. туберкулезный санаторий был расформирован, здания усадьбы переданы в ведение Калужского управления здравоохранения. Вслед за этим в усадьбе разместился областной наркологический диспансер. Он существовал в ней до сентября 1995 г. Главный дом в этот период практически не использовался. К концу 1990 г. в нем оставались лишь несколько медицинских кабинетов.

В 1991 г. комиссия областного управления культуры и Общества охраны памятников отмечала, что «главный дом почти не используется, не ремонтируется и из года в год разрушается»⁴⁴. Это положение сохранилось и в последующие годы. В 1997 г. в результате пожара сгорела кровля дома и внутренние перекрытия. С 1995 г. и по настоящее время дом, как и вся усадьба, не используется.

Собранные историко-архивные документы, фотографии и проектные материалы по данному памятнику, которые относятся к

XX–XXI столетиям, позволяют говорить о достаточно хорошем обеспечении научно-исследовательской документацией необходимых восстановительных и реставрационных работ в усадьбе.

В настоящее время требуется проведение работ по оформлению прав государственной собственности на объекты недвижимости, входящие в состав усадьбы Павлищев Бор. Удовлетворительное техническое состояние объектов на территории усадьбы – главного дома, дома управляющего, конюшни, склада для инвентаря – позволило бы передать их в аренду заинтересованным лицам с учетом утвержденного характера их использования и историко-культурных особенностей, подлежащих обязательному сохранению, и таким образом способствовать финансированию реставрации главного дома.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327 (Приложение 2).
- 2 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 313. Планы (черновые) земельных угодий, имений и построек. 1870 г. и б/д. Л. 2.
- 3 РГАДА. Ф. 1355. Оп. I. Д. 476, 477. Экономические примечания по Мещовскому уезду Калужской губернии; Атлас Калужского наместничества. Описание и алфавиты к Калужскому атласу. Часть вторая. СПб., 1782. С. 56–57. № 305.
- 4 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 275. Повеление Виктора Степановича Степанова бурмистру и крестьянам Мещовской вотчины. 1791 г. Л. 1, 2.
РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 276. «Верящее» письмо (копия) В. С. Степанова крестьянину Т. В. Гнусареву на управление Мещовской вотчиной. 1791 г. Л. 1.
- 5 ГАКО. Ф. 209. Оп. I. Д. 23. Списки владельцев земли и крестьян по Мещовскому уезду за 1834 г. Л. 13 об.
- 6 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 3. «Объявление» В. С. Степанова в Московский опекунский совет (сопроводительное) к духовному завещанию. 1839 г. Л. 1.
- 7 ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 2530. О заключении выкупного договора Е. П. Шлиттер с крестьянами с. Степановского, д. д. Павлищево и Н. Выселки Мещовского уезда. 1874 г. Л. 143, 144.
- 8 Архив КОХМ. Научный фонд. Д. 9. Отрывки из рукописи П. И. Васильевой «Усадьба Степановское» и запись беседы с ней М. Шереметевой, сделанная 15 сент. 1948 г.
- 9 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 183. Письма Е. П., урожд. Степановой, к В. А. Ярошенко. 1875–1876 гг.
- 10 Там же.
- 11 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 185. Письма Л. В. Ярошенко (матери) к В. А. Ярошенко. 1878–1880 гг. Л. I, 4 об.; ГАКО. Ф. 784. Оп. I.

- Д. 1182. О выдаче заграничных паспортов В. А. и Е. П. Ярошенко. 1914 г. Л. 285; ГАКО. Ф. 784. Оп. I. Д. 1259. О снятии полицейского надзора с В. А. Ярошенко. 1915 г. Л. 127 и об.
- 12 ГАКО. Ф. 784. Оп. I. Д. 1058. О выдаче заграничных паспортов В. А. и Е. П. Ярошенко. 1913 г. Л. 270.
- 13 Телефонный справочник абонентов московской телефонной сети. М., 1914. С. 449.
- 14 Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917. С. 570, 645.
- 15 Волошина М. С. О Максе, о Коктебеле, о себе (рукопись сборника воспоминаний и переписка жены поэта М. Волошина) / Сост. В. П. Купченко. Рукопись предоставлена московским театроведом и сценаристом Е. А. Тропило.
- 16 Архив КОХМ. Научный фонд. Д. 9. Отрывки из рукописи П. И. Васильевой «Усадьба Степановское» и запись беседы с ней М. Шереметевой, сделанная 15 сент. 1948 г.
- 17 ГАКО. Ф. 784. Оп. I. Д. 1058. О выдаче заграничных паспортов В. А. и Е. П. Ярошенко. 1913 г. Л. 270; ГАКО. Ф. 784. Оп. I. Д. 1182. О выдаче заграничных паспортов В. А. и Е. П. Ярошенко. 1914 г. Л. 285.
- 18 ГАКО. Ф. 784. Оп. I. Д. 1259. О снятии полицейского надзора с В. А. Ярошенко. 1915 г. Л. 127 и об.
- 19 Архив института «Спецпроектреставрация», Ш. 95. Инв. № 85. По сведениям старожилы Е. М. Супранова – см.: Тартаковская В. Г. Историческая справка. М., 1974. С. 4.
- 20 См.: Иконографические материалы. Архив КОХМ. Фото-фонд. № № 1–7.
- 21 Архив института «Спецпроектреставрация», Ш. 95. Инв. № 85. По сведениям старожилы Е. М. Супранова – см.: Тартаковская В. Г. Историческая справка. М., 1974. С. 2.
- 22 В материалах архивного дела по их совместному с дочерью домовладению в Москве она упоминается до 1893 г., как «вдова Платона Викторовича Степанова» – см.: ЦАНТДМ. Ф. I. Оп. II. Д. 681 (Рогожская часть. № 620 (570). 1803–1913 гг.
- 23 Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1989. С. 17–18, 34, 37, 39.
- 24 ЦАНТДМ. Ф. I. Оп. II. Д. 681 (Рогожская часть. № 620/570). 1803–1913 гг.
- 25 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 183. Письма Е. П., урожд. Степановой, к В. А. Ярошенко. 1875–1876 гг.
- 26 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 197. Письма Е. Г. Степановой (матери) к Е. П. и В. А. Ярошенко. 1878–1880-е гг. Л. 23.
- 27 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 175. Письма Я. Панова к В. А. Ярошенко. 1881 г. Л. 5.
- 28 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы). Оп. I. Д. 182. Письма (управляющего) А. Юркова к В. А. Ярошенко. 1881 г. Л. 1, 3 и об.

- 29 ЦАНТДМ. Ф. I. Оп. II. Д. 681 (Рогожская часть № 620/570). 1803–1913 гг.
- 30 ЦАНТДМ. Ф. I. Оп. II. Д. 681 (Рогожская часть, № 620/570). 1803–1913 гг.
- 31 Архив КОХМ. Научный фонд. Д. 9. Отрывки из рукописи П. И. Васильевой «Усадьба Степановское» и запись беседы с ней М. Шереметевой, сделанная 15 сент. 1948 г.
- 32 Архив института «Спецпроектреставрация». Ш. 95. Инв. № 85; Тартаковская В. Г. Историческая справка. М., 1974. С. 2.
- 33 Купченко В. П., Волошина М. С. О Максе, о Коктебеле, о себе. Коктебель, 2004; Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 312–313; Архив КОХМ. Научный фонд. Д. 9. Отрывки из рукописи П. И. Васильевой «Усадьба Степановское» и запись беседы с ней М. Шереметевой, сделанной 15 сент. 1948 г.
- 34 Пушкарёва Т. И. Указ. соч. С. 18.
- 35 Петровский С. А. Из истории Калужского художественного музея // Художественный отдел Калужского областного художественного музея. Калуга, 1929. С. 10; а также уточнения гл. хранителя КОХМ Л. В. Хорошиловой в ноябре 2003 г.; Пушкарёва Т. И. Указ. соч. С. 19.
- 36 Пушкарёва Т. И. Указ. соч. С. 19.
- 37 Архив КОХМ. Научный фонд. Д. 9. Отрывки из рукописи П. И. Васильевой «Усадьба Степановское» и запись беседы с ней М. Шереметевой, сделанная 15 сент. 1948 г.
- 38 РГАДА. Ф. 1484 (Степановы), Оп. I. Д. 187. Письма художника Николая Александровича брату, Ярошенко Василию Александровичу. Б/д.
- 40 ГАКО. Ф. Р–32. Оп. I. Д. II. Сведения о бывших помещичьих усадьбах Калужской губернии. II окт. 1923 г. Л. 37 об., 38.
- 40 ГАКО. Ф. Р–2878. Оп. 3. Д. 14. Списки памятников архитектуры по Калужской губернии. 1924–1925 гг., Л. 191; Д. 39. То же 1927–1928 гг. Л. 23 (оба дела хранятся в архиве КГОКМ).
- 41 ГАКО. Ф. Р–883. Оп. 15. Д. 258. Распоряжение Совмина РСФСР от 25.04.1952 г. об организации туберкулезного санатория «Павлищев Бор». Л. 40.
- 42 Архив института «Спецпроектреставрация». Ш. 95. Инв. № 85. Тартаковская В. Г. Историческая справка. М., 1974. С. 4.
- 43 Архив Калужской областной дирекции по охране памятников. Переписка, решения, постановления по усадьбе Павлищев Бор (за разные годы).
- 44 Архив Калужской областной дирекции по охране памятников. Переписка по усадьбе Павлищев Бор. Письмо главе администрации Калужской области А. В. Дерягину от 16.04.1993 г. из Калужской областной дирекции по охране памятников.

Н.А.Филаткина

ИСЛАВСКОЕ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНЫХ АЛЬБОМОВ МОРОЗОВЫХ

По заказу И. В. Морозова, младшего брата А. В. Морозова, в 1895 г. Ф. О. Шехтель построил великолепную деревянную «готическую» дачу в Петровском парке в Москве. Это сооружение было создано в комплексе с конюшней, манежем, с воротами и оградой. Однако позже внимание известного предпринимателя привлекла усадьба Иславское Звенигородского уезда.

В 1890-х гг. И. В. Морозов вместе со своим родственником Г. И. Ананьевым приобрели к западу от Москвы огромное владение в пойме Москвы-реки. Чтобы представить масштабы их приобретения, достаточно сказать, что в советское время на этом месте расположился

Дача, или главный дом, И. В. Морозова в Петровском парке. 1890-е гг.

дачный кооператив Николина Гора. Но это было много позже, само же Иславское имеет древнюю, славную историю.

Впервые Иславское было упомянуто в 1358 г. как село Воиславское, вотчина великого князя московского Ивана Красного. После Смутного времени оно было дано в поместье братьям, стольникам царя Алексея Михайловича – Борису и Глебу Морозовым. После принадлежало вдове последнего – боярыне Ф. П. Морозовой, известной ревнительнице древнего благочестия, а в дальнейшем – ее сыну Ивану Глебовичу.

В 1682 г. как выморочное владение оно было пожаловано Апраксиным и находилось в их собственности около столетия. Затем владельцы стали меняться чаще: Дурново, Архаровы, Постниковы, И. Д. Лорис-Меликов, И. В. Лихачёв. Наконец, в 1867 г. оно оказа-

лось в руках предпринимателей Сушкиных и Алексеевых. М. И. Алексеев в 1902 г. устроил тут конный завод.

В 1911 г., незадолго до Первой мировой войны, имение приобрел Иван Викулович Морозов. Он окончил юридический факультет Московского университета, занимался общественной деятельностью, был гласным Московской Городской думы, состоял почетным попечителем 2-го Тверского попечительства о бедных, был основным строителем и членом Совета детской больницы им. В. Е. Морозова. В Москве он приобрел дом, который был перестроен для него Ф. О. Шехтелем (Леонтьевский пер., 10).

Старший брат его, Алексей Викулович, оказал значительное влияние на развитие художественных интересов членов семьи, которые вслед за ним начали коллекционировать

*И. В. Морозов в студенческие годы.
Середина 1880-х гг.*

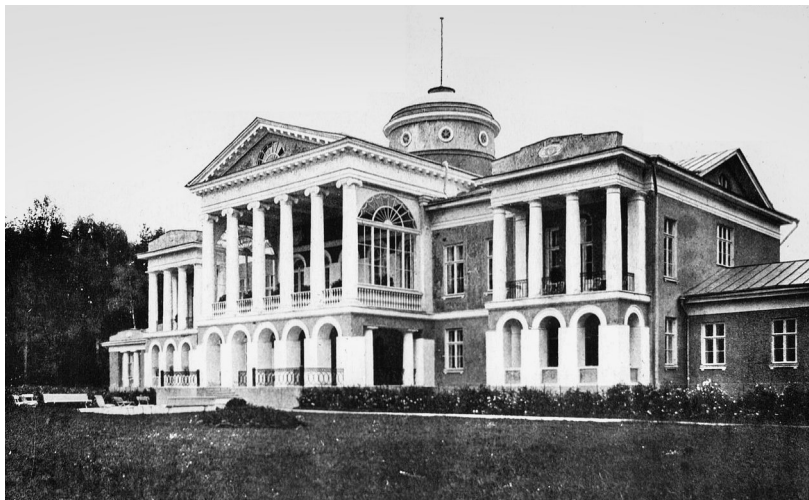
фарфор. Братья покровительствовали близкому другу семейства, выпускнику Академии художеств, художнику Николаю Ивановичу

Чичелеву, который охотно портретировал членов семьи Морозовых. Чичелев также происходил из купеческой семьи, его отец содержал ювелирную фабрику. Иван Викулович Морозов собирал бронзу и картины, преимущественно русских художников – Л. К. Каменева, А. К. Саврасова и других. Был одним из храмоздателей старообрядческих церквей в Москве и Орехово-Зуеве.

Первоначально И. В. Морозов арендовал для своего семейства чужие владения: Петровское в Богородском уезде и другие. Но ему хотелось приобрести собственное поместье, и была мечта всерьез заняться разведением русских рысаков, т. к. семейным увлечением старшей ветви Морозовых было коннозаводство. Первые попытки к этому И. В. Морозов предпринял на своей даче в Петровском парке. Однако для воплощения задуманного требовалось больше места и размаха. Для содержания благоустроенных конюшен необходимо было наличие лугов, которые давали бы наилучшие возможности для заготовки сена и выпаса лошадей. В Иславском все необходимые условия имелись.

Новый владелец приступил к интенсивному строительству по проекту архитектора В. Д. Адамовича усадебного дома в стиле неоклассицизм, а по соседству – сооружений для образцового конного завода.

В летние месяцы вся семья посещала строящееся имение. Постепенно сооружался двухэтажный дом-дворец, который был завершен круглым бельведером. Каждый год владелец вносил в его облик всё

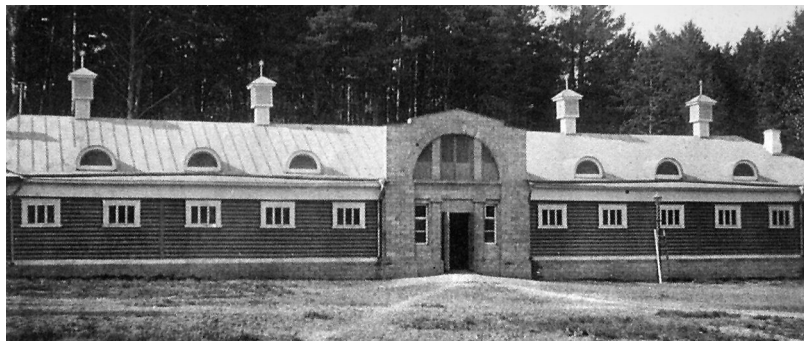

Дворец И. В. Морозова в Иславском. 1910-е гг.

Гостиная и кабинет в Иславском. Фотографии 1910-х гг.

новые и новые изменения. Одним фасадом главный дом смотрел в сторону Москвы-реки, другим – на подъездную аллею, которая была проложена через парк. Местность чередовалась заливными лугами, была достаточно пересеченной, что создавало много живописных видов. На реке – удобное купание, рыбалка, катание в лодках. За рекой виднелись соседние усадьбы родственников – сестры Ивана Викуловича Л. В. Зиминой в Старом Иславском, и двоюродного дяди Сергея Тимофеевича Морозова в Успенском, где также был конный

Здание конюшен И. В. Морозова близ Иславского

Варвара Александровна Морозова.
1900-е гг.

завод. Ход строительства запечатлен на многочисленных фотографиях из семейного альбома Морозовых. Надо сказать, что фотографирование также было увлечением нескольких членов семьи. Хозяйка имения В. А. Морозова, по свидетельству ее дочери Ольги, любила сниматься до страсти, — по ее мнению, любой вид много проигрывал, если на его фоне не была запечатлена ее фигура.

Жена И. В. Морозова действительно отличалась особой статью и красотой. Ее история напоминает сказку о Золушке. Она происходила из небогатой семьи. Матери Е. Г. Вороновой приходилось кормить шестерых детей, из которых Варвара была старшей. Ей удалось поступить в кордебалет Большого театра, на спектакли которого ходили молодые купцы. Здесь

ее и углядел один из сыновей миллионщика Викулы Морозова. При жизни отца Иван не мог и помыслить о том, чтобы жениться на своей избраннице: она бедна, не его круга, православная, а не старообрядка, да еще и артистка кордебалета. В 1894 г. скончался отец, Ивану больших трудов стоило убедить старшего брата, знаменитого коллекционера А. В. Морозова, в правильности своего выбора. Однако Иван настоял на своем, и они обвенчались. Холостые братья всей душой привязались к счастливому семейному кругу: старший часто гостил у них, а младший Елисей жил с ними в одном доме в Москве на Леонтьевском переулке. Летом вместе проводили время в имении, ездили за границу, где, по словам дочери, номера снимали не комнатами, а этажами.

В семье родилось два сына, Федор и Кирилл, и две дочери — Ольга и Вера. Дочери окончили гимназии. Старший сын Федор — Флеровскую гимназию. Федор имел талант к рисованию. Сохранился его альбом, где запечатлены кони — общая семейная страсть, сцены охоты, не только летней, но и зимней, аллеи и живописные окрестности Иславского. Есть в рисовальном альбоме Ф. И. Морозова и батальные сцены. По свидетельству сестры Ольги, в 1915 г. Федор поступил в Мо-

*Федор Морозов.
Начало 1910-х гг.*

*Кирилл Морозов.
Начало 1910-х гг.*

сковский университет, затем окончил курсы прапорщиков и даже некоторое время находился на фронте. Младший сын Морозовых Кирилл был очень непоседлив, любил лошадей и собак. На снимках он запечатлен то в лодке на Москве-реке, то, с кнутом в руках, пасущим лошадей. Иногда молодые Морозовы участвовали и в сенокосе вместе с крестьянами, нанимавшимися на летнее время в имение, что тоже нашло отражение в семейном альбоме.

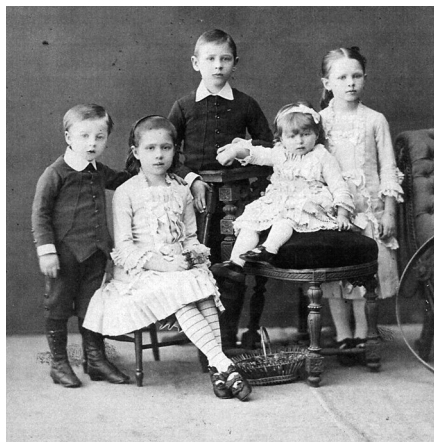
*Ольга Морозова
(в центре)
с гостями
на теннисном
корте.
Начало 1910-х гг.*

Рядом с домом были созданы теннисные корты, где дети соревновались с гостями и гувернерами. В то время любили, особенно в летнее время, щеголять в просторной, не сковывающей движений одежде в русском стиле. У хозяйки дома, имевшей массу роскошных туалетов, был и отличный костюм, состоящий из расшитого тесьмой и лентами передника, полосатой юбки и столь же богато украшенной кружевными прошвами и тесьмой русской кофты, в котором она, конечно, не преминула сфотографироваться. Благодаря кадрам семейного альбома можно с успехом изучать не только историю строительства усадьбы, красоту окрестных видов, но и разнообразие нарядов ее владельцев, круг их занятий и увлечений.

Сказка о Золушке закончилась в 1917 г. Первым в революционные жернова попал Федор Иванович Морозов: он был арестован и казнен по приговору Ульриха. Усадьба была национализирована, и после смены многих арендаторов попала в собственность Академии наук, но и это ей не слишком помогло. Дворец сгорел в 1998 г.

Прочих хозяев усадьбы также ждала незавидная участь. Их дом в Леонтьевском переулке был отдан под Немецкое посольство. Едва успев обосноваться на новом месте, во флигеле дома на Поварской, 52, И. В. Морозов по доносу согладатаев был репрессирован. Он скончался в 1933 г.

По воспоминаниям внучки И. В. Морозова Натальи Кирилловны, Варвара Александровна долго была моложавая, и в старости сохраняла свою былую статью и красоту. Ее близкой подругой была актриса Малого театра Мария Петровна Юдина, которая в 1911 г. покинула сцену, став женой режиссера Малого театра и драматурга И. С. Платона. Дружба М. П. Юдиной с семьей И. В. Морозова продолжалась и после

*Варя Воронова (будущая Морозова)
с братьями и сестрами.
Начало 1880-х гг.*

*Федор Морозов в гимназические
годы. Конец 1900-х гг.*

октябрьского катаклизма 1917 г., несмотря на трудные времена. Варвара Александровна в конце 1920-х гг. играла вместе со знаменитым актером А. А. Остужевым в пьесе «Каляев», в которой исполняла роль великой княгини Елизаветы Федоровны.

В. А. Морозова тоже стала жертвой репрессий: пережив ссылку в Сибирь, была сослана вместе со старшей дочерью Ольгой в Малый Ярославец, где и умерла. Ольга перебивалась уроками музыки и иностранных языков, жила с дочерью и внуком в небольшой квартирке. Правда, она пережила всех членов морозовской семьи, была хранительницей многих семейных преданий. Умерла в возрасте почти 100 лет. Сестра Вера эмигрировала вместе с мужем и детьми в Эстонию. Ее потомки живут в Швеции и США.

Младший сын И. В. Морозова Кирилл в 1936 г. окончил Машиностроительный

*В. А. Морозова в русском костюме,
рядом – Елис. В. Морозов.
Начало 1910-х гг.*

*Федор и Ольга Морозовы
в лодке.*

Начало 1910-х гг.

институт и работал на инженерных должностях. Его дочь Н. К. Морозова вспоминает: «Во время войны он работал начальником цеха на заводе. Взрослые ушли на фронт, в цех пришли дети 13–14 лет. Папа очень за них переживал, всячески старался облегчить их труд. Потом создал кружок, где учил мальчишек, соседей по дому мотоциклетному делу. Сначала учил ремонтировать мотоциклы, а потом учил ездить. За это он получил от взрослых прозвище „дед Мазай и зайцы“. Когда он купил машину, то покоя не было. Все ребята пересели на машину... ездили в лес, и всегда все ребята со двора... с нами. Папа говорил, что этот – сирота, у этого отец не пришел с войны, этот инвалид. Отказать никому нельзя. Бывало, едем, а за нами ГАИ, подъедут, заглянут в машину, улыбнутся и махнут рукой – езжайте. Мама накануне готовила еду на всю ораву...»

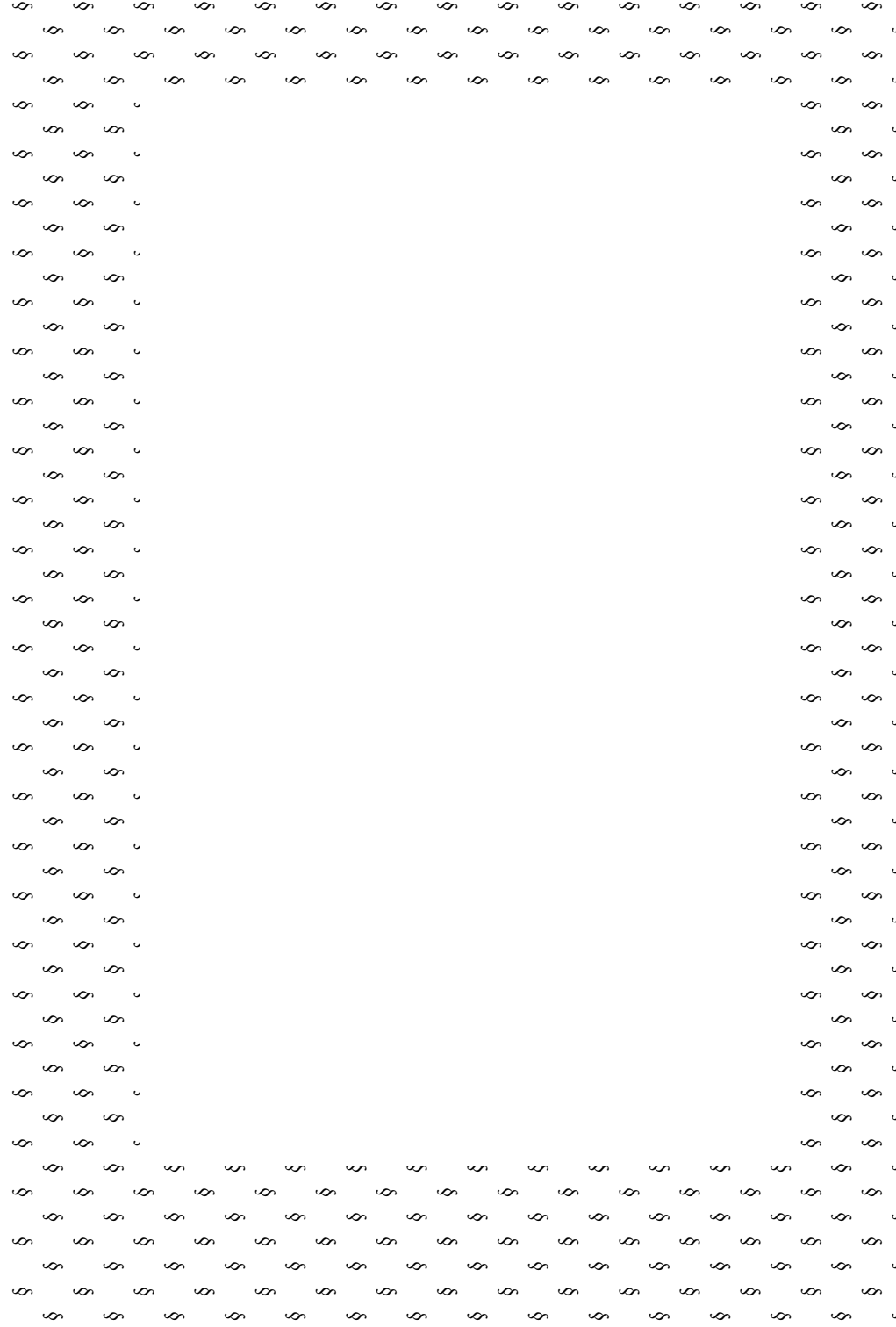
Морозовские усадьбы, включая Иславское, в советское время стали госдачами партноменклатуры или санаториями. В демократические времена часть их стала частными владениями, но не Морозовых, уцелевших в жерновах социалистической действительности и пере-

Рисунок Ф. И. Морозова. Бумага, карандаш. Начало 1910-х гг.

стройки, а совершенно иных лиц; другая часть продолжает служить госдачами для аппарата Президента и прочих чиновников.

Автор благодарит Н. К. Дубкову-Морозову за предоставление редких фотографий из семейного альбома.

IV.
ОПРУ

И. М. Пушкарёва

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ:
 ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ
Памяти Людмилы Васильевны Ивановой

Люди, избравшие трудный путь научного творчества, все время готовятся к новому витку будущей жизни, копят знания, пишут работы, печатают их. Теперь все делается на компьютере, в нем мы оставляем заделы — до лучших времен... Но вдруг настает момент, когда возникает необходимость «прокрутить пленку памяти» назад, что-то вспомнить... С возрастом это происходит все чаще, особенно когда уходят твои сверстники, друзья, родные и близкие...

В 1990-е гг. близким человеком в Институте российской истории РАН* для меня стала Людмила Васильевна Иванова. Сблизила нас русская усадьба. Это случилось после того, как меня пригласили в авторский коллектив книги «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XIV — XX вв.».

Л. В. Иванова была талантливым организатором Общества изучения русской усадьбы, возродившегося в 1992 г., его лидером и «душой», фактически вплоть до своего ухода после тяжелой болезни 12 декабря 1999 г.

Родилась Людмила Васильевна Иванова 18 июня 1928 г. в Москве. В 1947 г., окончив школу, поступила на исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Ее курс состоял из недавних демобилизованных и тех, кто только окончил школу. Послевоенному поколению историков предстояло определить направления и уровень отечественной исторической науки в России во второй половине XX в., впитывая замечательные традиции ученых дореволюционной школы и то лучшее, что дали историки-марксисты 1920-х гг. Этот курс впоследствии дал созвездие творческих личностей, организаторов исторической науки и культуры в стране. В сороковые годы это были студенты — Натан Эйдельман, Николай Покровский, Иван Ковальченко, Ярослав Шапов и многие другие. В их число по праву входит и Людмила Иванова, которая своим энтузиазмом и бес-

* Бывший Институт истории СССР АН СССР.

А. И. Фролов, М. А. Полякова, Н. А. Филиппова, Л. В. Иванова, М. В. Нащокина, С. Б. Ткаченко в Российском фонде культуры на юбилейном вечере, посвященном 70-летию Л. В. Ивановой

корыстной деятельностью в области краеведения внесла свой вклад в возрождение и формирование междисциплинарного научного направления одной из его отраслей – в «усадьбоведение» – после десятилетий его забвения.

Стройная, миловидная, небольшого роста шатенка с пушистыми волосами, скромно одетая, с характерно поднятыми бровями «домиком» и внимательно изучавшим собеседника взглядом серых глаз. Это и про нее: «она была нетороплива, не холодна, не говорлива, без взора наглого для всех, без притязаний на успех...» Удивительно, но такой внешний облик совмещался с чертами лидера, которые всегда проступали в ней и воспринимались положительно. В студенческие годы – «на картошке» в Красновидове, на строительстве нового университета на Воробьевых горах – она была в первых рядах комсомольских организаторов.

Окончив с отличием истфак в 1952 г., Людмила Иванова не захотела стать конкурентом однокурсникам, бывшим фронтовикам, претендовавшим на аспирантуру (мест на факультете всегда было мало). Попросила распределительную комиссию направить ее на работу учителем средней школы в российскую глубинку. Честно отработала два года в пос. Изварино Краснодонского района Ворошиловградской области, окутанном романтикой подвига «Молодой гвардии».

Дальнейший ее жизненный путь вместил несколько ступеней, прежде чем она целиком отдала себя московскому краеведению и истории русской усадьбы. В 1954 г., вернувшись с чувством исполненного долга в Москву, она сдала экзамены в аспирантуру туда же – на исторический факультет МГУ. В руководители диссертации выбрала замечательного человека, обладавшего огромной эрудицией, одного из корифеев советской исторической науки – Е. Н. Городецкого. Ее привлекла история становления советской культуры в 1920-е гг. Это направление научной работы она фактически выбрала сразу и навсегда. Тема диссертации была еще очень далека от истории русской усадьбы и звучала так: «Развитие советской исторической науки в 1917–1929 гг. Подготовка кадров историков-марксистов».

Из-за менявшейся в середине 1950-х гг. обстановки в обществе с разработкой темы и поиском источников возникали большие трудности. Многие дела в архивах были «засекречены» после репрессивного катка, который в 1930-е гг. прошелся по исторической науке, не пощадив и историков-марксистов. «Рассекречивание» документов шло медленно. Завершить диссертацию Л. В. Ивановой удалось только через семь лет после окончания аспирантуры и без отрыва от основной работы. С 1957 по 1962 гг. она успешно работала научным редактором серьезного издательства «Политиздат», участвовала в выпуске биографий видных деятелей партии и советского государства, как правило, отражавших их дореволюционное прошлое. Но после XX съезда КПСС многое стало меняться. По-новому раскрывались человеческие судьбы, и сама история после многих десятилетий ее обезличивания стала наполняться вниманием к другим историческим персонажам. В поле зрения Людмилы Васильевны оказывались теперь не только партийные лидеры и революционеры, но и многие представители российской интеллигенции. Приоткрылись и стали доступнее некоторые фонды в архивах.

В 1962 г. Л. В. Иванова по совету Е. Н. Городецкого перешла на работу в Институт истории СССР при Академии Наук и в 1964 г. защитила кандидатскую диссертацию об историках-марксистах. На новой работе она вошла в число сотрудников Научного совета «История исторической науки в СССР» при Отделении истории АН СССР, которым руководила академик М. В. Нечкина. Людмила Васильевна очень уважала Милицу Васильевну, восхищалась масштабом ее личности, которым невозможно было не восхищаться, ее писательским мастерством и считала своим учителем. Иванова вошла в этот сильный научный коллектив, занятый написанием «Очерков по истории исторической науки в СССР», стала автором разделов о создании научно-исторических учреждений в СССР¹. В те же 1970–1980-е гг. она успешно работала как автор-составитель и член редколлегии

над многотомными трудами хроники «Культурная жизнь в СССР. 1917–1977», над документами и материалами для книг по «Истории культурного строительства в СССР», перейдя в центр по изучению отечественной культуры.

Огромное число исторических источников раскрывало перед ней не только биографии историков партии, но и картины подвижнического труда дореволюционной интеллигенции, оказавшейся в условиях Советского государства. Работая в архивах, Людмила Васильевна прикоснулась к судьбам многих ее представителей 1920-х гг. Впоследствии она вспоминала, что буквально «ужаснулась» тому, что с репрессиями деятелей ОИРУ в России исчезали целые направления в области культуры. Именно тогда у нее, внешне всегда сдержанной, стала проявляться внутренняя тревожность, по-своему присущая каждому интеллигентному человеку. В ее размышлениях судьбы людей, которые занимались культурными памятниками России вообще и сохранением русской усадьбы в частности, приобрели символическое значение. Это послужило толчком к тому, что история русской усадьбы, вплетенная в просветительскую деятельность, скоро стала главной в культурологических изысканиях Л. В. Ивановой.

В 1980 г. вышла ее монография «Формирование советской научной интеллигенции. 1917–1927 гг.», концептуальные положения которой соответствовали тому времени. Выход книги был встречен положительными рецензиями в России и за рубежом (Чехословакия, США). Завершающим этапом в разработке темы стала докторская диссертация, которую Иванова защитила в 1983 г. В ее основе лежала вышеупомянутая книга, дополненная новыми, впервые вводимыми в научный оборот архивными материалами. В диссертации акцент переносился с методологических основ формирования интеллигенции на ее лучших представителей, замечен был долг памяти и уважения к предшественникам.

И все же, живая и энергичная, Людмила Васильевна не могла оставаться кабинетным ученым. К этому времени ее работа над плановыми темами в Институте истории уже не один год успешно совмещалась с другим занятием. Будучи москвичкой по рождению, она любила свой город, его улицы и переулки в центре и в Замоскворечье, районы старого Арбата, Покровского-Стрешнева и других бывших пригородов Москвы, ее сады и скверы, замечательную неповторимую архитектуру прошлого, лучшие образцы советского зодчества. В конце 1970-х гг. у нее появилось увлечение, сделавшее ее через несколько лет признанным краеведом. Началось все с организации экскурсий по Москве и Подмоскovie для сотрудников Института истории. Как профессиональный экскурсовод она умела заинтересовать слушателей судьбами архитектурных шедевров, прошлой жизнью их владельцев. Число участников ее импровизированных

экскурсий росло. В Институте истории среди объявлений о научных заседаниях сотрудники ждали известий, когда и куда состоится очередная экскурсия Л. В. Ивановой. На них приходили семьями, на улицах к ним присоединялись незнакомые люди.

Прогулки по городу с Людмилой Васильевной, к которым она тщательно готовилась, поражали doskonaльным знанием топографии Москвы, истории памятников культуры, биографий людей, которые были хозяевами или просто гостями московских особнячков и усадеб. Некоторые из таких рассказов легли в основу написанных ею поэтических очерков о памятных местах столицы — о Пашковом доме, Столешниковом переулке, Сухаревой башне и о многом другом. В числе их был яркий рассказ о купце Н. А. Найдёнове. Людмилу Васильевну особенно привлек этот незаурядный человек, столь же сильно любивший Москву, тративший огромные средства на сохранение памятников, издавший 14 уникальных фотоальбомов с изображениями более 700 видов многочисленных соборов, храмов, памятников городского зодчества. Позднее она написала не одну статью о Найдёнове²; с него начались поиски ею потомков владельцев московских и подмосковных усадебных домов, принадлежавших купеческому сословию.

С каждым годом Л. В. Иванова увеличивала число маршрутов в подмосковные усадьбы. Ее все более захватывали проблемы региональной истории и краеведения, занимала нерешенная советской властью проблема сохранения культурного наследия, поскольку водимые ею экскурсии сталкивались с ужасной заброшенностью этого огромного пласта русской культуры. С присущей ей энергией она стала мечтать в кругу друзей и единомышленников о сплочении ученых, искусствоведов, архитекторов, историков в единый организационный центр по образцу ОИРУ 1920-х гг. для продолжения его деятельности в области русской усадьбы.

Это совпадало с уже начавшимся возрождением краеведения после его разгрома на рубеже 1920–1930-х гг. под флагом «вскрытия классово-природы культуры». Ведь тогда почти перестала издаваться и литература о русских усадьбах. Восстановление краеведения происходило под началом ныне здравствующего академика С. О. Шмидта — замечательного ученого, ставшего председателем Союза краеведов России и собравшего вокруг себя инициативную группу историков-краеведов (В. Ф. Козлов и другие). Неотъемлемость усадебоведения (кстати, этот термин вошел в оборот в 1920-е гг. благодаря первому председателю ОИРУ В. В. Згуре) от краеведения была очевидной. Краеведение особенно нуждалось в профессиональных историках-методистах. Естественно, Л. В. Иванова с ее организаторскими способностями развернула вместе с другими краеведами энергичную борьбу с московскими властями в лице замшелых

чиновников-бюрократов за широкую популяризацию всего того, что могло быть связано с краеведением.

В. Ф. Козлов уже отмечал вклад Ивановой в краеведение и москвоведение³. Действительно, вместе с подобными ей энтузиастами Людмила Васильевна внесла немалую лепту в развитие этого важного направления культуры, привнося ценные идеи по ходу работы общества. После семинара-совещания Московского краеведческого общества, созданного Московским фондом культуры в мае 1989 г., она активно включилась в начавшуюся работу по учету краеведческих сил путем сплошного анкетирования, в издание библиографии по истории города, публикации источников – основ для научного и систематического исследования истории Москвы. В том, что было задумано в области краеведения, она видела нерасторжимую связь с возрождением и усадебоведения. Несмотря на загруженность плановой работой в Институте истории, она активно сотрудничала с различными научными и краеведческими учреждениями, организациями и издательствами, как автор статей участвовала в сборниках «Краеведы Москвы».

Экскурсионная деятельность Людмилы Васильевны стала дополняться лекционной работой по краеведческими проблемам в московских библиотеках. Ее выступления как увлеченного человека, глубокие по содержанию, простые и четкие по форме, привлекали большое число слушателей разных возрастов. На них все больше приходило молодежи. Это отмечала и московская печать, в частности – «Вечерняя Москва»⁴. На подъеме своей деятельности в области краеведения она избирается членом президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, входит в состав его экспертных комиссий и экспертных советов по москвоведению, в том числе в Комиссию по наименованию московских улиц при правительстве Москвы. Вместе с коллегами настойчиво требует уважительного отношения и вдумчивого подхода к старым топографическим названиям площадей, улиц и переулков Москвы, и к их переименованиям, часто вовсе не требовавшимся. Она могла гордиться тем, что лично не мало сделала для восстановления исторически оправданных названий улиц и площадей к 850-летию Москвы. Во имя сохранения имен замечательных деятелей культуры Л. В. Иванова уделяла особое внимание некрополю, выступала на эту тему с докладом в обществе «Старая Москва» и на конференции «Московский некрополь. Археология. История. Охрана», сравнивала с положением дел за рубежом⁵.

Все это мне стало хорошо известно после того, когда моя семья стала часто общаться с Людмилой Васильевной. Меня и моего мужа, Льва Никитича Пушкарёва, тоже сотрудника тогда еще Института истории СССР, привлекали ее увлеченность культурологической

работой, ее замечательные рассказы о памятниках культуры. Тогда ее заинтересовала книга Л. Н. Пушкарёва «Классификация источников». Когда она стала вплотную заниматься русской усадьбой, в ее адрес хлынул поток разнообразных статей и писем об усадьбах со всех концов России – документальных, иконографических, литературных материалов, основанных на дневниках, мемуарах, письмах, записках, современные описания русских усадеб одновременно с жалобами на запущенность старых усадебных комплексов. Иванова хотела упорядочить («классифицировать») весь этот материал, представить усадьбы как совокупность материальных источников и по возможности продолжить традиции систематического изучения русской усадьбы, заложенных ОИРУ 1920-х гг. Она считала, что, вникая в историю усадьбы, необходимо совершенствовать знания по истории архитектуры, живописи, интерьера, театра, садово-паркового искусства.

Всех, кто ее окружал, она стремилась привлечь к истории русской усадьбы еще до того, как возродилось ОИРУ, и особенно после его восстановления. Помню, когда Л. Н. Пушкарёв перешел в Центр изучения отечественной культуры, где работала Людмила Васильевна, она тут же привлекла его к переизданию книги И. Е. Забелина «Кунцево». Он выполнил ее просьбу – написал вводную статью, снабдил комментариями, но, то ли из-за болезни Ивановой, то ли по другим обстоятельствам, это издание не состоялось.

Для нашей небольшой семьи всегда было радостью общение с Людмилой Васильевной во время пеших и лыжных прогулок в зимние школьные каникулы в Звенигородском пансионате АН СССР «Мозжинка», где мы отдыхали с дочерью, студенткой истфака МГУ. В те времена мы «проговорили» много разных тем, связанных и с краеведением, с историей русской усадьбы, и с изменением в начале 1990-х гг. отношения к историкам «советского общества», работы которых стали подвергаться критике после распада СССР. Затрагивался вопрос о моральном праве критиковать ученых, которые писали в другое время, но делали это искренне и были честными людьми. Л. В. Иванова с присущей ей глубокой интеллигентностью была принципиальной и даже щепетильной в переоценке ценностей прошлой советской науки.

Много интересного Людмила Алексеевна рассказывала о двадцатых-тридцатых годах – об известных ей, но забытых обществом историках, деятелях науки и культуры, подвергшихся гонениям и репрессиям. До «перестройки» писать о них с целью публикации было невозможно. В архивах приходилось многое просто «брать на заметку для лучших времен». Большинство ее рассказов касалось судеб «усадбоведа» 1920-х гг., которые, благодаря энергии молодого талантливого искусствоведа В. В. Згуры, после революционных бурь и гражданской войны в 1922 г. пытались сбересть русскую усадьбу как

образ культуры, сплотивший многих именитых ученых, архитекторов, историков. Собственно, всё это вскоре вошло в ее большую статью о В. В. Згуре, опубликованную в 1991 г. в сборнике «Краеведы Москвы»⁶. Подробно она рассказывала и о тех, кто его окружал, и кого постигла участь репрессированных, погибших в ссылках. Это было, конечно, трагедией для общероссийской культуры, как и насильственное пресечение деятельности ОИРУ в 1931 г. после ареста его тогдашнего председателя А. Н. Греча (он сменил Згuru после трагической гибели последнего при невыясненных обстоятельствах в 1927 г.). Впоследствии о вкладе этой группы усадебоведов в изучение русской усадьбы, а также о трагических судьбах других членах ОИРУ — о заключении в Соловецком лагере и гибели многих из них — Людмила Васильевна написала в других статьях⁷. От нее мы узнали, что в свое время была идея создания специального Института русской усадьбы, который должен был по плану научно-исследовательской работы централизованно вести сбор документальных и иконографических материалов по русским усадьбам.

Л. В. Иванова оказалась среди первых краеведов, кто начал разрушать возведенную вокруг старого ОИРУ стену молчания. Ведь даже оставшиеся на свободе его участники долгие годы боялись вспоминать об этом обществе. Невозможно было найти концы оставшихся свидетельств о работе ОИРУ. Пропала при арестах часть богатейшего архива о русских усадьбах, собиравшаяся годами картотека, хранившаяся у члена общества Ю. Б. Шмарова. Из бесед с Людмилой Васильевной можно было заключить о ее постоянных поисках возможного продолжения работы ОИРУ. Вокруг нее уже складывалась группа единомышленников, собиравших материалы и книги по истории русской усадьбы, были находки в зарубежных библиотеках. Вместе с ней на рубеже 1980–1990-х гг. мы посетили ряд усадеб Звенигородского района Московской области. Многие из них, в том числе пушкинское Захарово, находились в плачевном состоянии.

Диапазон просветительской деятельности Л. В. Ивановой был по-прежнему широк, но в центре все чаще оказывалась русская усадьба. Теперь во время экскурсий она буквально жила в прошлом, переноса слушателей в тенистые чащи деревьев, через которые проглядывали белые дома с колоннами. Она рассказывала об интерьерах усадебных домов, о кабинетах-библиотеках, о картинах и коллекциях, собранных владельцами усадеб, а также об «экономиях» — образцовых приусадебных хозяйствах. В ее лекциях обращалось внимание на разнообразие растительности в приусадебных парках, на общую культуру ландшафта, гармоничную русской природе. Русские усадьбы становились главным делом ее жизни. Из 150 опубликованных ею работ по истории культурного прошлого

России 40 посвящены русской и, прежде всего, дворянской усадьбе!⁸ Это статьи о многоплановости и значении усадебной культуры как неразрывной части нашей отечественной российской культуры: «Дворянская усадьба — исторический и культурный феномен», «Русская усадьба и изучение историко-культурного наследия российской провинции», предисловия к пяти выпускам сборников ОИРУ «Русская усадьба» и книгам «Мир русской усадьбы», «Русская усадьба на страницах журналов „Старые годы“ и „Столица и усадьба“», к сборнику «Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы», а также статьи о родовых гнездах Самариных, Воронцовых, Мусиных-Пушкиных и других представителей известных фамилий, оставивших глубокий след в русской культуре. В них автор раскрыла удивительную жизнённость, общественную необходимость русской усадебной культуры, ее столетние традиции, самоценность усадебного быта. Людмила Васильевна всегда подчеркивала влияние особой усадебной атмосферы на духовность русской провинции, на формирование именно в ней выдающихся представителей прошлого России.

Всегда неторопливая в делах, сдержанная в поведении и общении, однако, тонко чувствовавшая людей, собранная и целеустремленная, Людмила Васильевна умело форсировала работу в области усадебоведения и многое успела сделать. Отношение ее к русской усадьбе было отношением историка-профессионала, который в понятие культурологи вкладывал историю природы и людей в системе общества и общественных отношений. Усадьба в ее устных выступлениях и статьях с самого начала предстает как ключевой элемент градостроительства, архитектуры и искусства русской провинции, как выражение передовых художественных вкусов своего времени и идейных устремлений общества, как проявление ярко выраженного личностного начала многих владельцев усадеб в создании своеобразной усадебной культуры.

Высокую планку изучения русской усадьбы Л. В. Иванова стремилась передать возможно более широким кругам российского общества, как бы начавшего новый отсчет в начале 1990-х гг. Она наивно, конечно, полагала тогда, что наступившая «демократизация общества стала одной из причин нашего обращения к глубинным проблемам национальной русской культуры», — позднее это было опубликовано. «На протяжении двух по крайней мере веков усадьба представляла культуру просвещенных кругов российского дворянства, а позднее и буржуазии, купечества, интеллигенции. Здесь рождался синтез культуры города (столиц, губернских городов) и культуры собственно провинции. Русская усадьба — еще не исчерпанная сокровищница памятников искусства и непревзойденного мастерств»⁹.

Помню, встретив меня в Институте истории в октябре 1991 г., Иванова очень радовалась тому, что представители многих московских

научных, учебных и издательских центров единодушно высказалось за возрождение Общества изучения русской усадьбы. В этом была и немалая ее заслуга. Вместе с единомышленниками ей приходилось преодолевать большие трудности, сопротивление московских «чиновников от культуры», которых продолжали пугать призраки «разгромленных пролетарской революцией классовых противников – помещиков-дворян». В начале 1990-х гг. дело доходило до запрещения выставок о быте русской усадьбы в Государственном историческом музее, а предполагаемое в его помещении собрание приверженцев русской усадьбы было полулегально перенесено в Музей декабристов на Старую Басманную, где директором был муж одной из сотрудниц Института истории. Именно тогда, в программном выступлении этого собрания (примерный текст его был напечатан в 1994 г. в первом выпуске сборника уже возрожденного ОИРУ¹⁰), Л. В. Иванова специально подчеркнула, что уже целое столетие научную и художественную общественность волнуют судьбы русской усадьбы – этот «мощный пласт отечественной культуры». Но в условиях складывающегося рынка и новых отношений собственности становится особенно актуальным возрождение ОИРУ для объединения усилий по защите русской усадебной культуры. Речь идет, говорила она, именно о традициях, о «возрождении», «воссоздании» как о долге памяти и уважении к предшественникам. «Ничто так не опасно для культуры, – подчеркивала она, – как отказ от плодотворных традиций, от преемственности в развитии науки и общественных начинаний. В деятельности ОИРУ 1920-х годов эрудиция и знание русской дореволюционной интеллигенции в области усадебной культуры органично слились с активной позицией молодого поколения, его энтузиазмом. В итоге, в опыте ОИРУ оказались предвосхищенными многие основные методологические и практические подходы к делу систематического изучения русской усадьбы, разъяснения и пропаганды исторического и художественного значения всех элементов усадебной культуры. <...> Все это делалось в условиях, – особо отметила Людмила Васильевна, – когда официальные власти страны видели в усадьбах только материальные признаки быта разгромленных пролетарской революцией классовых противников»¹¹.

Как идею, так и реализацию воссоздания ОИРУ поддержал академик Д. С. Лихачёв. Созданный им Российский международный фонд культуры утвердил и первую программу «Возрождение русской усадьбы». Л. В. Ивановой тогда предложили возглавить Научно-общественный совет при Российском Фонде культуры, который был призван развернуть трудную работу по привлечению людей для реализации этой программы.

В апреле 1992 г., в год его 70-летнего юбилея, состоялось второе рождение Общества изучения русской усадьбы. На пост председателя Л. В. Иванова выдвинула Всеволода Петровича Выголова, видного искусствоведа, знатока усадебного зодчества (своей активностью похожого в молодости на В. В. Згуру), главного научного сотрудника Государственного института искусствознания, ученика М. А. Ильина и И. Э. Грабаря. К тому времени В. П. Выголов почти 30 лет занимался Сводом памятников художественной культуры.

Однако ввиду его занятости, а потом и состояния здоровья, Людмила Васильевна уже тогда была вынуждена взять всю организационно-практическую деятельность ОИРУ на себя, фактически выполняя функции председателя общества и становясь его бесспорным лидером. В январе 1995 г., после смерти В. П. Выголова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Л. В. Иванова стала Председателем ОИРУ. В значительной степени благодаря ее упорной и последовательной организационной деятельности, благодаря идущей рука об руку с ней еще небольшой, но сплоченной группы коллег, новое ОИРУ стало превращаться в деятельную и живую краеведческую организацию. В ее работе стали принимать участие ученые, в том числе историки, искусствоведы, литературоведы, архитекторы, а также художники, музыканты, географы, краеведы и музееведы, люди самых разных профессий. С первых шагов воссозданного ОИРУ Людмила Васильевна занялась популяризацией его деятельности в сборниках статей, исторических очерках, популярных изданиях. На ежегодных конференциях и просто в ходе рабочих встреч ученых, краеведов и любителей русской усадьбы обсуждались новые находки и научные теоретические проблемы, намечались первоочередные задачи и дальнейшие пути изучения русской усадьбы. Так решалась важная задача осмысления духовного потенциала неисчерпаемой сокровищницы русской культуры, которую отражала русская усадьба во все эпохи.

Такая деятельность укрепляла позиции Л. В. Ивановой как «лидера» усадебоведения, что было необходимо и для становления ОИРУ. В этом убеждаешься при знакомстве со списком ее работ и с их содержанием. Она часто выступала редактором сборников статей по русской усадьбе, в чем ей пригодился опыт работы в издательстве, ревностно следила за сохранением в числе усадебоведов всех, кто хоть раз выступил устно или в печати по усадебной теме. Вместе с тем она призывала историков, искусствоведов, литературоведов и других ученых совершенствовать методологические подходы в этом важном направлении краеведения для его утверждения в системе гуманитарных наук. Личные качества Ивановой – открытость при кажущейся внешней сдержанности, готовность помочь начинающему автору и

вместе с тем принципиальность и последовательность в конкретных начинаниях – способствовали развитию ОИРУ в организационном и в научном отношениях. Л. В. Иванова была ведущим – находясь на переднем крае научного поиска, она прогнозировала дальнейшее развитие «усадебного» направления, звала его последователей идти по этому пути далее.

Людмила Васильевна многократно и публично заявляла, что требуется установление контроля за консервацией и реставрацией усадебных памятников, продолжение их учета и паспортизации, начатой краеведами, а также критическое отношение к использованию их современными учреждениями и отдельными лицами. Сохранить то, что осталось от русской усадебной культуры, в условиях складывающегося рынка и новых отношений, противостоять безразличию к культурному наследию прошлого новых хозяев жизни, часто обезумевших от свалившегося на них богатства, можно было только усилением общественных связей ОИРУ, путем роста и сплочения его членов. За тот короткий, в общем-то, срок деятельности ОИРУ под председательством Л. В. Ивановой было немало сделано в этом направлении. Заслуга ее и в том, что она постоянно привлекала внимание общества к необходимости изыскания средств на возрождение конкретных русских усадеб как памятников культуры, прежде всего, связанных с именами выдающимися культурными деятелями прошлого. На заседаниях общества Людмила Васильевна особо выделяла деятельность местных районных властей, которые стремились приобщить население к отечественному культурному наследию через прошлое сельских дворянских и купеческих усадеб, искала в них поддержку дальнейшего сохранения усадебных комплексов.

Она понимала важность настойчивой популяризации истории усадеб и использовала для этого любую возможность – страницы газет «Вечерняя Москва», «Неделя», «Былое», «Домострой», «Деловой мир», «Культура», «Народная газета», а также научных и общественно-публицистических журналов – «Советская этнография», «Архитектура и строительство Москвы», «Отечество», «Памятники Отечества», «Наше наследие», «Дворянское собрание», «Мир и дом», «Россия и современный мир», «Культурно-просветительная работа» и др. Конференции, выставки, пять выпусков сборника «Русская усадьба», изданных ОИРУ при ее участии в 1994–1999 гг., книга «Мир русской усадьбы», сборник «Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы», историко-краеведческий альманах «Отечество» – далеко не полный перечень того, что удалось сделать в рамках уже постоянно действующего Общества.

Л. В. Иванова стремилась расширить ОИРУ за пределы Москвы и Подмосковья. Его устав предусматривал развитие контактов не только с отечественными, но и с зарубежными объединениями и частны-

ми лицами. Обратившись в другую общественную организацию – Дворянское собрание, – Л. В. Иванова сумела привлечь к истории русской усадьбы потомков владельцев усадеб, пригласив их на Голицынские чтения с участием ОИРУ. В альманахе Дворянского собрания Людмила Васильевна напечатала большую статью об историческом и культурном феномене дворянской усадьбы, подчеркнув, что она веками была «одним из трех основных исторических поселений России – город, деревня, усадьба»¹². Она подчеркивала важность привлечения в ОИРУ историков и музейных работников Украины, Крыма, Белоруссии, где также существовали усадебные комплексы. В лекциях и других публичных выступлениях Иванова не переставала говорить, что сегодня усадебные территории в первую очередь важно сохранить физически, не позволив исчезнуть тому, что осталось от комплексности русской усадьбы как архитектурно-художественного и ландшафтно-паркового целого. Очень высоко Людмила Васильевна ценила работу в этом направлении Ю. А. Веденина, члена ОИРУ, директора Научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Важно было расширить само понятие «русская сельская усадьба», и здесь немалую роль сыграло мнение Ю. А. Веденина, которое он высказал на страницах первого программного сборника «Русская усадьба», подчеркнув значимость роли усадьбы в культурном наследии России и как ее «хозяйственного центра»¹³.

Людмила Васильевна считала, что должен быть создан специальный музей русской усадьбы, в котором были бы представлены основные этапы становления и развития усадьбы, полностью и разносторонне показан вклад ее в культуру России на протяжении веков, раскрыто современное ее значение, связанное с хозяйственными, социальными и культурными задачами современного общества. Пока же творческая и живая атмосфера ОИРУ наполняла встречи любителей русской усадьбы на конференциях в Москве и Подмосковье – в Вязьмах, Остафьеве, Ногинске (Богородске), Серпухове, Переяславле-Залесском и в других городах России – Пензе, Орле, Нижнем Новгороде, Рыбинске, Михайловском (Пушкинских Горах). Наверное, всем, кто в те годы был связан с ОИРУ, запомнилось одно из последних выступлений Л. В. Ивановой на конференции в июне 1999 г., посвященной 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Это было развитие научной проблемы в изучении пушкинского наследия: мастерски используя аналитический метод в исторических науках, Людмила Васильевна не только показала отображение русской усадьбы в творчестве поэта (по этому поводу уже сказано немало Ю. М. Лотманом и другими исследователями), но и как бы заново открыла значение усадеб в жизни Пушкина: Захарова, где прошло его детство, Михайловского – воистину «приюта спокойствия, трудов и

вдохновения», а также Болдина, где он проявил себя с другой стороны, как «хороший эконо́м», владелец усадьбы, которая должна была давать средства к существованию растущей семьи.

В последней работе, опубликованной при жизни Л. В. Ивановой, — «Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России» — было показано, что через русскую усадьбу возможно выйти к глубоким истокам провинциальной российской культуры, всегда подпитывавшей культурное развитие страны. Она призывала специалистов гуманитарных наук подумать о множестве научных проблем, связанных с изучением русской усадьбы, чтобы четко определить ее место не только в отечественной, но и в мировой культуре.

Эти мысли не были случайными. Они были связаны с теоретическими обобщениями большого задуманного Людмилой Васильевной труда об усадьбе. Он явился своего рода итогом этого направления в большой творческой биографии Л. В. Ивановой. Задуманное и организационно реализованное под ее началом (в качестве ответственного редактора) первое комплексное фундаментальное историческое исследование дворянской и купеческой сельской усадьбы в России поставило и решило задачу обобщения истории сельской усадьбы, в которой на протяжении четырех веков отражались, сливаясь воедино, экономические, социальные, культурные процессы развития общества. История русской усадьбы в этом труде представлялась сквозной темой, охватывая семь веков исторического развития — с XIV века. Благодаря профессиональному историческому образованию, редактор сумел проявить свежий взгляд на изучаемый предмет. Книга должна была представить (и представила!) новые направления исследования русской усадьбы.

Вместе с сотрудниками Центра истории русской культуры Института истории РАН — доктором исторических наук Ю. А. Тихоновым, при участии доктора исторических наук Я. Е. Володарского, — Л. В. Иванова создала и сплотила работоспособный авторский коллектив, занявшийся семивековой историей русской усадьбы. Сама она стала одним из авторов завершающей главы о трагической судьбе усадеб после 1917 г. и их состоянии к середине 1990-х гг. Тогда я искренне благодарю судьбу за встречу с Людмилой Васильевной, за приобщение меня к этому делу в качестве автора главы о дворянских усадьбах пореформенного периода в истории России (до 1917 г.). Она сразу приняла мою точку зрения, что период после реформы 1861 г. стал основополагающим для новой культурной жизни как дворянских, так и купеческих усадеб, что сельская дворянская усадьба как особая экономическая и социокультурная единица в пореформенную эпоху находилась в постоянном развитии, и что 1917-й год уничтожил целый тип поселения в России.

В течение нескольких лет, пока готовилось издание, присутствуя на всех заседаниях авторского коллектива, я всегда восхищалась сочетанию в Л. В. Ивановой строгости к себе и высокой степени интеллигентности в понимании других, разумной снисходительности в отношении к авторам, если их работа укладывалась в рамки намеченного. Без всего этого не было бы книги. Будучи уже тяжело больной, Людмила Васильевна сумела довести редакторскую работу до конца: отредактировала все главы, указатели, приложения, подобрала, советуясь с авторами, иллюстрации к книге. В настоящее время изданному в 2001 г. огромному труду «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XIV–XX вв.» (50 печатных листов) нет аналога в историографии. Книга стала настольной для многих ученых в России и за рубежом. В ней впервые с надлежащей полнотой (насколько позволил собранный тогда корпус источников, в том числе архивных) было рассказано о «вечной красоте» русской усадьбы Золотого века и об огромной значимости усадебной культуры не только для российской провинции.

Особой данью памяти Л. В. Ивановой стали постоянное развитие ОИРУ, научных традиций, тех постановочных проблем, которые возникали в первые годы работы возрожденного общества, рост числа исследований по русской усадьбе. Иванова сумела создать круг исследователей-единомышленников, сплоченный любовью к русской усадьбе (М. В. Нащокина, М. А. Полякова, Л. А. Перфильева, Г. Д. Злочевский и многие другие энтузиасты-усадебоведы из разных городов). ОИРУ растет с каждым годом, благодаря неустанной деятельности продолжателей дела под председательством Ю. А. Веденина в стенах Научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Бесспорно огромен научно-организационный вклад в работу ОИРУ М. В. Нащокиной, бессменного научного и художественного редактора сборников ОИРУ «Русская усадьба» с 2000 г. Она мужественно находит средства, чтобы ежегодно представлять российскому обществу емкие фолианты «Русской усадьбы». М. В. Нащокина формирует научный коллектив ОИРУ, являя своими трудами образец научного исследования русской усадьбы историком-искусствоведом¹⁴.

За десять лет издательствами Москвы, Петербурга и других городах издано большое число книг, в которых нашла отражение усадебная тема, в том числе мемуаров. Издания, подобные книге активного члена ОИРУ А. И. Фролова¹⁵, укрепляют традиции напоминания о «месторождении» «усадебных гнезд», включая те, которые оказались стертыми с лица земли. Среди «усадебной» литературы выделяется перевод незаурядной книги американской

исследовательницы Присциллы Рузвельт¹⁶. С английским изданием книги Л. В. Иванова успела ознакомиться и организовать интересную встречу членов ОИРУ с автором. Нельзя не отметить интересную и очень полезную попытку для усадебоведения и будущих историков русской усадьбы дать историко-библиографический обзор литературы о русской усадьбе близким соратником Ивановой Г. Д. Злочевским¹⁷.

Продолжение традиций изучения русской усадебной культуры нашло отражение в сохранении «усадебоведческого» направления в исследованиях Института российской истории РАН, где работала Л. В. Иванова и где появились первые ростки усадебоведения. После выхода в свет вышеупомянутого обобщающего коллективного труда на страницах журнала Отделения исторических наук РАН «Отечественная история» состоялся круглый стол¹⁸. Было отмечено, что главы этого труда, помимо введения в оборот огромного числа источников, отвечают на многие важные методологические вопросы. В их числе один из главных, который ставился еще при создании ОИРУ, — о необходимости определения самого понятия русской усадьбы, представления ее современному обществу на новом витке исторического знания как особого типа поселения в России, где формировалась многогранная русская культура. Русская усадьба была представлена как «единый экономический и социальный организм», «хозяйственный, жилой и культурный комплекс», на чем особенно настаивала Л. В. Иванова¹⁹.

Развивая научные положения, выдвинутые в коллективном труде, основываясь на принципе историзма, Ю. А. Тихонов со всей подкупающей научной глубиной, с привлечением широкого круга материально обработанных источников исследовал внутрисемейные отношения владельцев дворянских усадеб и крепостных крестьян. (Нельзя не отметить, что эту проблему в «усадебном ракурсе» не обошла вниманием и Л. В. Иванова на примере изучения усадьбы Измалково Самариных²⁰.) Результатом научного труда Ю. А. Тихонова стала монография «Дворянская усадьба и крестьянский двор в России. XVII–XVIII вв.: существование и противостояние» (М., 2005). В ней поднята забытая сегодня тема классовых противоречий, которые накапливались веками и вызвали в конечном счете тот взрыв социального недовольства, который уничтожил русскую усадьбу. Вторая книга Ю. А. Тихонова, посвященная городской усадьбе, объемно представляет «мир вещей», свидетельствующий о жизни людей первой половины XVIII в.²¹ Поддерживаются традиции изучения русской усадьбы и диссертациями в ИРИ РАН. В 2005 г. здесь была защищена диссертация Е. Н. Савиновой, теперь опубликованная в виде книги «Сельские усадьбы московских предпринимателей. Ко-

нец XIX – начало XX вв.» (М., 2008). Еще в 1994 г. на Бахтинских чтениях Л. В. Иванова предложила деление усадеб по социальному статусу²². Проблема типологизации усадеб на основе выработанных учеными-усадебоведами критериев различных типов была развита в главах вышеупомянутого коллективного труда. Е. Н. Савинова подтвердила правильность таких подходов, сделав удачную попытку классификации различных типов предпринимательских усадеб.

Пути исследования сельской русской усадьбы, намеченные в трудах Людмилы Васильевны, продолженные в коллективном труде об усадьбе, дали возможность постановки другой не менее важной проблемы и решения ее на конкретном материале – проведения сравнения русских сельских дворянских и купеческих усадеб. Это – одна из тем кандидатской диссертации Г. А. Наумовой «Дворянские и купеческие усадьбы Подольского уезда Московской губернии в культурной жизни пореформенной России (1861–1917 гг.)» (М., 2009). В ней показано значение русской усадьбы как центра в экономическом, социальном и культурном развитии провинции в масштабах уезда. Тем самым проложен путь исследования других уездов Московской и других губерний, ведущий к постановкам новых научных проблем. В планах аспирантов Института истории значатся и другие усадебные темы: например, «Эволюция помещичьей усадьбы Кузьминки в XIX – начале XX в.» А. В. Горянова. В известной степени образцом исследования по этой теме может быть статья Ивановой о шестнадцати подмосковных усадьбах Мусиных-Пушкиных²³. В числе аспирантов числится и Н. Г. Черепанова с темой «Музеи-усадьбы Центральной России в процессе формирования культуры 20–30-х гг. XX в.», которую намечала исследовать сама Людмила Васильевна.

Подводя итоги сохранения традиций, следует сказать, что благодаря уважительному отношению к труду предшественников Л. В. Иванова и члены возрожденного в 1992 г. ОИРУ дали мощный толчок развитию нового направления в краеведении и гуманитарных науках, в котором авторские работы распределяются по разным этажам и разным комнатам возводимого «здания» усадебоведения. Но историкам еще предстоит показать, что русская усадьба, как писала Л. В. Иванова, была своеобразным сплавом культуры столиц, города, сельской провинции, что усадьбы, особенно провинциальные «культурные гнезда», имели огромное значение для развития русской культуры во все эпохи вплоть до 1917 г. Можно смело утверждать, что те процессы, которые происходят сейчас в сельской местности – исчезновение деревень и сел, – есть расплата и за то, что советская власть уничтожила сельскую усадьбу как центр экономической, социальной и культурной жизни уезда. История некоторых

сохранившихся даже в сильно урезанном виде сельских усадеб только подтверждает этот вывод.

Облик Л. В. Ивановой – ученого-историка, краеведа и усадебоведа – символизирует переключку поколений разных исторических эпох, в которых всегда находятся люди, чья любовь к родной земле проявляется в прекрасных делах, в творчестве, преданности науке. Значимость русской усадебной культуры, разгадка ее «вечной красоты» для Людмилы Васильевны состояла в том, что она «несла в себе образ России»²⁴.

Мне нравятся слова, которыми закончили статью о Л. В. Ивановой те, кто хорошо ее знал: «Усадебная тематика надолго сохранит в себе тепло, которое вложила в нее Л. В. Иванова, долгие десятилетия она будет развиваться в направлениях, глубоко осмысленных и обоснованных ею»²⁵. Лучше не скажешь! Хочется надеяться, что богатейшая история русской усадьбы будет востребована обществом в полную меру и поможет физическому и научному возрождению России в XXI веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Иванова Л. В. Институт Маркса – Энгельса – Ленина. Комиссия по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Испарт) // Очерки исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 210–225; она же. Институт красной профессуры (1921–1936 гг.) // Там же. С. 226–232; она же. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924–1929 гг.) // Там же. С. 233–237. Она же. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Очерки исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 59–71.
- 2 Иванова Л. В. Общественное служение Н. А. Найдёнова // Памятники Отечества. Вып. 5. М., 1994. С. 162–177; она же. «Издатель и писатель по старой, старой Москве». Николай Александрович Найдёнов. 1834–1905 // Краеведы Москвы. М., 1995. С. 65–83.
- 3 Козлов В. Ф. Иванова Л. В. – краевед и москвовед // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 184–187.
- 4 Авазова Ж., Горячева Н. «Город, открытый заново» // Вечерняя Москва. 16 июня 1984 г.
- 5 Иванова Л. В. История изучения московского некрополя // Москва. Некрополь: История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1992. С. 34–47.
- 6 Иванова Л. В. «Такой талантливый и такой много обещавший чело-век...» В. В. Згура (1903–1927) // Краеведы Москвы. Вып. I. М., 1991. С. 167–188.
- 7 Иванова Л. В. Русская усадьба и опыт ее изучения в 1920-е гг. // Русская провинция. Культура XVIII–XX веков. М., 1993. С. 57–61; Трагиче-

- ские судьбы членов общества изучения русской усадьбы // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 2 (18). М., 1996. С. 321–328 и др.
- 8 Список печатных трудов Л. В. Ивановой (подготовлен Лобачевой А. И., Черепановой Н. Г.) // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 340.
 - 9 Иванова Л. В. Русская усадьба и изучение историко-культурного наследия российской провинции // Русская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни. Материалы конференции в Пензе по программе «Культура российской провинции». Пенза, 1995. С. 42–44.
 - 10 Иванова Л. В. Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения. Русская усадьба. Вып. 1 (17). М. – Рыбинск, 1994. С. 5–6.
 - 11 Там же. С. 5.
 - 12 Иванова Л. В. Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1994. С. 149–165.
 - 13 Веденин Ю. А. Усадебные и дворцово-парковые комплексы в системе заповедных исторических ландшафтов // Русская усадьба. Вып. 1 (17). М. – Рыбинск, 1994. С. 36.
 - 14 Нащокина М. В. Русская усадьба Серебряного века. М., 2007; она же. Русские сады. Кн. 1–2. М., 2007.
 - 15 Флоров А. И. Усадьбы Подмосковья. М., 2003.
 - 16 Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории. СПб., 2008.
 - 17 Злочевский Г. Д. Русская усадьба. Историко-библиографический обзор литературы (1787–1992). М., 2003.
 - 18 «Круглый стол». Русская усадьба и ее судьбы // Отечественная история. 2002. № 5. С. 133–159.
 - 19 Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XIV–XX вв. М., 2001. С. 400–401.
 - 20 Иванова Л. А. Измалково // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1993. С. 108–114.
 - 21 Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах садового дворянства (по новым источникам второй половины XVIII века). М., 2008.
 - 22 Иванова Л. В. Усадьба в истории центральной России: прошлое и современность // Бахтинские чтения. Орел, 1994. С. 255–265.
 - 23 Иванова Л. В. Подмосковные усадьбы Мусиных-Пушкиных в истории России // Мусины-Пушкины в истории России: к 250-летию со дня рождения А. И. Мусина-Пушкина. Рыбинск. С. 139–150.
 - 24 Иванова Л. В. Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. М., 1994. С. 165.
 - 25 Коротких К. Е., Нащокина М. В., Фролов А. И. Памяти председателя ОИРУ // Русская усадьба. Вып. 6 (22). М., 2000. С. 533.

Е. Л. Александрова, М. В. Нащокина

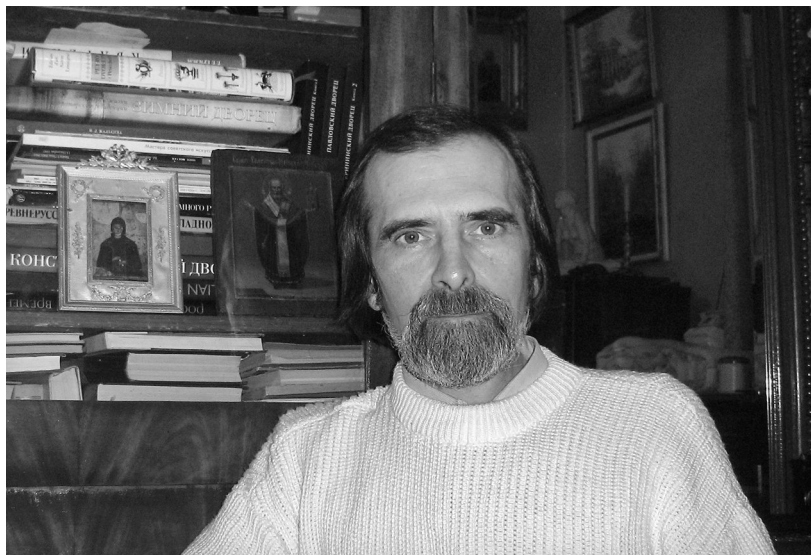
ПАМЯТИ А. А. ШМЕЛЁВА

1956–2010

Двадцать восьмого марта 2010 г. ушел из жизни кандидат искусствоведения Алексей Алексеевич Шмелёв, активный автор сборника «Русская усадьба», опубликовавший несколько ярких статей, посвященных усадебному наследию Санкт-Петербурга.

Он родился 4 августа 1956 г. в Ленинграде, где окончил среднюю школу. Высшее образование получил на лечебном факультете Ленинградского педиатрического медицинского института, который успешно окончил в 1979 г., после чего 11 лет проработал по полученной специальности врачом-психиатром.

С 1991 г. Алексей Алексеевич, увлекшись стариной и историей родного края, стал заниматься деревообработкой, реставрацией антикварной мебели, художественной отделкой помещений. Чтобы заниматься новым делом профессионально, в 1997 г. поступил в Академию художеств. Окончив ее в 2001 г., он поступил в аспирантуру на кафедру искусствоведения факультета теории и истории искусств. Под руководством профессора В. Н. Батажковой стал заниматься особенностями интерьера дворянских усадебных домов. Восстанавливая по крупницам истории петербургских усадеб, он изучал архивы Санкт-Петербурга и Москвы, бывал во многих заброшенных имениях, по сохранившимся деталям, порой буквально чудом, открывал любопытные особенности внутреннего устройства и декоративного убранства усадеб. Результаты этих многолетних исследований легли в основу защищенной им в 2009 г. кандидатской диссертации «Архитектура и интерьер усадебных домов эпохи классицизма на примере сохранившихся памятников Ленинградской области» и нашли отражение в более чем двадцати научных и научно-популярных статьях, в том числе, опубликованных в сборниках «Русская усадьба» и журнале «Медицина XXI век»¹. Как автора научных трудов его отличали тщательный подход к анализу материала, ясный и логичный стиль изложения. Он не жалел ни времени, ни сил на поиск аргументов и исторических фактов, отстаивая порой самые неожиданные точки зрения. Блестящий полемист, великолепный

собеседник, энциклопедически образованный ученый, он щедро делился своими идеями, показывая новые пути научного поиска и заражая энтузиазмом других.

А. А. Шмелёв не раз принимал участие в подготовке радио- и телевизионных передач, посвященных Елагинскому дворцу, Шуваловскому имению в Парголово, Демидовской усадьбе в Тайцах, ансамблям города Пушкина и другим малоизученным местам Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Прекрасно зная историю и культуру России, он подготовил талантливые сценарии для программ «Искатели» (1-й канал) и «Легенды Царского Села» (канал «Культура»). Лично принял участие в съемках многих передач.

А. А. Шмелёв остро чувствовал новизну той или иной историко-культурной проблемы и всегда пытался докопаться до самой сути изучаемого, объяснить то, что ранее ускользало от профессионального взгляда других исследователей. Присущие ему скрупулезность и знаточество, столь необходимые в работе реставратора и приведшие к любопытным находкам на ниве истории архитектуры, в последние годы естественным образом привели его к увлекательной, полной загадок и тайн теме русских масонских усадеб. Успешно используя популярный с 1980–1990-х гг. семантический подход к материалу усадебных садов и парков, а также профессиональные знания по химии и медицине, он сумел сделать важные находки и выдвинуть

оригинальные гипотезы по трактовке масонских сооружений и ритуалов, проводившихся владельцами многих русских дворянских имений XVIII–XIX вв. Глубоко погружившись в этот материал, до сих пор почти неизвестный даже профессионалам, он фактически нашел свою тему в науке, которая со временем могла вылиться в серьезный обобщающий труд. Очень жалко, что этому не суждено было осуществиться.

Всех, знавших А. А. Шмелёва, поражал масштаб его личности. Он был глубоко образованным человеком, знатоком музыки, литературы, живописи, которой он серьезно занимался. Посещая усадьбы, он делал зарисовки или фотографировал приглянувшиеся уголки, а затем на их основе писал картины, в которых пытался передать дух ушедшей жизни. Сам он писал о себе так: «А вот в живопись путь мой оказался долгим. В конце концов, стал искусствоведом: закончил нашу питерскую Академию художеств. Во время учебы встретил замечательного преподавателя – Лидию Сергеевну Давыденкову. Она сказала мне: „Рисуйте, Алексей, вы – художник!“ С тех пор и рисую. Меня влечет музыка нашей северной природы, ее строгая гармоничная красота. Предки наши, поверьте, понимали эту красоту и ценили ее куда больше, чем мы, живущие в XXI веке. Не только просвещенному дворянину, но и простому русскому крестьянину всегда было свойственно тонкое и глубокое понимание этой красоты. Как обидно, что сейчас мы это понимание теряем. Созданная Великим Творцом природа – это всегда свет, радость, ощущение праздника. Каждый из нас – только песчинка, крошечная частичка этого громадного удивительного мира. То, что я рисую, – всего лишь робкая попытка передать ту благодать, то живое трепетание переменчивых красок, которое нас окружает. К сожалению, в настоящее время традиционная реалистическая живопись мало популярна. Мне не хочется идти этим путем – живописью цветowych пятен, абстрактной, беспредметной. Не пугаясь обвинений в непрофессионализме, в подражательстве старым работам, я рисую ажурную листву, травинки – все детали, которые кажутся мне просто необходимыми. Насколько успешны мои попытки – судить вам...»²

Алексей Алексеевич Шмелёв был исключительно порядочным и светлым человеком, очень любил семью – жену, сына и маленького внука. Ум, обаяние и такт притягивали к нему людей, а интеллектуальная щедрость, эрудиция и чувство юмора никого не оставляли равнодушным. Внимательный и душевно чуткий, он был готов понять и прийти на помощь другим даже в самое трудное для него время – ценил жизнь и во всём стремился найти смысл и обрести радость бытия.

Хочется верить, что дело Алексея Алексеевича продолжит его сын Александр, студент Академии художеств, также реставратор, с детских лет путешествовавший с ним по бывшим имениям и учившийся у отца...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Усадьба бедного дворянина в русской литературе XIX века; Орнаментальные росписи Кавалерского дома в усадьбе Гостилицы; Поэзия Баболовского дворца; Скрытый смысл комнаты-ротонды бывшего дворца Безбородко; Неизвестное Наумово; Русская усадьба 1710–1760-х годов. Архитектура. Интерьер; «Говорящая архитектура» Росси в философском саду Елагина; Усадьба среднего дворянина в русской литературе XIX века; Философия золотого века в архитектуре. Усадьба Тайцы; Под знаком Розы и Креста. Поиски панацеи в России; Убегающая Аталанта: поиски панацеи, и другие.
- А. А. Шмелёв также активно участвовал в работе по созданию энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга», написав по просьбе редколлегии статьи «Полюстрово» (Т. II. XIX век. Кн. 5. СПб., 2006), «Тайцы» (Т. II. XIX век. Кн. 6. СПб., 2008).
- 2 В Петербурге с работами Алексея Алексеевича можно было познакомиться на персональной выставке живописи в галерее Михайлова, а также на выставках: «Малая родина», «Мой район», «Памяти предков», «Пока не погибла усадьба».

А. Г. Агамалян

ПАМЯТИ В. И. СЫСОВЕВА

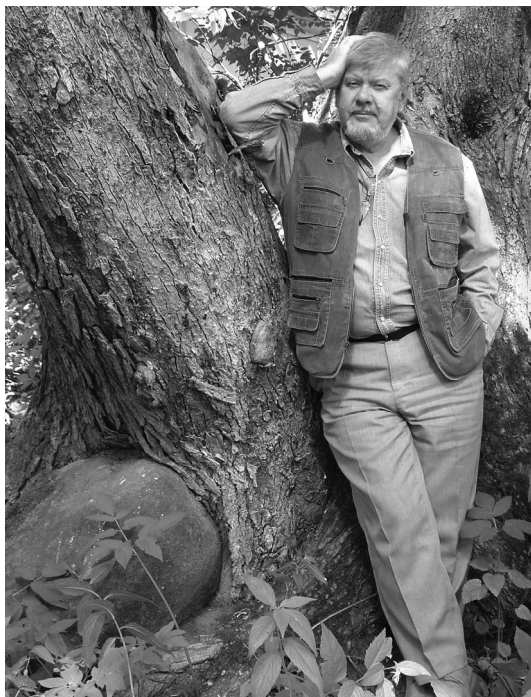
1947–2010

ТРЕТЬЕГО января 2010 г. ушел из жизни Владимир Иванович Сысоев*. Определить сферу его деятельности одним словом трудно. Краевед, реставратор, историк, писатель, меценат, общественный деятель – это всё о нем. Как обычно, когда речь заходит о человеке, которого знаешь близко и много лет, все определения кажутся недостаточными, не отражающими сущности. С Владимиром Ивановичем я познакомилась в 2000 г. во время летней поездки ОИРУ в Тверь и Прямухино Бакуниных. Председатель недавно созданного им Бакунинского фонда (1999), он показывал нам усадьбу, в реставрации которой принимал самое деятельное участие. Возрождение Прямухина он сделал целью своей жизни. Тогда казалось, что она достижима. Красочный буклет – его первое печатное слово – намечал перспективу.

Ему удалось очень многое. Говоря его словами, «судьба одарила его великим счастьем» близкого, каждодневного общения с давно ушедшими людьми, память о которых делает их бессмертными. В их бессмертие он внес свою лепту. Он написал и издал замечательную книгу «Бакунины» (2002), своеобразную энциклопедию рода, впервые собрав под одной обложкой многочисленные сведения о семье, включив Прямухино в потрясающий по масштабам культурный контекст и, тем самым, в список самых значительных дворянских гнезд России.

Сысоев работал очень интенсивно. Его архивные разыскания приносили замечательные плоды. В течение трех лет Владимир Иванович

* В. И. Сысоев (14 августа 1947–3 января 2010) по образованию инженер-гидротехник, реставратор-строитель, занимавшийся восстановлением многих архитектурных памятников в Тверской области, заместитель председателя Тверского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Был инициатором восстановления родовой усадьбы Бакуниных Прямухино и организатором Бакунинского фонда (1999), объединившего многочисленных потомков этого известного российского дворянского рода. – *Примеч. ред.*

написал еще три книги о представителях рода Бакуниных: «Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин» (2004), «Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина» (2005), «Поэта первая любовь» о Екатерине Павловне Бакуниной (2006). В портфеле осталась незавершенная книга об участнице обороны Севастополя, сестре милосердия Екатерине Михайловне Бакуниной.

В 2009 г. вышла книга, которая давалась ему особенно тяжело. Как опасно прикасаться к имени Пушкина, знают все краеведы и начинающие историки. Сысоев рискнул. Книга «Анна Керн. Жизнь во имя любви» вышла в серии ЖЗЛ уже в двух изданиях. Петербургское издательство «Вита Нова» готовит третье.

Твердость убеждений, вера в безусловную правоту начатого дела и столь необходимые деловые качества были залогом его успеха. Он был очень успешен, несмотря на порой кажущуюся простоту и неторопливость. Его книги собрали солидный урожай премий; он был членом Координационного совета Тверского областного краеведческого общества, членом Тверского историко-генеалогического

общества и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в 2009 г. стал заместителем председателя Тверского областного отделения ВООПИиК.

То, что сделано в Прямухине – тоже результат его усилий. В эту усадьбу он вложил всё: труд, средства, ум и страсть. В 2003 г. в Прямухине его стараниями, наконец, открылся музей Бакуниных: он убеждал чиновников, искал деньги, собирал экспонаты, оформлял экспозицию...

Его энергии хватало на ежегодные праздники в усадьбе, книжки «Прямухинских чтений», статьи и публикации в журналах, альманахах, сборниках. Он собирал материалы о тверских дворянских фамилиях, почти завершена была книга «Полторацкие». Папки на его рабочем столе хранят многие замыслы. Как-то он заметил, что занятия историей изменили его взгляд на мир: «Я как будто туда забрался на ступеньку вверх и смотрю на нашу жизнь происходящую...». На ступеньку вверх – значит, ближе к вечности.

В Прямухинском парке Владимир Иванович Сысоев вырастил новое дерево – могучее генеалогическое древо Бакуниных. Под ним он собрал и объединил многочисленных потомков этого рода. А в Прямухинском музее построил дом Бакуниных, каким он хотел и надеялся его увидеть. Дом стоит на столе. В окнах его иногда горит свет.

Светлая память Владимиру Ивановичу Сысоеву!

ХРОНИКА ОИРУ* 2009–2010

1 февраля 2009 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ по окрестностям Нового Иерусалима. Первым пунктом маршрута была Благовещенская церковь в с. Павловская Слобода (1661–1663 гг.), построенная по заказу боярина Б. И. Морозова. На территории памятника XVII в. сейчас возводится комплекс приходских построек, стилизованный под архитектуру XVI–XVII вв. Затем был осмотрен недавно отреставрированный ансамбль Борисоглебского монастыря (нач. XIX в.) в с. Аносине, Крестовоздвиженская церковь в с. Дарна (1895 г., арх. С. В. Шервуд) и вяло реставрируемая уже много лет Казанская церковь в с. Полевшино (1694 г.). Завершилась поездка осмотром ансамбля Ново-Иерусалимского монастыря и экскурсией по расположенному на его территории художественному музею, в котором собрана богатая коллекция предметов искусства из подмосковных дворянских усадеб.

Организаторы: А. В. Слѣзкин, Д. Э. Заварюхина, Н. В. Ром.

22 февраля 2009 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ в подмосковный город Дмитров и его окрестности. Участники осмотрели церковь Рождества Богородицы в с. Рождествено-Суворово, принадлежавшем с 1773 по 1852 г. Суворовым. В церкви сохранилась могила В. И. Суворова, отца полководца. Затем члены ОИРУ осмотрели еще один памятник допетровской архитектуры – Никольскую церковь в с. Батюшково, а также восстанавливаемый комплекс построек Спасо-Влахернского монастыря в с. Деденево, возникший в 1852 г. на землях усадьбы графов Головиных. Поездка завершилась знакомством с достопримечательностями древнего Дмитрова, основанного в 1154 г. Юрием Долгоруким. Его наиболее выдающимися архитектурными памятниками являются Успенский собор в Кремле (1509–1533 гг.) и постройки Борисоглебского мо-

* В хронике использованы фотографии А. В. Слѣзкина, А. В. Чекмарѣва, И. Емельянова, Д. Э. Заварюхиной, Е. Левичевой и Е. А. Хахалкиной.

настыря с собором нач. XVI в. Сотрудники художественного музея провели для членов ОИРУ экскурсию по коллекции, состоящей из ценностей, вывезенных в 1920-е гг. из окрестных дворянских усадеб.

Организаторы: А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина, Н. В. Ром.

6–9 марта 2009 г. Состоялась трехдневная экспедиционная поездка ОИРУ по Орловской области. Активное участие в ее подготовке и проведении принял авторитетный специалист по архитектурному наследию Орловщины старший научный сотрудник НИИТАГ, доцент кафедры архитектуры Российской академии живописи, ваяния и зодчества В. М. Неделин, познакомивший членов ОИРУ с памятниками города Орла и его окрестностей. В первый день поездки участники осмотрели храмы и городскую среду губернского Орла, побывали в мемориальном музее Н. С. Лескова, в областном музее изобразительных искусств, где ознакомились не только с экспозицией, но также с результатами работы сотрудников по изучению орловских усадеб. В издательстве «Вешние воды», выпускающем краеведческую литературу, участники поездки смогли посмотреть и приобрести книги по истории и архитектуре Орловщины. Второй день начался с поездки в некогда грандиозную усадьбу фельдмаршала М. Ф. Каменского Сабурово, от которой осталась руинированная крепость конца XVIII в., служившая оградой усадебной территории, и храм св. Михаила Архангела (1755 г.) в стиле барокко, уродуемый в наши

Участники поездки по Орловщине в усадьбе Сабурово

Л. Б. Сомова читает стихи А. А. Фета около усыпальницы поэта в с. Клейменово

дни некачественным «восстановлением». Затем ОИРУ направилось в сторону города Болхова и осмотрело по пути усадьбу Телегиных Софиевка в пос. Злынь. Там до сих пор расположен действующий с XIX в. конезавод. Главный дом усадьбы, редкий образец неорусского стиля (1911 г.), к сожалению, недавно заброшен администрацией конезавода и уже начал разрушаться. Программа дня завершилась знакомством с храмами г. Болхова и его краеведческим музеем. Последний день поездки начался с заезда в с. Клейменово, где в склепе Покровской церкви (1890 г.) сохранились могилы поэта А. А. Фета и его жены. У входа в склеп Л. Б. Сомова прочитала несколько стихотворений Фета. Затем участники побывали в с. Паслово, где от усадьбы Давыдовых сохранилась Казанская церковь (1820 г.) в стиле классицизма. Качество ведущейся реставрации памятника вызвало со стороны профессионалов обоснованную критику. Следующим пунктом программы был бывший уездный город Мценск, в котором были осмотрены два старейших храма рубежа XVII–XVIII вв. — Петропавловский и Вознесенский. Последний недавно довольно безграмотно восстановлен из сохранявшегося «обрубка», известного в советское время как «дом боярина». Финальной точкой поездки стало посещение мемориального музея-усадьбы И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново, где гостям из ОИРУ был устроен теплый прием руководством и сотрудниками музея. После великолепной экскурсии по усадебному дому, Спасо-Преображенской церкви

*В. М. Неделин
показывает
свою рекон-
струкцию кре-
пости Мценска
участникам
поездки
по Орловщине*

*Директор
музея-усадьбы
Спаское-
Лутовиново
Н. И. Левин
на встрече
с ОИРУ*

и парку участники поездки были приглашены на чаепитие, в ходе которого директор музея-усадьбы Н. И. Левин поделился со специалистами ОИРУ успехами и насущными проблемами музея. В ходе заинтересованного разговора были даны полезные рекомендации экспертов по реставрации парка, состоялся обмен подарками.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Зава-рюхина, Н. В. Ром.

29 марта 2009 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ по усадьбам и храмам к югу от Москвы. Вначале участники побывали в знаменитом Суханове князей Волконских, где расположен дом отдыха Союза архитекторов РФ. Главный дом (конца XVIII — начала XIX в.) ОИРУ застало в процессе ремонта фасадов, внутри были осмотрены сохранившиеся интерьеры в редакции 1930-х гг. Храм-мавзолей св. Димитрия Ростовского (1813 г., арх. Д. Джилярди), шедевр московского ампира, до сих пор используется как столовая и сохраняется в перестроенном в 1930-е гг. виде. Территория парка запущена, некоторые усадебные постройки доведены до руинированного состояния. Затем участники поездки побывали в соседней Екатерининской пустыни (конца XVIII в.) и осмотрели новое убранство интерьера недавно отреставрированного собора. Далее автобус ОИРУ сделал остановку в усадьбе Молоди, где сохранилась действующая Воскресенская церковь, построенная в 1703–1706 гг. петровским сподвижником Ф. А. Головиным и реконструированная в 1780-х гг. в стиле классицизма. Расположенные рядом усадебные постройки — главный дом и флигель — за последние годы доведены до аварийного состояния и представляют собой развалины. Члены ОИРУ осмотрели парк, один из крупнейших в Подмосковье. Затем ОИРУ побывало в усадьбе Васильчиковых Лопасня-Зачатьевское (г. Чехов), где проинспектировало музей, недавно открытый в отреставрированном главном доме. Сам факт появления нового усадебного музея в Подмосковье, к тому же связанного с памятью об А. С. Пушкине и его потомках, не может не радовать, тем более что новая функция фактически спасла от гибели сам памятник — редкий пример каменного дома 1770-х гг. в стиле барокко. После экскурсии по музею участников поездки ждало чаепитие в старинных сводчатых комнатах. Затем были осмотрены усадебная церковь Зачатия св. Анны с некрополем потомков А. С. Пушкина и соседняя усадьба Еропкиных Садки, где члены ОИРУ увидели находящуюся в процессе реставрации церковь (1771 г.) и почти уже воссозданный в кирпиче главный дом усадьбы, который изначально был деревянным и оказался утрачен в 1990-е гг. Планируется, что в усадьбе разместится культурно-образовательное учреждение. Осмотрев Успенскую церковь в усадьбе Новоселки (1756 г.) с сохранным интерьером, участники поездки направились в последний пункт маршрута — усадьбу Васькино князей Щербатовых. Там недавно завершилось восстановление изуродованной в советский период церкви Рождества Богородицы (1700 г.). Осмотрев храм, специалисты отметили спорный характер исполнения некоторых архитектурных форм. Главный усадебный дом, прежде деревянный, сейчас существует в своей кирпичной копии 1969 г. Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварухина, Н. В. Ром.

30 марта 2009 г. Состоялось очередное расширенное заседание ОИРУ. С докладом «Усадьба в русской поэзии XVIII–XIX вв.» выступила канд. филологических наук Т. А. Алпатова. Затем слово было предоставлено А. Н. Стрижёву. Он рассказал о им проделанной работе по изучению литературы, которую читали в усадьбах в период 1770–1820 гг.

Заседание продолжилось фотоотчетом А. В. Чекмарёва и А. В. Слёзкина об их путешествии по архитектурным памятникам французской провинции.

5 апреля 2010 г. В Центральном доме архитектора состоялось открытие фотовыставки А. В. Чекмарёва и А. В. Слёзкина «Архитектурные путешествия по провинции». Выставку открыл председатель Союза московских архитекторов В. Н. Логвинов. Выступали также М. В. Нащокина, Э. А. Базарова и др.

*Открытие
фотовыставки.
С приветственным
словом выступает
президент Союза
архитекторов
Москвы
В. Н. Логвинов*

*На открытии
фотовыставки*

11–12 апреля 2009 г. Состоялась двухдневная экспедиционная поездка ОИРУ в Старицу и окрестные усадьбы. Первым пунктом программы стало с. Микулино, расположенное еще на территории Московской области. Здесь на берегах р. Шоши сохранились валы древнего г. Микулина и памятник сер. XVI в. – собор Михаила Архангела с усыпальницей микулинских удельных князей. Далее маршрут пролегал по дорогам Тверской области, мимо заброшенных церквей в Степурине и Гурьеве. Была осмотрена интересная, но находящаяся в плачевном состоянии белокаменная церковь Толгской Богоматери в стиле барокко (1770–1777 гг.) в усадьбе Змиевых Бойково. Затем участники поездки побывали в с. Родня, стоящем на высоком берегу Волги. Там сохранилась заброшенная Успенская церковь (1844 г.) в усадьбе Ланских. Далее были осмотрены усадьбы к северу от Старицы – Ивановское Ермолаевых в с. Братково с разрушающейся великолепной Спасской церковью (1804 г.) в стиле классицизма и Красное Полторацких, где сохранились руины главного дома конца XVIII в. и Спасо-Преображенская церковь (1790–1795 гг.), являющаяся повторением известной Чесменской церкви в Санкт-Петербурге. Следующее утро началось прогулкой по Старице в сопровождении исследователя архитектуры Старицы и Тверской области, руководителя экскурсионно-паломнической службы Успенского монастыря А. В. Шиткова. Были осмотрены древнее городище с соборным

А. В. Чекмарёв и А. В. Шитков в Старице

ОИРУ около Борисоглебского собора в Старице

ансамблем начала XIX в., построенным при активном участии местного архитектора М. Чернытина, Пятницкая церковь с двумя ротондальными приделами, белокаменные кузницы, остатки торговых рядов и другие памятники старицкой архитектуры. На другом берегу Волги участники поездки побывали в Успенском монастыре, где завершается масштабная реставрация выдающегося ансамбля архитектуры XVIII–XIX вв. Настоятель монастыря любезно рассказал о ходе восстановительных работ. Далее, осмотрев Ильинскую церковь на окраине города, ОИРУ направилось в усадьбу Чукавино, где сохранился ценный комплекс зданий в стиле барокко XVIII в. Благодаря содействию и присутствию вице-президента Академии проблем безопасности мецената Э. О. Човушяна, специалистам ОИРУ удалось попасть на усадебную территорию, которая с недавних пор недоступна для посещений. В настоящее время памятник архитектуры оказался в центре крупного имущественного спора, сопровождающегося судебными разбирательствами. Пока решается вопрос о пользователе, главный дом пустует и уже начинает разрушаться. Выслушав подробный рассказ о сложившейся в Чукавине ситуации и осмотрев усадьбу, члены ОИРУ отправились в с. Ива-ниши, где находится один из старейших памятников архитектуры в регионе – Успенская церковь 1530-х гг. Последним пунктом поездки стала Георгиевская церковь в с. Юрьевское (1860-е гг.) в стиле позднего классицизма.

Организаторы: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина.

27 апреля 2009 г. На очередном расширенном заседании ОИРУ была представлена книга В. В. Пономарёва и Л. Б. Хорошиловой «Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад XVIII – начала XX вв.» Вечер продолжился выступлением О. С. Троицкой-Миркович, представительницы известно дворянской семьи Мирковичей. Речь шла о тульской усадьбе Николо-Жупань, принадлежавшей этой фамилии. Ольга Серафимовна рассказала о своей деятельности по восстановлению усадьбы, о создании небольшого музея в сохранившемся доме. Были показаны редкие фотографии из семейного архива.

29 апреля 2009 г. Состоялась очередная церемония вручения национальной премии «Культурное наследие». В четвертый раз Национальный фонд «Возрождение русской усадьбы» (президент фонда В. И. Алявдин) при участии авторитетного экспертного совета выбрал людей и общественные организации, занимающиеся популяризацией и сохранением историко-культурного наследия России.

18 мая 2010 г. В рамках дней культурного и исторического наследия члены ОИРУ посетили памятники московской архитектуры – особняк С. Берга (Денежный пер., 5, сейчас – посольство Италии) и особняк Н. Игумнова (ул. Б. Якиманка, 43, сейчас – посольство Франции).

24 мая 2009 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ в музей-усадьбу Поленово и окрестные приокские усадьбы. В поездке принял участие председатель правления ОИРУ директор НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва Ю. А. Веденин. Гостям был оказан радушный прием коллективом музея во главе с его директором Н. Н. Грамолиной. В обстановке теплого и дружеского общения между коллегами прошла замечательная экскурсия по главному дому (1891–1904 гг.) усадьбы В. Д. Поленова с его уникальными мемориальными экспонатами и по мастерской художника в «Аббатстве». Гостям была продемонстрирована знаменитая поленовская диорама со сменными цветными картинками на стеклах. После этого автобус ОИРУ сделал остановку в соседнем с. Бехово, где сохранилась построенная по проекту В. Д. Поленова Троицкая церковь (1904–1906 гг.), рядом с которой на высоком окском берегу находится семейный некрополь Поленовых, в т. ч. и могила самого художника. Далее участники поездки осмотрели ход восстановительных работ в церкви-ротонде Рождества Богородицы (1714–1754 гг.) усадьбы Подмоклово – выдающемся памятнике петровского времени. Сохранившийся от усадьбы князей Долгоруковых главный дом (в литературе ошибочно фигурирует как флигель) давно стоит в

*ОИРУ
на экскурсии
в главном доме
музея-усадьбы
Поленово*

*А. Вербицкая,
Е. Кельт
и А. Телегина
в усадьбе
Пушино-на-Оке*

руинах. Последним пунктом поездки стала усадьба Пушино-на-Оке, медленно разрушающаяся на территории наукограда Пушкино. Находящийся на балансе Академии наук усадебный дом конца XVIII в. (перестроенный в стиле неоклассицизма в 1910-х гг.) давно пустует и ветшает, великолепная лестница с террасами, спускавшаяся к Оке, сейчас фактически уже не существует.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварухина, Н. В. Ром.

25 мая 2009 г. Состоялось последнее в полугодии расширенное заседание ОИРУ. С докладом выступили члены Вяземского клуба краеведов во главе с председателем клуба Э. В. Богомоловой. Они

рассказали собравшимся о краеведческой работе в Вяземском районе Смоленской области. Силами энтузиастов и школьников ведутся исследования об усадьбах района, результаты которых публикуются в местных СМИ и краеведческих сборниках. Заседание ОИРУ продолжилось фотоотчетом А. В. Чекмарёва и А. В. Слёзкина об архитектуре французской провинции.

10–16 июня 2009 г. Состоялась пятидневная экспедиционная поездка ОИРУ на Украину, на сей раз по территории исторической Волыни. В первый день участники проделали протяженный путь от Винницы, куда приехали на поезде, до Луцка. Первым пунктом маршрута был г. Изяслав, в котором князьями Сангушко были построены дворец-резиденция (сер. XVIII в., сохранился в руинах) и барочный костел Св. Иосифа (1750–1760 гг.). Затем участники поездки ознакомились с достопримечательностями Острога, бывшего центра владений князей Острожских. В Остроге были осмотрены сооружения замка XIV–XVI вв. с реставрированной в конце XIX в. пятиглавой Богоявленной церковью. В основной замковой башне находится историко-краеведческий музей с богатым собранием предметов искусства и быта Острожщины. В Луцкой башне была осмотрена уникальная коллекция волынской иконы на стекле. Затем члены ОИРУ побывали в пригородном Межиричском монастыре-крепости, возникшем из загородной резиденции князей Острожских.

Р.Рахматуллин под стенами монастыря в Межириче

Его главной достопримечательностью является Троицкий собор сер. XV в. По пути в Луцк участники поездки познакомились с деревянной Покровской церковью в с. Бронники – любопытной стилизацией 1920-х гг. на тему традиционного украинского храма, и памятниками бывшей резиденции князей Радзивиллов в Олыке – Троицким костелом с усыпальницей Радзивиллов (1635–1640 гг.), костелом Петра и Павла (1450 г.) и замком Радзивиллов с бастionsами и часовой башней (1564 г., капитально перестраивался в 1737–1755 гг.), в котором находится психиатрическая больница. Второй день путешествия начался знакомством с г. Луцком. ОИРУ побывало в замке Любарта (XIII–XVI вв.), где осмотрело экспозицию художественного музея и обнаруженные археологами остатки древнерусского храма Иоанна Богослова XII в. В самом городе представляют интерес костел Петра и Павла иезуитского монастыря (1616–1639 гг.), превращенный сейчас в православный собор, Троицкий собор (первоначально костел бернардинского монастыря, 1752–1756) в стиле барокко и другие памятники. В музее Воынской иконы гостям предоставилась уникальная возможность посмотреть на реставрационном столе редкий памятник домонгольской иконописи – Холмскую икону Богоматери XII в. После Луцка члены ОИРУ посмотрели Покровскую церковь (1745 г.) в с. Поддубцы, Успенскую церковь (сер. XVII в.) в с. Низкиничы с усыпальницей А. Киселя и постройки XV–XIX вв. в Успенском Святогорском монастыре в с. Зимно. Во Владимире-Воынском участники поездки ознакомились с достопримечательностями этого древнего города, в первую очередь с Успенским собором XII в., отреставрированным в 1896–1900 гг., и Васильевской церковью-ротондой XIII–XIV вв. С валов древнего городища открываются виды на храмы и старую часть города. Программа следующего дня началась с остановки рядом с красивым полем цветущих красных маков, затем продолжилась осмотром Покровской церкви (1900–1905 гг.) в русском стиле в с. Журавники. Важными пунктами поездки стали значимые в истории Украины памятники в Берестечке и Пляшеве, связанные с мемориализацией событий Берестейской битвы 1651 г., в которой казацкое войско потерпело поражение от поляков. Над казацкими могилами в с. Пляшеве в 1910–1914 гг. был воздвигнут памятный Георгиевский храм по проекту арх. В. Н. Максимова. Сейчас на территории памятника действует музей. Вторая половина дня была посвящена знакомству с двумя выдающимися архитектурными ансамблями Львовской области в Подгорцах и Подкамне. Дворцово-парковый ансамбль Конечпольских в с. Подгорцы (замок, 1635–1640 гг., арх. А. дель Аква, инж. Г. де Боплан, перестраивался в 1728–1779 гг.; костел Иосифа и Воздвижения, 1752–1766 гг., арх. Ц. Романиус) сейчас реставрируется под размещение музея, филиала Львовской картинной галереи. Испортившаяся погода, к сожалению,

не позволила сполна насладиться прогулками по большому парку. В Подкамне сохранился эффектный доминиканский (позднее базилианский) монастырь-крепость (известный с 1464 г., постройки XVII–XVIII вв.), расположенный на холме рядом с редким природным объектом – скалой высотой 16 м. Окончательно вымокшие под дождем и замерзшие участники путешествия отогрелись на ужине, «экспромтом» организованном в Подкамне Д. Э. Заварюхиной. Утро следующего дня началось с посещения Почаевской Успенской лавры в г. Почаеве. Были осмотрены Успенский собор в стиле немецкого барокко (1771–1782 гг., арх. Г. Гофман, построен на средства Николая Потоцкого) и новый Троицкий собор (1905–1912 гг.) – шедевр неорусского стиля А. В. Щусева с мозаиками по эскизам самого Щусева и Н. К. Рериха. После посещения монастырского скита члены ОИРУ направились в г. Кременец, где посмотрели замковую гору с остатками замка XIV–XV вв., старинное еврейское кладбище и многочисленные храмы города – иезуитский коллегиум с костелом (1731–1743 гг., арх. П. Гижицкий), Николаевский собор, Богоявленский монастырь, Крестовоздвиженскую церковь и т. д. Утро финального дня поездки было отведено для знакомства с достопримечательностями Тернополя, в т. ч. с великолепным доминиканским собором XVIII в. в стиле барокко.

Организаторы: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина.

ОИРУ на замковой горе в Кременце

23 июля 2009 г. Члены ОИРУ посетили один из самых известных московских памятников архитектуры – палаты Волковых-Юсуповых (XVII–XIX вв.), и познакомились с результатами недавно проведенной реставрации интерьеров. ОИРУ выражает благодарность председателю Совета директоров группы компаний «БАМО» М. Б. Мурадян и Т. В. Макаровой за предоставленную возможность посещения памятника.

5 августа 2009 г. Члены ОИРУ посетили памятник московского классицизма, особняк И. Н. Демидова на Гороховом Поле (ныне в здании расположен МИИГАиК), построенный по проекту М. Ф. Казакова. Были осмотрены интерьеры классицизма, в т. ч. известные «Золотые комнаты».

14–17 августа 2009 г. Состоялась четырехдневная экспедиционная поездка ОИРУ по окрестностям озера Селигер. Таким образом, было продолжено обследование культурного наследия Тверской области, начатое апрельской поездкой в Старицу. Два первых пункта маршрута территориально находятся еще в Московской области – это руинированная Никольская церковь в с. Черленково, сохранившая в основе постройку XVI в. – собор бывшего здесь монастыря, и деревянная Ильинская церковь XVIII в. погоста Пески с сохранным интерьером. Далее участники поездки познакомились с архитектурными памятниками Ржева – Оковецкой церковью в стиле классицизма (1818–1832 гг.) и Вознесенским собором (1844–1855 гг.). В пос. Селижарово были осмотрены постройки Троицкого Селижаровского монастыря – сохранившаяся от XVII в. трапезная с церковью Петра и Павла и недавно качественно воссозданная колокольня в стиле классицизма. Интересны сохранившиеся в Селижарове образцы жилой застройки по образцовым проектам XIX в. В Казанской церкви села Верхние Котицы (1774–1803 гг.) специалисты ОИРУ осмотрели великолепно сохранившийся подлинный интерьер. С настоятелем храма возникло обсуждение (переходящее временами в дискуссию) ценности и самобытности провинциального церковного искусства XVIII в., а также необходимости его бережного сохранения. Второй день путешествия начался с поездки в Нило-Столобенскую пустынь – выдающийся монастырский комплекс XVII–XIX вв., расположенный в красивейшем месте на острове. После посещения монастырских храмов участники поездки отправились в древнее с. Кравотын, где посмотрели реставрируемую Введенскую церковь (1782–1793 гг.). Некоторые особенно смелые отважились на купание в водах Селигера в холодную и дождливую погоду. Вторая половина дня была посвящена знакомству с достопримечательностями Осташ-

Участники поездки на Селигер на соборной колокольне в Осташкове

кова. Помимо архитектурных памятников, члены ОИРУ побывали на экскурсии в краеведческом музее, расположенном в Троицком соборе (1685–1697 гг.). Соседний Воскресенский собор (1677–1689 гг.) никак не используется и выглядит заброшенным. К сожалению, весь старый Осташков производит впечатление достаточно запущенного города, не использующего свой потенциал значительного туристического центра. На следующий день автобус ОИРУ направился к с. Волговерховье, где находится исток Волги. В 1904–1912 гг. здесь был построен Спасо-Преображенский собор Ольгинского Волговерховского монастыря, сохранившийся до нашего времени (арх. В. Ф. Назаров). Затем члены ОИРУ посетили усадьбу Толстых Новые Ельцы, в главном доме которой расположен дом отдыха, и с. Николо-Рожок с Успенской церковью (1763–1768 гг.). В разговоре с настоятелем была поднята тема целесообразности сохранения подлинных остатков интерьерного убранства. Священник поделился со специалистами планами относительно замены на новую, «каноничную», поврежденной росписи XVIII в. на своде трапезной, аргументируя тем, что фреска в стиле барокко большой ценности для церковного искусства не имеет. Искусствоведы и реставраторы выразили резкое несогласие с подобной позицией представителя РПЦ, дав экспертное заключение о художественной ценности фрески и необходимости ее сохранения.

*ОИРУ на фоне деревянной церкви
Ширкова Погоста*

Далее участники экспедиции отправились к легендарному Ширкову Погосту, до которого из-за отсутствия проезжей дороги предстояло идти пешком 3,5 км в одну сторону. Преодолев это расстояние, сначала по сказочному лесу, а потом по живописным берегам озера, участники поездки увидели красивейший ансамбль из двух храмов — ярусной деревянной церкви Рождества Иоанна Предтечи (1694 г.) и краснокирпичной церкви того же посвящения (1903–1915 гг., арх. А. П. Федоров). В позднем храме за последние годы создан стильный интерьер с фресками в духе Феофана Грека и замечательным иконостасом. Последний день поездки начался с посещения Спасо-Преображенской церкви в с. Рогожа (1755–1770 гг.), продолжился осмотром сильно

изуродованных и переделанных построек XVIII–XIX вв. бывшего Могилевского Успенского монастыря, современного народного дома в г. Кувшиново (арх. Ф. Ф. Воскресенский) и классицистической Никольской церковью в ближайшем с. Васильково. Затем были осмотрены два пункта, традиционно связываемые с архитектурной деятельностью Н. А. Львова в окрестностях Торжка. В усадьбе Тысяцкое сохранился монументальный погреб-пирамида из валунов. А в усадьбе Бакуниных Прямухино сохранилась Троицкая церковь (1808–1836 гг.), построенная, как считается, по проекту Львова. От усадебных построек остался руинированный флигель дома, в окружении огромного парка на берегах р. Осуги. Участники поездки осмотрели краеведческий музей, созданный в местной школе, общались с настоятелем Троицкой церкви и приехавшим специально на встречу с ОИРУ из Твери В. И. Сысоевым, зампреда Бакунинского фонда, рассказавшим гостям о Бакуниных и их усадьбе

М. В. Нащокина в с. Васильково

*Участники поездки на Селигер вместе с В. И. Сыроевым (в центре)
на фоне колокольни Троицкой церкви в усадьбе Прямухино*

и познакомившим с последней литературой по этой теме, в т. ч. и со своими публикациями.

Организаторы: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина.

28 сентября 2009 г. Новый сезон ежемесячных расширенных заседаний ОИРУ открылся представлением недавно вышедших книг и журналов. М. В. Нащокина представила очередной сборник ОИРУ «Русская усадьба» (№ 15). Г. Д. Злочевский представил библиографический сборник «Старинные усадьбы и дачи Подмоскovie», С. Ю. Шокарев – выпуск № 3 журнала «Московский летописец», В. В. Стерлина и А. Б. Чижков – очередной издательский проект НК «Русская усадьба» – книгу-каталог «Смоленские усадьбы» (авторы-составители А. Б. Чижков и Н. Г. Гурская); В. И. Новиков – свою книгу «Усадьба Вязёмы и окрестности». Затем М. А. Полякова рассказала собравшимся о подготовке сборника памяти Л. В. Ивановой, посвященного 10-летию со дня кончины председателя ОИРУ, и предложила принять в нем участие. Вечер завершили старинные русские романсы в исполнении Е. Л. и В. С. Уколовых, которые давно занимаются исследованием малоизвестной музыкальной культуры русских усадеб и поиском забытых произведений.

2–4 октября 2009 г. Состоялась двухдневная экспедиционная поездка ОИРУ в Тульскую область: «Ясная Поляна – Крапивна – Тула». Полдня члены ОИРУ посвятили знакомству с музеем-усадьбой Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, побывали на экскурсиях в главном доме и флигеле Кузьминских, любезно организованных для коллег сотрудниками музея; погуляли по осеннему парку, посетили могилу писателя. Затем был небольшой заезд в соседнее с. Кочаки, где около Никольской церкви конца XVII в. находится семейный некрополь Толстых. Далее автобус ОИРУ сделал остановку в пос. Крапивна, который до революции был уездным городом. Существует программа возрождения Крапивны и превращения ее в туристический центр в рамках музея-заповедника «Ясная Поляна», но пока реальных шагов в данном направлении не видно, бывший город пребывает в разрухе. Из всех уцелевших храмов в относительном порядке только Никольский (1759–1764 гг.) в стиле барокко. После Крапивны была осмотрена заброшенная Ильинская церковь-ротонда в с. Жемчужниково (1820–1830 гг.). Отрадную картину возрождения, сопровождающегося качественной научной реставрацией, участники поездки наблюдали в Анастасовом монастыре, где недавно были завершены работы в соборе Рождества Богородицы (1669–1675 гг.) – ярком памятнике допетровской архитектуры. Далее члены ОИРУ побывали в усадьбе Мирковичей Николо-Жупань и вновь, как и в поездке 2004 г., увидели сильно запущенный главный дом. Однако за прошедшие годы некоторые изменения все же произошли. Благодаря усилиям созданного фонда возрождения усадьбы из дома были выселены жильцы, здание ожидает реставрации. Затем участники поездки со-

*Дорога
к усадьбе
Болотское.
Д. Заварюхина,
Е. Рогозина
и Е. Каменская*

ОИРУ в Туле

вершили протяженную пешеходную прогулку до живописной руины Покровской церкви в с. Болотское (1830 г.), построенной в усадьбе Шепелевых на высоком берегу р. Упы. Второй день поездки был посвящен знакомству с памятниками и музеями Тулы, но перед этим был сделан заезд в усадьбу Языковых Сергиевское, где пока еще стоит давно брошенный главный дом (1801 г.) в стиле классицизма. В Тульском художественном музее, одном из богатейших среди областных музеев, сотрудники провели для ОИРУ великолепную экскурсию. Специальный заезд был сделан к Всехсвятскому собору – бывшей кладбищенской церкви (1776–1825 гг.). Огромное впечатление на

ОИРУ в селе Заречье

участников поездки произвел отлично сохранившийся классицистический интерьер верхнего храма. Затем был осмотрен тульский кремль с Успенским собором (1762–1766 гг.), в котором началась реставрация. Закончилось путешествие прогулкой по некоторым сохранившимся уголкам исторической Тулы и осмотром храмов Заречья.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина, Н. В. Ром. ОИРУ выражает благодарность заведующей отделом музея-заповедника «Ясная Поляна» Н. А. Никитиной.

26 октября 2009 г. На очередном расширенном заседании ОИРУ был показан фильм «Раменская мануфактура» из цикла передач «Достояние республики» телеканала «Культура». О проблемах города Раменское Московской области, в т. ч. о ситуации с архитектурным комплексом зданий мануфактуры, рассказали Т. Л. Синеокова и заведующая историко-художественным отделом Раменского музея Т. Е. Щербакова. Затем Л. Б. Сомова представила изданную МАИ коллективную монографию «Ярополец: лица, история, судьбы». Первая часть задуманного двухтомника посвящена родословным связям владельцев двух ярополецких усадеб.

30 октября–1 ноября 2009 г. Состоялась двухдневная экспедиционная поездка ОИРУ в Тверскую область «Между Торжком и Старицей», продолжившая серию путешествий по этому региону. На сей раз главной темой стало богатейшее наследие классицизма в Торжке и его окрестностях, нынешнее состояние которого можно

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОЛО»

охарактеризовать как катастрофическое. Программа первого дня началась осмотром усадьбы Полторацких в с. Грузины. Главный дом, сохранивший основу и декор позднего барокко и реконструированный в 1820-х гг. по проекту В. П. Стасова, недавно опустел после того, как из усадьбы вывели психиатрический интернат. Сейчас бесхозное здание разрушается. Затем участники поездки побывали в усадьбе Млевичи, где наблюдается аналогичная картина запустения и разрухи. Заброшены красивейшая Знаменская церковь в стиле барокко (1771 г.), главный дом усадьбы Шишковых нач. XIX в. и хозяйственные постройки. Ряд брошенных руин продолжила усадьба Глухово, в центре которой стоит величественный храм Димитрия Ростовского в русском стиле (1855–1875 гг., арх. А. М. Горностаев), построенный на месте разобранного барского дома. Оставшиеся из построек в стиле классицизма вторая, Ильинская, церковь, флигель и «готическая» башня ограды превращены в развалины. Единственным сохранным зданием сейчас является второй флигель, используемый под дом культуры. На фоне всех предыдущих заброшенных храмов редким исключением стала изысканная классицистическая Казанская церковь в с. Заречье (1791–1798 гг.), на которой установлены реставрационные леса и уже сделана глава с крестом. Правда, сложилось ощущение, что работы прекращены. Далее участники поездки пешком преодолели расстояние в 3 км до находящейся в отдаленном от проезжих дорог с. Переслегино Петропавловской церкви (1785–1803 гг.),

Дорога к Петропавловской церкви в селе Переслегино (Загорье)

построенной на средства М. Ф. Полторацкого. Исторически храм находился на территории соседнего с. Загорье, как раз на границе с Переслегиным, так что правильнее считать церковь находящейся в Загорье, однако в исследовательской литературе уже сложилась традиция связывать ее с с. Переслегино. Это одна из архитектурных жемчужин, сохранившихся в провинции от русского классицизма. Храм повторяет формы уничтоженного в советское время собора Св. Иоанна в Могилёве, спроектированного Н. А. Львовым. Единственное существенное отличие от оригинала – добавление двух колоколен на западном фасаде. Памятник находится в аварийном состоянии, пока еще сохраняются остатки стильного убранства интерьера, двойной купол, подлинны двери, кресты. В нынешней ситуации бездорожья и безлюдья храм обречен на гибель. Следующий день поездки был посвящен осмотру многочисленных архитектурных памятников и музеев Торжка. В Борисоглебском монастыре в ходе беседы с настоятелем выяснилось, что пока имеются серьезные сложности в процессе реставрации архитектурного ансамбля.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заваляева, Н. В. Ром.

2 ноября 2009 г. В Белой гостиной Центрального дома архитектора состоялось открытие персональной выставки архитектора, члена правления ОИРУ Л. А. Конюшковой с говорящим названием «Любимое хобби архитектора Конюшковой». В экспозиции были представлены рукодельные портреты и фигуры друзей, декоративные панно и предметы, которые Лидия Александровна делает своими руками и дарит друзьям на протяжении многих лет.

15 ноября 2009 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ по усадьбам и храмам в окрестностях подмосковного г. Лыткарино. Сначала участники посетили с. Котельники с недавно качественно отреставрированной Казанской церковью (1675–1680 гг.) в стиле московского узорочья. Далее маршрут пролегал через г. Дзержинский, на территории которого находится Николо-Угрешский монастырь. Были осмотрены его многочисленные храмы, в т. ч. огромный эклектичный Спасо-Преображенский собор (1880–1889 гг., арх. А. С. Каминский) и недавно воссозданный на месте разрушенного в 1940 г. Никольский собор XVI в. Затем члены ОИРУ осмотрели два подлинных древнерусских храма XVI в. в селах Беседы и Остров. Последний – выдающийся памятник русской архитектуры. В г. Лыткарино уже в сумерках был осмотрен реконструируемый частным инвестором главный дом усадьбы Петровское Демидовых, затем

Чернышёвых. Здание конца XVIII в. в стиле классицизма было сильно перестроено в советское времена, а сейчас восстанавливается из бетона с существенным отходом от первоначального облика, лишь издалека напоминающая старинный барский дом. Во второй сохранившейся на территории Лыткарина усадьбе – Чернышевых – сейчас ведутся реставрационные работы, после которых дом XIX в. будет приспособлен под размещение краеведческого музея. Члены ОИРУ побывали в музее, состоялся разговор с коллегами об истории усадеб в Лыткарине и о противоречивой фигуре владевшего ими в XIX в. князя А. И. Чернышёва.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Зава-рухина. Принесим благодарность заместителю директора лытка-ринского музея А. В. Спарышкиной.

30 ноября 2009 г. Состоялось очередное расширенное заседание ОИРУ. В рамках заседания состоялось открытие фотовыставки «Наследие. Последний век. Утраченные и находящиеся под угрозой гибели памятники архитектуры» в выставочном зале НИИ культурного и природного наследия. Авторы выставки – А. В. Чекмарёв и А. В. Слёзкин. На церемонии выступили Ю. А. Веденин и М. В. Нащокина. С докладом об архитектурных исследованиях Старицы и Старицкого района выступил краевед, председатель Старицкого отделения Российского общества историков-архивистов, член Союза писателей РФ и лауреат Национальной премии «Культурное наследие-2009» А. В. Шитков.

4 декабря 2009 г. Состоялся вечер памяти председателя ОИРУ Л. В. Ивановой, приуроченный к 10-летию со дня ее кончины. С воспоминаниями выступили И. М. Пушкарёва, М. К. Гуренок, Я. Н. Щапов, Н. И. Завьялова и другие близко знавшие Людмилу Васильевну. Председатель Московского краеведческого общества В. Ф. Козлов рассказал о роли и значении возрожденного общественного движения по изучению усадеб. М. В. Нащокина поделилась своими воспоминаниями о Л. В. Ивановой и зачитала адресованное ОИРУ письмо о ней П. Рузвельт. О работе ОИРУ в период 1992–1999 гг. рассказали М. А. Полякова, Л. А. Перфильева, Т. Л. Синеокова, Л. М. Карнишина, Н. А. Филиппова, Г. Д. Злочевский, А. Б. Чижков, В. В. Стерлина. Был продемонстрирован фильм из личного архива Т. Л. Синеоковой, снятый в 1994 г., во время визита членов правления ОИРУ во главе с Л. В. Ивановой в пос. Удельная. В заключение прозвучали стихи А. А. Ахматовой в исполнении Л. Б. Сомовой. Вечер вели М. А. Полякова и Г. Д. Злочевский.

5 декабря 2009 г. Члены общества посетили недавно открытый музей И. С. Тургенева, расположенный в старинном особняке по ул. Остоженка, 37.

21 декабря 2009 г. Подведение итогов работы ОИРУ за 2009 год состоялось на расширенном заседании, по традиции совмещенном с предпраздничным чаепитием. На вечере присутствовали члены правления и наиболее активные участники общества.

25 января 2010 г. Состоялось первое в году расширенное заседание ОИРУ. Докладом «Московские адреса П. Н. Милюкова» заседание открыл М. М. Горинов, кандидат ист. наук, ст. научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Объединяющей темой выступлений следующих докладчиков стала усадьба Царицыно и то, что произошло за последнее время с этим выдающимся дворцово-парковым ансамблем. Об археологии парка Царицыно рассказал Н. А. Кренке, канд. ист. наук, сотрудник Института археологии РАН. Его выступление дополнила Н. И. Завьялова, канд. архитектуры, член правления ОИРУ. О легендах и находках усадебного парка рассказал историк и исследователь Царицына И. Н. Сергеев. Доклады сопровождались демонстрацией фотоматериалов.

15 января – 1 апреля 2010 г. Фотовыставка А. В. Чекмарёва и А. В. Слёзкина «Наследие. Последний век. Утраченные и находящиеся под угрозой гибели памятники русской архитектуры», ранее экспонировавшаяся в РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, экспонировалась в выставочном зале ВООПИиК.

31 января 2010 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ по восточному Подмосквью. Первым пунктом маршрута был пос. Николо-Архангельский, где сохранилась интересная церковь Михаила Архангела (1748–1771 гг.) в стиле барокко, построенная князьями Лобановыми-Ростовскими по образцу собора Варсонофьевского монастыря в Москве. Затем была осмотрена оригинальная Никольская церковь начала XVIII в. в усадьбе Полтево, возведенная петровским сподвижником адмиралом Ф. М. Апраксиным. В храме заканчивается реставрация. В г. Ликино-Дулево участники поездки побывали в интерьерах конструктивистского дома культуры фарфорового завода, спроектированного К. С. Мельниковым, и осмотрели церковь Иоанна Богослова начала XX в. Последним пунктом маршрута стал г. Павловский Посад, в котором были сделаны остановки возле Вознесенской церкви на Городке (арх. В. П. Десятов, памятник русского стиля с сохранным интерьером), сохранившейся ампирной колокольни Воскресенского собора, и в Покровско-Васильевском

*Участники поездки в Павловский Посад на экскурсии
в краеведческом музее*

монастыре. Завершился день посещением местного музея, где можно было познакомиться с историей текстильного промысла, а также приобрести знаменитые павловопосадские платки.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина, Н. В. Ром.

13 февраля 2010 г. Члены ОИРУ по личному приглашению С. Б. Ткаченко посетили его загородный дом. Основным поводом для визита стала масленица. Собравшиеся посмотрели избранные фотографии А. В. Чекмарёва и А. В. Слёзкина, подобранные по временам года. Л. Б. Сомова прочла рассказ А. П. Чехова «Катание с гор». Поздним вечером состоялись проводы зимы с традиционным сожжением чучела.

15 февраля 2010 г. Состоялось расширенное заседание ОИРУ. С рассказом о проекте зон охраны Ширкова Погоста (Пеновский район Тверской области) выступила Н. И. Завьялова, ст. научный сотрудник РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, кандидат архитектуры. Заседание продолжилось просмотром фильма «Жизнь прошла...», посвященного В. А. Галагану. Фильм представила краевед, исследователь дачного поселка Удельная Т. А. Синеокова. С очередным фоторассказом об архитектурных путешествиях по Франции выступили А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин.

22 февраля 2010 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ «По Стромьинской дороге» к северо-востоку от Москвы в экстремальных условиях сильнейшего снегопада. Вначале участники посмотрели загадочный памятник в пос. Свердловский – комплекс зданий, самое значительное из которых, в неоклассическом стиле начала XX в., похоже на усадебный барский дом. Как затем выяснилось, здание строилось в качестве детского пансиона. В г. Лосино-Петровском члены ОИРУ побывали в Никольской (Всехсвятской) церкви (1820–1822 гг.), бывшей главным храмом кожевенной Лосиной мануфактуры. Храм не закрывался и сохранил убранство интерьера. Следующим пунктом маршрута была еще одна сохранившая интерьер церковь классицизма – Троицкая церковь (1822–1830 гг.) в с. Аристов Погост. Здесь участников ждал неприятный сюрприз – автобус на развороте прочно увяз в сугробах. Лишь спустя два часа путешествие смогло продолжиться. В с. Авдотьино был осмотрен архитектурный комплекс Николо-Берлюковской пустыни. С территории монастыря еще не выведена психиатрическая больница, а огромный собор Христа Спасителя (1835–1847 гг., арх. Ф. М. Шестаков) находится в процессе реставрации. В с. Воскресенское участники поездки осмотрели ансамбль двух храмов – деревянной Вознесенской церкви (1705 г., недавно воссоздана заново) и каменной Покровской (1833–1838 гг.), построенной на средства князей Тюфякиных и сохранившей роскошное убранство интерьера. Завершилась поездка посещением усадьбы Лазаревых Фряново, где в редчайшем для Подмосковья де-

Э.А. Базарова и Н. Смирнова в главном доме усадьбы Фряново

ревянном барском доме конца XVIII в. недавно открыт музей. Также сохранилась усадебная церковь Иоанна Предтечи (1797 г.).

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Зава-рюхина.

4–10 марта 2010 г. Состоялась пятидневная экспедиционная поездка ОИРУ по Вологодской области. Местом базирования был выбран Череповец, откуда каждый день осуществлялись автобусные выезды в разных направлениях. Первым пунктом программы стало с. Нелазское около Череповца, где сохранилась деревянная Успенская церковь (1694 г.). Затем участники побывали в с. Дмитриево с ансамблем двух храмов – деревянного Никольского (1673 г.) и каменного Благовещенского (1773–1785 гг.) с уникальными росписями сер. XIX в. В с. Улома были осмотрены руины Троицкой и Благовещенской церквей XVIII–XIX вв., оставшиеся от времен, когда село было центром железного дела. Усадьбу Лотарёвых Владимировка, связанную с поэтом Игорем Северянином, ОИРУ осмотрело вместе с потомками Лотарёвых М. Г. Рогозиной и Е. Н. Каменской, которые показали редкие фотографии из семейного архива. В главном доме (1899 г.) сейчас идут ремонтные работы, вызывающие неоднозначную оценку. Например, известно, что разобраны подлинные печи. В последний день поездки в Череповце М. Г. Рогозина и Е. Н. Каменская встречались по этому поводу с руководством местного комитета по культуре и дали свою оценку происходящему с усадьбой. Второй день путешествия начался поездкой в Кириллов, где участники ознакомились с архитектурой и богатейшими коллекциями Кирилло-Белозерского монастыря. Сотрудники музея любезно провели экскурсии и поделились с

Е. Н. Каменская и М. Г. Рогозина на фоне главного дома усадьбы Владимировка в Суде

коллегами насущными проблемами, в т. ч. опасениями за дальнейшую судьбу коллекций в преддверии передачи монастырского ансамбля русской православной церкви. Затем автобус ОИРУ направился в Ферапонтов монастырь, где все имели возможность обстоятельно осмотреть знаменитые фрески Дионисия. Завершился день пешей прогулкой к деревянной Ильинской церкви Цыпинского погоста (1755 г.), недавно отреставрированной методом полной переборки и фактически спасенной от гибели. Вечером в ресторане г. Кириллова состоялось празднование юбилея члена правления ОИРУ, литератора, исследователя русского масонства В. И. Новикова. Третий день путешествия был посвящен знакомству с наследием г. Устюжна, его старинными храмами (в т. ч. строгановской Казанской церковью, 1694 г.) и редким по богатству музеем (находится в соборе Рождества Богородицы, 1685–1690 гг.), в котором собрана уникальная коллекция древнерусского церковного искусства. После города члены ОИРУ побывали в усадьбе Даниловское, связанной с К. Н. Батюшковым и А. И. Kupиным. Сотрудники музея, размещенного в деревянном барском доме XIX в., любезно рассказали коллегам о своей работе и проблемах усадьбы. Четвертый день был целиком посвящен осмотру достопримечательностей Белозерска. В сопровождении сотрудников музея состоялись экскурсия по архитектурным памятникам города, посещение Спасо-Преображенского собора XVII в. с удивительным иконостасом XVIII в., связываемом с мастерской В. И. Баженова; знакомство с центром ремесел. К сожалению, древнейший

Спуск с валов в Белозерске

памятник города, Успенскую церковь XVI в., пришлось посмотреть только снаружи, т. к. от настоятеля не удалось получить разрешение на ее открытие (внутри в плачевном состоянии находятся фрески и роскошный нарышкинский иконостас) даже для специалистов.

Последний день поездки начался экскурсией по художественному музею Череповца, где находится одна из лучших в стране коллекций русской иконы. Пребывание в городе завершилось знакомством с новым музеем, открытым в 2009 г. в отреставрированном главном доме усадьбы Гальских (в черте г. Череповец). То, что произошло с усадьбой, произвело на всех сильное положительное впечатление. Фактически при поддержке местных властей и финансовой помощи металлургического комбината был не только физически спасен один из редких деревянных усадебных домов классицизма, но и «с чистого листа» создан удивительно полноценный музей усадебной культуры, с грамотной демонстрацией и архитектуры памятника, и специально собранных серьезных коллекций предметов искусства и быта. В музее налажена эффективная работа с посетителями, экскурсоводов отличает высокий профессиональный уровень подготовки. В настоящее время идут работы по воссозданию парка и реконструкции прилегающей к дому территории. После осмотра усадьбы в главном

ОИРУ на экскурсии в главном доме усадьбы Гальских в Череповце

Директор музея-усадьбы Гальских на встрече с ОИРУ

зале барского дома состоялась встреча членов ОИРУ с заведующей музеем-усадьбой Н. А. Шестаковой, рассказавшей об этапах восстановления дома и его наполнения, о дальнейших перспективах.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Зава-рюхина. Выражаем благодарность и. о. директора Череповецко-го музейного объединения Е. В. Антиповой, а также заведующей историко-этнографическим музеем «Усадьба Гальских „Горка“» Н. А. Шестаковой и всем руководителям и сотрудникам музеев за оказанное содействие в проведении этой поездки.

28 марта 2010 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ по окрестностям подмосковной Рузы. День начался с посещения усадьбы Люблино с неоклассическим главным домом (1911–1913 гг., арх. А. Э. Эрихсон). Красивый вид от дома на р. Москву и противоположный берег испорчен вторгшимся в панораму коттеджным поселком. Далее участники поездки посетили усадьбу Васильевское (Марьино, пос. им. Герцена), где с недавних пор действующим санаторием брошен на произвол судьбы главный дом усадьбы князей Щербатовых – эклектичный замок (1884 г.), спроектированный П. С. Бойцовым. Здание быстро ветшает, от грибка и плесени уже сильно пострадали интерьеры. Усадебная церковь Александра Невского (в 1990-е гг. была освящена в честь св. Пантелеймона) в неорусском стиле (1915–1917 гг., арх. В. А. Покровский) возрождается после советского запустения. В усадьбе Поречье была осмотрена хорошо отреставрированная Казанская церковь в стиле

барокко (1763). Село Лызлово привлекло внимание ОИРУ постройкой почти точного повторения церкви Покрова-на-Нерли. Новый белокаменный храм появился по инициативе местного священника. Специалисты ОИРУ отметили современный характер каменной резьбы, отличный от стиля подлинных владими́ро-суздальских белокаменных рельефов XII в. В с. Колюбакино была осмотрена восстанавливающаяся усадебная церковь Рождества Богородицы XVII в. с последующими перестройками. Завершился день заездом к практически неизвестному памятнику в пос. Тучково, оказавшемуся сейчас на задворках местной больницы – неоклассическому дому усадьбы Лейнтца. Здание превращено в руину. Судя по всему, на памятнике начались какие-то строительные работы. Последним пунктом стала скромная шатровая Успенская церковь в с. Картино (1906–1913 гг.).

Организаторы: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина.

29 марта 2010 г. Состоялось расширенное заседание ОИРУ. С докладом «Рушем – поместье в Англии с видом на Босфор» перед собравшимися выступил М. Н. Соколов, доктор искусствоведения (НИИ РАХ). Далее А. В. Чекмарёв и А. В. Слёзкин завершили обзор архитектуры французской провинции.

16–18 апреля 2010 г. Состоялась трехдневная экспедиционная поездка ОИРУ в Тверскую область, продолжившая начатую в 2009 г. серию поездок по этому региону. Данный маршрут охватывал усадьбы и храмы, расположенные в окрестностях Торжка, не вошедшие в осеннюю поездку. Многие из этих пунктов известны удаленностью от дорог и своей труднодоступностью. Первым пунктом была малоизвестная заброшенная усадьба Свечиных в с. Старая Дубровка, где сохранились полуразрушенный барский дом и Спасская церковь (1813 г.). Оба памятника являются качественными образцами

Участники поездки по новоторжским усадьбам изучают некрополь Свечиных около церкви в усадьбе Старая Дубровка

классицизма и связываются в литературе с влиянием стиля построек Н.А. Львова. В пос. Выдропужск члены ОИРУ посмотрели Смоленскую церковь XVIII в., в которой находилась могила известного архитектора барокко С. И. Чевакинского. Далее было посещение музея деревянного зодчества на территории усадьбы Василево, где, помимо привезенных из разных мест деревянных построек, находится колоссальный валунный мост, построенный Н.А. Львовым. Территория музея сильно деградировала, из-за недостаточного финансирования у работников нет возможностей содержать памятники в должном виде. На территории действующего санатория Митино участники поездки осмотрели заброшенные остатки бывшей усадьбы Львовых – пустующий главный дом XIX в., закрытый рубероидом погреб-пирамиду, руины мостов и т.д. Пребывание в усадьбе завершилось прогулкой по живописному парку на высоком берегу р. Тверцы. Последним пунктом дня была остановка в с. Прутня, где около Воскресенской церкви (1777 г.) сохранилась могила воспетой А.С. Пушкиным А.П. Керн. ОИРУ возложило цветы к могиле этой незаурядной женщины, сыгравшую важную роль в истории дворянской культуры. Второй день поездки был посвящен осмотру труднодоступных заброшенных храмов классицизма. В начале автобус ОИРУ направился в сторону с. Горницы, где находятся остат-

ОИРУ на могиле А.П. Керн около церкви погоста Прутня

Дорога в усадьбу Горницы

ки построенной по проекту Н. А. Львова усадьбы Беклемишевых. Из-за отсутствия дорог до Горниц пришлось идти пешком около 4 км. В усадьбе в плачевном состоянии сохраняется уникальная по композиции Владимирская церковь (1785–1793 гг.) — один из забытых шедевров Н. А. Львова. Храм оказался в ныне практически вымершем селе. Затем по разбитым дорогам автобус ОИРУ доехал до бывшего села Баранья Гора, ныне вошедшего в состав соседнего с. Кунино, где участники поездки осмотрели руинированный грандиозный Троицкий храм (1832 г.), построенный В. П. Стасовым для Полторацких по образцу Спасо-Преображенского собора в Санкт-Петербурге. Гигантский собор, заросший деревьями, господствует над обезлюдевшими деревнями с многочисленными пустующими и уже полуразрушенными домами. Последним пунктом программы дня была также пустующая ротондальная Преображенская церковь в с. Сукромля (1823–1836 гг.). Утро следующего дня началось с посещения усадеб, принадлежавших самому архитектору Н. А. Львову и его родственникам — Арпачёва и Никольского-Черенчиц. К сожалению, все проекты организации популярного туристического маршрута по львовским местам пока остаются нереализованными, на деле до этих усадеб нет даже нормальной асфальтированной дороги. В Арпачёве сохранилась спроектированная Львовым Казанская церковь (1783–1791 гг.) с отдельной колокольней, похожей на маяк. Церковь недавно отреставрирована, а колокольня находится в аварийном состоянии и

ОИРУ около валунной кузницы в усадьбе Никольское-Черенчицы

грозит падением. В Никольском-Черенчицах, собственной усадьбе архитектора, из недавних положительных сдвигов можно упомянуть только реставрацию погреба-пирамиды, но и он сейчас никак не эксплуатируется и доступен для вандалов. Все остальные постройки пока заброшены и разрушаются, в т. ч. и оставшееся крыло барского дома. Воскресенский храм-мавзолей Львовых стоит закрытым, но никакая реставрация поврежденного интерьера пока не предвидится. В целом состояние этой важной для русской культуры усадьбы производит гнетущее впечатление. В другом выдающемся архитектурном ансамбле, связываемом с творчеством Н. А. Львова, — усадьбе Глебовых Знаменское-Раёк, наоборот, идут реставрационные работы. Усадьба взята в долгосрочную аренду компанией «Конкор» и восстанавливается под гостинично-музейный центр. Уже отреставрированы ворота парадного двора и часть колоннады. Работы ведутся медленно, но качественно. Главный дом пока законсервирован, интерьеры недоступны для осмотра в существующем поврежденном виде. ОИРУ благодарит новых пользователей памятника за предоставленную возможность подробного осмотра усадьбы. Затем участники поездки совершили пешую прогулку до соседнего с. Васильева Гора, где сохранилась ротондальная часовня Даниила Столпника с интересными росписями в интерьере.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварухина.

26 апреля 2010 г. Состоялось очередное заседание Общества. С докладом «Уникальный памятник русского барокко — храм Рождества Богородицы в Подмоклове» выступили А. Пилипенко, сотрудник Серпуховского историко-художественного музея и протоиерей Дионисий Крюков, настоятель храмов в Подмоклове и Пущине. Обзор деревянного наследия Вологды в сообщении «Вологодское деревянное зодчество: исторический и архитектурный феномен» представил краевед и исследователь А. Дуднев.

23 мая 2010 г. Состоялась однодневная автобусная поездка ОИРУ в подмосковную Коломну и окрестности. Сначала участники посмотрели остатки усадьбы Черкизово, расположенной в красивом месте на берегу р. Москвы, затем побывали в соседней Никольской церкви погоста Старки (1759–1763 гг.), перестроенной в 1780-х гг. в «готических» формах под влиянием Владимирской церкви в усадьбе Быково. В с. Никульское была осмотрена Покровская церковь (1898–1904 гг., арх. А. Ф. Мейснер), один из ранних примеров неорусского стиля. Далее в маршрут были включены памятники, расположенные вблизи самой Коломны и на ее окраинах. Это Бобренев монастырь, недавно восстановленный из сильно запущенного и полуразрушенного состояния; древнейшая в Подмосковье церковь Зачатия Иоанна Предтечи на Городище кон. XIV в.; Троицкая церковь в византийском стиле (1892–1900 гг., арх. М. К. Геппенер) и руинированный дом усадьбы Липгарта в Щурове, на другом берегу р. Оки; реставрируемый в настоящее время ансамбль Старо-Голутвина монастыря у впадения р. Москвы в Оку. Вторая половина дня была отведена на пешеходные прогулки по старой Коломне, исторический центр которой за последние годы был приведен в порядок, а многие памятники архитектуры отреставрированы. Члены ОИРУ побывали в городской усадьбе И. И. Лажечникова, где завершается реставрация дома XVIII в. и начинается создание музейной экспозиции, а также — в интересном музее коломенской пастилы, где можно узнать об истории и технологии производства этого знаменитого местного лакомства.

Организаторы: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина.

31 мая 2010 г. По случаю закрытия весеннего сезона заседаний ОИРУ состоялся «домашний концерт» «Клавирная музыка русской усадьбы эпохи классицизма». В программе прозвучали малоизвестные произведения русских композиторов рубежа XVIII – XIX вв. в исполнении И. Е. Путятин (фортепиано, канд. арх., МАРХИ, НИИ РАХ) при участии В. Казимировой (фортепиано). После завершения концерта состоялось заседание правления общества.

9 июня 2010 г. Состоялась пятая церемония вручения наград премии «Культурное наследие». Наградами и дипломами лауреатов были награждены лица и организации, чья деятельность направлена на сохранение, популяризацию и возрождение памятников гражданского и культового зодчества России.

10–16 июня 2010 г. Состоялась пятидневная экспедиционная поездка ОИРУ по Черкасской области Украины. В подготовке путешествия и его организации активное участие принимали архитектор и исследователь черкасских усадеб Ф. Гонца и народная художница Украины Т. Ф. Гордова (Черкассы). С их помощью ОИРУ познакомилось с наиболее яркими памятниками культурного наследия Черкасщины. Первым пунктом программы было посещение в сопровождении и.о. заместителя главы Монастырищенской райгосадминистрации П. В. Крака труднодоступного объекта, находящегося в ведении военных – усадьбы Даховских Леськово, где сохранился эффектный эклектичный дворец-замок. Вторую половину этого дня и первую половину следующего участники путешествия провели в парке Софиевка (г. Умань) графов Потоцких, где с помощью исследовательницы этого парка, искусствоведа Л. А. Цимбровской, познакомились с его историей и достопримечательностями. Далее автобус ОИРУ направился в г. Тальное, где сохранился стилизованный под старый замок главный дом усадьбы графов Шуваловых (1896–1903 гг., датские архитекторы А. Клеменсон и М. Ф. Рённов). Уже несколько лет дворец реставрируется для последующего использования в качестве музея хлеба. К сожалению, из-за недостаточного финансирования работы сейчас не ведутся. В Корсуне-Шевченковском директор музея П. Я. Степенькина, искусствовед,

*М. В. Нащокина
и А. Вербицкая
в главном доме
усадьбы
в Корсуне-
Шевченковском*

*Участники
поездки
по Черкасиине
около тысяче-
летнего дуба
Железняка
в урочище Буда*

кандидат исторических наук познакомила гостей с историей усадьбы Понятовских-Лопухиных и показала интерьеры дворца в оригинальном «готическо-мавританском» стиле. Затем было время для прогулок по живописному парку со скалами в долине р. Рось, которая к тому же оказалась очень удобным местом для купания. Следующий день начался с заезда к классицистической Вознесенской церкви в с. Матусове (1812–1818 гг.), продолжился экскурсией по остаткам усадьбы Давыдовых в г. Каменка, связанной с декабристами, А. С. Пушкиным и П. И. Чайковским. Сотрудники музея показали гостям из ОИРУ ротондальный грот в парке и провели по экспозиции музея, разместившегося в т. н. «зеленом домике» нач. XIX в. Далее автобус ОИРУ отправился в заповедный Холодный Яр, овеянный казацкими легендами. Там на хуторе Буда участники поездки посмотрели легендарный тысячелетний дуб Железняка – памятник природы. Закончилась программа третьего дня посещением двух важных для истории украинской государственности мест – резиденции Богдана Хмельницкого в Субботове, где сохранилась построенная им Ильинская церковь (1653 г.) и где гетман был

*Д. Э. Заварюхина около казацкой
хаты в Субботове*

похоронен, и бывшей гетманской столицы Чигирина, где сейчас заканчивается создание новодельной резиденции Хмельницкого в духе архитектуры XVII в. Четвертый день путешествия начался с переезда по дамбе широкого Кременчугского водохранилища на Днепре и осмотра эклектичного Успенского собора (1909 г.) в г. Золотоноше. Затем члены ОИРУ побывали в Золотоношском Красногорском монастыре, архитектурной жемчужиной которого является Преображенская церковь (1767–1771 гг.) в стиле барокко, приписываемая И. Г. Григоровичу-Барскому. После этого была осмотрена деревянная Троицкая церковь XVIII в. в с. Драбовцы. В с. Гельмязово члены ОИРУ посетили Троицкую церковь в стиле ампир (1841 г.), необо-нованно приписываемую В. П. Стасову и являющуюся на самом деле примером реализации одного из образцовых проектов 1824 г. В г. Каневе был осмотрен снаружи и внутри единственный в данном маршруте домонгольский памятник – Георгиевский (ныне Успенский) собор XII в., перестроенный в XIX в. Взамен уничтоженного старого сейчас создан новый стильный интерьер в древнерусском духе. В усадьбе графов Воронцовых Мошны ОИРУ осмотрело сохранившиеся деревянные корпуса больницы (нач. XX в., арх. В. В. Городецкий). Затем учитель местной школы показал гостям экзотическую на вид Преображенскую церковь (1830–1840 гг., арх. Я. Торичелли) в «готическо-мавританских» формах, и познакомил с деятельностью местных краеведов и детей, изучающих под руководством взрослых историю села и усадьбы Воронцовых. Были показаны редкие архивные фотографии утраченных построек усадьбы. Утро последнего дня началось быстрым осмотром немногих сохранившихся памятников Черкасс, а затем автобус ОИРУ отправился в сторону Киева, заехав по

ОИРУ в Черкассах

пути в Переяслав-Хмельницкий, где члены ОИРУ побывали в музее деревянной архитектуры и быта и посмотрели городские храмы.

Организаторы поездки: А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Зава-рюхина.

3–20 сентября 2010 г. Десятилетний юбилей автобусных поездок ОИРУ был отмечен первой двухнедельной поездкой по Европе «В долинах Рейна и Мозеля», организованной совместно с туристско-образовательной корпорацией «Северная столица» (Санкт-Петербург). В проведении поездки помимо организаторов со стороны ОИРУ принимали участие гиды Л. Кислова и М. Брюханова. Маршрут проходил по территориям трех государств – Польши, Германии и Франции. Основной целью и темой путешествия были исторические регионы Эльзас, Бургундия и Лотарингия во Франции и Рейнланд-Пфальц в Германии. В Польше участники путешествия побывали во Вроцлаве и Варшаве, осмотрели дворцово-парковый ансамбль Радзивиллов в Неборове и знаменитый романтический парк Аркадия, созданный Хеленой Радзивилл. В Туме ОИРУ посмотрело самый сохранный памятник романской архитектуры в Польше – собор XII в., отметив его сильную нововленность. На обратном пути были посещены два наиболее значительных замка польской Силезии – Чоха и Ксенж. В Германии транзитным, но, тем не менее, удостоенным внимания регионом стала также Саксония, на территории которой ОИРУ побывало в Дрездене, посмотрев его архитектуру и музейные коллекции, и в Майсене, который в 2010 г. отмечает 300-летие прославленной фарфоровой мануфактуры. По этому поводу в замке Альбрехтсбург была открыта юбилейная выставка, посвященная технологии изготовления фарфора и лучшим произведениям майсенских фарфороделов. В готическом соборе Майсена была осмотрена средневековая скульптура работы наумбургской артели, после чего участники поездки побывали и в самом Наумбурге, ознакомившись с наиболее известными произведениями этих мастеров – статуями донаторов в хоре собора, в т. ч. и знаменитой статуей Уты. В Лейпциге, помимо фрагментарно сохранившегося после войны исторического центра, путешественники побывали на поле Битвы народов 1813 г., посмотрев построенные к ее столетнему юбилею русскую церковь Алексея Митрополита (1911–1913 гг., арх. В. А. Покровский) и колоссальный германский монумент (1900–1913 гг., арх. Б. Шмитц). Довольно подробно был изучен французский Эльзас, где члены ОИРУ побывали почти во всех значительных средневековых храмах, ознакомившись с самобытной эльзасской романикой из розового камня (аббатства Мармутье, Мюрбах, церкви в Селесте, Гебвилле, Росхайме и т. д.). ОИРУ

ОИРУ на экскурсии в замке О-Кёнигсбург

посетило два важных пункта, ставших своеобразными символами Эльзаса — аббатство Монт-Сен-Одиль в горах, основанное св. Одильей, небесной покровительницей Эльзаса, и замок О-Кёнигсбург, реконструированный в 1900–1908 гг. для кайзера Вильгельма, когда Эльзас принадлежал Германии. От замка, стоящего высоко в горах, открывается самая грандиозная панорама эльзасской рейнской долины. ОИРУ побывало в живописных фахверковых городках Эгисхайме и Кайзерсберге, посмотрело готический собор с великолепным скульптурным порталом в Тане, церковь XI в. в Отмарсхайме, построенную по подобию Аахенской капеллы Карла Великого, посетило семейный некрополь Дантесов (с могилами Е. Н. Гончаровой и Ж. Дантеса) в Сульце. Отдельный день был уделен знакомству с достопримечательностями столицы Эльзаса Страсбурга. Помимо грандиозного романо-готического собора участники поездки посмотрели коллекции музеев города. В Кольмаре удалось увидеть один из шедевров мировой живописи — «Изенгеймский алтарь» М. Грюневальда. После Эльзаса путешественники направились в Бургундию, посетив по пути ансамбль королевских солеварен Арк-э-Сенан, спроектированный К.-Н. Леду. Из многочисленных достопримечательностей Бургундии для посещения были отобраны лишь некоторые — средневековый город Бон со зданием больницы XIV в. (в музее хранится алтарь «Страшный суд» Рогира ван дер Вей-

дена); г. Отён с богатым античным и средневековым наследием (в т. ч. собор Сен-Лазар со всемирно известной романской скульптурой); живописный сохранный городок Семюр-ан-Осуа; Осер с его средневековыми храмами (в т. ч. готический собор Сент-Этьенн с удивительно гармоничным интерьером) и столица Бургундии Дижон с его архитектурными памятниками и музеями, где хранится часть художественного наследия бургундских герцогов времен «золотого века» Бургундии. ОИРУ побывало также в Везле, где находится один из шедевров мировой архитектуры – базилика Марии Магдалины с романской и готической скульптурой. На пути в Лотарингию путешественники посетили замок Танле, построенный в XVI в. графами Колиньи. В ходе экскурсии гости познакомились с сохранившимися интерьерами замка. В столице бывшего герцогства Лотарингии Нанси члены ОИРУ побывали на знаменитой площади Станислава Лещинского, познакомились с многочисленными памятниками арнуво – произведениями школы Нанси рубежа XIX–XX вв. В городе Туль был осмотрен впечатляющий позднеготический собор. В Германии участники поездки посетили Трир с его античными и средневековыми памятниками и музеями, побывали в романском аббатстве Мария-Лаах, романской капелле Св. Матфея в Коберне, в г. Кохем, где находится эффектный замок, реконструированный

Участники поездки по Европе в г. Семюр-ан-Осуа в Бургундии

ОИРУ в замке Танле в Бургундии

*Участники поездки по Европе на фоне
замка и старого города в Кохеме*

Н. Б. Сомова на канатной дороге в Кохеме

в XIX в. В Кобленце в программу входило знакомство с храмами города, а также важное для национального сознания место – «Немецкий угол» у слияния Рейна и Мозеля. Из небольших сохранных немецких городков участники поездки посмотрели еще Лимбург-на-Лане, известный своим великолепным позднероманским собором и почти нетронутой фахверковой застройкой XIII–XVIII вв. Последним памятником романского средневековья в данном маршруте стала церковь в пригороде Лимбурга Диткирхене, возведенная на высокой скале.

Организаторы поездки от ОИРУ – А. В. Чекмарёв, А. В. Слёзкин, Д. Э. Заварюхина, А. А. Вербицкая (блестящий переводчик с французского и немецкого), Е. А. Хахалкина. Огромная благодарность гидам «Северной столицы» – М. Брюхановой и Л. Кисловой.

27 сентября 2010 г. Состоялось первое осеннее заседание ОИРУ. Сотчетом о конференции «Провинциальные дворянские усадьбы: прошлое, настоящее, будущее», проходившей в Твери, выступила Л. А. Перфильева. Затем собравшиеся посмотрели фильм «Хранитель» о С. Г. Щеколдине, который в годы Великой Отечественной войны сохранил Алупкинский дворец-музей. Фильм подготовлен при участии члена правления ОИРУ Г. Д. Злочевского. С сообщением о прошедшей в г. Иваново научно-практической конференции «Дворянские гнезда Верхневолжья: вчера, сегодня, завтра» выступила Н. П. Магер.

29 октября 2010 г. Состоялось очередное заседание ОИРУ, на котором выступила преподаватель МГУ (кафедра древних языков) И. В. Кувшинская с интереснейшим рассказом о своих текстологических исследованиях латинских надписей на стенах Знаменского храма в Дубровицах. Выступление сопровождалось показом многочисленных иллюстраций. М. Н. Соколов представил собравшимся новый научный сборник «Сад: символы, метафоры, аллегории» (М., 2010). Вечер вела М. В. Нашокина.

31 октября 2010 г. В подмосковной Удельной при Свято-Троицкой церкви был торжественно открыт небольшой духовно-краеведческий музей, созданный по инициативе священника церкви отца Вадима и деятельном участии известного краеведа Т. Л. Синеоковой. На церемонии открытия присутствовало немало членов ОИРУ – Г. Д. Злочевский, Н. А. Филиппова, Г. С. Яроцевич, Д. Э. Заварюхина и другие; выступили: священник храма, сотрудники храмовой библиотеки и директор Раменского краеведческого музея, а также Т. Л. Синеокова и заместитель председателя ОИРУ М. В. Нашокина. Отец Вадим провел экскурсию по храму, связанному с именами четырех новомучеников, включая митрополита Серафима (Чичагова). Многие члены ОИРУ оставили записи в гостевой книге музея, а затем по

Открытие церковно-краеведческого музея при Троицкой церкви в Удельной под Москвой

приглашению отца Вадима осмотрели замечательный деревянный храм. День завершило чаепитие в трапезной.

27 ноября 2010 г. В 130-ю годовщину дня рождения поэта Александра Блока в Шахматово приехали родственники поэта и друзья музея-заповедника. День начался с открытия в усадьбе арт-объекта «Почтовый ящик поэзии» – обратиться к Поэту, написать свои впечатления о музее-заповеднике сможет теперь любой посетитель. Музей-заповедник А. А. Блока открыл в усадьбе выставку даров и принял в дар скульптуру А. А. Блока работы О. А. Иконникова от его вдовы и сына. После реставрации в Шахматове вновь зазвучало пианино, на котором играл Сергей Рахманинов. В голубой гостиной шахматовского дома прозвучали стихи поэта в исполнении народного артиста РФ В. Н. Сергачёва, актера МХТ, и романсы. Закончился праздничный день по традиции – чаепитием с шахматовским вареньем. В празднике приняла участие заместитель председателя ОИРУ М. В. Нащокина.

13 декабря 2010 г. В подмосковном Дунине – музее-усадьбе М. М. Пришвина, открылась выставка горячих эмалей художницы Е. Киселёвой и состоялся небольшой концерт памяти всех друзей и добровольных помощников усадебного музея. От ОИРУ присутствовала М. В. Нащокина.

Д. Э. Заварюхина, А. В. Чекмарёв, М. В. Нащокина

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Агамаян Лариса Георгиевна (СПб) – кандидат исторических наук, директор литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, кандидат культурологии.

Александрова Елена Львовна (СПб) – доктор физико-математических наук, сотрудник Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН.

Бородина Валентина Ивановна (Хвалынский) – заведующая художественно-мемориальным музеем К. С. Петрова-Водкина в Хвалынске.

Бер-Глинка Андрей Игоревич (Москва) – специалист по маркетингу.

Бульба Екатерина Григорьевна (Черкасская обл.) – заведующая Монастырищенского районного краеведческого музея.

Веденин Юрий Александрович (Москва) – доктор географических наук, директор НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, председатель ОИРУ.

Вознесенский Антон Викторович (СПб) – директор издательского дома «Коло», переводчик.

Воробьёва Елена Андреевна (Москва) – научн. сотр. Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина.

Дробнич Ольга Арсентьевна (Москва) – первый заместитель генерального директора ООО «Парковая реставрация».

Заварюхина Дина Эдуардовна (Москва) – секретарь ОИРУ.

Иванов Михаил Вадимович (Рославль) – кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного института искусств.

Калинина Светлана Геннадьевна – кандидат исторических наук, научн. сотр. ГМЗ «Царицыно».

Кошечкина Юлия (Москва) – сотрудница Российского государственного архива древних актов.

Кривошапка Дмитрий Иванович (Сочи) – действительный член Русского географического общества, зав. музеем-усадьбой С. Н. Худекова.

Малышева Нина Петровна (СПб) – инженер зеленого строительства, ландшафтный архитектор.

Нащокина Мария Владимировна (Москва) – доктор искусствоведения, член-корреспондент РААСН, зав. Отделом архитектуры Нового времени НИИ ТИАГ РААСН, главн. научн. сотр. НИИ ТИАГ, зав. сектором русской усадебной и садово-парковой культуры РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, зам. председателя ОИРУ.

Подъяпольский Александр Сергеевич (Москва) – искусствовед.

Пушкарёва Ирина Михайловна (Москва) – доктор исторических наук, вед. научн. сотр. Института российской истории РАН.

Пчёлкин Сергей Анатольевич (Москва) – заведующий сектором РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Рассказова Лариса Викторовна (Пенза) – кандидат культурологии, гл. хранитель Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области.

Савельев Вадим Вячеславович (Тверь) – кандидат искусствоведения.

Спарышкина Анна Викторовна (Московская обл.) – ученый секретарь Лыткаринского историко-краеведческого музея.

Филаткина Наталия Александровна (Москва) – кандидат исторических наук, ведущий специалист ЦНИИПАФ Главархива Москвы.

Филиппова Наталья Алексеевна (Москва) – ландшафтный архитектор.

Чекмарёв Андрей Викторович (Москва) – ст. научн. сотр.

НИИ ТИАГ РААСН, научн. сотр. РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Чурилов Леонид Павлович (СПб) – кандидат медицинских наук, зав. кафедрой патологии Санкт-Петербургского университета, член-корр. Международной академии наук высшей школы.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Усадебные сады России: теоретическая мысль и современная практика реставрации

<i>Филиппова Н. А.</i> Андрей Тимофеевич Болотов — создатель русского усадебного сада	11
<i>Малышева Н. П.</i> Практика русского садово-паркового искусства по А. Т. Болотову	26
<i>Андрей Болотов.</i> Вечер на горе Авенизер. Публикация и комментарий Н. П. Малышевой	55
<i>Рассказова Л. В.</i> Массонский сад князя А. Б. Куракина в усадьбе Надеждино	70
<i>Дробнич О. А.</i> Парк подмосковной усадьбы Тишково	88
<i>Нашокина М. В.</i> Георг Куфальдт — «гений места» русских парков серебряного века	114
<i>Георг Куфальдт.</i> Немецкие садовники в царской России. Перевод А. В. Вознесенского	142
<i>Георг Куфальдт.</i> Парк в Орро. Перевод А. В. Вознесенского	152
<i>Веденин Ю. А., Воробьёва Е. А., Пчёлкин С. А.</i> Новые подходы к реставрации и представлению исторических парков . . .	157

II. К истории усадебной культуры России

<i>Подъяпольский А. С.</i> Уходящая натура. Дом в Кривякине. Историко-архитектурные заметки и комментарии	187
<i>Шмелёв А. А.</i> Приютино Олениных. К вопросу семантики подземных сооружений	206
<i>Спарышкина А. В.</i> Усадьба Лыткарино. Отражение итальянской жизни	224
<i>Шмелёв А. А., Чурилов Л. П.</i> Поиски панацеи в России. Розенкрейцеры и усадебные сады	237
<i>Калинина С. Г.</i> Ярославские имения Михайловское и Кузьмодемьянское и их владельцы	265

<i>Савельев В. В.</i> Сельцо Архангельское и его обитатели. К истории старицкой ветви рода Головиных	290
<i>Кривошапка Д. И.</i> Основатели города Сочи	306
<i>Бульба Е.</i> Усадьба Даховских	313

III. Русская усадьба в эпоху капитализма

<i>Бородина В. И.</i> Алексеевская вотчина графа И. И. Воронцова-Дашкова	321
<i>Бер-Глинка А. И.</i> Усадьба Протасьев Угол Рязанской губернии. Образцовое помещичье хозяйство эпохи формирования рыночных отношений в России	328
<i>Филаткина Н. А.</i> Детство бастарда в великокняжеском имении Брасово	352
<i>Иванов М. В.</i> Смоленская усадьба Ворганово. По воспоминаниям княгини И. Д. Голицыной	360
<i>Кошечая Ю.</i> История усадьбы Степановское-Павлищево (Павлищев Бор)	374
<i>Филаткина Н. А.</i> Иславское по материалам семейных альбомов Морозовых	390

IV. ОИРУ

<i>Пушкарёва И. М.</i> Десять лет спустя: продолжение традиций. Памяти Л. В. Ивановой	403
<i>Александрова Е. Л., Нащокина М. В.</i> Памяти А. А. Шмелёва	422
<i>Агамалян Л. Г.</i> Памяти В. И. Сысоева	426
<i>Хроника ОИРУ. 2009–2010.</i> Составители Д. Э. Заварюхина, А. В. Чекмарёв, М. В. Нащокина	429
Коротко об авторах	474

Научное издание

Русская усадьба. Выпуск 16 (32)

Научный редактор *Мария Нащокина*

Редактор *Никита Вознесенский*

Младший редактор *Лариса Козлова*

Художественный редактор *Светлана Булачева*

Корректор *Софья Бабинская*

Вёрстка *Никиты Вознесенского*

Подписано в печать 15.11.11. Формат 60×90 в 1/16.

Печ. л. 30. Уч.-изд. л. 21,6. Тираж 500. Зак. 3904.

Подготовлено в ООО «Издательский дом „Коло“»

197198, СПб, проспект Добролюбова, 1/79, оф. 207

www.kolohouse.ru

Отпечатано с диапозитивов в ОАО «Издательско-

полиграфическое предприятие „Искусство России“»

198099, СПб, Промышленная улица, 38, к. 2

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОЛО»

